

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Т. В. БЛАВАТСКАЯ

ЧЕРТЫ ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
ЗАЛАДЫ

СЕРИЯ

**АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ

Серия
основана О. Л. Абышко
в 1992 г.

СЕРИЯ

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Редколлегия серии:

акад. Г. М. Бонгард-Левин, президент Российской ассоциации антиковедов (председатель); О. Л. Абышко; чл.-корр. С. С. Аверинцев; акад. М. Л. Гаспаров; чл.-корр. Н. Н. Казанский; проф. Г. А. Кошеленко; проф. В. И. Кузицин; акад. Г. Г. Литаврин; Е. В. Ляпустина (ученый секретарь); к. ф. н. А. В. Муравьев; чл.-корр. М. Б. Пиотровский; д. и. н. А. В. Подосинов; проф. А. А. Россиус; И. А. Савкин; проф. А. А. Тахо-Годи; проф. В. И. Уколова; проф. Э. Д. Фролов; проф. И. С. Чичуров

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Т. В. БЛАВАТСКАЯ

**ЧЕРТЫ ИСТОРИИ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
ЭЛЛАДЫ**

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2003

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)321
Б68

Блаватская Т. В.

Б68 Черты истории государственности Эллады. — СПб.: Алетейя, 2003. — 409 с. — (Серия «Античная библиотека. Исследования»).

ISBN 5-89329-632-X

Книга посвящена истории различных форм политического устройства материковой Эллады, а также Элиды и Аттики, позволяет выяснить воздействие происходивших политико-правовых событий на правосознание, психологию и общественные представления их населения. Рассмотрена ранняя история Элиды и ее святилища в Олимпии. Выявлена роль правотворчества олимпийского святилища и всей Элиды в развитии межэллинских правовых норм и последовательном укреплении общеэллинской законности. При изучении истории Аттики прослежено эволюционное усовершенствование ее политеи, характеризующееся ограничением власти монархов в XI в. и последующим разделением высшего органа исполнительной власти на три обособленных ведомства в конце XI в. Троевластие, или триархия, вело к усилению могущества высшей аристократии, добившейся в 754 г. перевыборности триархов каждые 10 лет. Уже в 683 г. олигархи реформировали триархию в девятивластие ежегодно избираемых одногодичных архонтов. Система эннеархии позволила олигархам усилить наступление на права граждан среднего и низшего достатков, что обострило социальные столкновения во всем обществе. Сопrotивление народа олигархическим порядкам предоставило Солону возможность сокрушить олигархию и установить раннедемократическую государственность в Аттике.

УДК 94(38)
ББК 63.3(0)321

ISBN 5-89329-632-X

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2003
© Т. В. Блаватская, 2003

*Памяти предков, Бороздиных и Костурковых,
посвящает автор*

В древней истории эллинского народа период с XII по VII в. до н. э. изучен пока недостаточно. В частности, мало внимания было уделено политико-правовому развитию эллинства, хотя именно в указанные столетия формировалось многообразие политического строя и правовых установлений каждой из отдельных автономий, входивших в обширный эллинский массив.

Этот пробел я пытаюсь отчасти восполнить, рассматривая ряд данных по истории всей Эллады в XII–XI вв. до н. э. и изменения, заметные в Элиде и Аттике в XII–VII вв. до н. э. Новые источники позволяют по-иному понять и определить некоторые важные события в истории эллинства указанных столетий. Правда, иногда автор мог ограничиться лишь предположениями.

В ходе предварительных обсуждений работы мне были высказаны весьма полезные положительные и критические суждения многих коллег-антиковедов, за что приношу им свою искреннюю благодарность.

Велика моя признательность академикам Российской Академии наук Г. Г. Литаврину и А. О. Чубарьяну за активное содействие при преодолении финансовых сложностей по изданию моей работы.

Т. В. Блаватская
30.01.2003
г. Москва

ВВЕДЕНИЕ: К ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСА

Задача отдельно рассмотреть некоторые черты государственно-правовой истории эллинов в XII–VII вв. до н. э. ныне обрела особое значение благодаря эпохальному открытию М. Вентриса и Дж. Чэдуика: в 1953 г. они опубликовали свою успешную расшифровку третьего вида ранней эллинской письменности — слогового письма В. На нем около 1400–1200 гг. до н. э. вели сакральные и деловые записи в царствах материковой и островной Эллады¹. Убедительно прочтя и объяснив многие сотни ахейских текстов, М. Вентрис и Дж. Чэдуик выделили из деловых документов массу точных фактов. Детальное исследование новых источников дало возможность обобщенным английским ученым впервые осветить ряд узловых вопросов истории Эллады в XVIII–XIII вв. Особенно существенен основной вывод исследователей: во II–I тысячелетиях² страна была непрерывно заселена единым этническим массивом эллинских племен. Бесспорно установленная преемственность развития эллинства на протяжении двух тысячелетий теперь доставила реальную возможность точного изучения ряда сторон деятельности народа в те далекие времена.

Постулат о длительном постоянном обитании эллинов в своей стране имеет исключительно важное значение для понимания их истории в XIII–VII вв. Достигнутое в 1953 г. четкое знание преемственности развития этноса открыло неординарную значимость указанного периода в геоэтнической истории Эллады. Время между 1200–700 гг. примечательно насыщенностью событиями не только военного характера. Происходившие тогда эволюционные сдвиги внутри всего эллинства или его отдельных частей вели к созданию крупных принципиальных новшеств. Нововведения устраняли ряд уже отживших черт

¹ *Ventris M., Chadwick J.* Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives // *JHS*. Vol. LXXIII. 1953. P. 84–103; *Ventris M., Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956; *Chadwick J.* Linear B and related Scripts. Berkeley, Los Angeles, 1987.

² Ниже указание «до н. э.» опускается. Дата фонетических сдвигов в языке тогдашних эллинов указана на с. 23 в примечании 1.

прошлого. Но тогда же общество целеустремленно развивало основные ценности, выработанные эллинизмом за предшествующие тысячелетия. Устойчивые органические связи внутри всего этноса обеспечили дальнейшее развитие страны в изучаемый период.

Естественно, что изучение массы новых источников и выработка принципиально иной характеристики истории этноса в XII–VIII вв. потребовали большого труда антиковедов: своеобразие происходивших тогда процессов весьма усложнило их анализ. Приведем к примеру лишь одну яркую особенность духовной деятельности народа: именно в указанные столетия эллинизм выработало четкую концепцию своего этнического единства. Эта идея окрепла в политически разрозненном обществе, которое все более утверждало приоритеты автономизма. Расчлененное на множество самоуправляющихся единиц, эллинизм энергично развивало общеэтническое самосознание, опиравшееся на единство религиозного миропонимания и на силу общеэллинических моральных ценностей. Несомненно, в указанный период моноэтническое сообщество многих разнообразных автономий должно было интенсивно дорабатывать и развивать основные нормы междуэллинического права, приемлемые для образований с различным политико-правовым устройством. Источники IX–VIII вв. показывают, что правовая мысль Эллады уже успешно регулировала важные вопросы взаимоотношений между отдельными частями этноса. После 1953 г. новые источники расширили понимание геополитической истории эллинизма и определили важные сдвиги в изучении данного периода его развития. Правда, происходящие изменения в историографии имеют неоднозначную направленность.

Большой прогресс очевиден в области источниковедения: опубликован ряд фундаментальных исследований письменных и материальных источников. Наука пополнилась множеством неведомых ранее фактов. Точное знание геознической непрерывности развития эллинизма открыло весомость ряда давно известных сведений эллинических легендарной традиции, былинного творчества¹ и ранней историографии. Тем самым значительно расширились представления о духовной культуре тогдашней Эллады.

¹ Назовем лишь один пример: А. Уэйс доказал точное соответствие данных ахейского эпоса архитектурным памятникам Эллады XIV–XIII вв. (*Wace A. J. B. Notes on the Homeric House // JHS. Vol. LI. 1951. P. 202–211.* Уже около 1150 г. дворцы басилеев лежали в развалинах и сказители XI–IX вв. не могли их видеть. Но и тогда рапсоды тщательно повторяли былин-ные описания царских жилищ, составленные аэдами прошлых времен.

Гораздо интенсивнее идет изучение материальных источников. Тщательный научный анализ археологических данных, заложенный в 1900–1930-х гг. трудами А. Эванса на Крите¹, получил дальнейшее развитие в исследованиях ряда важных памятников материковой Эллады. Аргументированные фундаментальные исторические выводы М. П. Нильссона, К. Кюблера, К. Крайкера, А. Уэйса, К. Блегена, А. Фурумарка, Г. Милонаса, Сп. Маринатоса, В. Десборо и других ученых² основательно расширили знания сложного развития эллинизма в конце II — начале I тысячелетия.

Однако в современной исторической литературе еще можно найти работы, в которых недостаточно использованы новые источники, что приводит к необоснованным общим построениям и к повторению уже устаревших взглядов.

Надлежит напомнить, что крупные разногласия в понимании древней истории Эллады проявились особенно резко более ста лет назад. Тогда немецкий ученый Ю. Белох (1854–1929) выступил с категорическим отрицанием достоверности даже части эллинской легендарной традиции. Скептицизм побудил историка заключить, что исторические предания Эллады рисуют лишь «фантастическую картину» прошедших времен, что саги и эпос возникли лишь в VIII–VII вв.

Отрицая реальность дорийского переселения, Белох столь же решительно отверг сведения ранних историков (даже Аристотеля) о всех событиях вплоть до переселений эллинов в XI–X вв. на малоазиатское побережье³.

Взгляды Ю. Белоха оказали влияние на многих его современников, даже на Э. Майера.

Но уже в начале 1900-х гг. гиперкритицизм встретил обоснованные возражения. В. П. Бузескул весьма обстоятельно анализировал труд Белоха и, отмечая эрудицию автора, убедительно показал несостоятельность его «ультракритических» суждений⁴. Необоснованность пренебрежения к значимости устного творчества эллинов стала особенно ясна благодаря археологическим исследованиям на Крите, в Микенах и других центрах. Открытые там источники дос-

¹ *Evans A. The Palace of Minos at Knossos. Vol. I–IV. L., 1921–1935; Idem. Scripta Minoa. Vol. I. Oxford, 1909.*

² См. § Литература (с. 399–407), где приведены все выходные данные трудов упомянутых там авторов. Поэтому в сносках упоминаю лишь имя автора и начало заголовка его труда. Ряд других исследований приведен с полными данными только в сносках.

³ *Beloch J. Griechische Geschichte. Bd. I. Strassburg, 1893. S. 146–149.*

⁴ *Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Харьков, 1903. С. 468–469.*

тавили неоспоримые сведения о высокой культуре Эллады и о генетической общности ее населения в эпохи бронзы и раннего железа; оказались точными некоторые сведения эллинской традиции.

Следует особо отметить суждения Б. В. Фармаковского, который имел возможность изучать открываемые памятники еще до прикосновения к ним реставраторов. Проникновенный анализ новых источников привел ученого к выводу о последовательном развитии ряда художественных принципов в духовном мире Эллады II и I тысячелетий¹. Весьма важна мысль исследователя о том, что геометрический стиль, расцветший в керамике Эллады в XI–VIII вв., явился результатом длинной эволюции на почве самой страны. Б. В. Фармаковский обоснованно отметил, что простонародная давняя геометрическая орнаментация была лишь временно оттеснена «свободным крито-микенским» стилем, но не исчезала вовсе; что после падения ахейских царств этот грубый стиль выходит наружу; что с переселением дорян геометрический стиль получает исключительное господство (С. 125–128). Весьма важно принципиальное суждение Б. В. Фармаковского: геометрическую стадию искусства должны были пройти все народы, но система этого декора у греков оригинальна. И хотя налицо общность элементов греческого геометрического стиля с элементами геометрического орнамента Центральной и Северной Европы, однако вазописцы Эллады последовательно проводили свой самобытный художественный принцип (С. 133–134).

Даже краткое изложение взглядов исследователя на развитие художественного творчества Эллады во II–I тысячелетиях указывает на его непоколебимую уверенность в том, что эпос и исторические легенды эллинов представляют собой воспоминания народа о временах его предков (Предисловие. С. XIII–XV).

В 1920–30 гг. выдающийся шведский ученый М. П. Нильссон аргументированно показал неразрывную связь религии, мифологии и литературы эллинства во II–I тысячелетиях². Анализируя исторические легенды Эллады, М. П. Нильссон подтвердил достоверность ряда их важных сведений. Тем самым еще раз была установлена непрерывная последовательность духовного развития единого этноса.

¹ Фармаковский Б. В. Лекции по истории искусств. СПб., 1908–1909. С. 55–158; Он же. Предисловие редактора к книге: Лихтенберг Р. Доисторическая Греция. СПб., 1913. С. V–XXII.

² Nilsson M. P. The Minoan-Mycenaean Religion and Its Survival in Greek Religion. Lund, 1927; Idem. The Mycenaean Origin of Greek Mythology. Berkeley, Los Angeles, 1932; Idem. Geschichte der Griechischen Religion. Bd. I. München, 1941.

Кардинальное расширение круга источников и знаний по истории эллинства в XVII–VIII вв. не оставило сомнений в ложности надуманных построений гиперкритического направления. После 1953 г. известны редкие прямые попытки опровергнуть существенные сведения эллинских исторических преданий. Назовем лишь статью М. И. Финли, отвергающего значимость не только традиции о Троянском походе, но даже сообщения Фукидида (I, 9–11) о военно-политической деятельности Агамемнона¹.

Более распространен модернизированный скептицизм, сторонники которого используют данные ахейских текстов и материальных источников, но продолжают игнорировать свидетельства эпической и легендарной традиции. Достаточно привести взгляды американского историка Ч. Г. Старра². Он считает подозрительными сведения мифов, легенд и эпоса, относящиеся не только ко времени ахейских монархий, но и ко всему последующему периоду вплоть до конца VIII в. По его мнению только после 700 г. появились достоверные известия³. Поэтому он пишет о примитивной политической жизни эллинства в 1100–700 гг., о незначительности эллинских переселений XI–X вв. в Малую Азию, о дегенеративном характере художественного творчества около 1125–1025 гг. и о «внезапном» интеллектуальном подъеме около 720–680 гг. Приведенные рассуждения будут рассмотрены подробнее (с. 17), укажу лишь нежелание Старра учитывать пройденный уже сформировавшимся этносом длительный путь его своеобразного развития, силу генетических связей общества с его прошлым и характер отношений в новой исторической обстановке⁴.

¹ *Finley M. I. The Trojan War // JHS. Vol. LXXXIV. 1964. P. 1–9.* В том же томе журнала мнение М. Финли критически рассмотрели: *Caskey J. L. Archaeology and the Trojan War. Ibidem. P. 9–11; Kirk G. S. The Character of the Tradition. Ibidem. P. 12–17; Page D. L. Homer and Trojan War. Ibidem. P. 17–20.* Однако М. Финли уклонился от продолжения дискуссии.

² *Starr Ch. G. The Origins of Greek Civilisation. 1100–650 B. C. L., 1962; Idem. A History of the Ancient World. N. Y., Oxford, 1965.*

³ *Starr Ch. The Origins. P. 67–68*

⁴ Э. Д. Фролов в своей книге убедительно показал несостоятельность ряда утверждений Ч. Старра — Рождение греческого полиса. Лгр., 1988. С. 30–40. Однако Э. Д. Фролов, согласно со Старром, находит в Элладе VII–VI вв. «архаическую революцию». Но источники указывают на более сложные процессы в эллинских полисах того времени. Вряд ли правомерно применять современное понятие «революция» к ситуациям в тогдашних обществах.

Реанимация гиперкритицизма, пусть и усеченного, отрицательно влияет на качество некоторых исторических работ. Можно встретить еще недостаточное понимание длительного опыта, накопленного эллинским этносом к XIII–XII вв. во всех сферах его деятельности и сохраненного непрерывно позднее в ряде земель. Исследователи, недооценивающие столь важный фактор в развитии эллинства, неизбежно создают абстрактные построения, искажающие исторический путь Эллады.

Например, необоснованно преувеличивает регресс во всей стране после 1200–1150-х гг. Ю. В. Андреев¹. Еще в 1976 г. в своей книге исследователь писал о том, что после крушения ахейских монархий в Элладе виден «качественно иной, более высокий, уровень общественного развития» (С. 112). Однако в 1985 г. в статье тот же автор утверждает, что «в XII–XI вв. греческое общество было отброшено далеко назад, на стадию первобытно-общинного строя и по существу снова вернулось к той исходной черте, с которой когда-то (в XVIII столетии) начиналось становление микенской цивилизации». Эта мысль ведет автора к выводу, что «переход от одной ступени на другую носил кризисный, катастрофический характер» (С. 16–18), так что произошел принципиальный разрыв в истории этноса (С. 18, 27–28). Столь субъективное суждение противоречит имеющимся данным. Источники указывают на действительные отличия монархического режима ахейян и быта их знати от общественного устройства и материальной культуры населения Эллады после XII–XI вв. Но происходившие политические и хозяйственные сдвиги не нарушили основы последовательного развития страны. Прочно сформировавшийся этнос продолжал использовать многие созданные им ранее материальные и духовные ценности не только в XII–VIII вв., но и в последующие периоды своей истории.

Следует отметить, что гипотеза о разрыве и генеральном регрессе в развитии эллинства уже встречает более сдержанное отношение². Тщательный анализ первоисточников приводит исследователей, даже не доверяющих традиции, к заключению: хотя структура общества в XII–X вв. была много проще, однако нельзя говорить о перио-

¹ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Лгр., 1976; Он же. К проблеме послемикенского регресса // ВДИ. 1985. № 3. С. 9–29.

² Даже принципиальную поддержку скептицизма иногда выражают лишь бегло. См.: Кошеленко Г. А. О некоторых проблемах становления и развития государственности в древней Греции // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 39–40.

де стагнации при низком уровне тогдашней культуры Эллады¹. Действительно, основательные исследования конкретных источников все более дополняют сложную картину развития этноса в период после крушения ряда ранних эллинских монархий.

Необходимо особенно подчеркнуть значение труда В. Десборо о протогеометрической керамике Эллады². Детально рассмотрев состояние гончарного дела около 1025 и 900 гг., он показал, что еще со времени субмикенского стиля (около 1125–1025 гг.) в этой отрасли хозяйства шел стойкий и непрерывный прогресс. В. Десборо проследил рост мастерства скудельников, сохранявших традиционные формы сосудов XIII и XII–XI вв. и создававших новые типы ваз; одновременно шло дальнейшее развитие технологии гончарства и выработка важных усовершенствований (С. 119–125, 298). Как подчеркнул в 1952 г. исследователь, подъем этого самого массового вида ремесла происходил в условиях уже широкого распространения железа (С. 301). Эти выводы В. Десборо о характере двух столь важных отраслей существенно уточняют знания историков об уровне развития хозяйства тогдашней Эллады.

Фундаментальные выводы В. Десборо не сразу получили признание в трудах антиковедов. Некоторые исследователи, освещая историю эллинов между 1200–800 гг., недостаточно глубоко анализировали многообразный характер всего этнического массива и значение особо важных факторов в развитии этноса. Неполное или одностороннее изучение очерченного периода эллинской истории привело к отсутствию общего исторического определения этой эпохи. Даже удачная конкретная характеристика, предложенная Дж. Пендлбери в 1939 г., не привлекла должного внимания большинства историков. Английский археолог, исследуя материальные источники Крита XII–X вв., отметил сохранение там минойских традиций наряду с выработкой новых представлений, что указывало на отсутствие разрыва культурной преемственности³. Эти наблюдения позволили Дж. Пендлбери назвать данный отрезок критской истории переходным, *Intermediate*, периодом. В 1956 г. К. М. Колобова, приняв суждение Дж. Пендлбери, распространила этот термин на всю историю Эллады в те же столе-

¹ *Greenhalgh P. A. Early Greek Warfare: Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge, 1973. P. XIII–XIV.*

² *Desborough V. R. d'A. Protogeometric Pottery. Oxford, 1952.*

³ *Pendlebury J. W. and J. D. S., Money-Coutts M. B. Excavations in the Plain of Lasithi. III. Karphi // BSA. №. XXXVIII. 1937–38. L., 1940. P. 15, 134; Pendlebury J. D. S. The Archaeology of Crete. L., 1939. P. 308.*

тия¹. Полностью принял это определение и Г. Бенгтсон². Однако в мировой историографии продолжали употреблять литературоведческое наименование «Гомеровский период». Это определение игнорирует исторический путь развития Эллады в XII–IX вв.; оно отвлекает внимание исследователей от разработки основных проблем конкретной истории эллинства в эти столетия.

Быстрый рост количества новых источников позволил выявить достоверность ряда сведений легендарной традиции и поэтического наследия. Так, весьма важен вывод В. Десборо о том, что свидетельства ионийской традиции о восстановлении Милета около 1100–1050 гг. вполне согласуются с результатами археологических исследований остатков тогдашнего города³. Позднее вышел ряд фундаментальных исследований памятников указанного периода, содержащих важные исторические выводы. Накопленные ныне знания ясно указывают на ошибочность определения «Гомеровский» для изучаемого времени. Однако историческая мысль еще не выдвинула собственное убедительное наименование данного отрезка истории Эллады.

Результатом было возрождение термина «Темные века», который ясно отражает отсутствие четкого понимания геэтнического развития Эллады в XII–IX вв. А. Снодграсс в 1971 г. справедливо напомнил, что указанный термин был выдвинут еще в 1907 г. изучавшим эпос филологом Г. Мурреем. Ограниченность круга источников способствовала тогда проникновению понятия «Темные века» в некоторые исторические труды. Но особенно распространилось это определение после 1968 г. в основательных исследованиях конкретных материальных источников — вслед за Дж. Колдстримом⁴ его широко использовали А. Снодграсс⁵, В. Десборо⁶ и другие авторы⁷. Обраще-

¹ Колобова К. М. К вопросу о минойско-микенском Родосе и проблеме «Переходного» периода в Эгееде (1100–900 гг. до н. э.) // УЗЛГУ. 1956. № 192. Серия исторических наук. В. 21. С. 21, 49, 52.

² *Bengtson H.* Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit. München, 1950. S. 54–60.

³ *Desborough V. R. d'A.* The Last Mycenaeans and Their Successors. An Archaeological Survey. c. 1200–1000 B. C. Oxford, 1964. P. 234.

⁴ *Coldstream J. N.* Greek Geometric Pottery. A Survey of Ten local Styles and Their Chronology. L., 1968.

⁵ *Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece. Edinburgh. 1971.

⁶ *Desborough V. R. d'A.* The Greek Dark Ages. L., 1972.

⁷ В списке сокращений и в примечаниях я привела только часть работ, исходящих из понятия «Темные века».

ние исследователей к распространенному наименованию сложного исторического периода тогда было оправдано: скрупулезно анализируя массу новых первоисточников, авторы таких основательных работ не ставили себе задачу пересмотреть историческую периодизацию. Между тем проделанная ими работа по изучению конкретного материала и по установлению относительной и абсолютной хронологии памятников доставила историкам ряд точных данных о деятельности эллинства в XII–VII вв. и о характере всего периода. Расширенный круг знаний ясно показал, что определение «Темные века» безнадежно устарело.

Надлежит отметить и то отрицательное влияние на понимание развития Эллады в XII–IX вв., которое оказали рассуждения о «темном» периоде, о низком уровне тогдашнего развития этноса. Например, Дж. Колдстрим, еще в 1968 г. учитывавший выводы В. Десборо о прогрессе технологии гончарного дела и вазописи, уже в 1979 г. писал о темноте, узком местничестве, изолированности и отсутствии безопасности в Элладе вплоть до середины IX в.; между 850 и 700 гг. ученый видел в эллинском искусстве черты деградации¹. Негативное понимание изучаемого периода истории Эллады нашло отражение в ряде исторических работ, вышедших в 1960–1970-х гг. Так Г. Бенгтсон во втором издании упомянутого труда повторил, что около 1100–800 гг. в Элладе царила «полная темнота» (S. 55–56). Но даже принимавший такое определение В. Десборо еще в 1972 г. четко ограничил «темный» период приблизительно 1125–900 гг., указав, что после них начинается время нарастающего прогресса².

Новые источники и основательные историко-археологические исследования доставили убедительные данные о напряженной материальной и духовной деятельности этноса в XII–IX вв.

Следует особо отметить, что в 1995 г. Дж. Колдстрим прямо заявил об отказе от своих давних резких характеристик: показывая важ-

¹ *Coldstream J. N. Geometric Greece. L., 1979. P. 2, 23–25, 50–52, 87, 102–104.* Однако в конце труда автор признает, что в Элладе ок. 800–700 гг. произошли три крупных исторических сдвига: отход от «Темных веков», начало греческого возрождения и консолидация полиса (P. 367–369).

² *Desborough V. Dark Ages. P. 11.* Важно, что Десборо отметил полную компетентность работников бронзолитейного дела, хотя и без улучшений, и работу мысли именно в Субмикенское время, около 1125–1050 гг. В керамике Аттики к 1050 г. ясно заметны повышение качества и новые идеи. *Ibid. P. 43, 77.*

ное значение научной деятельности Эвелин Л. Смитсон, он особо подчеркивает силу и глубину ее понимания истории Эллады в XII–IX вв. «Она никогда не принимала теорию глубокой отсталости (эллинов. — Т. Б.) в период «Темных веков» и писала ему, что Dark Ages were in fact a hive of activity»¹.

Естественно, что развитие эллинства шло тогда путем сдвигов различной силы. Однако серьезные изменения не могут быть определены «революциями», как полагает Ч. Старр². Свидетельства об эволюционном развитии материального производства вполне согласуются с заметной устойчивостью тогдашнего эллинского мировоззрения. На прочность массовых идеологических представлений ясно указывает последовательная общность главных принципов геометрического стиля в XI–IX вв. Примечательно, что общепринятые идеи строгой упорядоченности и тесной взаимосвязи частных элементов с генеральным характером изделия определяли принципы работы многих профессионалов — оружейников, гончаров, вазописцев, короoplastов, костерезов. И в устройстве кладбищ ясно заметны представления о согласованности частного и общего.

Очевидно эллинство, решавшее тогда непростые задачи своего внутреннего развития, последовательно утверждало приоритет понятий о строгом порядке и о поддержании установленного положения отдельных групп внутри каждого сообщества. Сходные черты идейного содержания искусства Эллады в XI–IX вв. позволяют понять их как отражение стремлений всего этноса укрепить силу традиционных кланово-племенных установлений. По-видимому, отношение к системе монархического устройства побуждало эллинство не допускать яркие внешние проявления имущественного неравенства — судя по эпосу роскошь и своеволие знати XV–XIII столетий долгое время в памяти этноса оставались одиозными.

Несомненно, что в начале I тысячелетия напряженная мысль эллинства была направлена не только на уничтожение или трансформацию реликтов монархической государственности. Этносу надлежало решить ряд новых проблем, особенно остро стоявших в материковой Элладе: военные или мирные передвижения северных соплеменников в южные земли страны существенно нарушали ход политико-правового развития всего эллинства. В ряде земель замет-

¹ *Coldstream J. N. The Rich Lady of Areopagus and Her Contemporaries // Hesperia. Vol. 64. 1995. P. 392.*

² *Starr Ch. A History. P. 37, 194, 229.*

ны хозяйственные потери и демографические сдвиги, ухудшавшие положение. Всему эллинскому массиву было необходимо искать выход из трудностей, укрепив свою безопасность и жизнестойкость.

Как показывают усовершенствования в материальном производстве и сдвиги в духовной сфере, целеустремленная деятельность этноса в XII–IX вв. позволила эллинству достичь некоторого общего взаимопонимания. Оно поддерживалось в условиях обособления земель и даже военного противостояния крупных племенных союзов. Бесспорное упрощение форм жизни, которое заметно в Элладе в XII–IX вв., следует объяснять не только военно-хозяйственными трудностями. Полагаю, что имела место продуманная направленность общеэллинской мысли. Этнос возрождал силу ряда кланово-племенных порядков в условиях, когда каждая область преодолевала остатки монархической государственности или влияния монархофильства своими путями. Но для всех оставалась единой насущная проблема сохранения жизни и территории: эллинство должно было считаться с ростом могущества иноплеменных массивов в Македонии, Иллирии и Фракии. Только общеэллинское ополчение могло успешно отвести угрозу с севера. Но такое ополчение должно было состоять из социально полноценных простых воинов. Необходимым условием значимости рядового ратника было, видимо, суровое соблюдение умеренного экономического равенства среди населения каждой земли.

Объясняя очевидное понижение жизненного уровня эллинского массива в XII–IX вв. не только экономическими причинами, но и взвешенными принципиальными соображениями, следует обратить внимание на переориентацию внешних связей тогдашней Эллады. Ныне твердо установлено, что в указанные столетия эллинство свело к минимуму свои контакты с монархиями Египта и Переднего Востока. Очевидно, весь этнос, отвергавший, пусть и разными путями, систему единовластия, сознательно отгораживался от заморских царств и от возможного влияния их идеологии. Политике изоляции содействовали ограниченность материальных ресурсов земель Эллады и, возможно, усилившаяся активность пиратов. Но в то же самое время эллинство продолжало развивать традиционные связи с северным племенным миром, как показывают источники из центральнобалканских и южноевропейских земель.

Даже краткое изложение распространенных ныне общих характеристик развития Эллады в XII–IX вв. показывает условность и ограниченность части наименований. Бесспорно, ныне назрела не-

обходимость выработки такого определения изучаемого периода, которое исходило бы из важнейших особенностей внутренней истории самого эллинского массива. Уже имеющиеся исторические источники дают мне основания характеризовать указанный отрезок развития эллинства как *Эпоху роста сплоченности этноса и укрепления политико-правового полиморфизма многих его земель*.

В предлагаемом историческом определении намеренно выделена правовая деятельность этноса. Естественно, что в столь сложное для всего эллинства время активная роль общих и локальных правовых установлений была неперенным важным условием для успешного выживания крупного этнического массива в его обширной, но не очень плодородной стране. Именно нормы общеэллинского обычного права и дополнявших его локальных положений обеспечили эллинству в XII—IX вв. прочность его этнополитического и конфессионального единства. Правовая мысль тогдашней Эллады должна была регулировать множество разнообразных проблем, начиная с защиты страны от внешних нападений; не уменьшалась опасность локальных острых споров и столкновений из-за скудного земельного фонда. Настоятельного внимания требовало творческое восприятие эллинской мыслью тех локальных процессов, которые происходили в правопорядках ряда земель. Естественно, что набравшее тогда силу укрепление или возрождение приоритета кланово-племенных установлений усиливало правотворческую деятельность эллинства.

Можно только предполагать, сколь крупные сдвиги происходили тогда в правосознании всего этноса и каждой его автономной части. Ведь в некоторых землях население уже ознакомилось с раннегосударственным правом: в предшествующие почти 400 лет в дворцах знатоки целеустремленно разрабатывали письменное царское право¹. Оно последовательно ущемляло нормы традиционного обычного права племен во имя принципов политического и эконо-

¹ Уже около XVIII в. на Крите выработали из принятого там пиктографического письма новый вид письменности — слоговое письмо А. Его употребляли для экономических записей. См.: *Chadwick J. Linear B and related scripts*. P. 45. Создание нового письма отразило обособление экономического права властителя от традиционных хозяйственных порядков широких кругов населения. Изначально слабое царское право к концу XIII в. достигло высокого уровня разработанности судя по разнообразной документации из Пилоса, Кносса и других царских резиденций.

мического единовластия басилеев. Но в XII–X вв. этнос возрождал силу правовых начал племенного устройства даже в тех немногих областях, где уцелело монархическое управление. Правда, там объем правомочий басилеев постепенно сокращали. Исторически сложившееся сосуществование двух видов политической системы среди автономий единого этнического массива неизбежно развивало общее и местное правотворчество. Естественным результатом был рост значения правовых понятий, что вело к дальнейшему расширению политико-правовых знаний эллинства, к более интенсивной интеллектуальной деятельности его правоведов.

Предлагаемое сугубо историческое определение времени от XII до VIII в. как эпоха роста сплоченности этноса и укрепления политико-правового полиморфизма ставит задачу более пристального изучения этико-правовых сторон происходивших тогда событий. Этнос, имевший внушительный историко-правовой опыт, должен был использовать устойчивые правовые традиции прошлого при создании новых установлений, обеспечивающих складывающиеся общественные порядки. Должно полагать, что союзы эллинских племенных автономий сохраняли у себя больше уставов развитого первобытного общества, чем правовые системы ахейских царств.

Несомненно, автор, отыскивающий правовое значение новых и давно известных сведений об изучаемом периоде истории Эллады, сначала может выделить лишь некоторые характерные черты правопонимания, правовой психологии и правовой практики того времени. Поэтому изложенные ниже мои наблюдения и выводы могут потребовать ряда уточнений и дополнений. Однако уже достигнутые знания бесспорно показывают силу и самобытность политико-правовой мысли, последовательно созданной эллинством во II–I тысячелетиях. Именно в XII–VIII вв. эллинство выработало ряд важных политико-правовых положений, вошедших в сумму знаний об этических и политических основах жизни всей страны и отдельных частей Эллады. Развитые в политико-правовых учениях эллинских мыслителей VIII–IV вв. отдельные традиционные понятия раннего эллинства воспринял духовный фонд позднейшего человечества.

ЭЛЛАДА В XII–VIII ВВ.: ЭПОХА РОСТА СПЛОЧЕННОСТИ ЭТНОСА И ЕГО ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ПОЛИМОРФИЗМА

У эллинов, как и у других народов, возникновение обычного права восходит к самым отдаленным временам их племенного быта. Наиболее древнейшие эллинские правовые обычаи формировались на основе незыблемых тогда принципов естественного права. Соблюдение этих принципов было, как практически наставляла природа каждого человека, совершенно обязательным и неукоснительным для выживания любого конкретного сообщества в целом, а в частности — всякого его отдельного члена. Бесспорно, что рациональные установления естественного права вошли в самые ранние основные обычаи, выработанные продолжительной практикой древнейшего эллинского массива.

На протяжении ряда тысячелетий общие целесообразные обычаи превращались в устойчивые правовые установления, которые действительно упорядочивали жизнь всех эллинских племен и каждого в отдельности. Одновременно возникали новые юридические обычаи, отвечавшие конкретным условиям существования в отдельных районах страны. Многовековая история эллинского этноса обеспечила ему длительное и широкое развитие процесса правотворчества. Он заключался как в отборе и утверждении наиболее существенных юридических обычаев, так и в создании народом дополнительных правовых установлений. Новые уставы регулировали те стороны жизнедеятельности, которые зависели от изменений, происходивших в природе и в обществе. Результатом было создание устойчивой устной системы обычного права, действовавшей в разных локальных вариантах в Элладе вплоть до начала письменной фиксации юридических норм. Но и последующее повсеместное утверждение письмен-

ного законодательства, особенно в VII–V вв., не вытеснило полностью некоторые нормы обычного права из юридической жизни греков¹. Это было естественно, так как многие моральные устои эллинского общества, издавна выработанные и прочно сохранявшиеся в установлениях обычного права, не всегда оказывались включенными позднее в тексты законов.

Можно с уверенностью полагать, что эллинские племена осуществляли энергичную доработку норм обычного права в некоторые наиболее напряженные периоды своей истории. В ранние времена правотворчества следует выделить особо период окончательного формирования ахейских монархий (XVI–XIII вв.) и те столетия в конце II – начале I тысячелетия, когда происходили передвижения племен и усложнившаяся демографическая ситуация вынуждала высылать избыток населения из многих земель в апойкии.

Во II тысячелетии важные нововведения в области права были вызваны изменившимися условиями общественной жизни. Неуклонно набиравший силу процесс укрепления царской власти в южных землях страны первоначально не оказывал существенного влияния на уже сложившиеся у всех эллинов правовые порядки. Но рост могущества династов и усложнение социальной структуры обществ в их владениях привели к необходимости уточнить древние установления и создать совершенно новые правовые нормы. Правотворческая мысль в ранних монархиях теперь интенсивно вырабатывала установления, которые должны были по новому определять отношения между царской властью и различными группами всего населения. Несомненно, в этот период потеряли свою силу многие правовые обычаи, которые издавна регулировали отношения между главами крупных племен и всей массой соплеменников. Прерогативы монархов опирались на ряд уже качественно иных юридических оснований.

Изменения общественной системы должны были вызвать развитие правовой деятельности и правосознания: жизненная практика обострила поиски справедливого и целесообразного решения коренных вопросов существования широких кругов населения. Вполне реально предполагать, что именно теперь традиционное обычное право было дополнено новыми правовыми положениями, отвечавшими

¹ П. Г. Виноградов весьма убедительно отметил, что в Афинах классического периода действовало много норм обычного права и профессиональных правил наряду с законами (См.: Vinogradoff P. *Outlines of Historical Jurisprudence*. Vol. II. Oxford, 1922. P. 78).

не только устремлениям верхов, но и народным представлениям о праве как защитнике его интересов. Можно предположить, что теперь особенно вырос авторитет местных знатоков юридических обычаев. Именно особо одаренные локальные правоведы могли вырабатывать более разносторонние и глубокие формулировки устных правовых установлений. Целесообразность уточненных традиционных правил должна была способствовать повышению значимости системы обычного права и упрочению правопорядка в обществе.

Стоящая перед автором задача не позволяет углубиться в детали процессов, происходивших тогда в правосознании и правовой практике эллинского этноса. Однако следует отметить высокий уровень правовых мышления и знаний как населения, так и работников царской администрации. Об этом не раз свидетельствуют ахейский эпос XVI–XIII вв. и деловая документация из дворцовых управ Пилоса, Микен и Кносса, а также из домов горожан стольных градов¹.

Важна сцена суда, которую Гефест выковал на щите Ахилла (II, XVIII, 497–508). Она созвучна пониманию долга, которое характеризует духовный мир положительных героев эпоса, принадлежащих к разным социальным слоям ахейского общества. Разбор дела происходит в городке, где существовала специально оборудованная площадь для обсуждения особо тяжких проступков: средоточием ее была круглая площадка, на которую клали оспариваемые ценности; ее окружали места для геронтов. Тяжба шла по вопросу об уплате пени за убийство — ответчик утверждал, что он выплатил ее полностью, но его противник отрицал получение. Собравшиеся на процессе люди, видимо, разделились на сторонников обеих сторон. Но решающими были мнения геронтов и, особенно, суждение третьей стороны, который был главной фигурой в разбираемом деле — ведь обе стороны согласились завершить спор именно «у посредника» ἐπὶ ἰστορί (II, XVIII, 501).

Изучаемый текст рисует достаточно развитый этап судопроизводства в ахейской Элладе. Разбор дела ведется открыто; собравшиеся активно участвуют в обсуждении, особенно весомы были слова старейшин. Их индивидуальные выступления сопровождала твердо установленная формальность: геронт излагал свое суждение, держа в руках скипетр, врученный ему вестником. Эта деталь процесса по-

¹ Напомню, что почти до 1000 г. все население Эллады сохраняло в языке индо-европейскую альфу. Поэтому в текстах XIII в. писали δῆμος. Илиада дошла до нас в записи на древне-ионическом диалекте. Отсюда — ὁ δῆμος.

казывает, что роль старейшин при разборе столкновений отдельных лиц была уже столь общепризнанна, что возникла необходимость отделить мнения этих авторитетнейших знатоков правовых установлений от высказываний рядовых людей. Но взгляды старейшин могли быть различными, поэтому окончательное решение выносил, видимо единолично, ведший суд сам третейский судья *ἴστωρ*.

Значение истора и вопрос о происхождении этой официальной должности являются предметом длительной оживленной дискуссии. Само наименование указывает на то, что сначала оно прилагалось к сведущему лицу, знатоку, расследователю. Отсюда возникли значения этого термина уже профессионального характера — свидетель, судья, посредник, третейский судья. Важным указанием на значимость полномочий истора в ахейских монархиях является договоренность обоих тяжущихся идти за разрешением спора именно к истору. Очевидно, это был признанный всеми — народом, геронтами и правящими кругами — авторитетный знаток обычного права, известный справедливым истолкованием устных норм. Вероятно, широко признания достигали одаренные правоведа, компетентность и мудрость которых была испытана длительной успешной практикой посредничества в частных конфликтах. В небольших городах или сельских округах народ хорошо знал справедливых решителей житейских споров. Очевидно, таким лицам доверяли обязанности истора при важных судебных казусах, которые разбирали в местном народном собрании.

Многое остается неясным в вопросе о статусе этого, особо выделенного эпосом, правоведа. Судя по изучаемому тексту, истору надлежало выступать в заключительной части судебного разбирательства. Именно он, выслушав объяснения сторон, показания и мнения участников народного собрания и суждения каждого геронта, брал на себя решение дела по существу и провозглашал обязательное решение. На это указывает договоренность «решить спор у истора», хотя весь разбор дела происходил, согласно традициям, в народном собрании.

Конечно, важно установить, от кого истор получал свои полномочия. Ю. Липсиус полагал, что истор был назначен, однако не уточнил, кем именно¹. Высказывалось предположение, что истора назначал сам царь, главенствовавший на процессе¹. Однако в эпической

¹ Lipsius J. H. Das Attische Recht und Rechtsverfahren. S. 10.

сцене суда нет ни малейшего указания на присутствие там царя или его магистрата. Зато очень четко указано участие в разборе тяжбы демоса, геронтов и кериков. Последние не только утихомиривают народ, но и вручают скипетр очередному выступающему геронту. Описанный ход процесса свидетельствует, что он идет по строго установленной схеме и что роль каждого звена определена достаточно четко. Очевидно, в судебной практике конкретных городков сохранялась традиционная система, идущая еще от племенного быта, разбора особо важных дел всем демосом и геронтами. Видимо, они избирали ведущего правоведа, именуя его истором, хотя третейское разбирательство вел весь демос, как показывает данный эпический текст. Все же, выражение *ἐπί ἱστορί*, которое, вслед за Д. Дарестом, Г. Смит понимает как «третейский суд»², следует в каждом отдельном случае уточнять. Речь могла идти о частном конфликте или о судебном разбирательстве, которое вел демос на общем сходе.

Заметим попутно, что Мак Довелл обратил должное внимание на то, что важный казус рассматривал сам демос. Однако исследователь несколько примитивизировал ситуацию: народ-де шумным одобрением избирал истора, мнение которого решало дело и определяло постановление народа³. Такое случайное выдвижение наиболее значимого участника разбирательства на роль истора противоречит изучаемому свидетельству «Илиады». Оно вполне согласуется с документальными данными о правовой деятельности дамоса, выступавшего ответственным субъектом земельного права в XIII в., как показывают тексты из небольшого городка Пакии⁴. Более реально предполагать, что дамос, собрание рядовых ахейн, рассматривал особо важные тяжбы на специальном судебном заседании веча, для которого предварительно намечали кандидатуру истора.

Трудно решить вопрос об отношениях исторов и правоведов из царской администрации: источников пока нет. Однако весомость земельных сделок, заключенных дамосом Пакии, позволяет полагать,

¹ Так следует понимать толкование данного текста Г. Бузольтом (См.: Бузольт Г. Очерк. С. 34–35).

² Smith G. The Administration. P. 35–36.

³ MacDowell D. Law. P. 18–21.

⁴ Ventris M., Chadwick J. Documents. P. 232–235, 252–256; Py Eb 01; Py Eb 08; Py Ep 704; Py Eb 10; Py Ep 705; Py Eb 866; Py Ea 05.

что и судебные решения местных дамосов, не затрагивавшие интересы династов, получали полное признание властителей.

Можно с уверенностью сказать, что в мелких гражданских конфликтах суждения опытного истора принимались к исполнению в большинстве случаев как кланом, так и отдельными лицами. Судя по эпосу, в повседневных ссорах обращение к суду посредника было весьма распространено. Даже высшие члены общества признавали авторитет третьей стороны: критский царь Идомей и локрский царевич Аякс, сын Оилея, затеяли спор, который Идомей предложил разрешить с помощью истора — самого Агамемнона (II, XXIII, 456–491). Возможно, что незначительные межклановые споры также улаживали историки. Но в XVI–XII вв. структура общества весьма усложнилась — монархические порядки вносили коренные изменения в положение разных слоев общества. Сила происходивших тогда конфликтов и поисков узаконенного их разрешения очень часто могла превышать полномочия местных судилищ у истора.

Некоторые сведения о напряженности в сфере правосознания тогдашнего эллинства доставляет эпос, сурово осуждающий властолюбие и самоволие несправедливых монархов. Такие династы попирали права не только обычных людей, но и выдающихся властителей и даже установления общеэллинского военного права. Создававшие эпические поэмы ахейские певцы запечатлели многие глубокие и сокровенные мысли своих современников: даже преувеличивая роль отдельных фактов, аэды все же тонко передавали основные черты духовной жизни своей эпохи. Их наблюдения, относящиеся к нравственной и правовой жизни общества, особенно значимы — ведь тогда эллинство практически страдало от различной правомочности таких несходных субъектов права, как рядовой член сельского клана и опытный исполнитель административной политики династа.

Примечательно отношение творцов былин к выводимым ими лицам: каждая фигура отличается ярко выраженной индивидуальностью. Боги, басилеи, рядовые ахеяне, царицы и рабыни — все эти фигуры получили в эпосе глубокие характеристики. Именно эпос донес до нас неоспоримые свидетельства того, что каждая выведенная в нем личность обладала высоким самосознанием. Эта черта свидетельствует о сложных умонастроениях тогдашнего населения многих земель Эллады.

Ахейские аэды уделяли большое внимание вопросам правовой защиты отдельного человека и его интересов. Правила справедливо-

сти священны — их установил для всех людей сам Зевс, его предписания блюдут специальные правоблюстители *δικαστῶλαι*: они носят скипетр, символизирующий их полномочия (II., I, 233–239). Божественные установления должен был знать и им следовать каждый рядовой ахейнин и каждый басилей. Людей, преступно нарушающих высшие законы справедливости при судебной деятельности в народном собрании, неминуемо ждало тяжкое наказание от самого Зевса (II., XVI, 386–388). Сакральная защита установлений обычного права обеспечивала необходимое соблюдение каждым ахейнином его долга по отношению к богам и ко всему эллинству. Действительно, в эпосе сохранилось много указаний на нормы, регулировавшие поведение человека в обществе. Так, весьма глубоко изложены моральные установления: представления о долге человека перед его народом (Гектор и троянцы), о долге друга (Ахилл — мститель за смерть Патрокла), о долге в силу взятых на себя личных обязательств (клятвы ахейн и троянцев перед поединком их героев — II., III, 264–301; клятва Геры — II., XIV, 277–280). Эти и другие приведенные эпосом нравственные догмы указывают на высокоразвитое понятие личной ответственности, которое считалось необходимой чертой духовного облика тогдашнего эллина, его достойных противников в Трое, а также их богов.

Допустимо предполагать, что в реальной жизни общая или личная ответственность служила основанием для различного рода устных соглашений между несколькими лицами или кланами и племенами. Договоренности частных лиц регулировали отдельные вопросы деятельности сельчан и горожан в ахейских монархиях, что усиливало развитие различных форм древнейших обязательственных соглашений. Несомненно, что при всех видах частной договоренности субъекты права обращались к покровительству богов, принося клятвы и совершая иные сакральные действия, придававшие особую правовую силу договору сторон.

Эпос также свидетельствует, что во второй половине II тысячелетия в Элладе существовали прочные установления, определявшие конкретные обязанности некоторых социальных слоев. Например, военная знать получала от народа лучшие наделы земли за свои успехи на поле брани — II., IX, 573–580; XX, 184–186. Особенно четко на такой порядок указал ликийец Сарпедон: за лучшие условия жизни, почет и плодородные наделы басылей должны стоять в первых рядах войска — II., XII, 311–328. В моральных установлениях ахей-

ского эпоса взаимосвязь размеров земельного владения и ратных трудов выражена весьма отчетливо. Аэды и рапсоды часто воспевали этот давний обычай.

Естественно, что правила практического наделения разновеликими наделами были издавна тщательно разработаны. Очевидно, изначально основные принципы определял весь дамос племени или клана. Наряду с главными правилами в каждой местности действовали конкретные установления, учитывавшие реальное качество и размеры земельного фонда. Субъектами этого права, очевидно, выступали сельские сообщества из одного или нескольких кланов. Эпос называет и отдельных землепользователей, владевших строго разграниченными наделами. В Илиаде описан спор соседей при уточнении границ и размеров их владений (XII, 421–423), причем обе стороны производят собственные измерения. Такая операция указывает на устойчивость правопорядков землепользования внутри сельских сообществ, хранивших устные определения сходов своих кланов и племен.

Однако развитие монархической государственности в южных областях страны привело к введению письменных документов в сфере земельного права ахейских монархий.

Многие вопросы тогдашних земельных отношений осветили тексты из Пилоса, Кносса и других центров, однако еще не все суждения исследователей текстов исчерпывающе осветили всю проблему. В частности, большего внимания заслуживает несомненный факт сосуществования в правовой практике Элады XV–XIII вв. установлений устного обычного права и более подробных норм владения или пользования землей, записанных в документах царских управ. Начальные ступени развития двуединой правовой системы остаются еще неизвестными, но источники конца XIII в. доставляют много точных данных. Документы из Пилоса и Кносса были исчерпывающе исследованы М. Вентрисом и Дж. Чэдуиком в их капитальном труде¹, из которого я приведу лишь часть их данных о правовых особенностях земельных отношений².

Рассматривая пилосские тексты серии E, ученые установили, что к 1200 г. в этом царстве главными частями аграрного фонда были:

¹ Ventris M., Chadwick J. Documents. P. 232–269, 289–295. Суждения английских ученых получили признание и развитие в работах А. Фурумарка, Е. Беннетта, Т. Уэбстера, Л. Палмера, Д. Каррателли и многих других авторов.

² Ventris M., Chadwick J. Documents. P. 53–60.

земля дамоса (так именовалось село или небольшой городок) и земля, выделенная во владение династу и довольно значительному кругу отдельных лиц. Следует полагать, что уже были точно определены правила, защищавшие интересы обособленных от дамоса землепользователей. Тексты свидетельствуют, что существовали довольно развитые арендные отношения, причем индивидуальные владельцы сдавали в аренду небольшие земельные участки. С каждого вида земель династ взимал натуральные подати; эти поступления аккуратно записывали в документы дворцового ведомства. Изучая тексты серии Ма, М. Вентрис и Д. Чэдуик определили, что восемнадцать деревень представили шесть видов натуральных поставок.

Таблички Пилоса и других ахейских центров показывают, что экономические операции, подлежавшие контролю царской власти, были многочисленны. В дворцовых управах трудились знатоки своего дела: они разработали систему точного учета людей, животных, различных продуктов и видов сырья, готовых изделий и их деталей; сыпучие и жидкие тела взвешивались иногда в очень мелких количествах. Точность и обстоятельность сугубо экономических записей ясно показывают, сколь разработаны были нормы административного права и как тщательно поддерживали порядок в документации царские экономеры. Видимо, их записи подлежали какой-то проверке. Однако качественность системы учета позволяет предположить, что ее созданию способствовали и традиционные устные правила взаимоотношений высших и низших звеньев ахейской государственной системы.

Естественно, что для каждого местного сообщества вопрос о выполнении экономических или военно-морских обязательств имел непреложное значение. Благоприятному разрешению его во всех случаях содействовало основательное знание общеэллинского обычного права и местных установлений и умелое согласование их с требованиями царского права. Реальные условия способствовали расширению правовой практики населения в ахейских монархиях и, тем самым, более интенсивному развитию правовой мысли в Элладе.

Следует предполагать, что изначально выделение особых прав ахейских династов, постепенно приспособивших свои требования к традиционным привилегиям племенных вождей, не встречало сильного сопротивления народа. Возможно, что промонархические правовые порядки появлялись прежде всего там, где издавна были прочны позиции верхов самых могущественных кланов и местных

племен. Их главенство обеспечивали частные местные правила, не противоречившие основным положениям обычного права. Однако постепенно эти частные нормы выделились в отдельную ветвь древа традиционных правовых установлений. Именно они определяли порядок в быстро изменявшихся политических и экономических отношениях в областях, где крепнувшие монархические устои опирались на правовые установления, заново вводимые династами. Документы XIII в. и некоторые данные исторической традиции показывают, что правовые отношения внутри ахейских монархий отличались большим разнообразием. Сложную структуру общества должны были укреплять реально действующие местные правила.

Пилосские тексты свидетельствуют, что в этой монархии уже к 1200 г. существовала сложная система управления, которое вел многочисленный административный штат. Даже некоторые ремесленники были выделены как «царские», например гончар и сукновал¹. Среди должностных лиц тексты упоминают немногих высших сановников и ряд управляющих целыми районами и мелкими городками и селами².

Естественно, что местные власти руководствовались нормами царского права и, в случае необходимости, должны были считаться с положениями обычного права. Возможно, что в повседневной практике часто могли возникать несоответствия и даже противоречия общенародного обычного права и раннего государственного правоповедения. Такие случаи должны были усиливать значимость правовых установлений в сознании широких слоев населения. Можно лишь догадываться, какая напряженная умственная деятельность была развита в ахейских монархиях, когда общество искало способ разрешения правовых разногласий населения и высших властей.

Сосуществование установлений обычного права и царских правовых норм, несомненно, вело к изменениям правового мировоззрения. Ведь понимание этически должного порядка разнилось все больше в царских хоробах, в домах преуспевающих горожан и у массы сельчан. Каждый слой населения особо заботился о значимости тех правил, устных или письменных, которые полнее отвечали его интересам.

Можно предполагать, что строгая система податных обязательств, отраженная в ахейской административной документации, в какой-

¹ Ventris M., Chadwick J. Documents. P. 120, 134.

² Ventris M., Chadwick J. Documents. P. 124.

то мере согласовывалась с традиционными устными правилами, что обеспечивало устойчивость общественных отношений. Ведь записанные положения служили не только интересам государственных верхов; они точно определяли обязанности городских и сельских сообществ, а также некоторых категорий населения, выделенных по их профессиям. Иногда наиболее важным профессионалам устанавливали временные льготы по обложению¹. По-видимому, взимавшее подати государство считалось не только с традиционными размерами поступлений: в силу военной угрозы, оно даже шло на отмену налога.

Но, как свидетельствуют документы, вся система четкого взимания податей неуклонно сохранялась. М. Вентрис и Дж. Чэдуик, рассматривая тексты серии Ма, указали, что в этих пилосских записях порядок взимания взносов 18 сел твердо соблюдался: названия сел расположены в соответствии с размером взноса каждого пункта, причем перечисление шло строго от поставщиков меньших количеств к самым крупным плательщикам². Выработка такой последовательной системы налогообложения и ее практическое применение позволяют думать, что при этом должно было происходить какое-то ущемление традиционных первоосновных правовых установлений. Вероятно, в каждой монархии правящие круги стремились видоизменять отдельные разделы обычного права или полностью заменять их заново введенными уставами монархов.

Следует думать, что вводимые правовые порядки по-разному воспринимались населением. Например, большинство сельчан могло относиться с предубеждением к писаным требованиям властей, особенно в тех случаях, когда записи устанавливали невыгодное изменение традиционных размеров податей. Но население стольных городов, например Пилоса или Микен, могло занимать иные позиции. Разница могла быть существенной, если деятельность какой-либо группы горожан была прямо связана с государственным хозяйством. Для их благополучия расширение экономических прав и материальных возможностей династа могло быть весьма желательным. Назовем

¹ М. Вентрис и Дж. Чэдуик убедительно показали значение отмены налогов для кузнецов в период нависавшей угрозы нападений на Пилос, приведя данные текстов Ма 12, На 50 и ряда других (См.: *Ventris M., Chadwick J. Documents*. P. 135, 293, 299).

² *Ventris M., Chadwick J. Documents*. P. 289–295.

работников такого сложного дела, как изготовление боевых колесниц. В Кноссе и Пилосе вели тщательный учет их деталей или готовых военно-транспортных единиц, отмечая иногда, из какого дерева они сделаны. Один пилосский текст, Py Sa 03, упоминает пару колесничных колес, отделанных серебром. Анализируя многочисленные записи о наличии или готовности боевых колесниц, М. Вентрис и Дж. Чэдуик сопоставили сведения документов с данными эпоса и убедительно установили согласованность источников¹. Можно полагать, что искусные изготовители боевых колесниц пользовались некоторыми особыми правами. Ведь в исключительных случаях ахейские династы добивались расположения к себе даже всей массы горожан — Фукидид сообщает (I, 9, 2), что Атрей, утверждаясь на престоле в Микенах, сумел привлечь на свою сторону «множество» жителей города. Вполне возможно, что новый династ обещал им не только защиту от Гераклидов, но и весомые правовые уступки.

Естественно, что в каждой монархии особо преуспевавшие горожане, в том числе и слой грамотников, были заинтересованы в прочности вводимых династами установлений, которые упорядочивали политическую и хозяйственную жизнь населения. Допустимо предположить, что ахейские правители не вторгались в кланово-семейные отношения и не пытались изменить традиционные нормы обычного права, касавшиеся межклановых и межплеменных отношений. Особенно прочными должны были оставаться обычаи, принятые в сфере кровно-родственных уз. Возможно даже, что правовые устои этой области жизни всего населения особенно укрепились в тревожные 1300—1200 гг.

Реальный ход истории отвел ограниченное время, а с ним и территорию, развитию монархических государств в ахейской Элладе. Военно-морские экспедиции, о которых повествуют легенды об аргонавтах или предания о Троянской войне и другие события, настолько истощили людские и материальные силы страны, что ее монархии не смогли устоять перед натиском союза северозеллинских племен во главе с дорьянами. Гибель крупнейших ахейских центров означала крушение не только монархической формы государства, но и порожденных ею новых правопорядков. Были уничтожены или пришли в упадок большинство правовых положений, введенных династами в XV—XIII вв. Последующее забвение монархических пра-

¹ Ventris M., Chadwick J. Documents. P. 361—375, 515—522.

вил показывает, что почти повсюду в средних и южных землях Эллады (за исключением Аттики, см. с. 191) царские установления не успели и не смогли стать прочной органической частью общеэллинского обычного права.

Следует полагать, что сила общепризнанных давних правовых обычаев, отторгнувших основные результаты царского правотворчества, поддерживалась прочностью духовного наследия всего эллинизма и жизнеспособностью племенного быта в северных областях Эллады. Решающую роль для населения захваченных дорянами земель играло то, что завоеватели сохраняли свою племенную систему. Северные пришельцы бесспорно содействовали возрождению местных старинных и введению новых норм обычного права для уцелевшего подвластного им населения. Произошел насильственный возврат части ахейян от хрупкой системы монархического правления к политической действительности племенного строя. Было восстановлено главенство традиционного обычного права, что означало гибель правотворчества династов во многих землях Эллады, за исключением Аттики и Фессалии. Но и в двух названных областях происходила постепенная трансформация правовых реликтов раннемонархического времени. Этот процесс привел к вращению сохранившихся там царских установлений в правотворческую деятельность местного населения, усиленно развивавшего свое обычное право.

Известные факты из истории Эллады в XIII–XII вв. позволяют думать, что правившие тогда ахейские династии отчасти сами подготовили условия для крушения монархического устройства в своих землях. Они не смогли сохранить принципы мирного сосуществования с северными эллинскими племенами. Конечно, начавшиеся передвижения в северных землях Эллады несли большую опасность населению южных земель. Следует полагать, что сначала имели место какие-то попытки достичь мирного разрешения острых противоречий. Но угроза нарастала и, видимо, древние традиции межэллинского общения уже не имели достаточного авторитета. Возведение мощных крепостных стен вокруг нескольких монархических резиденций показывает, что после 1350-х гг. почти каждая ахейская династия усиленно заботилась о своей безопасности. Только новые правители Пилоса в XIII в. не успели укрепить свой дворец.

Естественно, что значительные оборонные усилия могли способствовать ослаблению правовых обычаев межэллинского общения. И к концу XIII в. обособленность южных монархий достигла такой

степени, что они ясно показали свое пренебрежение к обычаям взаимной поддержки и общей политики, ранее сплотивавшим весь ахейский массив. Бесспорным свидетельством этого является начало возведения Киклопической оборонительной стены поперек коринфского Истма¹. Осуществление истмийского проекта (оставшегося незаконченным) показывает, что династы Пелопоннеса отказались защищать царства Средней Эллады. Тем самым они нарушили правила внутриахейского союзничества, столь сильные еще во времена похода на Трою. Правда, уже Фукидид писал, что Агамемнон своим могуществом внушал страх союзникам (I, 9, 3), не решавшимся, видимо, послушаться Атрида. Но теперь, незадолго до 1200 г., нарушения общеэллинского обычного права были вызваны обострением отношений различных групп племен внутри северного эллинства. Стоял вопрос о расширении земельного фонда, его нехватка побуждала некоторые племена вторгаться в земли соплеменников. Память о таких передвижениях эллинство сохраняло долго. Указывая на множество этих движений, Фукидид особо подчеркнул их отрицательное воздействие на развитие Эллады (I, 12, 2). Однако сам историк счел необходимым отдельно рассказать только о двух таких событиях. Очевидно, Олорид усматривал некую взаимосвязь обоих движений, шедших с севера.

Одно началось еще до похода на Трою: из северной Арны какая-то группа эолян перешла в Кадмеиду и, видимо, была дружелюбно принята коренным населением — Фукидид пишет об их общем участии в осаде Трои (I, 12, 3). Но, указывает историк, спустя 60 лет после гибели Илиона все население Арны, вытесненное из своих земель фессалийцами, ушло в среднюю Элладу и заселило Кадмеиду, которую с тех пор стали именовать Беотией. О переходе фессалиян из Эпира в Арну и вытеснении ими беотян в Кадмеиду сообщил и Геродот (VII, 176). Эти краткие сведения историков позволяют полагать, что еще в начале XIII в. среди эолийских племен возникали конфликты из-за земельных владений. Очевидно, сначала уходили сравнительно небольшие группы, их вселение не ущемляло интересы местных жителей. Но при появлении значительного числа арнейцев

¹ Broneer O. The Cyclopean Wall on the Isthmus of Corinth and its Bearing on Late Bronze Age Chronology // *Hesperia*. Vol. XXXV. 1966. P. 346–362; *Idem*. The Cyclopean Wall on the Isthmus of Corinth. Addendum // *Hesperia*. Vol. XXXVII. 1968. P. 25–35.

(возможно, им помогали потомки первых переселенцев из Арны) равновесие могло быть нарушено. Видимо, беотяне сильно превосходили числом коренное население — недаром занятую ими область стали именовать Беотией.

Отметим, что совсем по-иному Фукидид описал передвижение дорян (I, 12, 3): они вместе с Гераклидами на 80-м году после взятия Трои завладели Пелопоннесом. Лаконичность Фукидида весьма выразительна — историк намеренно опустил все детали огромной трагедии южных земель. Он указал лишь конечный результат — доряне завладели (ἔσχον) Пелопоннесом. Однако историческая традиция и ряд авторов сообщили о нескольких походах дорян. Первое нападение организовал Гераклид Гилл, который, согласно Геродоту (IX, 26), Павсанию (I, 41, 2; 44, 10; V, 3, 5; VIII, 5, 1) и Диодору (IV, 58) достиг Истма, но был там убит, а его войско отступило. Решающий поход позднее начал внук Гилла, Аристомах. Сам он погиб, но его взрослые сыновья захватили Пелопоннес — об этом сообщили Геродот (I, 56; VI, 52), Исократ (VI, 21–22), Эфор в изложении Страбона (VIII, 3, 33) и Павсаний (II, 18, 7; V, 3, 5; VIII, 5, 1).

Весьма важно то, что археологические источники существенно дополнили данные древних авторов. Исследования ряда крупных и мелких городищ показали, что в конце XIII — начале XII вв. были, насильственно разрушены многие центры Эллады: в Южной — Микены, Тиринф, Пилос, Кораку, Кандия, Асина, Мальти, Тейхос Димайон; в Средней — Коринф, Гла, Криса. В Фессалии в Иолке дворец был разрушен около 1200 г., но в соседних городских кварталах жизнь продолжалась без перерыва еще некоторое время¹. Анализ этих свидетельств привел В. Десборо к убедительному суждению: сообщения традиции и данные археологии вполне согласуются в вопросе хронологии — окончательное падение крупнейших ахейских центров происходило незадолго до 1200 г.² К. В. Блеген определил этим же временем разрушение дворца в мессенском Пилосе³.

¹ Д. Феохарис, начавший раскопки в Иолке в 1956 г., уже в 1962 г. точно установил, что после разрушения дворца в огромном пожаре прилегающие кварталы города сохранились, причем время их существования приходится приблизительно на 1425–1150 гг., без каких-либо разрушений. См.: Hood // AR for 1961–62. P. 13–14.

² Desborough V. R. Last Mycenaean. P. 4–9, 221; Idem. Dark Ages. P. 19–21, 24.

³ Blegen C. W., Rawson M. The Palace of Nestor. Vol. I. P. 422.

Ареал распространения разрушенных тогда памятников позволил представить основной характер событий, происходивших в Элладе, и их историческое значение. Переселению дорян уделено большое внимание исследователей¹. Теперь выяснены направления их передвижений, сила ударов на отдельные ахейские центры, их вооружение. Исключительно важное значение имеет вопрос о составе войск, обрушившихся тогда на среднюю и южную Элладу.

Изучение указанной проблемы получило особое развитие благодаря опубликованному в 1950 г. основательному исследованию В. Милойчича, специалиста по эпохам неолита и бронзы на Балканском полуострове². Изучив предметы, которые завоеватели оставили в слоях разрушенных ими городов, ученый определил время и последовательные движения на юг из внутренних балканских земель. Первые передвижения племен начались еще в XIII в. Тогда выходцы из центральнобалканских земель обрушились на Македонию, где они разрушили многие поселения (Вардаровца, Вардино и др.), задержавшись там надолго (S. 14–15, 23, 35). Однако уже около 1250 г. они начали нападать на Элладу — в Микенах, Тиринфе и более мелких центрах обнаружены разрушения, не коснувшиеся их укрепленных акрополей³. Но уже около 1200 г. главные ахейские центры были захвачены и опустошены неприятелем⁴. В. Милойчич, детально исследовав неахейские предметы из слоев этих пожарищ, определил, что завоеватели вышли из внутренних балканских земель, лежавших севернее рубежей поздних Македонии и Фракии⁵.

Суждения В. Милойчича существенно дополняют данные эллинской исторической традиции и авторов, которые больше говорят о вторжениях одних дорян, возглавляемых Гераклидами. Однако бесспорный вывод В. Милойчича открывает новые стороны происходивших событий.

¹ За последнее столетие количество работ о дорийском переселении многократно возросло, как свидетельствуют ежегодные выпуски *L'Année Philologique. Bibliographie critique et analytique de l'Antiquité Gréco-Latine* (fondée par J. Marouzeau).

² *Milojčić V. Dorische Wanderung*. S. 12–36.

³ *Milojčić V. Op. Cit.* S. 14–24.

⁴ *Wace A. Mycenae*. P. 22–23; *Wace A. Introduction*. P. 5; *Desborough V. R. Last Mycenaean*. P. 4–9, 225–230; *Blegen C. W., Rawson M. Palace of Nestor*. Vol. I. P. 422.

⁵ *Milojčić V. Dorische Wanderung*. S. 15, 35.

Следует отметить, что эллины не запомнили участие в походе на Пелопоннес военных сил из не-эллинических северных племен. Можно только догадываться о причинах этого забвения. Оснований могло быть несколько: малочисленность отрядов северян; то, что их варварское уничтожение ахейских дворцов вызывало позднее нерасположение эллинов; допустимо, что сами доряне, стремясь возвысить свое могущество, старались умалчивать об участии северян в их решающем походе, тем более, что численность дорийского ополчения могла быть решающей.

Исключительно важно то, что В. Милойчич открыл ранее неизвестный факт военно-политической деятельности дорян в XIII в.: во имя расширения своих территорий они нарушили традиционные общеправовые обычаи всего эллинства, допускавшие лишь частные внутриэллинические вооруженные конфликты. Призвав иноплеменные силы в свое предприятие, доряне жестко подчеркнули свое отрицательное отношение к монархическим режимам южных областей страны. Возможно, что успех военного продвижения из центрально-балканских земель около 1250 г. в македонские земли ясно показал не только мощь наступающих контингентов, но и силу племенных установлений у этих ратников. Для дорийских племен, сохранявших многие черты позднего родоплеменного строя, эти порядки могли иметь особое значение для укрепления связей с северными соседями, составлявшими, как и эллины, часть массива племен индоевропейской языковой общности.

Естественно, что привлекая в свой поход иноплеменных участников, доряне должны были выработать с ними ряд конкретных условий совместной военной деятельности. Видимо, обе стороны успешно согласовали необходимые нормы своих военных установлений, так как поход они провели сообща. Возможно, что этот военный союз дорян с их северными соседями оказался жизнеспособным в силу того, что эллины уже давно имели контакты с племенами центрально-балканских земель.

В. Милойчич, изучив данные об этих связях, убедительно показал, что мирное общение среднебалканского и южнобалканского племенных миров было достаточно устойчивым: оно существовало и в такой важной сфере хозяйства, как металлургия — находки в Дебело Бърдо близ Сараево свидетельствуют о контактах ахейских металлургов с мастерами этого внутреннего центра металлообработ-

ки¹. Идеи В. Милойчича были подтверждены данными раскопок 1950–1990-х гг. и развиты в трудах ряда исследователей. В. Десборо особо выделил предметы центральнобалканского происхождения, найденные в эллинских землях². Я. Боузек привел дополнительные сведения о находках в Элладе вещей, не только северобалканских традиций, но и средневропейских образцов³. Но особенно важны для изучаемой нами темы данные из иллирийских земель⁴, поскольку иллирийцы были непосредственными соседями эпирского эллинизма.

Обстоятельный анализ материальных источников из Иллирии и основательные исторические обобщения уже имеющихся данных по рассматриваемому вопросу содержат работы сербской исследовательницы М. Парович-Пешикан, опубликованные за последние десятилетия⁵. В первой статье археолог отметила, что иллирийская племенная знать имела ювелирные изделия и оружие критского происхождения уже около XX в., причем в дальнейшем эти контакты расширялись (С. 19–22). Значительной силы изучаемые взаимосвязи достигли во второй половине II тысячелетия. Связи насельников южных и срединных балканских областей стали разнообразнее в XV–XIII вв. Расширилась продажа в другие области различных видов ахейского оружия, и, как отметила М. Парович-Пешикан, уже в XII в. на Адриатическом побережье и внутри страны увеличилось местное изготовление ахейских типов оружия. Усилению контактов весьма способствовало появление ахейских выселков на берегах Эпира, Фермейского залива и даже в низовьях Вардара, причем изделия эпирских оружейников не только ввозились на север, но и служили образцами для иллирийских мастеров. Микенское воздействие в иллирийских землях проявилось и в появлении там шлемов, покрытых

¹ *Milojčić V.* Dorische Wanderung. S. 16–23.

² *Desborough V. R.* Last Mycenaean. P. 54–55.

³ *Bouzek J.* Homerisches Griechenland. S. 29–36. Эти новые источники подтвердили суждения Г. Чайлда о значении привоза янтаря из Прибалтики и олова из Британии в Грецию: расширение связей способствовало влиянию северян на одежду и вооружение эллинов. См.: *Childe V. G.* The Dawn. P. 83, 336.

⁴ Ограниченность задач моей работы не позволяет остановиться на ярких источниках из фракийских областей, даже давно известных. См., например: *Кривцова-Гракова О. А.* Бессарабский клад. М., 1949. С. 1–28. Табл. I–XIX.

⁵ *Паровић-Пешикан М.* Неки нови аспекти... С. 19–49; *Она же.* Запажања о микенском утицају... С. 1–26.

кабаньими клыками, а также небольших подвесных бронзовых оберегов в виде лабрисов. В XIII в. несколько увеличилось поступление эллинской керамики ПЭШ В стиля по сравнению с предшествующими двумя столетиями¹. Приведенные сведения не исчерпывают весь запас знаний о взаимодействии эллинства с его северными соседями. Но и эти данные позволяют яснее понять некоторые события XIII–XII вв. в самой Элладе.

Совершенно очевидно, что вторжение части северян в македонские земли означало их отказ от соблюдения каких-то прежних договоренностей о мирном сосуществовании в тех краях. Вступило в силу военное право победителей, установивших свое политическое главенство в захваченных землях. Это событие было по-разному воспринято в разных частях Эллады, что указывает на значительные разногласия между эолийско-дорийской и ахейской группами. Можно полагать, что тем самым наносился существенный удар по общеэллинскому обычному праву, несомненно издавна предусматривавшему установления для мирного разрешения соседских частных столкновений и для поддержания достаточно устойчивых взаимосвязей отдельных племен Эллады. На действенность правовых обычаев мирного общения ясно указывает общность культуры эллинского мира в предшествующие столетия. Однако появление мощной военной силы вблизи эллинских пределов резко изменило политико-правовое положение в стране: остро выступили непримиримые противоречия населения земель с различным общественным устройством.

Северо-западные эллинские племена, возглавляемые дорьянами, использовали давние контакты со срединнобалканским населением для пополнения своих сил во время подготовки похода на южноэллинские монархии. Видимо, организация войска для нападения на мощные царские крепости потребовала длительного времени.

Ахейские династы, несомненно получавшие сведения о готовящемся нападении, усилили оборонительную деятельность. В XIII в. ясно заметны сдвиги в военно-инженерной активности, причем они сказались и в организации войска. Сведения из Микен указывают на

¹ *Паровић-Пешикан М.* Неки нови аспекти... С. 19–22, 27–32 и табл. II, 31; *Она же.* Запажања... С. 8–10, 21–23, 24. В обеих работах исследовательница провела тщательный анализ видов оружия, найденного в иллирийских селищах в слоях XIV–XIII вв. Ее суждения подтвердили выводы В. Милойича.

возведение Киклопической стены на нижнем склоне Акрополя и на укрепление других ранее возведенных участков стен. Вместе с тем тамошние военные специалисты хорошо понимали, что противостоять мощному пешему ополчению северян может только пехота, что в городских кварталах конница неприменима. Идеи теоретиков успешно применялись на практике, как свидетельствует роспись микенского Кратера воинов, представляющая стройный отряд тщательно вооруженных пехотинцев¹. Примечательно, что в то же время, около 1200 г., в Фессалии во дворце Иолка столь же высок был авторитет пехоты: там найдены фрагменты кратера с изображением такого же отряда пеших воинов².

Многие документы свидетельствуют об энергичной подготовке к обороне в мессенском Пилосе. Возведенный лишь в первой половине XIII в., дворец не имел мощных укреплений, поэтому пилосские верхи обращали особое внимание на флот и на сухопутные силы, в частности на береговую охрану³. На прилегающие участки приморья были поставлены отряды числом от 10 до 100 человек. Командир каждого подразделения назван поименно, иногда в тексте указывали название охраняемой им местности. Над рядовыми командирами стояли высшие чины, личные имена которых сопровождали их отчества. М. Вентрис и Дж. Чэдуик, исследовав пилосские тексты Ру An97, An 43[519], An654, An656, An661, воссоздали стройную структуру мессенского ополчения⁴. Следует заметить, что несмотря на угрозу нападения военная документация в Пилосе велась с такой

¹ Wace A. Мусенае. P. 65, 132–134. Tab. 82 a, b.

² Обломки этого сосуда открыты Д. Феохарисом в Иолке в 1961–62 гг. (См.: AR for 1961–62. P. 13–14). Изображенные на них ратники несли традиционные ахейские восьмерковидные щиты, правда имевшие некоторые конструктивные особенности: см. Snodgrass A. M. Arms and Armour. P. 30, 32. Традиции фессалийских оружейников долго сохранялись в Аттике, как показывают рисунки щитов на дипилонских вазах в VIII в. (См. Greenhalgh P. A. L. Early Greek Warfare. P. 65).

³ М. Вентрис и Дж. Чэдуик отметили, что текст Ру An 12 [1] сообщал о посылке пилосского корабля (на нем 30 гребцов из 5 селений) даже в Плеврон, значительный город в Этолии. См.: Ventris M., Chadwick J. Documents. P. 138, 183–185, 414, 430. В записях Ру An 19 и Ру An 724 упомянуты еще 348 и 19 гребцов (Ibid. P. 186–187, 431). Возможно, что перечисленные 397 гребцов составляли лишь часть гребных команд тогдашнего пилосского флота.

⁴ Ventris M., Chadwick J. Documents. P. 184–185, 188–194, 427–430.

же аккуратностью и точностью, как и хозяйственные записи в той же царской управе. Вероятно, и в прочих ахейских монархиях оборонная деятельность развивалась с такой же интенсивностью¹.

Однако совместное наступление дорян и их центральнобалканских союзников многие ахейские властители не смогли отразить: между 1230–1150 гг. вторгавшиеся несколько раз неприятели разрушили ряд мощных центров и многие неукрепленные городки. Длительность военных действий и их губительные результаты должны были оказать глубокое впечатление на большинство эллинов не столько численностью вторгавшихся войск, сколько силой целенаправленного удара на ахейские столицы. Успехи согласованного натиска дорян и их северных соратников показали ахеянам хрупкость блиставших своей роскошью монархических режимов. Гибель дворцов свидетельствовала о военно-политической слабости ахейских царств, в которых единовластие верховных владык стремительно попирало древние установления родоплеменного строя. Допустимо предположить, что согласованность интересов дорян и их союзников определялась не только материальными, но и идеологическими соображениями, что весьма способствовало усилению их военного натиска. К XIII в. не только доряне, но еще более северные их соседи сохраняли многие сходные черты общественного устройства, восходившие к временам расцвета родоплеменного быта². Близость традиционных воззрений

¹ Например, в Афинах около 1230 г. был возведен или перестроен западный вход в стенах Акрополя. См.: *Wright J. G. The Mycenaean Entrance System at the West End of the Acropolis // Hesperia. 1994. Vol. 63. P. 323–349. Pl. 77–80.*

² Решусь заметить, что вопрос об устойчивости духовных воззрений балканского племенного мира в VI–II тысячелетиях еще недостаточно разработан. Для эллинского массива эту стабильность уже отметил К. Ринфрю (*Renfrew C. The Development and Chronology of the Early Cycladic Figurines // AJA. 1969. Vol. 73. P. 1–33*). Исследователь указал, что кикладские статуэтки Ранней эпохи бронзы в Элладе, восходящие к фигуркам эпохи Халколита восточнобалканских земель, свидетельствуют о непрерывном трехтысячелетнем развитии этого вида творчества в стране, начиная еще от эпохи неолита (Р. 3, 32). Но даже много позднее ахейская знать чтит некоторые сакральные традиции и древности Кикладской культуры. Упомяну находку раннеэллинского сосуда, так называемой «жаровни», в фолосе II Мирсинохори, датированном ок. 1300 г. (*Hood // AR. 1956. P. 15*).

о значении органов власти в племенном сообществе должна была укреплять сплоченность вторгавшихся.

Яростное уничтожение самых мощных дворцовых центров в Средней и Южной Элладе позволяет полагать, что доряне двинулись в крупный поход уже выработав четкую политическую цель своего натиска — уничтожение главных столиц и крепостей ахейских монархий. Логично думать, что эолийско-дорийские племенные верхи предварительно обсуждали на своих совещаниях планы таких сложных военных операций. Возможно, что к таким обсуждениям привлекали военных представителей тех срединнобалканских племен, которые могли участвовать в намеченной кампании. Особо мог цениться опыт тех завоевателей, которые уже в конце XIII в. энергично, как отметил Г. Чайлд, разрушали поселения ахейян в Македонии¹.

Важно отметить, что дорийский поход был начат около 1200 г., вскоре после очень крупного землетрясения в южной Элладе — следы его обнаружены в Тиринфе и других местах.

Организация разноплеменного войска неизбежно требовала выработки ряда общих и конкретных договоренностей между дорийско-эолийским ополчением и его северными соратниками. Основным принципом таких соглашений было соблюдение обычаев военного права. Как известно, в догосударственных обществах в мирное время отношения между племенами были строго определены первобытным правом и не меньший порядок должен был быть и в совместных походах. Но после завершения военных операций каждая часть завоевателей могла вести свою обособленную политику.

Осуществление права победителей в южной Элладе зависело от многих конкретных факторов в каждой захваченной области. Назовем лишь численное соотношение коренного боеспособного населения и вторгшихся отрядов завоевателей, агрессивность последних и размеры их требований. Какую-то роль могли иметь сплоченность побежденных и дипломатические способности их представителей на переговорах с завоевателями. Даже наличие неприступных горных районов могло влиять на характер устанавливавшихся взаимоотношений.

Естественно, что авторитет общеэллинских религиозных представлений и сохранявшиеся ахейские святыни могли также облегчить поиски приемлемых договоренностей в некоторых случаях. Однако конкретные формы таких отношений были выработаны не сразу и обычаи военного права еще долго сохраняли свою силу. Это

¹ Childe V. G. The Dawn. P. 82–83.

побуждало остававшееся коренное население не ослаблять свою сплоченность и настороженность. Сами доряне реально учитывали возможность противодействия побежденных ахеян и соответственно иногда создавали весьма жесткие установления для самих себя. Но некоторые победители не стремились к полному опустошению захваченных земель и не вытесняли оттуда коренных жителей.

Имеющиеся свидетельства указывают на то, что местами в стольных градах и городках ахеян еще продолжалась какая-то жизнь. Так, в Иолке уцелел один квартал в нижнем городе. Также и в Тиринфе оставалось население некоторых городских домов и, соответственно, расширялся могильник того времени¹. На аргосском побережье в Асине палаты базилея и окружавшие их стены акрополя были разрушены; но вокруг оставались пригородные земельные усадьбы, жизнь в которых до VIII в. шла непрерывно. Уже в XI–X вв. местные гончары имели устойчивые связи с керамевсами Аттики и Коринфии, хотя тогда же в Асине жили постоянно пришельцы, как показывает их лепная посуда².

В Лаконике оставалось особенно многочисленное население, которому завоеватели изначально оставили некоторые существенные права — об этом сообщил Страбон (VIII, 5, 4, С364), излагая текст Эфора. Видимо, хозяйственное значение коренных жителей было столь важно для военного сообщества завоевателей, что доряне постарались удерживать аборигенов на месте; такая политика была тем более необходимой, что в те времена, согласно Эфору, многие ахеяне бежали в Ахайю. Надлежит отметить, что доряне не тронули ахейское святилище в Амиклах в четырех километрах к югу от Спарты. Там ахеяне почитали бога Гиакинфа, культ которого был позднее связан со священнодействиями Аполлону³.

¹ *Karo G.* Führer durch Tiryns. Athen. 1934. S. 46–47; *Verdelis N.* Neue geometrische Gräber in Tiryns // AM. Bd 78. 1963. S. 10–24; AR. 1978–79. P. 16; AR. 1979–80. P. 29; AR. 1983–84. P. 24; AR. 1988–89. P. 30 (Tiryns: Forschungen und Berichte. Bd V–XI. Mainz. 1938–1990 non vidi).

² *Dietz S. et al.* Asine 2. Results of the Excavations east of the Acropolis 1970–1974. Fasc. I. General stratigraphical Analysis and architectural Remains. Stockholm. 1982. P. 1–144; *Desborough.* Protogeometric Pottery. P. 204–207.

³ *Nilsson M. P.* Mycenaean Origin. P. 68, 76; *Desborough V. R.* Last Mycenaean. P. 224–225. Примечательно, что и в Апроце, как отметил В. Десборо (Р. 42–43), обнаружены вблизи Эпидавра остатки ахейского святилища, причем память о святости местности сохранялась и после XII в.

Естественно, что с течением времени военные группы завоевателей по необходимости должны были искать более или менее приемлемые формы отношений с эксплуатируемыми ими коренными жителями: именно местное население, земледельцы и ремесленники, обеспечивало вселившимся контингентам победителей средства к существованию. Вероятно, выработке реальных форм взаимоотношений во многом способствовал рост общезнатнического самосознания, подкрепляемый языковым родством, общностью религиозной системы и ряда древних черт духовного мира всего массива эллинских племен.

Но переход от прямых военных столкновений к скрытой конфронтации победителей и побежденных не мог уменьшить страх и опасения ахеян, как обитавших в захваченных северными сородичами землях, так и жителей соседних им земель. На это указывают и сообщение Фукидида о передвижениях в Элладе (I, 12, 1), и материальные источники, свидетельствующие о значительном изменении заселенности страны. В. Десборо в 1952 г. отметил внушительное сокращение в XII в. количества населенных пунктов по сравнению с предшествующим столетием¹. Так, если в XIII в. в Мессении и Трифилии обнаружены 150 мест обитания, то в XII в. их замечено лишь 14; в Лаконии — 30 и 9; в Арголиде и Коринфии из 44 осталось 14; в Беотии — 3 из 27; в Фокиде и Локриде — 5 из 19. Даже в отразившей вторжение дорян Аттике из 24 уцелело лишь 12 пунктов. Но, как отметил В. Десборо, в те же времена росло население в гористой Ахайе, причем там на поморье возродился разрушенный Тейхос Димайон². В Арголиде заметен приток населения в Эпидавр и Асину; в Аттике — в Перати. И на некоторых островах, от Кефаллии до Крита и Кипра, также заметно появление ахейских переселенцев, сохранявших свои давние традиции и образ жизни. Рассматривая эти данные, В. Десборо обратил особое внимание на запустение многих давних центров. Однако этот процесс свидетельствует и о духовной стойкости беглецов, стремившихся уберечь свои хозяйственные и политико-правовые традиции от вмешательства завоевателей. Очевидно, три поколения ахеян, живших около 1150–1050 гг., достаточно основательно продумали накопленный опыт общения с завоевателями-сородичами, и полученные знания ясно указывали им на несов-

¹ *Desborough V. R. Dark Ages. P. 19–25.*

² *Vermeule E. T. The Mycenaeans in Achaia // AJA. 1960. Vol. 64. P. 1, 18–21.*

местимость общественного устройства обеих сторон. Поэтому часть ахейского населения избрала путь переселений, как способ сохранения своей самостоятельности.

Столь радикальное решение проблемы существования показывает, что внутри эллинского массива были достаточно сильны представления о праве его отдельных частей на независимость и внутреннее самоуправление при сохранении общеэллинского единства.

Как известно, ахейские передвижения были направлены или в соседние одноплеменные области, или в далекие заморские земли. Можно предположить, что выбор места вселения во многом был определен материальными возможностями переселявшихся. В изучаемом обществе важные передвижения могли осуществлять кланы, племена или их части. Естественно, что в далекие земли направлялись те кланы, которые имели достаточное движимое имущество, например скот и транспортные средства, и внушительное число боевых способных сочленов. Для бедняков выезд вдаль означал трудно восполнимую потерю не только земли, но и орудий труда, запасов и различных бытовых вещей. Видимо, поэтому наряду с дальними выселениями известны передвижения в земли соседних соплеменников, иногда даже в ранее незаселенные местности. Но в эти ближние земли малоимущие кланы могли как-то переправить все необходимое для нового обоснования: даже пешие взрослые переселенцы могли доставить ручную кладь в пункты, отдаленные от прежнего места обитания на 50–70 км за 3–4 дня. Часто использовали и прибрежные морские пути, доступные малым судам.

Несомненно, прав был Фукидид, когда писал о бедственном состоянии Эллады во времена переселенческих движений — хозяйственный урон был весьма значителен. Но он не останавливал передвижения, что четко указывает на силу политико-правового противостояния коренного населения и вторгшихся к ним северных сородичей. Однако период особенно острых отношений не мог быть длительным, его угасанию должен был способствовать уход наиболее воинственной части ахейской знати и средних слоев из разрушенных городов и сел.

Остававшееся беднейшее население было вынуждено во имя выживания налаживать отношения сосуществования с пришельцами. И если завоеватели оставляли задержавшимся кланам и местным племенам их земельные или промысловые угодья, требуя себе по военному праву лишь часть получаемой продукции, то постепенно возникали и крепились постоянные хозяйственные и духовные контак-

ты обеих сторон. Этому процессу, несомненно, содействовали многие патриархальные обычаи, лучше сохранившиеся в среде простого коренного населения и весьма живучие в позднем племенном быту их северных сородичей. Даже давняя практика, идущая от времен родоплеменного строя, внутриэллинских межплеменных и, позднее, межклановых столкновений, кончавшихся часто примирениями, подсказывала необходимость достижения даже худого мира.

Писаная традиция сохранила сведения о том, что некоторые завоеватели пытались достичь определенных правовых договоренностей с населением захваченных ими земель. Это была разумная реальная политика, которую диктовали материальные интересы обеих сторон и их общеэтническая принадлежность. Ведь безопасность всего эллинства не допускала чрезвычайного обострения внутренней военной борьбы.

Имеющиеся данные свидетельствуют, что поиски путей сосуществования победителей и побежденных шли в разных направлениях. Их определяли не только общие и конкретные геополитические условия, но и индивидуальные способности ведущих переговоры деятелей. Значение роли отдельных личностей ясно показывают события в Мессении, откуда доряне изгнали правивший в Пилосе царский клан Нелеидов¹.

Эллинская традиция сохранила сведения о том, что получивший Мессению Гераклид Кресфонт сумел сначала как-то договориться с ее населением. Об этом писал Эфор, рассказ которого изложил Страбон (VIII, 4, 7, С. 361): Кресфонт изначально установил равноправное положение коренных мессенян и дорян, но последние были этим недовольны. Поэтому Кресфонт особо выделил город Стениклар, разрешив жить в нем только дорянам. Сообщение Эфора ясно указывает на длительные напряженные отношения победителей (видимо, не столь многочисленных) и побежденных. Разграничение мест обитания мессенян и дорян вело к ограничению части прав мессенян, что вызывало их недовольство. Как сообщил Исократ, мессеняне составили заговор против владыки и убили Кресфонта (VI, 22). Об этих событиях рассказал и Павсаний (IV, 3, 3–8), но некоторые его сведения похожи на поздние дополнения. Однако древность традиции о гибели Кресфонта не вызывает сомнений — несомненно,

¹ Paus., II, 18, 4, 9; IV, 3, 3; Blegen C. W., Rawson M. Palace of Nestor. Vol. I. P. 421–423.

свободолюбивые мессеняне бережно хранили предания о своей упорной борьбе. События в Мессении показывают, что не везде дорянам удавалось укрепить свое господство мирными соглашениями с покоренным населением. Как известно, в Спарте многие столетия воинственные победители жестко ограничивали правовое положение подчиненного населения.

Ограничившись приведенными примерами, отметим лишь основное принципиальное содержание изучаемого общего процесса: в XII–X вв. в Элладе произошло столкновение двух четко различающихся политико-правовых систем, а именно — ранней государственности ахейских монархий и позднего первобытного родоплеменного строя эолийско-дорийского союза. Это противостояние происходило внутри единого этнического массива, уже выработавшего многие значительные черты общеэллинской культуры. Но все более крепнувшая этническая общность не сразу могла преодолеть практику частых междуплеменных столкновений, столь обычных в период преобразования развитого племенного строя в раннегосударственные образования. Все же уже в XI в. хозяйственное развитие этноса двинулось вперед, видимо в условиях смягчения политических противоречий. Росло значение общих и достаточно близких отдельных черт духовной жизни разных частей одного этноса, что могло сказаться на характере конкретных событий.

Допустимо предположить, что этническая общность весьма способствовала достижению взаимопонимания между знатью побежденных и родоплеменными верхами победителей в некоторых землях. Ведь и в позднейших развитых государствах, например в Римской империи, возникали реальные формы связей племенной знати с верховной властью. В Элладе изучаемого времени важное значение должны были иметь сохранявшиеся традиционные представления об особом покровительстве олимпийских богов ахейским династиям. Видимо, поэтому доряне иногда считались с побежденными царями, ограничиваясь их изгнанием.

На такой факт указывают сведения об уходе ахейских басилеев из Мессении и Аргоса. Как сообщил Геродот (V, 65), Нелеиды ушли из Мессении в Аттику с группой своих близких. Окружение сородичей было, видимо, достаточно многочисленным, что позволило клану двинуться с немалым количеством оружия, орудий труда и других ценностей. Материальная обеспеченность клана помогла Нелеидам очень скоро добиться здесь высшей власти благодаря сохранению

своего военного потенциала: мессенский царь-изгнанник Меланф победил в поединке Ксанфа, басилея эолян, вторгшихся в Аттику из Беотии. Победа Нелеида Меланфа позволила ему воцариться в Афинах — Страбон, рассказывая об этом событии, особо подчеркнул согласие афинян (IX, 1, 7). Заметим, что примечательно не только военное мастерство Меланфа, но и психологическая устойчивость его самого и, вероятно, всего его клана — изгнанники не отступили перед новым неприятелем, но сами обратили его в бегство.

Из Аргоса и Лакедемона был выселен дорьями правивший там Тисамен, сын Ореста. Этот внук Агамемнона со значительным войском ушел в Ахайю, согласно переданному Павсанием преданию (II, 18, 8; VII, 1, 7; 6, 1–2). Но местные басилеи, опасаясь за свою власть, выступили против Тисамена, однако были разбиты. Пришельцы прочно поселились в Ахайе. Археологические данные в основном подтверждают сведения традиции: анализ вещественных источников, проведенный Э. Вермьюл, показал, что наибольший приток микенян в Ахайю заметен спустя лет 30–40 после Троянской войны. В керамике это время перехода от ПЭ III В стиля к ПЭ III С (около 1230–1220-х гг.). Исследовательница отметила, что каких-либо следов вторжения дорян в Ахайю в это время и даже позднее нет и что ахеяне непрерывно населяли эту область и в X в. Однако керамика показывает постепенное угасание древних аргосских традиций¹. Видимо, Тисамену и его ахеянам удалось упорядочить отношения не только с коренным населением области, но и с ближайшими соседями-эолянами, учитывавшими силу ахеян и природные условия области². Возможно, что сами переселенцы, долго сохранявшие обычаи предков³, стремились только прочно удерживать заня-

¹ Vermeule E. T. Mycenaean. P. 1–4, 18–20. Основные выводы Э. Вермьюл развил и дополнил В. Десборо — Last Mycenaean. P. 97–101.

² Гористый характер территории Ахайи затруднял военные вторжения. Многие поселения на высотах были хорошо защищены самой природой. Сходные условия успешно использовали некоторые критские поселения, основанные ушедшими в горы коренными критянами — вселившиеся доряне не решались нападать на них, как показывает история Карфи и соседних ему сел. См.: Pendlebury J. D. S. Excavations. P. 57, 134–135, 140–141; Пендлбери Дж. Археология Крита. С. 316–318, 322–323.

³ В. Десборо, исследовав характер 20 некрополей Ахайи, отметил, что около 1230–1025 гг. (стиль ПЭ III С) там сохранялась чисто микенская традиция в керамическом деле. См.: Last Mycenaean. P. 101.

тую ими землю и не шли на столкновения с соседями. Данные рядовых, «микенских», некрополей Ахайи свидетельствуют, что сюда смогли уйти из Арголиды не только знать, но и сравнительно широкие круги населения. Среди таких переселенцев могли быть кланы, уже давно связанные с царскими управителями, что обеспечивало им средний уровень зажиточности и более почетное положение в обществе. Такой слой ахеев мог сохранять преданность Тисамену в силу не только чисто экономических соображений, но и потому, что их воззрения сформировала яркая раннемонархическая идеология предшествующих десятилетий.

По-видимому, не все покоренные ахейцы решались покинуть свои земли и дома, доставшиеся от предков. Ведь к концу XIII в. права владения землей, судя по документам из Пилоса, были сформулированы устным обычным и письменным правами, причем операции с владением и арендой земли были достаточно сложными. Для бедного клана, владеющего ограниченным земельным фондом, потеря фактического обладания своими землями могла привести к полной хозяйственной катастрофе. Сами доряне были заинтересованы в сохранении опытных земледельцев и старались не вмешиваться в частности внутренней жизни завоеванных ахеев. Видимо, и общность религиозных воззрений заставляла господствующий слой уважать многие обычаи населения захваченных земель. На эту политику указывают важные данные из Арголиды.

Исследуя аргосские некрополи, Р. Хэгг отметил, что население области почти 400 лет (около 1230–830-х гг.) непрерывно сохраняло свой давний, «микенский», обряд захоронения в каменных ящиках, отвергая распространенный тогда обычай кремации. Общий характер погребального инвентаря позволил археологу заключить, что рядовые аргивяне в те времена жили достаточно благополучно и что иногда был заметен рост числа обитателей¹. В самом городе Аргосе период протогеометрического стиля (около 1025–900 гг.) примечателен интенсивным строительством — о нем свидетельствуют пять последовательных городских напластований². Весьма важны данные о развитии аргосского ремесла, которое сохраняло многие достижения прежних технологий. На это указывает не только мастерство ску-

¹ Hägg R. Die Gräber der Argolis in Submykenischer, Protogeometrischer und Geometrischer Zeit. Uppsala, 1974. S. 1 sq.

² Coldstream J. N. Geometric Greece. P. 36.

дельников, но и профессионализм металлургов: в Аргосе открыта мастерская с печью для выплавки серебра, которая работала в начальном периоде протогеометрического стиля. Эти данные послужили основанием для заключения В. Десборо о том, что значительное развитие хозяйства в X в. сделало возможным дальнейшее развитие всей области. Еще в конце XI в. город Аргос заметно выделялся среди соседних центров¹. Очевидно, утвердившиеся в Арголиде доряне при Темене и его потомках старались в XI—X вв. поддерживать там развитие основных отраслей хозяйства. Вещественные источники бесспорно свидетельствуют о сохранении мастерства аргосскими ремесленниками, что позволило им достичь высокого профессионализма в последующие столетия².

Данные по истории хозяйства Арголиды позволяют сделать вывод: вторгшиеся сюда доряне, сокрушив неприемлемую для них раннюю ахейскую государственность, избрали путь умеренного использования части богатого хозяйственного опыта коренного населения. Заботясь о своей пользе, победители разумно устраивали отношения с побежденными, предоставляя им возможность работать и получать какую-то часть продуктов собственного труда. Обеспечивая коренным аргосцам необходимые условия для хозяйственной деятельности, доряне должны были сохранять им ряд правовых установлений, не противоречивших нормам дорийского права. Примечательно, что уже в эти ранние времена Аргос превосходил соседнюю Спарту даже до IX—VIII вв. Возможно, что утвердившие свою власть Темениды, царствовавшие в Аргосе, умело содействовали постепенному взаимодействию многих ахейских и дорийских традиций.

Приведя лишь часть известных данных (я намеренно не останавливаюсь на сведениях о событиях в Спарте), можно с уверенностью утверждать, что реальный ход истории в Элладе после дорийского вторжения отличался рядом местных особенностей, более существенных в области политического устройства. Однако одновременно в материальной и духовной сферах деятельности всего этноса

¹ *Desborough V. Dark Ages. P. 162, 318, 350.*

² *Coldstream J. Geometric Greece. P. 81–84, 152–154.* Рост общезнатнического сознания и общеэллинских сакральных идей, несомненно, содействовал успешности внутреннего развития Аргоса. Неслучайно эллинская традиция уделила большое внимание аргосской истории вплоть до царствования Фидона I, ставшего, как сообщил Аристотель, тираном (*Pol. V, 8, 41310 b 25*).

ясно заметен рост понятия общеэллинского единства. О внутреннем упрочении эллинского массива убедительно свидетельствуют черты технологической и видовой общности изделий, производившихся в разных землях страны, а также распространение сходных по идейному содержанию художественных произведений.

Упрочению общеэллинского сознания, несомненно, весьма способствовало успешное эволюционное развитие земель, не испытавших эолийско-дорийских вторжений. Именно в таких частях страны сохранились авторитетные святилища общеэллинских богов, покровителей всего этноса, культы которых сплачивали весь эллинский массив.

Отметим святилище с давней сакральной традицией на острове Кеосе. Там, около современного Агиа Ирины, открыта святыня, возникшая еще в XV в., в которой почиталась особо чтимая богиня и ее окружение. В крупном здании храма (площадью около 140 м²) обнаружено более 20 терракотовых статуй или их частей. Богочитание не было прервано даже крупным землетрясением, после которого святилище существовало непрерывно приблизительно от 1000 г. до эллинистического времени¹. Этот сакральный центр на ахейско-ионийском острове является весомым свидетельством того, что в духовной жизни тогдашнего эллинства шло не только сохранение, но и дальнейшее развитие древних религиозных воззрений.

Однако в политическом мышлении эллинства XII–IX вв. должны были происходить довольно значительные сдвиги. После крушения ряда ахейских монархий под натиском дорян и эолян в стране сложилось активное или пассивное противостояние политических систем разной направленности. Одна группа — земли с сохранявшимся монархическим строем, постепенно видоизменявшимся в силу новых этно-политических условий внутри Эллады. Другой тип сообществ — захваченные завоевателями ахейские области, куда господство дорян внесло возрождение многих старинных форм общественного устройства времени поздних родоплеменных отношений. Новые властители были заинтересованы в развитии деятельности кланово-племенных органов управления, еще сохраненных коренным населением. Давние полномочия местных властей могли быть удобны для использования господствующими верхами. Для поко-

¹ Caskey J. L. Investigations in Keos 1963 // Hesperia. Vol. XXXIII. 1964. P. 317, 326, 332.

ренного населения наличие традиционных местных органов власти означало возможность какой-либо защиты своих интересов. Вероятно, в ходе длительного сосуществования обоих социальных слоев происходили различные колебания значимости интересов той или другой стороны, но политическое главенство дорян оставалось непреодолимым фактором.

Военное превосходство доряне поддерживали не только силой своего оружия, но и сохранением давних устойчивых связей с северными соседями. Контакты с племенным миром срединнобалканских земель все эллинство имело еще в XXVI–XVI вв., однако в период расцвета ахейских монархий эти отношения были несколько ограничены¹. Но совместные походы конца XIII – начала XII вв. особенно укрепили сближение дорян с населением южнодунайских земель. В дальнейшем взаимоотношения всего эллинства с северными племенными массивами значительно расширились и приобрели новые качественные черты.

Действительно, вещественные источники ясно свидетельствуют о том, что около 1125–900 гг. в Элладе находились выходцы из северных и северо-западных балканских земель. В. Милойчич, анализируя данные археологии, подчеркнул, что владельцы изделий северного происхождения были уже постоянными жителями эллинских областей, принесшими с собой готовые вещи². Исследователь отметил, что лепная керамика этих переселенцев находит аналогии в посуде того же времени Македонии и западно-сербских земель³. Это говорит о выходцах из разных племенных групп, прибывавших в Элладу в XII–X вв.

Глубоко аргументированные выводы В. Милойчича открыли значение ряда уже известных или недавно обнаруженных источников. Их содержание позволяет подробнее остановиться на некоторых вопросах политической жизни и духовной истории Эллады в XII–X вв.

Появление постоянно обитавших среди эллинства выходцев из центральнобалканских и южноевропейских земель говорит не только о развитии связей жителей Эллады с отдаленно родственными им союзами индоевропейских массивов дунайского бассейна. Эти кон-

¹ Valmin M. N. Swedisch Messenia Expedition. P. 401–404; Milošević V. Do-rische Wanderung. S. 33.

² Milošević V. Ibid. S. 24–29, 35.

³ Milošević V. Ibid. S. 32.

такты, как будет показано ниже, оказали огромное влияние на духовный мир эллинства в XI–VIII вв. Но эти же отношения доставляли эллинам сведения о растущей численности и военной мощи северных племен и о возможности их насильственного вторжения в эллинские пределы при необходимости. Ведь в истории племенных сообществ усиление демографического пресса или губительные стихийные бедствия нередко приводили к передвижениям крупных групп населения и захватам земель соседей. Сами эллины хорошо понимали нереальность своего расширения за счет северных соседей. Точно так же они бесспорно учитывали необходимость поддерживать прочную оборону своих владений, что требовало практического согласования военно-политических интересов всех частей этноса. Особенно была важна деятельность основных групп — эолян, ионян и дорян. Начавшееся еще в XII в. выселенческое движение в Малую Азию показывает, что все три названных массива умели достигать взаимопонимания в вопросах внешней политики, хотя свои внутренние задачи они решали самостоятельно по принципу своезакония.

Общезнаменное сознание должно было воспринимать различия общественной мысли, сформировавшиеся под влиянием реальных событий. Не сразу несколько поколений эллинов смогли преодолеть последствия той подавленности и психологической депрессии, которую пришлось испытать их предкам¹. Только во время угасания субмикенских традиций в духовном мире этноса около 1150–1050-х гг. наметились существенные сдвиги, имевшие неодинаковые направления. В указанное столетие, несомненно, упрочились позиции завоевателей, дорян и эолян. Этому содействовали сплоченность и значимость их устойчивых племенных порядков. Можно полагать, что контакты с балкано-европейским позднеархаическим племенным миром могли поддерживать силу особо архаичных общественных воззрений завоевателей. В свою очередь идеология господствующих слоев могла способствовать возрождению и сохранению авторитета кланово-племенных установлений у покоренных ими эллинов.

Вероятно, большей сложностью отличалось развитие духовного мира населения эллинских земель, не испытавших завоеваний. Сохранившийся у них монархический строй неизбежно должен был потерять прежний авторитет. Бесславная гибель нескольких ахей-

¹ Desborough V. R. Dark Ages. P. 18–25, 77.

ских царств напоминала верхам уцелевших монархий о брэнности принципа автократии басилеев; для широких слоев населения события в истории сородичей служили четким указанием на то, что не стены акрополей, но мощное войско всего сообщества может успешно защитить его независимость и жизнь народа. Эти представления укрепляли самосознание дамоса каждой монархической земли и несомненно наносили ущерб промонархической идеологии. Можно полагать, что одновременно возрастало значение исконных местных кланово-племенных органов управления, постепенно умалявших правомочия царских управителей. Ведь именно клановые и племенные власти в тревожные времена между 1230–1050 гг. оказывались самыми правоспособными и доступными руководителями населения каждой местности. От их деятельности зависело сохранение хозяйственных и правовых порядков в жизни дамоса. Изложенные предположения основываются на убеждении автора в том, что эволюционное развитие земель, отразивших дорян или не затронутых вторжениями, основывалось на устойчивом сохранении традиционных полномочий глав кланов и локально-племенных властей.

Действительно, в трудные времена крупных и мелких передвижений, когда, согласно Фукидиду (I, 2, 4), происходили захваты самых плодородных земель, даже сами басилеи были заинтересованы в активной деятельности местных сообществ и их верхов, начиная от кланов и кончая союзами локальных племен.

Первостепенной задачей клановых организаций было сохранение своих земельных владений и выработанных веками приемов их использования. Это требовало наличия достаточных трудовых ресурсов, а также необходимого количества искусных ратников, способных всегда защитить жизнь родственной общины и ее интересы. Следует полагать, что внутриклановые взаимоотношения в те беспокойные годы нередко нарушались из-за столкновения интересов групп различной степени родства или даже отдельных особо активных личностей. Изменявшиеся реальные условия влияли на положение некоторых семей внутри клана, становившихся или менее значительными, или, наоборот, более авторитетными. Естественно, что сохранение клановых обычаев и принятых издавна порядков требовало значительных усилий от верхов родственных сообществ. Вероятно, возрастало значение средних семей, имевших устойчивое хозяйство и способных выставить качественных воинов. Но наибольший авторитет, как известно, принадлежал старшим представителям семей, верхам кланов.

Именно старейшины следили за соблюдением внутриклановых порядков, строго поддерживая обычное право в своих общинах. Они же должны были представлять интересы кланов при контактах с племенными властями, особенно если главы племен энергично развивали свои обычные полномочия и при этом ущемляли права родственных сообществ.

Можно только предполагать, что сохранявшиеся монархические власти некоторых земель должны были серьезно считаться с растущим значением подчиненных им местных правомочных управ. Ведь именно деятельность этих звеньев раннегосударственных систем обеспечивала жизнеспособность и обороноспособность каждого уцелевшего царства в условиях нередких столкновений между государствами и племенами. Устойчивость самого клана, этого низового общественно-го объединения, была особенно важна для прочности раннегосударственных образований.

Надлежит отметить, что кровное родство членов клана должно было долго сохранять силу давнего принципа равенства всех сородичей, несмотря на различия по возрасту и роду занятий. Кровнородственная общность, одна из мощных категорий естественного права, воспитывала у каждого члена сообщества четкие представления о его долге перед общиной и об ее обязанностях по защите его жизни и прав. Традиционные и строго соблюдаемые правопорядки клановых общин — назовем лишь обычаи землевладения всей общины и ее правоспособных членов, обязательной взаимозащиты родителей и кровной мести, а также военной повинности для всех боеспособных общинников — развивали представления о значимости всего клана, о его роли в жизни племени и всего этноса. Одновременно шло развитие самосознания каждого общинника-воина, мыслившего себя полноценной частью своего клана. Отношения клановой общины с другими кланами и племенами требовали участия общинников в обсуждении и решении вопросов клановой политики, что вырабатывало умение активно участвовать в общей деятельности клана у всех его правоспособных членов.

Геополитические условия жизни эллинского массива в изучаемый период были достаточно сложными, что требовало интенсивной умственной работы деятелей всех общественных образований. Решусь утверждать, что трудный и длительный процесс формирования гражданской психологии, морально-этических и ряда других категорий духовного мира эллинов-республиканцев начался еще в

кланово-племенных общностях XII–X вв., когда шло создание раннеполисных политей.

Развитие клановых общин в уцелевших царствах могло оказывать некоторое влияние на племенные правопорядки и даже на отдельные установления поздних монархий. Ведь правившим там в указанные столетия династам приходилось считаться с мнением вооруженного дамоса больше, чем владыкам ахейян в XIV–XIII вв. Как известно, даже Атрей укрепился в Микенах, лишь добившись, согласно сообщению Фукидида (I, 9, 2), доверия микенян.

Позднее постепенное развитие монархий должно было вести к некоторому изменению правомочности басилеев, причем в сторону ее уменьшения. На этот процесс указывает свидетельство Аристотеля в Политике (III, 9, 7–8). Философ отметил, что правившие по соглашению [всех] в героические времена басилеи были верховными военачальниками, ведали не совершаемыми священнослужителями жертвоприношениями и к тому же разбирали судебные дела: Κύριοι δὲ ἦσαν τῆς τε κατὰ πόλεμον ἡγεμονίας καὶ τῶν θυσῶν, ὅσα μὴ ἱερατικά, καὶ πρὸς τοῦτοις τὰς δίκας ἔκρινον (Pol., III, 9, 7, 1285 b8).

Но после, как сообщил Стагирит, цари — или сами, или под давлением народа — отказались от некоторых своих полномочий. Это общее заключение выдающегося мыслителя ясно указывает на необратимый процесс ограничения власти басилеев. Разумные династы понимали необходимость уступок; в иных случаях народ сам устранил их отжившие полномочия.

Естественно, что такие изменения происходили одновременно и своеобразно в отдельных частях страны (ниже мы остановимся на событиях в Элиде и Аттике). Однако локальные особенности не останавливали общего движения политико-правовой жизни эллинского массива. Элада в XII–VIII вв. все дальше уходила от полновластного монархического строя, заменяя единовластие различными формами государственности, управляемыми несколькими высшими должностными лицами; нередко в эти коллегии входили и магистраты-басилеи.

Эллинский политико-правовой полиморфизм, постепенно обесиливший монархическое устройство, явился естественным следствием совместного роста кланово-племенных и раннегосударственных правопорядков. Этнос, переживший эпоху интенсивного развития ахейского единовластия в XIV–XIII вв. и мучительные времена крушения монархий, обратился в новых геополитических

условиях к выработке иных систем правления. Возникавшие новые формы властных структур основывались на живучих обычаях кланово-племенных образований и племенных союзов, сохранявших принципы самоуправления и самозакония. Автаркия и автономия оставались необходимыми для развития каждой части эллинства, отбирившего из опыта своей прошлой истории важные положения. Естественно, что дальнейшая эволюция раннегосударственных образований обогащала содержание главнейших политико-правовых понятий. Известные ныне факты истории Эллады показывают, что уже в XII–X вв. общие государственно-правовые взгляды ее населения складывались на основе развитых рациональных подходов к реальной жизни.

Здесь позволю себе выразить несогласие с довольно распространенным ныне расхожим утверждением, будто в конце II тысячелетия в Элладе «произошло полное уничтожение всяких форм государственности в ходе так называемого “дорийского завоевания” ... Государственные структуры погибли как в завоеванных областях, где сменилось население, так и в областях, где такой смены населения не было и сохранилось старое население, например в Аттике»¹. Ярко изложенное в 1987 г. суждение Г. А. Кошеленки вызывает сомнения.

Политическая обособленность ряда областей страны, не исключавшая соседские войны, а также внутренние противоречия и рост местных особенностей материального и духовного развития некоторых земель не останавливали формирование общеэллинского этнического единства. Бесспорным свидетельством этого является примечательная однородность культуры всего материкового и части островного эллинства. Эта общность четко прослеживается в период 1125–1050 гг. в памятниках материальной и духовной деятельности этноса². Ярко выраженное единство характера культуры убедительно показывает, что эллинство в трудные XII–XI вв. сумело восстановить цельность своей этнической традиции. Ведь в XIV–XIII вв. в ахейских царствах сложилось особое культурное течение обитателей дворцов и высших кругов горожан, которое исключило

¹ Кошеленко Г. А. О некоторых проблемах образования и развития государственности в древней Греции // ОДОКР. М., 1987. С. 39.

² Яркие черты этой однородности отмечали многие исследователи, но особенно полно ее подчеркнул В. Десборо, привлекая данные разных видов деятельности этноса: см. *Desborough V. Dark Ages*. P. 15, 32, 341.

многие общие древние понятия эллинства. Но и в период расцвета новых художественных вкусов высших слоев общества рядовое эллинство сохраняло традиционные воззрения своей давней культуры. Весьма ясно об этом говорит своим художественным языком орнаментация массовой керамической продукции.

Действительно, гончары, отвечая вкусам своих рядовых потребителей, и в 1425–1300 гг. украшали простую посуду врезными или расписными геометрическими узорами, общепринятыми в Элладе еще в III тысячелетии и известными тогда и в Микенах¹. Эти же геометрические мотивы украшали обыденную посуду обитателей городков и селений в эпоху культурного расцвета ахейских монархий².

События конца XIII — начала XII вв., приведшие к сложению новой геополитической обстановки в Элладе, имели следствием мощное распространение геометрического узора после 1230–1125 гг. по всей стране. Примечательна сила его единства: как подчеркнул В. Десборо, керамика этого времени, несмотря на локальные особенности, показывает много общего в декоре и в формах сосудов³. Очевидно, традиционные художественные вкусы простого эллинства получили теперь всеобщее признание, причем они решительно вытеснили принципы изысканной культурной традиции ахейских верхов.

Столь безоговорочно выраженная общность художественных идеалов всего эллинства является веским свидетельством того, что единая этническая традиция становилась все более мощной силой в материальной и духовной жизни страны. Имеющиеся ныне фактические данные позволяют внимательнее изучать ее воздействие на основные стороны деятельности всего этноса уже в XII–XI вв. Значимость этого воздействия особенно примечательна тем, что оно активно воспринималось политически расчлененным населением всех эллинских земель.

Полагаю, что именно единая этническая идеология обусловила целеустремленный поворот внешней политической ориентации тогдашней Эллады, прервавшей давние оживленные контакты с заморскими монархиями. Этот сдвиг, определяемый многими исследова-

¹ Wace A. Mycenae. P. 10. Figs. 80, 84 a–c, f–o.

² Примером служит керамика из Асины, см.: Asine. Excavations in the Barbouna Area at Asine / Ed. J. and R. Hägg. Fasc. 2. Uppsala, 1978. P. 70, 90. Figs. 51, 38; 52, 41.

³ Desborough V. Dark Ages. P. 32.

дователями как изоляционизм, обычно оценивают отрицательно¹. Однако необходимо учитывать, что в то же время (согласно А. Снодграссу — около 1025–950 гг.) эллинство значительно усилило свои связи с северобалканскими и центральноевропейскими племенами, жившими еще в условиях позднего периода первобытно-общинного строя. Сближение тогдашнего эллинства с населением северных стран убедительно проследил В. Милойчич, анализируя данные о мирном проникновении в Элладу второй волны северных соседей. Ставшие известными новые материальные источники об этих выходах, длительно живших среди эллинов, углубили знания историков о широте связей эллинства в XI–X вв. с племенным миром дунайско-карпатских земель. Очевидно, первобытно-общинные порядки северных соседей были достаточно понятны широким кругам эллинства, значение которых в жизни страны все более возрастало. К тому же в древнейших обычаях самого эллинства еще сохраняли силу некоторые черты общности с установлениями южноевропейского племенного мира, окраинной частью которого на Балканах был эллинский массив. Общность древнейших генетических корней способствовала поддержанию практических и мировоззренческих связей эллинства со своими северными соседями в мирные времена.

Немалое значение имела близость ряда древнейших религиозных верований, о чем свидетельствуют варварские вещи в протогеометрических некрополях Эллады, а позднее и в эллинских святилищах². Посвящения обитавших в Элладе варваров эллинским богам в X–IX вв. указывают на постоянные сакральные контакты. Некоторые сведения о них содержит рассказ Геродота о дарах Артемиде, которые северопонтийское племя гипербореев издавна пересылало через скифов и другие племена в делосский храм богини (IV, 32–36). Примечателен путь этих даров: гиперборей вручали их скифам, от которых святые дары последовательно передавались на запад соседствующими племенами вплоть до Адриатических берегов. Отсюда дорога шла на юг в Додону, где путь даров поворачивал на восток —

¹ Snodgrass A. M. Dark Age. P. 237, 246, 368–373; Desborough V. Dark Ages. P. 25, 77.

² Milošević V. Dorische Wanderung. S. 21–22, 33–35. Новые дополнительные источники в 1969 г. привел Я. Боузек, см.: Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 117, 127–28.

до берегов Малийского залива, откуда дары переправляли на Евбею, а затем на Тенос, жители которого доставляли посвящения на Делос.

Сухопутная обходная дорога гиперборейских даров позволяет заключить, что участвовавшие в передаче племена издавна чтили богиню, образ которой был близок эллинскому культу Артемиды¹. Видимо, обычай посылки даров гипербореев возник еще около середины II тысячелетия — изучение ранних слоев делосских героонов показало, что почитание гиперборейских посланниц-дароносиц (о них сохранились мифы в сакральной традиции Делоса) велось там уже в XIV—XIII вв. и в последующие времена². Соответствие архитектурных источников сведениям мифологической традиции и «варварские» посвящения эллинским богам заставляют полагать, что на практике существовали и другие, пока еще не известные, связи религиозных воззрений тогдашнего эллинства с верованиями его северных соседей.

Но уже точно засвидетельствованные факты сакральных контактов достаточно ясно указывают на некоторые взаимовлияния в отдельных сферах духовной жизни обеих частей балканского населения. Видимо, прочность позднего родоплеменного строя у северян могла немного способствовать укреплению весомости кланово-племенных порядков у самих эллинов. В трудную эпоху пересмотра своего отношения к монархическим принципам эллинский этнос неизбежно должен был укреплять свои самые устойчивые социальные структуры, начиная с традиционных первичных подразделений общества — кланов. Попутно замечу, что вопрос о развитии клановых образований в те времена, насколько мне известно, еще мало освещен в историографии эллинства. Особенно скудна разработка различий в положении и деятельности кланов в завоеванных дорянами и в сохранивших свою независимость частях Эллады. Однако нельзя сомневаться в том, что задачи внутреннего развития страны и ее кланово-племенного устройства занимали внимание этноса в XI—X вв.

Несомненно, это первостепенное направление жизни Эллады определило важный перелом во внешней ориентации страны: в изу-

¹ Сакральные круги Делоса тщательно сохраняли древний обряд даже на рубеже V и IV вв. О нем упоминают афинские эпимелеты Делоса в своем отчете. См.: *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях // ВДИ. 1939. № 3. С. 238–239. № 2.

² Об особенностях культа Артемиды см.: *Nilsson M.* Griechische Feste. S. 179–258. Убедительно сопоставил данные сказаний о первых гиперборейках на Делосе с археологическими памятниками Г. де Сантерр, см.: *Santerre G.* Delos. P. 93–96, 165–173, 175.

чаемый период эллинизма решительно порвало с внешнеполитическими устремлениями ахейских монархий и сочло необходимым избрать политику отчуждения от соседних древних царств.

Сокращение связей с заморскими монархиями было аргументированно прослежено рядом ученых, изучавших историю Эллады и соседних ей стран в период с начала XII до середины X вв. Однако новые источники свидетельствуют, что и после 950-х гг. эллинизм еще долго отгораживалось от близлежащих монархических государств. Весьма важны выводы П. Курбэна, исследовавшего эллинскую керамику, обнаруженную в Тире и Басите¹. Около 950 г. в эти города были привезены еврейские амфоры с оливковым маслом — этот продукт из Эллады являлся в Сирии предметом роскоши. Однако ученый полагает, что товар был доставлен в Левант не из материковой Эллады, но через Кипр. Ведь, как уже определил Дж. Колдстрим², около 900-х гг. только Евбея имела связи с Кипром. В самих же Тире и Басите даже в IX в. фрагменты геометрической эллинской керамики весьма редки. Лишь в VII в., как подчеркнул П. Курбэн, возобновился прямой импорт из материковых эллинских центров в Левант.

Выводы исследователя указывают на то, что тогдашнее балканское эллинизма очень медленно восстанавливало дальние связи с монархическими государствами. Но с эллинизмом, обитавшим на Кипре, связи не прекращались — в 950–900-х гг. прямые контакты с киприотами имели обитатели Фессалии и Кикладских островов³. Примечательно, что не только в материковых землях, но и на Крите в период от 1200 до 800 гг. импорт из Египта почти отсутствовал⁴.

Бесспорные сведения о длительном ограничении контактов эллинизма с Египтом и царствами Леванта позволяют заключить, что население материковой Эллады выработало тогда совместную и четко определенную линию своей внешней политики. Ее основной целью в XII–X вв. было сознательное отчуждение от стран с традиционным и прочным монархическим правлением. Этнос Эллады уже накопил достаточный социально-политический опыт за предшествую-

¹ Courbin P. Fragments d'amphores protogéométriques grecques à Bassit (Syrie) // *Hesperia*. Vol. 62. № 1. 1993. P. 95–115.

² Coldstream J. *Geometric Greece*. P. 52.

³ Coldstream J. *Greek Geometric Pottery*. P. 340.

⁴ Boardman J. *The Cretan Collection in Oxford*. Oxford, 1961 P. 74.

ющие 600–500 лет и относился отрицательно к возможным мощным промонархическим влияниям извне.

Выдвигая особую значимость идеологических позиций в мировоззрении тогдашнего эллинского массива, считаю необходимым напомнить, что проблема сохранения этнокультурной самостоятельности ясно стояла перед поздними родоплеменными обществами не только в древности, но во многих странах мира даже в XIX в. нашей эры.

Для эллинизма, уже в XIV–XIII вв. стоявшего на высокой ступени общего развития, проблема сохранения своей этнокультурной и политической обособленности и в последующие столетия была особенно важна. К этому же вело и понимание реальных возможностей дальнейшего существования всего этнического массива на Балканах.

Имеющиеся важные источники бесспорно свидетельствуют, что материковое эллинизма в XII–X вв. сосредоточило основное внимание на вопросах своего внутреннего материального и духовного развития. Происходившие тогда в стране сдвиги требовали от общества напряженной умственной и физической работы по преодолению хозяйственной и духовной неустойчивости в части захваченных дорями земель и по созданию более прочного взаимопонимания внутри всего этноса.

Огромное значение для развития материальной деятельности эллинов имел происходивший в указанные столетия переход к повсеместному изготовлению железных предметов, особенно оружия и орудий мирного труда. Превосходившее бронзу многими важными качествами железо долгое время было редким и драгоценным металлом: даже в XIII–XII вв. лишь немногие железные вещи попадали в малые городки типа Мальти, что отметил уже Н. Валмин. Но уже около 1025–900 гг. выплавка железа из местных руд засвидетельствована в Аттике, Аргосе и на Евбее¹. Ставшее очень скоро основным металлом, железо содействовало важным сдвигам не только в хозяйственной жизни эллинизма, но и в его мировоззрении и общественном устройстве. На это еще в 1942 г. указал Г. Чайльд: железная техника оказала демократизирующее воздействие на сельское хозяйство, ремесла и военное дело². Повсюду железные орудия су-

¹ Valmin N. The Swedish Messenia Expedition. P. 312, 411; Desborough V. R. Dark Ages. P. 78–79.

² Childe G. What happened in History. London, 1942. P. 183; Reprint: Baltimore; Maryland. 1964. P. 199–200.

щественно повысили производительность труда каждого рядового труженика, что в свою очередь укрепило материальные и социальные позиции небогатого населения. Это указал Г. Чайльд.

Надлежит отметить, что развитию более сложной железной металлургии сопутствовали важные усовершенствования в остальных областях хозяйства. Естественно, одновременно становилась более интенсивной общая интеллектуальная деятельность всего этноса.

Весьма убедительные сведения доставляют исследования по развитию гончарного дела. Установлено, что в Аттике, Арголиде и некоторых других землях Эллады около 1075–1050 гг. произошел значительный качественный сдвиг¹. Это было продвижение вперед в мастерстве, которое еще сохраняло основные специальные знания и навыки предшествующих поколений скудельников. Правда, разруха после 1150–1125-х гг. привела к упрощению многих внешних форм жизни эллинства, что прямо отразилось на гончарном деле: изготавливаемая тогда посуда скромного субмикенского стиля (около 1125–1050-х гг.) не только сохраняла давние традиции, но и развивала местные особенности общеэтнической культурной традиции. Эти, пусть и слабые, проявления локального художественного вкуса весьма важны — они отражают начавшийся принципиальный отход от той свободной и жизненной манеры, которая характеризовала творчество ведущих вазописцев в ахейских монархиях.

Однако возвращение к архаическим художественным идеям народа не привело к полной потере фундаментальных технических знаний и тонких художественных приемов всеми мастерами гончарного дела. Часть керамевсов сумела сохранить свои сложные профессиональные правила и передавать их постепенно последующим поколениям скудельников. Деятельность таких знатоков вполне соответствовала общему непрерывному ходу развития этноса, который уверенно обрисовал А. Снодграсс². Действительно, пример металлургов, сохранивших и развивавших свои технологические правила³, ясно показывает, что качественные специалисты имели все условия в XI–X вв. для успешного применения своих глубоких знаний на практике. Добавлю, что о том же свидетельствует продолжение деятельности профессионалов гу-

¹ *Desborough V. R. Protogeometric Pottery. P. 122–125, 298–299; Idem. Dark Ages. P. 41–43.*

² *Snodgrass A. Dark Age. P. 114, 360–361, 400.*

³ *Desborough V. Dark Ages. P. 30, 33, 41, 77.*

манитарного направления, например рапсодов и сказителей легенд о прошлом.

Именно живучесть выработанной ранее профессиональной традиции гончарных мастеров обеспечила успешность дальнейшего сдвига в развитии керамического производства. Он происходил около 1025–900 гг., когда формировался новый протогеометрический декор посуды. В этот период возродился высокий профессиональный уровень гончаров: их изделия указывают на работу мастеров своего дела¹. Очевидно, замеченный процесс происходил в благоприятных условиях интенсивной умственной деятельности в ряде частей эллинского массива.

Важным и убедительным свидетельством этого, как показал В. Десборо, является крупное техническое изобретение в Аттике. Там при переходе от субмикенского к протогеометрическому стилю, около 1050–1025 гг., вазописцы создали многосоставную кисть для нанесения концентрических кругов на посуду и широко применяли циркуль. Исследователь, подчеркивая преемственность многих приемов и форм от гончарного дела XIII–XI вв., указал важные нововведения в технологии керамевсов: введено быстрое кружало и повышена температура обжига². Естественно, что рационально использовать такие достижения могли мастера, владевшие всеми изобретениями предшествующего периода. Выводы В. Десборо были дополнены Дж. Пападопулосом, который отметил, что техника и технология гончаров в период перехода от бронзы к железу не отличались коренной переменной — гончарные печи имели традиционную конструкцию, способы подготовки глины и красок не менялись, как и многие формы сосудов; эти данные бесспорно свидетельствуют об устойчивости непрерывных ремесленных традиции в гончарном деле³.

Точные знания о высоком развитии столь важных отраслей производства как металлургия и гончарство позволяют с уверенностью говорить, что в XI–X вв. эллинская мысль работала напряженно.

Как известно, прогресс производства идет много быстрее, чем существенные изменения в духовном мире общества. Устойчивость

¹ *Coldstream J. N. Greek Geometric Pottery. P. 335.*

² *Desborough V. R. Protogeometric Pottery. P. 119–126; Idem. Last Mycenaean. P. 262–263.*

³ *Papadopoulos J. K. Early Iron Age Potter's Marks in the Aegean // Hesperia. Vol. 63. 1994. P. 437 sq., 494–495.*

субмикенских традиций в искусстве Эллады около 1125–1025 гг. указывает на то, что почти три поколения обитателей страны сохраняли какие-то реликты идейного наследия монархической идеологии, которые не останавливали развитие точных знаний и технической практики. Примечательно, что несмотря на многие геополитические различия, способствовавшие неравномерному развитию материальных условий разных частей этноса, умственная жизнь большинства земель эллинства в изучаемое время шла по сходным направлениям, что ясно показывают общие изменения эллинской этнической традиции. Эти изменения коснулись и общезнаменитого политического мировоззрения тогдашней Эллады. Эллинство выработало два различных направления своей внешней политики. Одно — усиление связей с балканским племенным миром, хозяйственно-культурный тип которого имел ряд черт, близких раннеэллинскому обществу. Другое направление — отчуждение от части заморских монархий, обществ другого хозяйственно-политического типа. Очевидно эллинство, тщательно продумывая сложности своего внутреннего состояния в послевоенные времена, учло нежелательность активных идеологических влияний из стран с устойчивыми монархическими порядками¹, и необходимость ограничения внешних экономических контактов. Ведь во многих эллинских землях хозяйственная деятельность ослабла или была затруднена новыми порядками, что приводило к сокращению местных ресурсов потребления. Видимо, активно работавшая эллинская политическая мысль в XII–X вв. считала проводимые тогда изменения внешней политики наиболее разумными и полезными.

Уверенно выделить два направления во внешней политике эллинства в XII–X вв. позволяют недавние археологические открытия в Элладe и изучение полученных источников. Но полнее оценить значение указанных явлений в истории эллинского сообщества можно лишь, сравнив их с давно известным по историческим легендам Эллады мощным направлением, третьим, тогдашней внешней деятельности этноса — возобновлением переселенческого движения на малоазийское поморье. Сопоставление всех трех течений внешнеполитической

¹ Как известно, этнические массивы даже во времена своего позднего первобытно-племенного строя нередко тщательно оберегали свои обычаи от воздействия соседних государств. Напомним суровую отчужденность скифов от эллинских порядков в V в., описанную Геродотом (IV, 76–80).

активности тогдашней Эллады указывает на весьма обоснованный выбор ее позиций. Этнос в XII–X вв. обратил особое внимание на возможность расширения своих территорий на довольно близких восточных берегах Эгейского моря, которая обеспечила бы эллинам неоспоримое господство в его бассейне.

Политическая ситуация, сложившаяся в Малой Азии после ослабления и раздробления около 1200 г. некогда могущественной Хатти¹, могла быть успешно использована в интересах эллинства. Многие хеттские земли были захвачены вселившимися на них фригиянами, но возникшее там царство Фригия еще не начинало активной морской политики. Позднешеттские царства — Лидия, Кария и Ликия — были заняты укреплением своих глубинных владений, поэтому приморские земли они держали не очень прочно.

Несомненно, эллинство давно внимательно следило за событиями в Малой Азии — ведь еще в XIV–XIII вв. на ее берегах возникло несколько ахейских центров, самым крупным из которых был Милет. О его значении свидетельствуют и документы XIV–XIII вв. из Хатти, и мощные остатки оборонительных стен города, и обильные археологические источники его хозяйственной деятельности². Потеря Милета-Миллаванды и других ахейских владений на малоазийском поморье стала особенно ощутимой для эллинства в период усилившихся после вторжения дорян передвижений отдельных групп по материковой Элладе. Очевидно, этнос рассчитал, что возвращение на восточноэгейские берега является наиболее реальным и результативным решением трудных задач его жизни.

Действительно, эллины возобновили переселения в давно известные области малоазийского побережья весьма целеустремленно, что свидетельствует о большом значении, которое этнос придавал своим апоיקиям в тех землях. Особо примечательна быстрота, с какой эллины восстановили свое господство в Милете: разрушенный

¹ Hrozný B. Die Älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens. Prague. 1943. S. 159–160; Page D. History. P. 107–112; Менабде Э. А. Хеттское общество. Тбилиси, 1965. С. 12; Güterbock H. G. The Hittites and the Aegean World: the Ahhiawa Problem Reconsidered // AJA. Vol. 87. 1983. P. 133–138; Александров Б. Е. Ханигальбат египетско-хеттской дипломатической корреспонденции и проблема переднеазиатской хронологии XIII в. до н. э. // ДВАМ. Вып. IV. М., 2001. С. 3–29.

² Кобылина М. М. Милет. М., 1975. С. 17–23; Блаватская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966. С. 164–165.

неприятелем, как считает В. Десборо около 1100 г., город недолго лежал в развалинах, и уже с 1050 г. в нем появились переселенцы из Эллады¹. Это важное событие послужило началом интенсивного эллинского движения на малоазийское западное поморье. Легендарная традиция сохранила ряд сведений об этих событиях, достоверность которых сегодня подтверждена новыми материальными источниками, особенно керамикой. Теперь известно, что материковые эллины сначала обосновались на некоторых эгейских островах и лишь затем двинулись на малоазийские берега.

Предания первыми называют дорян, вселившихся на Крит, на Мелос (Thuc., V, 84), на Феру (Her., 147–148), на другие острова. Вторая группа апойкий в Малую Азию была выведена эолянами (Her., I, 149–151; Strab., XIV, 1, 3). Вскоре ионяне выслали своих переселенцев на побережье от Милета до Клазомен (Her., I, 142–148). Некоторые приводимые легендарной традицией даты основания ионийских городов вполне согласуются с данными археологии: например, в Милете и других центрах найдена протогеометрическая керамика около 1050–900-х гг. Примечательна быстрота движения ионян: около 1087–1086 г., как указывает традиция, ими были заселены Самос (Strab., X, 2, 17; XIV, 1, 3), Эфес (Strab., XIV, 1, 3 и 21; Paus., VII 2, 6) и другие центры. Приблизительно к 1000 г. — за время жизни двух поколений — от Милета на север до Смирны уже тянулася цепочка из восьми ионийских полисов².

Характерно, что, судя по Паросской хронике, эллинская память относила заселение всей Ионии и даже создание Паниониона к одному только году (IG, XII, V, 1, № 444, Lin. 42–44). Рассказ Геродота также создает впечатление очень быстрого обоснования ионян. По-видимому, ионийское вселение в Малую Азию действительно отличалось своей упорядоченностью и кратковременностью переезда. Этому, несомненно, способствовала сама идея возвращения эллинов в их прежние владения — Милет и прилегающее побережье. Весьма важным фактором была роль главенства в ионийском передвижении потомков царственного клана Нелеидов-Кодридов. Согласно Стра-

¹ Desborough V. Dark Ages. P. 83, 179–180, 183. Протогеометрическая керамика Милета весьма близка современной ей керамике Аттики. Этот вывод исследователя подтвердили открытия 1970–1990-х гг. См. Mellink M. I. Archaeology in Asia Minor // AJA. Vol. 79. 1974. P. 114.

² Sakellariou M. B. Migration. P. 357, Carte IIIb.

бону, излагавшему Ферекида, именно законный сын царя Кодра Андрокл был главой ионийского переселения; он же провел военные операции по вытеснению автохтонов кариян с побережья внутрь страны (XIV, 1, 3 и 21). Кодриды в Ионии сохраняли монархические порядки: Андрокл царил в Эфесе, в некоторых ионийских центрах басилеями стали другие Кодриды или, как рассказал Геродот (I, 147), царевичи из Ликии, где правили потомки знатного аргосца Беллерофонта, некогда высланного в Ликию из Эфиры (II, VI, 119–233). В рассказе Геродота ясно выступает мысль историка об активной роли жителей каждого центра в решении вопроса о признании ими своего царя. И Аристотель особо отметил, что древнейшие монархии основывались на всеобщем добровольном согласии и на принципе законного наследования царской власти (Pol., III 9, 7 1285b).

Следует полагать, что обоснование переселенцев на новых местах могло действительно содействовать росту политического авторитета широких кругов населения апойкии. Ведь создание новых городов требовало от их жителей массы интеллектуальных и физических усилий, а также нередко и военного труда. Естественно, что новое сообщество в каждой апойкии внимательно рассматривало не только повседневные, но и важнейшие политико-правовые вопросы своей независимости, в том числе и необходимые изменения в монархических порядках. Вероятно, необходимость сохранять свой этновоенный потенциал в условиях угрозы натиска оттесненных аборигенов заставляла каждое эллинское образование своевременно вырабатывать эволюционные способы укрепления своей государственности. Имеющиеся данные о развитии малоазийских эллинских апойкий свидетельствуют об их усиленном постепенном росте.

Сохранившиеся исторические предания об эллинских переселениях на малоазийское приморье в XI–X вв. и материальные источники из возникших там эллинских владений позволяют заключить, что процесс освоения новых земель в целом прошел успешно.

Упомянем к примеру археологические сведения из района дорийского Галикарнасса, около современных Мускеби и Бургаз-тепе, где ахейцы обосновались еще в конце XV в. Там в период протогеометрической керамики (около 1025–900 гг.) часть обитателей поселений достигла значительного благосостояния. На это указывает открытый возле Бургаз-тепе основательный каменный склеп с дромосом. Архитектура этой гробницы следовала принципам ахей-

ского зодчества¹. Многие другие памятники также свидетельствуют о благополучии основной массы малоазийских апойкий.

Прочность обоснования эллинских апойкий на восточноэгейском берегу бесспорно указывает на то, что столь крупные заморские предприятия были основательно и согласованно подготовлены еще на материке всеми тремя крупнейшими частями этноса — эолянами, дорянами и ионянами. Их сотрудничество в умелой внешнеполитической деятельности отражает глубокое понимание основных трудностей всего этноса и внимательное отношение к интересам его отдельных подразделений. Осуществлению этих принципов, бесспорно, служили уже действовавшие в тогдашней Элладе общеэтнические установления, регулировавшие межплеменные контакты на самых высших уровнях. Такие нормы, естественно, укрепляли общеэтническое самосознание на основе единой эллинской культурной традиции.

Характерно, что рост этнического единства не подавлял местное самосознание и традиции политико-культурного автономизма. Имеющиеся бесспорные факты свидетельствуют, что политико-правовая мысль эллинства в XI–X вв. вырабатывала отдельные установления, сохранявшие различные местные обычаи и порядки, даже резко отличавшиеся от общепринятых взглядов. Назовем приверженность к старинному обряду захоронений в каменных ящиках, которую Аргос удержал и в период широкого распространения обычая кремации. Тогда же в Мессении хоронили родичей в небольших фолосах, построенных еще в XIV–XIII вв. Близ Пилоса между 1050–900 гг. была даже заново возведена такая купольная усыпальница². Критяне также сохраняли обычай погребений в древних семейных склепах. Приведенные факты можно было бы умножить, но и они достаточно ясно свидетельствуют, что развитие общеэллинского надплеменного самосознания не подавляло движение умственной деятельности на местах. Этническое единство все более крепло, причем его основные идеи получали яркое развитие в творчестве локальных мастеров, создателей орудий, оружия и разных бытовых предметов, а также работников духовной сферы: служителей богов, художников, сказителей былин и преданий старины.

¹ Bass G. F. Mycenaean and Protogeometric Tombs in Caria // AJA. Vol. LXVII. 1963. P. 208.

² Coldstream J. N. Hero-Cults in the Age of Homer // JHS. Vol. XCVI. 1976. P. 13.

Конечно, особенно значимой была общность сакральных представлений. Главенство богов Олимпа над множеством местных божеств отражало единство сакрального мировоззрения этноса. Религиозное единомыслие поддерживало устойчивость общеэтнических связей в условиях интенсивного роста местных традиций, локально племенных и клановых. Тщательная разработка сакральных обычаев имела значение не только в религиозной сфере — ведь в Элладе тех столетий богослужебные и правовые представления были генетически взаимосвязаны как создания общеэллинских богов. Нарушения религиозно-этических и общеэтнических порядков были одинаково греховными деяниями и подлежали суровым наказаниям¹.

Естественно, что сакральные обычаи оказывали решающее влияние на практическую правовую деятельность этноса и на дальнейшее развитие обычного права. Несомненно, что во всех установлениях еще сохранялись некоторые принципы предшествующих времен позднего первобытно-племенного и раннемонархического устройств в Элладе. Но в сложных условиях жизни этноса в XII–X вв. особую силу должен был получить древний принцип неоспоримой обязательности правовых положений всего сообщества для его членов — местных племен, кланов и отдельных людей. Ведь именно неукоснительное исполнение каждым субъектом обычного права его обязанностей обеспечило многим сообществам возможность выживания.

Следует полагать, что сопряженное развитие двух основных политических направлений в мировоззрении тогдашнего эллинства — общеэтнического сознания и отдельных племенных традиций — должно было особо побуждать умственную деятельность в стране. Действительно, на напряженную работу мысли эллинства в XI–X вв. ясно указывает характерная черта его идеологии тех столетий: почти весь этнос считал важнейшими принципами своей жизни жесткий порядок и строгую умеренность. Эти настоятельные общие идеи неуклонно и четко выражали и распространяли, пользуясь художественным языком своих рисунков, труженики наиболее общедоступного вида ремесла — гончарного дела. Декор посуды протогеометрического стиля (около 1050–900 гг.) энергично внедрял в сознание каждого эллина и всего этноса идею строго упорядоченного и сходного умеренного образа жизни всех и каждого члена сообщества.

¹ *Нерсесянц В. С. Политические учения. С. 8–9.*

Можно только догадываться о мощи идеологического поворота в обществах, отвергших безоговорочно такие выдающиеся (впервые достигнутые в северозегейских землях) черты вазописи ахейского раннемонархического периода, как живописность и тонкий реализм в свободной передаче предметов окружающего мира, а также безупречное воспроизведение живого движения.

Суровое творчество вазописцев протогеометрического стиля во многих областях Эллады ясно говорит о том, что этнос продуманно возрождал духовные ценности еще домонархических времен. Конечно, эллинизм, в XI–IX вв. уже формировавшееся установления новой ранней государственности, взяло из обычаев родоплеменного времени лишь часть положений. Судя по характеру вазописи, особенно важными для тогдашнего населения страны были идеи первобытных обычаев, строго определявшие деятельность и поведение каждой части всего племени или клана¹. Для эллинизма, сохранявшего тогда многие кланово-племенные установления, такие взгляды были весьма значимыми. Ведь еще при монархической государственности широкие круги царских подданных, судя по бытовым древностям простого люда², не забывали о сдержанных линейных узорах своих пращуров. Видимо, в духовном мире рядового эллинизма еще жили представления о справедливости многих жизненных правил их предков. Конечно, определенную роль могли иметь военные успехи дорян и эпиротов, долго сохранявших многие кланово-племенные обычаи. Мирные контакты с мощными военно-политическими союзами северных племен, составлявших европейский тыл Эллады, также могли оказывать сильное влияние на духовный мир эллинизма.

Следует полагать, что сложная геополитическая обстановка внутри эллинского массива требовала от этноса больших усилий для согласования условий новой действительности с правовыми порядками, уцелевшими еще от домонархических времен. Вероятно, наиболее плавно такой процесс шел на уровне семейно-клановых отношений. Но важные сдвиги в хозяйственно-политической жизни всего этноса и его крупных частей неизбежно требовали углубленной ра-

¹ *Котляревский С. А.* Власть и право. М., 1915. С. 28; *Валеев И. Ж.* Обычное право и начальные этапы его генезиса // Правоведение. 1974. № 6. С. 70–73.

² Напомним вывод В. Десборо: уже в ПЭ III С периоде (около 1230–1125 гг.) происходит заметное распространение геометрических узоров. См.: *Desborough V. Dark Ages.* P. 32.

боты правоведов для создания новых правовых норм, которые соответствовали бы и древним обычаям. Ведь именно в изучаемые столетия правовое творчество должно было выработать реально действующие установления, которые регулировали бы практическую жизнь всего этноса и его многих частей, столь разнохарактерных по политическим формам.

Достигнутое ныне знание многих явлений и точных фактов из истории эллинства в XI–X вв. позволяет использовать их для выяснения некоторых направлений в развитии политико-правовой сферы. Конечно, движения в правовой практике и правотворчестве в землях с различным политическим устройством развивались неравномерно; нередко они даже слабо заметны. Все же некоторые особенности общеэллинской и местной земской правовой деятельности можно определить достаточно уверенно.

Так, поддаются изучению некоторые сдвиги в правовой жизни всего этноса, связанные с высылкой апойкий на западномалоазийское поморье. Многие предания об этом переселенческом движении, сохраненные авторами VIII–IV вв., получили подтверждение и даже дополнения в археологических источниках. Ныне известно раннее обоснование там эллинов не только в крупных центрах, но и в ближайшей к ним сельской территории. Так, к западу от Галикарнасса открыт (датируемый около 1050–1025 гг.) их обширный могильник у современного поселения Ассарлик¹.

Следует обратить внимание на то, что история основания ранних апойкий ясно указывает на правовое уточнение ряда вопросов в отношениях между тремя крупнейшими племенными группами эллинства. Эоляне, ионяне и доряне строго обособленно вели вывод своих апойкий: каждая названная часть этноса тогда отправляла своих переселенцев в одну определенную область заморской территории. Плотнo заселенные единоплеменными городами, эти части побережья получили соответственные названия — Эолия, Иония и Дорида. Столь четкое определение областей по племенному имени свидетельствует, что в общеэллинской правовой деятельности уже имели реальную силу особые и общепринятые установления, отвечавшие отдельным интересам каждой из трех важнейших племенных групп. Следовательно, в общеэллинских устных правопорядках действовали правила, регулировавшие интересы и всего этнического сообще-

¹ *Desborough V. R. Protogeometric Pottery*. P. 218–220.

ства, и запросы каждой из его крупнейших частей. Количество таких специальных установлений могло быть невелико, но их применение имеет принципиальное значение: в правовой мысли тогдашнего эллинизма, сознававшего себя главным субъектом права, присутствовала и категория вторых по значению субъектов права — трех основных племенных сообществ внутри всего этноса.

Правовые аспекты организации малоазийских апойкий ясно указывают на силу общеэллинических договоренностей, обеспечивавших мирное решение главных проблем и учет потребностей каждой крупнейшей племенной группы. Заметим, что соблюдение принципа единоплеменного заселения каждой из трех занимаемых территорий значительно облегчало им вторжения в заморские чужие области. Несомненно, в единоплеменных массивах переселенцев значительно крепили обычаи внутренней взаимосвязанности.

В самой материковой Элладе вывод апойкий бесспорно послужил мощным ускорителем правотворчества в каждом единоплеменном образовании, нуждавшемся в новой территории по экономическим или политическим причинам. Бесспорно, организация выездов в несколько единоплеменных апойкий требовала сложной подготовительной работы и правящих верхов и всего сообщества. Эта деятельность уже в XI в. должна была идти по двум направлениям: военно-хозяйственному и политико-правовому. Подготовка военно-хозяйственных ресурсов будущей апойки была доступна всем слоям населения материковой области. Но разработку политико-правовых положений могли вести наиболее авторитетные знатоки кланово-племенных обычаев. Ведь выезд в заморские земли мог быть целесообразен лишь после завершения выработки четкой системы установлений, реально отвечавших интересам остающегося на родине основного массива и отделявшихся от него соплеменных апойкий.

Естественно, что в период выселений в каждом центре-основателе происходило особенное усиление правотворчества и правовой практики. Всюду там стояла задача незамедлительно выработать точные соглашения и нормы, определявшие прочные, постоянные и взаимовыгодные связи основного материкового сообщества и высылаемой им апойки. Как показывает традиционная терминология, основным принципом указанной правовой деятельности было сохранение устойчивых контактов материкового центра и высылаемой им группы соплеменников.

Следует полагать, что возникновение таких ключевых понятий, как метрополия, *μετρόπολις*¹, и апойкия, *ἀποικία*, происходило еще около 1050-х гг. Именно тогда необходимость выезда на малоазийское побережье создала в Элладе ясное представление о неизбежности переселений на чужбину, что для многих будущих апойков означало горестную утрату родины и близких сородичей. Метрополией, видимо, называли всю область, высылавшую апойков, и такое наименование сохранялось и в V в., судя по лексике Геродота (VIII, 31) и Фукидида (I, 107, 1; III, 92, 3): оба автора называют Дориду метрополией лакедемонян.

Для заново создаваемого пункта сохранение тесной связи с родиной было важнейшим условием успешного выживания в новых условиях. Поэтому в каждой метрополии заблаговременно вырабатывались точные соглашения обеих сторон, касавшиеся их религиозной, внутривластной и хозяйственной сфер деятельности. Это были новые правовые обычаи, регулировавшие главные интересы каждой метрополии и ее апойкий, а также отвечавшие запросам местных племен, кланов и некоторых басилеев, лично участвовавших в переселениях. Естественно, что знатоки общепринятых установлений при создании таких новых уставов должны были иногда дополнять или исправлять уже действовавшие нормы самих метрополий.

О конкретных правилах и процедуре вывода ранних апойкий сведений в источниках почти не сохранилось, можно лишь предполагать, что решение о высылке апойкии принимали не одни высшие власти, но и достаточно широкие круги правоспособного населения метрополии. Ведь выезд в апойкию какой-то немалой группы военно- и трудоспособного населения неизбежно вызывал не только хозяйственные, но и психологические трудности для остающегося на родине сообщества. Эти же вопросы еще больше значили для переселенцев: ослабевали их семейные и внутриклановые связи, а устройство апойкии требовало многих мирных и, нередко, военных трудов. Более чем вероятно, что выезду в апойкию предшествовал ряд сакральных и правовых процедур, обеспечивавших строгую ответственность сообщества метрополии и всей группы отбывающих переселенцев. Соблюдение взаимных обязательств обеспечивалось

¹ Еще до X–IX вв. все эллины говорили *μετρ*, как свидетельствует текст An 607 из Пилоса (*Ventris M., Chadwick J. Documents. P. 166*). Использование индоевропейской альфы в лексике некоторых земель Эллады известно и в эллинистический период.

клятвами и обращениями к богам. Судя по ахейскому эпосу, эллинство придавало большое значение клятвам отдельной личности — в «Илиаде» их приносили боги (XV, 40; XIX, 127) и герои (I, 76; IX, 132; X, 328–331; XXIII, 584–585). Несомненно, и в XI в. такие обязательства сохраняли силу. Однако можно полагать, что при организации апойкий присягали не все соплеменники, но лишь верховные власти метрополии, тогда как от выезжающих клялись все военно-способные мужи и старейшины каждого подразделения общеплеменных кланов.

Не исключено, что в тревожное XI столетие метрополии оказывали сильное давление на намеченных к выселению соплеменников. Такую позицию могли диктовать не только конкретные политические или демографические условия, но и общее суровое мировоззрение тогдашней Эллады. Кланово-племенные порядки требовали соблюдения принятых правил и отдельных решений от каждого соплеменника; отказ от послушания им делал эллина, а иногда и весь его клан, беспомощным в обществе и неизбежно навлекал на него гнев богов. Эти представления с течением времени видоизменялись, но не слабели¹.

Естественно, что внутреннее устройство апойкий в основном повторяло политическое устройство и правопорядки своих метрополий и установления общеплеменного сообщества. Но обоснование в заморских землях потребовало серьезных дополнений к правовым обычаям новых апойкий, во владения которых входил не только главный город, но и поселения на окружающей его хоре. Геополитическое окружение малоазийских полисов усиливало их политико-правовую деятельность, она отличалась большей динамикой, чем изменение правопорядков в их метрополиях.

Особенно остро стояла проблема безопасности каждой группы эллинских апойкий, которую обеспечивали только их собственные ополчения и умение поддерживать мирные отношения с окружающим коренным населением. Наиболее важными были мирные кон-

¹ Даже в VII в. полисы, уже обладавшие зрелой государственной системой, требовали безусловного подчинения от сограждан, направляемых в апойкию. Подробные сведения об основании Ферой ее апойкии — полиса Кирены — сохранились в труде Геродота (IV, 151–159) и в киренской надписи IV в., содержащей архаическую клятву основателей. Оба источника содержат весьма суровые меры принуждения к выселению. Их обстоятельный анализ см.: Яйленко В. П. Греческая колонизация. С. 61–83.

такты с соседними позднететтскими царствами, среди которых выделялись Лидия, Кария и Ликия¹. Для успешного регулирования внешних связей каждой группе апойкий были действительно необходимы сплоченность и политико-хозяйственная сила каждого ее полиса. Эти потребности содействовали быстрому развитию городской жизни в средоточиях каждой апойкии, превращавшейся в сочетание основного города и его сельской округи. Ход процесса сопровождался важными новшествами во многих разделах обычного права и в то же время дальнейшим ростом самосознания эллинства, укрепившегося на малоазийском поморье. Некоторые достоверные сведения об их ранней истории позволяют судить о происходивших изменениях.

Весьма важны сообщения авторов о прочном политическом сплочении единоплеменных территорий, образывавших Эолиду, Ионию и Дориду. Геродот передал, что у эолян был союз Двенадцати городов (I, 149–150), также Двенадцатиградие образовали ионяне (I, 142–143), доряне же имели только Шестиградие (I, 144). Каждое единоплеменное объединение консолидировалось не только на основе общности политико-племенных порядков. Огромную роль имело общее почитание культа верховного божества, главное святилище которого в каждом объединении осуществляло сакральную защиту принятых союзных и местных соглашений. Общесоюзное святилище укрепляло сплоченность сочленов объединения не только принципиально, но и тем, что вырабатывало практические организационные формы союзного общения.

Некоторые данные о внутрисоюзной деятельности в ионийском Двенадцатиградии позволяют судить о его племенной обособленности. Так, известие Паросской хроники об основании этими ионийскими апойкиями уже в 1087/1086 г. общего святилища Посейдона Геликонского, а также сведения Геродота (I, 148) и Страбона (XIV 1, 20) указывают на то, что около середины XI в. составлявшие Ионию политико-территориальные автономные образования вели весьма активную

¹ Конечно, эти государства отказались от давней политики великой Хатти, умеренно контактировавшей с ахейской Элладой, на что указывает скромное число хеттских изделий, обнаруженных в балканских землях. См.: *Cline E. H. Hittite Objects in the Bronze Age Aegean // An. St. 1991. Vol. 41. P. 133–143.* Но агрессия даже мелкого царства могла быть опасной для соседних ранних апойкий.

объединительную политику. Святилище Посейдона получило наименование Панионий (Her., I, 142–143; VI, 7; Paus., VII, 3, 5; 4, 10; 5, 1). Такая четкая принадлежность святилища могла быть определена именно в XI — начале X в., когда были особенно сильны сакрально-племенные разграничения внутри всего эллинства. Сообщение Геродота о том, что ионяне сообща (κοινῶν) посвятили Посейдону землю на северной стороне мыса Микале (I, 148), позволяет заключить, что эта совместная религиозная деятельность ионян была осуществлена автономиями, державшимися строго племенной общности и потому считавшими необходимым разрабатывать особо тесные союзные связи своего объединения.

Однако, примечательно то, что ионийское Двенадцатиградие не допускало к святыням Паниониона соплеменные соседние полисы, возникшие позднее. Геродот, упоминая об этом правиле, особо подчеркнул эту обособленность (I, 143). Очевидно, в Панионионе происходили не только религиозные службы, но и совещания собравшихся на торжества представителей каждого полиса, уполномоченных своими верхами. Очевидно, именно в Панионионе на торжествах высокочтимого Посейдона¹ союзники обсуждали важнейшие вопросы внутренней жизни своего объединения (например, использование общего земельного фонда) и внешнеполитического курса всего союза или отдельных его членов. Несомненно, жесткое ограничение доступа к святыням отражает четкое политическое обособление всего Двенадцатиградия от других частей ионийского массива. Это правило может быть истолковано как один из признаков возвышения интересов раннегосударственного союза над принципом общеионийской племенной политики.

Аналогичные установления имели и доряне в своем Шестиградии — Геродот сообщил, что только члены этого объединения могли участвовать в праздниках, посвященных Аполлону и происходивших в Триопском святилище (I, 144), причем даже соседние доряне, не входившие в союз, были лишены доступа на эти торжества. Историк отметил, что Шестиградие строго требовало от своих членов неукоснительного соблюдения древних сакральных уставов Триопия. Так, позднее, когда святотатство галикарнасского атлета не было наказано его полисом, весь полис Галикарнас был исключен из союза пятью остальными полисами. Бесспорно, именно присущая дорьям

¹ Nilsson M. P. Griechische Feste. S. 74–79.

устойчивость древних правопорядков способствовала росту значения праздников в Триопии, подробно описанных в I в. до н. э. Дионисием Галикарнасским (IV, 25) и надолго остававшихся особо чтимыми торжествами эллинства¹.

Четкая политико-сакральная обособленность двух упомянутых союзов малоазийских эллинов ясно показывает, что на чужбине эти хорошо сплоченные крупные сообщества довольно скоро поставили локальные интересы выше общих принципов ионийского или дорийского единства. По-видимому, и эоляне имели схожие установления². Отграничение ранее сформировавшихся союзов в сакральной сфере от позднее возникших единоплеменных полисов является важным свидетельством того, что внутри всего эллинства, материкового и малоазийского, уже достигли большой силы правовые установления, обеспечивавшие политико-правовую самостоятельность каждой крупной части всего этноса. Общепризнанная автономия каждого из крупнейших союзов указывает на то, что в Элладе в XI–X вв. происходило, хотя и медленно, дальнейшее развитие разных форм государственной системы. Возможно, что сложившиеся еще в материковых областях раннеполисные учреждения получили более быстрое развитие в союзах малоазийского поморья. Однако ведущие направления изменений политического устройства вели к формированию множества автономных политических единиц в пределах одноплеменных общностей, составлявших этнически единый массив эллинства.

Естественно, что выработка раннеполисных правовых норм требовала интенсивной деятельности знатоков обычного права и дальней-

¹ Ibid. S. 178.

² На это предположение косвенно указывает рассказ Геродота (I, 150) о том, что жители эолийской Смирны, приняв к себе политических изгнанников-ионян, не допустили их к своим торжествам в загородном святилище Диониса; оставленные внутри городских стен ионяне захватили Смирну. Ранние стены города были возведены около 850 г. (*Cook J. Old Smyrna // BSA. 1959. № 53–54. P. 10–22*). Видимо, уже в конце IX в. город стал ионийским (*Coldstream J. Geometric Greece. P. 26; Яйленко В. П. АГБВ. С. 26*). Следует полагать, что действовавшая в IX в. жесткая сакральная регламентация жителей-эолян восходит еще к временам их предков, первопоселенцев конца XI в. Заметим, что в самой раннеэолийской Смирне эллины жили вместе с коренным населением довольно мирно, как показывают совместные находки местной керамики и ранней, около 1050–980 гг., протогеометрической посуды (*Desborough V. Dark Ages. P. 183*).

шего роста правосознания всего этноса и его отдельных частей. Именно в этот период в политической жизни Эллады могло возникнуть понятие автополитии — независимой государственности. На его возможность указывает термин ἡ αὐτονομία — «независимое государство», употреблявшийся, как сообщил Фукидид (V, 79), в правовой практике Лакедемона и Аргоса даже в V в.

Усложнение правовой деятельности в XI–X вв. должно было действовать уточнению прав и обязанностей различных категорий субъектов права: всего эллинского массива, крупных общеплеменных союзов, областных и мелколокальных племенных союзов и клановых сообществ. В клановом праве следует предполагать различия правоспособности разных групп кровных родичей, составленных в зависимости от возраста, военной доблести или особого места в системе данного клана. Как известно, родство ведут по линиям и степеням; правоспособность родственников по прямой линии — лиц, происходящих одно от другого, обычно более весома, чем родичей по боковой линии, имеющих общего предка. Также различались правомочия родственников различных степеней родства. Можно предполагать, что в кланах сохраняли полную силу многие правопорядки, созданные еще во времена родоплеменного строя. Но реальные условия жизни в XI–IX вв. и рост численности сородичей разных категорий должны были способствовать правотворчеству на уровне именно клановых сообществ. Естественно, развитие правового сознания в кланах уцелевших ахейских монархических обществ значительно опережало движение правовой мысли и культуры государственно-племенных образований областей, захваченных северными эллинами. Но не все детали происходивших нововведений могут быть выяснены. Можно лишь предполагать, что уже тогда разнообразность политей начала создавать отличия прав своих политов от положения инополитов — эллинов из других полисов.

Все же можно утверждать, что напряженная правовая активность в хозяйственной и политической сферах деятельности каждой из множества автономий должна была ускорить развитие и упрочение раннеполисных учреждений, иногда существенно отличавшихся в различных землях страны. Но эти различия, становившиеся постепенно все более устойчивыми, не останавливали рост общности духовного мира всего эллинства. Этническое самосознание опиралось на традиционный фонд сакральных, этических и нравственных воззрений, созданных эллинством за многие столетия. Именно эти ду-

ховные ценности помогали этносу находить способы правового урегулирования противоречий, иногда доходивших до военных столкновений. Естественно, что множественность противостояний (мелких соседских или значительных межобластных и межсоюзных) должна была усиливать меры по упорядочению и обновлению основных установлений обычного права каждой земли и всей Эллады. При этом особо важное влияние на сдвиги правовой мысли должна была оказывать разница предшествующей геополитической истории каждой области. И если население земель, переживших завоевания или, наоборот, успешно их отразивших, должно было более энергично приспособлять свои правовые порядки к резко изменявшимся реальным условиям, то в областях, не затронутых военными действиями и сохранивших часть устоев позднего племенного строя, правотворческая деятельность могла идти более плавно.

Несомненно, сложной была правовая история земель, где сохранились монархические системы. Но в каждом отдельном случае характер царской власти мог претерпевать особые изменения. Уже в самые давние времена, видимо до XII–XI вв., царевластие было обусловлено какими-то соглашениями. Фукидид упомянул о них кратко: *πρότερον δὲ ἦσαν ἐπὶ ρητοῖς γέραςι πατρικαὶ βασιλείαι* (I, 13, 1). Слова историка об «оговоренных почестях» наследственных царей согласуются с указаниями ахейского эпоса о взаимосвязи привилегий и обязанностей царей. Так, Беллерофонтиды, царившие в Ликии, доблестно сражались впереди всех: за это они получали от народа самые лучшие земли и основные блага (II, XII, 311–330). Каких-то соглашений с народом достиг и добывавшийся царской власти Атрей¹. Видимо, старинные обычаи способствовали постепенному ограничению власти басилеев, закончившемуся в некоторых землях тем, что басилеи, став лишь высшими военными, сакральными или судебными магистратами, утратили свое исключительное верховенство в тех государствах. Отмеченные еще Аристотелем (Pol., III, 9, 8 1285 b), эти изменения морально-политического и отчасти религиозного содержания понятия *βασιλεία* свидетельствуют, что после XII–XI вв. материковое эллинизмо по-иному относилось к монархическому строю.

Правда, аналогичные процессы происходили в малоазийских эллинских полисах и даже на Кипре. Этот остров имел оживленные

¹ *Thuc.*, I, 9, 2; *Блаватская Т. В.* Раннегреческая эпиграфика и Фукидид о Микенах XIII в. // Сборник в честь Г. Михайлова. София, 1997. С. 67–79.

контакты с Критом в XV в., с XIV в. начали развиваться связи с ахейским миром. С конца XIII в. на Кипре обосновались переселенцы из балканской Эллады, образовавшие несколько небольших, но устойчивых царств. Яркие сведения об их ранней деятельности доставили раскопки городища Маа-Палайокастро на западном побережье острова. Там переселенцы быстро возвели мощные оборонительные стены и жилые дома; бытовые древности из этого города свидетельствуют, что прибывшие ахеяне поддерживали длительные устойчивые связи с коренным населением¹. Уже в XI в. позднеахейские царства на Кипре достигли значительного благосостояния, как свидетельствуют остатки нескольких дворцов и городские некрополи, раскопанные в 1960–1990-х гг. Документы из кипрских полисов указывают на сохранение там царской власти даже в V в., что позволяет предполагать применение там некоторых правовых установлений, созданных еще ахейскими династиями. Ведь традиционность была характерной чертой материальной и духовной жизни кипрских эллинов².

Изменения сохранившегося в ряде материковых земель института царской власти должны были усиленно содействовать сближению этих политических сообществ с обитателями областей, где позднплеменные союзы постепенно развивали начала раннегосударственных форм правления. Такому укреплению этнополитической общности Эллады способствовал не только рост этнического самосознания, но и устойчивое единообразие традиционно-эллинических племенных право порядков. Особенно значимым было сходство внутрплеменных установлений, регулировавших порядки всего племени, отношения между составлявшими его кланами, а также внутрисклановые связи. Эти уложения обычного права должны были приобрести особое значение в XII–X вв., когда военные действия и перемещения отдельных групп коренного населения нередко нарушали мирную жизнь.

¹ Nicolau K. *Archaeology in Cyprus, 1976–80* // AR for 1980–81. P. 57; Symons D. I. *Archaeology in Cyprus, 1981–85* // AR for 1986–87. P. 71–72; (Karageorghis V., Demas M. et al. *Excavations at Maa-Palaeocastro, 1979–1986*. Nicosia, 1988. Vol. I–III, non vidi).

² Примечательна история кипрской письменности: еще до 1500 г. кипрские жители создали письмо, восходящее к критскому слоговому А. Позднее кипрское эллиновство восприняло многие элементы ахейской письменности В; эту особую систему своего письма обитавшие там эллины сохраняли вплоть до 320-х гг. до н. э. (Chadwick J. *Linear B*. P. 50–56).

Память эллинского народа сохранила воспоминания об этих трудных временах. Фукидид особо отметил, что страна, охваченная перемещениями и переселениями, долгое время не имела покоя и не набирала сил (I, 12, 1). В таких условиях не только все племя, но даже единичные кланы могли решиться на целесообразные изменения традиционных обычаев. Например, выселение в апойкию части сородичей было чрезвычайным нарушением принципа территориального единства клана. Такое событие требовало усиленной работы клановых правоведов для успешных решений сакральных и хозяйственных проблем делимого кровно-родственного сообщества. Но основные традиционные правила семейно-клановых связей, вероятно, оставались устойчивыми.

Зато в сфере межплеменного и межсоюзного права должны были происходить существенные сдвиги. За сравнительно короткое время изменились размеры земельных владений эолян, дорян и ионян, что вызвало передвижения множества мелких племен и даже кланов. Нередко ход событий неизбежно приводил к отказу от политики военных нападений и к выработке практических соглашений с соседями. Ведь воспроизводство военной мощи каждого племени затрудняли не только военные потери, но и ослабление хозяйства полиса из-за убыли полноценных работников. Отсюда — ухудшение жизнеобеспечения подрастающих поколений, ведущее к тому, что новые ополченцы были менее способными к овладению трудным военным делом тех времен. Как известно, захватившие Лаконию доряне ясно учитывали эти обстоятельства и соответственно построили свои военно-хозяйственные порядки.

Конечно, множественность политических сообществ, стремившихся к автаркии и автономии, порождала частые силовые и политические столкновения и конфликты. Однако, как показывают источники, острота противоборств постепенно уменьшалась и возрождался авторитет междуэллинских правовых обычаев и связей, освященных общими религиозными установлениями. О крепнувшем умиротворении внутри Эллады ясно свидетельствует широкое распространение общих технологических знаний и идеологических представлений в XI—X вв. Развитие практических и духовных контактов внутри этноса, сохранявшего политико-правовой полиморфизм своих крупнейших частей, настоятельно требовало напряженной работы правоведов во всех землях.

Новые исторические события и условия вызывали необходимость дополнения старых и создания иных конкретных правовых установлений. Правотворчество шло в двух направлениях: выработка более

подробных и точных правил внутриэллинского общения, а также создание и расширение правопорядков, касавшихся внешнеполитической деятельности всего этноса.

Предшествующие страницы были посвящены попыткам выяснить этноправовое содержание достоверно известных событий из истории Эллады в XII–X вв. Имеющиеся точные факты предоставляют важные данные об уровне правосознания этноса, давно обладавшего высокоразвитым правовым чувством, как ясно свидетельствует эпос. И после дорийско-эолийских переселений поиски всеобщей справедливости, освященной властью Зевса, божественного законодателя, определяли важные сдвиги в политико-правовой деятельности эллинов. Одним из первых крупных сдвигов был отказ от письменной фиксации правовых действий, столь разработанной в управе ахейских монархий. Этот кардинальный шаг в духовной жизни почти всех земель показывает, что в XII и последующих столетиях неписанные нормы обычного права стали единственными регуляторами хозяйственной и культурно-политической жизни страны. Естественно, что различные племенные и областные установления вливались в этноправовое наследие прошедших времен и способствовали дальнейшему развитию правотворчества народа. Но многие основные моральные ценности, созданные этносом еще во времена позднеплеменных и раннемонархических общественных систем, продолжали жить в правосознании последующих поколений.

Здесь уместно напомнить: уже ахейский эпос ярко выразил силу многих нравственно-правовых норм эллиинства, получивших особое развитие в мирозерцании всего народа в I тысячелетии до н. э. Например, суровое осуждение противоправных поступков смертных и богов, даже самого Зевса (II, XIX, 91, 125–131), достигло своего совершенного выражения в юридических формулах поздних полисных законов.

Надлежит указать, что наличие гуманных черт в психологии всего этноса проявилось и в военно-политических событиях XII–X вв. Применявшееся тогда военное право не требовало полного истребления противников-эллинов даже при острых идеологических столкновениях. Ведь царский клан Нелеидов смог уйти из своего неукрепленного дворца в мессенском Пилосе даже с большим числом приближенных, как сообщил Геродот (V, 65), хотя завоеватели яростно уничтожили всю резиденцию династии. Видимо, они жестко отвергали даже материальные следы низвергнутого царевластия.

Но в других случаях, как было отмечено выше, одержавшие победу северяне стали на путь договорных соглашений с покоренными местными эллинами. Эта последовательная смена норм военного права на применение договорных отношений ясно показывает силу внутриэллинского обычного права. Его не погубило длительное (около 400 лет) сопоставление раннемонархических установлений в ахейских царствах¹ с правопорядками поздних родоплеменных сообществ в северных землях страны. Возможно, что рост политического полиморфизма после эолийско-дорийских вторжений (когда в Элладе установились уже три соседствовавшие формы общественного устройства: позднеплеменные сообщества, раннегосударственные образования, в устройство которых вошли главные древние правительствующие звенья, созданные отдельными племенными массивами во времена их развитого первобытного строя², и позднемонархические политеи) особенно способствовал увеличению правовой практики и, естественно, развитию местного и общеэллинского правотворчества.

Политическое многообразие разных частей крупного эллинского массива определило высокий уровень сложности его правовой истории. Но эти трудности эллины смогли преодолеть благодаря силе их этнорелигиозного единства, общности многих технологических приемов хозяйственной деятельности всего этноса и единству основ его духовного мира. Именно этническое самосознание, единоверие и языковая общность направляли практические усилия по сплочению этноса, а также обеспечивали непрерывное развитие общего духовного мира всего эллинства. Устойчивость общеэтнических психологических черт способствовала последовательному росту правового чувства эллинства, что вело к углубленной разработке правовых

¹ Ряд правовых положений ахейских царств был детально исследован в трудах: *Lipsius G. H. Attische Recht.* S. 1–10; *Glötz G. Solidarité.* P. 3–222; *Smith G. The Administration.* P. 1–56. С 1953 г. изучение массы новых первоисточников, начатое М. Вентрисом и Дж. Чэдуиком и продолженное Э. Беннеттом, Л. Палмером, М. Леженем и другими учеными, выявило существенные сведения о правопорядках в ахейских монархиях.

² Это советы старейшин и сходы племен. Их огромное значение в племенном мире побудило Н. Харузину ввести такое понятие, как «первобытное государство»: *Харузин Н. Этнография.* Вып. III. Собственность и первобытное государство. СПб., 1903. С. 201 сл., 206, 224. Однако исследователь не учел принципиального отличия систем власти и их назначения в племенных и государственных обществах.

установлений всего народа и его самоуправляющихся частей. Недаром в XI–IX вв. получил такое признание ахейский эпос, в котором возвеличены моральные, освященные богами и давней эллинской традицией идеи, причем в нем столь же категорично осуждены нарушение справедливости и своеволие Атрида. Правовая мысль этноса в те времена отражала настоятельные поиски общества, строившего свои правопорядки на принципах все большего ограничения единовластия и расширения полномочий должностных лиц различного уровня во всех сферах управления.

До некоторой степени развитию правового сознания весьма способствовали последствия насильственных изменений политической системы в ряде земель страны. В Элладе одновременно развивалось тогда три типа общественного устройства: кланово-племенной строй в северо-западных землях, раннеполисный-позднеплеменной быт дорян и эолян, а также трансформировавшийся с различными особенностями позднемонархический строй. В недрах последнего уже складывались элементы республиканской государственности. Политические противоречия таких образований не достигали катастрофической силы, военные столкновения имели ограниченный характер. Но геополитическая обстановка на Балканском полуострове и в ближних южных и восточных землях (с X в. рост Ассирии!) требовала укрепления общеэллинского единства. Этому отвечал рост самосознания всего эллинского этноса, сопровождавшийся созданием новых правовых положений и форм. Выше было обращено внимание на проявления указанных тенденции во внешнеполитических отношениях и во внутренних связях некоторых частей эллинства.

Общей характерной чертой правосознания XI и последующих столетий, ясно выступающей в системе эллинского обычного права, было дальнейшее усиление роли сакральных норм при создании общеэллинских юридических положений. Особенно важны были религиозные установления, практически содействовавшие урегулированию политических отношений всех частей эллинского народа. Даже вторгшиеся в Пелопоннес завоеватели, эоляне и доряне, довольно скоро обратились к сакральным правопорядкам, чтобы заложить новые формы общеэллинского сближения (см. гл. 2). Следует полагать, что в основе такой политики лежали представления не только о единстве эллинского народа; скорее главной была мысль о том, что более сплоченный мир эллинства будет успешнее отражать внешние нападения. Конечно, в XII–XI вв. это понятие только начало развиваться.

Примечательно, что созданием организационных форм, которые могли бы выражать идеи общеэллинского единства, занялись первыми эоляне и доряне. Видимо, накопленный ими длительный опыт межплеменных и межсоюзных контактов сохранял свою полную силу, тогда как основанный на страхе, как сообщил Фукидид (I, 9, 3), военный союз ахейских монархий оказался непрочным и даже обесславленным. По-видимому, успехи эолийско-дорийских договоренностей относительно движений в Пелопоннес и раздела захваченных там земель послужили толчком к дальнейшему развитию договорных отношений не только в пределах отдельных земель, но и внутри всего эллинского массива. Убедительным свидетельством выработки общеэллинских принципиальных соглашений по важнейшим вопросам внешней политики является трехчастное движение переселенцев из материковых областей на малоазийское приморье.

Несомненно, еще остается много пробелов в наших знаниях об этом сложном и долговременном процессе. Все же достаточно бесспорно понимание огромного значения указанных событий: эллинство более или менее согласованно осуществило расширение своего земельного фонда, причем захват и освоение новых земель на малоазийском поморье производили основные племенные союзы по отдельности, что требовало выработки новых межсоюзных договоренностей. Ведь условия каждой области были различными [например, Геродот особо отметил благоприятный климат Ионии (I, 142)], но ни доряне, ни эоляне не оспаривали права ионян на их владения. Примечательно, что все три области, особенно Эолида, были заселены довольно свободно, что уменьшало возможность конфликтов между соседними апойкиями из-за недостаточности хоры. Очевидно, политико-правовая мысль народа уже в XI–X вв. предусматривала необходимость избегать местных столкновений среди эллинских переселенцев на чужбине.

Отыскивая правовое содержание столь крупного и известного события, как обоснование эллинов на восточноэгейском поморье, отметим еще раз, что каждый союз тщательно поддерживал свою политико-культурную обособленность. Эта направленность позволяет понять идеологию всего этноса, имевшего теперь ярко выраженную общую этническую традицию и, вместе с тем, последовательно поддерживавшего внутреннюю самобытность каждой своей крупной части. Указанное обстоятельство бесспорно свидетельствует, что принцип автаркии практически получил большое развитие в политической мысли

всего этноса. Однако он не отражался отрицательно на главенстве общезэлинского самосознания. Видимо, этнос считал вопросы политического устройства второстепенными по сравнению с принципами своего этнического и религиозного единства. Такие взгляды были естественными: эллинство пережило крупные идеологические сдвиги в сфере политических воззрений, однако твердо сохраняло многие духовные ценности прошлых столетий. Ведь сохранение традиционных моральных воззрений содействовало укреплению этнической сплоченности и психологической устойчивости всего общества.

Отмечая практическое развитие принципов самоуправляемости в XII–X вв., заметим, что это направление было единственно реальным в политической жизни этноса. Эллинский массив включал тогда различные политико-правовые образования — от позднеплеменных обществ до монархических государств, уцелевших в некоторых землях. Политико-культурное своеобразие разных земель отступало перед общностью всего этноса и его религиозного миропонимания, перед сходством ряда разделов хозяйственной жизни народа, перед разумным пониманием значимости общей родины, обеспечивающей всему этносу жизнь.

Но политическое расчленение, несмотря на вторичность своих позиций в мировоззрении эллинства, оказывало и положительное влияние на все стороны жизни этноса. Например, автономизм развивал правосознание и правовую культуру народной массы. Множество самоуправляемых образований, имевших, естественно, различные уровни правоспособности, вело интенсивную правовую деятельность, включавшую не только соблюдение общепринятых установлений, но и необходимое правотворчество. Тем самым в Элладе значительное количество правоспособного населения участвовало в развитии правовой практики, а наиболее сведущие люди были активными деятелями при корректировке действовавших уже правовых обычаев и создании новых правовых положений. Конечно, процессы правообразования отличались в землях с различными системами управления, но всюду они исходили из общих первооснов правовой культуры этноса. Ее важной чертой было сохранение особенностей неписаного обычного права каждым племенным сообществом, хотя все они уже являлись субъектами общеэллинского права, тоже неписаного.

Следует полагать, что именно усиление значения автаркии постепенно привело к возникновению раннеполисной государственности. Это были еще государственно-племенные образования, так как

племенные отношения и правопорядки оказывали большое влияние на характер складывавшихся форм государственного управления большинства земель Эллады. Правда, в иных уцелевших царствах преобразование монархических правопорядков испытывало воздействие и клановых сообществ (см. гл. 3). Но хотя ранние формы полисной государственности еще сохраняли ряд черт от племенного и монархического устройств, часть которых не утратила своего значения и в зрелых республиканских полисах, однако известные события истории народа в XII–XI вв. позволяют заключить, что уже тогда происходило создание раннеполисной системы устройства. Жизнь народа менялась, что неизбежно требовало новой структуры его властей.

Правовое значение известных исторических событий указанных столетий бесспорно свидетельствует, что тогда же формировались правовые установления, отвечавшие требованиям государственно-племенного устройства, в недрах которого созревали принципы и правопорядки вырабатываемого эллинским народом нового вида государственного устройства — полиса.

Действительно, изучение политико-правовых аспектов достоверных источников XII–XI вв. показывает, что тогдашнее обычное право Эллады было достаточно разработано и заключало ряд разделов. Из них ясно можно выделить такие разделы:

I. ВНУТРИНАРОДНОЕ ПРАВО

А. Общеэллинское

Б. Межсоюзное племенное

В. Внутрисоюзное племенное

Г. Межплеменное право

Д. Внутриплеменное: 1. Общее; 2. Клановое

Е. Межполисное

II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

А. Общеэллинское право, определявшее контакты с весомыми иноплеменными союзами и отдельными царствами.

Б. Регионное международное право, регулировавшее связи отдельной государственно-племенной автономии с близлежащими иноэтническими владениями.

Надо полагать, что в реальной действительности применялись и установления, не укладывавшиеся в предлагаемую предварительную классификацию, но более полно отвечавшие характеру каждого кон-

кретного случая. Такие нормы могли иногда иметь лишь ограниченную силу, возможно и на определенное время.

Названные выше области обычного права выделены при изучении правового содержания некоторых известных ныне событий истории Эллады в XII–X вв. Полученные данные свидетельствуют о правовом регулировании ряда общезнаковых и местных вопросов жизнедеятельности народа, а также о том, что уже существовавшие формы правообразования отвечали запросам общества, имевшего строй, более сложный, чем кланово-племенное устройство. Выясняющиеся новые правовые порядки позволяют с уверенностью заключить, что в указанные столетия Эллада вступила в период формирования раннеполисного строя.

Важно то, что этот процесс происходил в условиях достаточно устойчивого политико-правового развития страны. На это указывают неуклонный подъем хозяйственной деятельности этноса, укрепление внутриэтнических отношений, рост значения общих идеологических ценностей, освященных религиозным единомыслием. В X–IX вв. особенно ясно выступает единство художественной мысли, которую развивало творчество мастеров геометрического стиля, работавших почти во всех землях Эллады.

Характер раннегосударственных образований эллинства следует определить, исходя из устройства высланных на малоазийское побережье апойкий: все три области были заселены автономными полисами. Это обособление новых самостоятельных центров на территории трех главных племенных союзов ясно указывает на то, что в материковой Элладе выделение автаркичных политических единиц уже стало реальным явлением в жизни страны. Естественно, что полисные образования, возникшие эволюционным путем, сохраняли в своей государственной организации многие обычаи и правовые порядки предшествовавших им обществ, позднеплеменных или монархических. Особенно важным было сохранение традиционных обычаев народоправности, выработанных за многие тысячелетия племенного быта: социальные позиции племенных ополченцев, обеспечивавших своему сообществу жизнь и землю, были всегда прочны. Даже в ахейских монархиях, судя по пилюским текстам конца XIII в., сельский дамос был достаточно значимым субъектом земельного права. Общественная весомость средних слоев в каждом клане и каждом племени должна была возрасти в начале XII в., полном внутренних столкновений и передвижений. Одновременно росло правосознание и усложнялась психологическая жизнь обитателей всей Эллады.

Несомненно, в каждой земле местные правопорядки воздействовали на пути приспособления к новым хозяйственно-политическим условиям, что сказывалось и на характере растущих форм раннеполисного устройства. Особенно хорошо это заметно на примере отличий государства в Аттике, эволюционно сложившегося на монархической основе, от структуры спартанского полиса, созданного вторгшимися завоевателями-дорянами. Именно традиционное или, наоборот, резко изменившееся социально-правовое положение массы основного населения каждой земли оказывало определяющее влияние на развитие четко различавшихся форм полисного устройства.

Многие звенья данного процесса в геополитически расчлененном, но этнически едином, массиве эллинства еще неизвестны. Однако основной общей чертой раннеполисных образований была устойчивость их кланово-племенных традиций, ясно проявляющаяся в последующей истории ряда эллинских земель. Именно эти уставы и обеспечивали сохранение реальных прав каждой группы населения на участие в духовной и материальной деятельности своего раннего полиса. В дальнейшем усложнение структуры обществ и, как следствие, изменения типов политей влияли на силу правовых обычаев, определявших правоспособность свободнорожденных эллинов. По-видимому, в X–IX вв. имущественное неравенство внутри кланов местами уже стало подрывать авторитет древних установлений (см. гл. 3).

Существенные факты из истории малоазийских апоекий бесспорно указывают на то, что укрепление автономных полисов в X–IX вв. достигло там значительной степени, причем некоторые государства вели активную враждебную политику против соседних эллинов. Так, ионяне из Колофона захватили эолийскую Раннюю Смирну около 800 г., как датировал Дж. Кук¹. Сообщение Геродота (I, 149–150) об этих событиях согласуется с фактом возведения ранних стен города еще в середине IX в. Эолийский союз вскоре потерял Смирну: ее граждане все ушли в сельский храм, оставив в городе принятых беглецов-колофонян. Эти ионяне закрыли ворота и не пустили обратно хозяев полиса. Конфликт разрешил межсоюзный договор: ионяне получили Смирну, отдав имущество ее прежним гражданам. Их приняли к себе другие эолийские полисы. Описанный конфликт свидетельствует об остроте межполисных противоречий, о росте обособленности малоазийских полисов и о значении межсоюзных договоров.

¹ Cook J. M. *Old Smyrna, 1948–1951 // BSA. №. LIII–LIV. 1958–1959. P. 25–27.*

Аналогичные процессы происходили и в материковой Элладе, где народ, непрерывно обитавший в своей стране, развивал полисную государственную систему иногда менее быстро¹, но зато с более плавным ходом преобразований. Замедленность образования полисных правопорядков в ряде областей способствовала длительной эволюции их давних кланово-племенных и позднемонархических установлений, постепенно вставших в столь сложный государственный мир, каким была полисная Эллада. Но именно эта постепенность позволила самому эллинству в XII–X вв. выработать свою особенную многовидовую форму государства, каким был полис. Создавая полис, народ сохранил в его системе ряд разумных принципов организации органов управления всей областью или ее частями, сформулированных еще в дополисные времена.

Как показывает хозяйственная история Эллады, в начале I тысячелетия эллинство последовательно продолжало древние традиции в сфере производства, обогащая их новыми важными знаниями и технологическими усовершенствованиями. Менее рельефны сдвиги в характере духовного мира всего этноса и его отдельных частей. Однако немногие, но существенные факты показывают кардинальные изменения самосознания эллинства. В интеллектуальном развитии народа уже проявился его отход от части традиционных религиозно-мифологических представлений о неограниченном значении воли богов в событиях жизни человечества². Новые взгляды открывали возможность разумного и последовательного приспособления еще сохранившихся традиций племенного быта к изменявшимся реальным условиям в материковых островных эллинских землях.

Указанная деятельность была особенно важна в области правовых воззрений общества. Как известно, в раннеполисных образованиях эллины не только удержали ряд древнеплеменных обычаев, но и активно использовали их при требованиях растущих государственных систем. Первоочередным был вопрос о правовом положении и правоспособности всего племенного массива каждой земли и отдельных групп, прежде всего кланов, его составлявших. Несомненно, что народ прочно держался за свои права, с чем сначала считались даже

¹ Например, Коринф только в начале VIII в. приобрел черты крупного города, хотя в нем уже давно возникла известная школа мастеров по бронзовым украшениям. См.: *Coldstream J. N. Geometric Greece*. P. 85–86.

² *Кессиди Ф.* От мифа к логосу. С. 26–28.

завоеватели-доряне. Полисные правовые порядки, формировавшиеся в других землях, первоначально исходили из основных местных обычаев правоспособности всего свободнорожденного населения — ведь все правовые нововведения должны были получать одобрение сообщества коренных обитателей.

Именно сохранение обычаев племенного народовластия в течение длительного роста полисной системы государств позволило развивавшейся правовой мысли Эллады постепенно трансформировать исконные обычаи автохтонного населения страны в сложные нормы полиса, государства, в котором свободное население было носителем различных законно установленных прав. Но даже неодинаковая правоспособность отдельных субъектов права в различных землях была сохранена (или выработана заново) и стала реальностью в государственной истории Эллады благодаря интенсивному развитию эллинского самосознания и его собственной политико-правовой мысли. Естественно, указанный процесс в идеологии народа потребовал много времени и усилий этноса. Назовем лишь такую сложную задачу духовного движения этноса, как переход к самосознанию гражданина полиса, что настоятельно требовало основательных сдвигов в психологии этноса и его различных частей.

Установленное ныне основательное усложнение хозяйственного и общественного развития эллинства, непрерывно обитавшего в своей земле и долго не допускавшего чужеземных военных вторжений, требует пристального изучения его истории в XII—X вв. Наука располагает рядом фундаментальных трудов, вышедших в 1950–1990-х гг. Но не все недавние издания могут быть названы основательными.

Вновь упомянем взгляды Ч. Г. Старра, который считает «подозрительными» сведения исторической традиции и эпоса эллинов об истории их страны до конца VIII в. Это предубеждение привело его к необоснованному заключению о примитивной политической жизни эллинства около 1100–700 гг.; столь же категорично названный автор пишет о «дегенеративном» художественном творчестве эллинов между 1125–1025 гг., о «внезапном» интеллектуальном подъеме около 720–680-х гг. Ограничимся лишь этими выдержками из обеих книг Ч. Старра¹. Они ясно показывают, что автор не затруднял себя внима-

¹ Starr Ch. G. *The Origins of Greek Civilisation 1100–650 B. C. L.*, 1962. P. 46–47, 67–68, 73, 109–111; *Idem. A History of the Ancient World*. N. Y., Oxford, 1965. P. 34–35.

тельным изучением достоверных источников. Поверхностные взгляды Ч. Г. Старра уже подробно и убедительно раскритиковал Э. Д. Фролов¹, что позволяет мне ограничиться кратким их упоминанием.

Странными представляются решительные утверждения Ю. В. Андреева о том, что в развитии Эллады произошел кардинальный регресс после крушения ахейских монархий; о том, что в XII–X вв. греческое общество было отброшено далеко назад на стадию первобытно-общинного строя. В 1993 г. ученый «открыл» разрыв единого культурного развития эллинства, механически разделив его на две цивилизации: микенскую и нового эллинского типа². Приведенные мнения Ю. В. Андреева свидетельствуют, что исследователю, знакомому со многими фактами развития эллинства в XXX–VI вв. до н. э., все же не удалось достичь разностороннего понимания непрерывной сложной истории эллинского народа. Ведь Эллада, как и другие страны древности, например Египет, пережила период внутренних междоусобий, принесших части земель страны ухудшение материальных условий жизни. Но единый массив эллинства смог преодолеть разруху, сохранив, местами же восстановив свой хозяйственный и интеллектуальный потенциал. Этому процессу весьма содействовало то, что эллинство интенсивно использовало свой опыт предыдущих столетий, особенно в хозяйственной сфере. Однако Ю. В. Андреев остановился лишь на некоторых явлениях тогдашней истории Эллады, не уделив должного внимания наиболее существенным источникам и принципиально важным фактам. Этот метод придал его построениям спорное значение.

Дискуссионные заключения отдельных ученых не останавливают развитие науки; они даже содействуют более активному исследованию известных достоверных фактов истории Эллады в XII–VII вв.³

На предшествующих страницах я попыталась изложить некоторые выводы и предположения о значимости и характере исторических событий, известных в политико-правовом развитии эллинства в указанные столетия. Особо подчеркнут был рост этнического самосознания эллинства и его единства, который отчетливо проявляется в столь важных сферах деятельности народа, как сакральные воззре-

¹ Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. Лгр., 1988. С. 30–34 (см. с. 12).

² Андреев Ю. В. К проблеме послемикенского регресса // ВДИ. 1985. № 3. С. 9 сл., 16; Он же. В ожидании греческого чуда // ВДИ. 1993. № 3. С. 14–15.

³ Шишова И. А. Аристотель о раннегреческом полисе // Проблемы античного источниковедения. М.; Л., 1986. С. 133–141.

ния и общеэллинское международное право. Примечательно, что общенациональное единство последовательно укреплялось в условиях усиливавшегося политического обособления земель, что вело к формированию различий в устройстве общества каждой области. Но политико-правовые особенности внутреннего строя множества частей этноса занимали подчиненное место в мировоззрении народа, объединенного общностью сакральных воззрений, общим языком и давним общим владением своей землей. Важную роль должно было играть понятие этнического единства всех эллинских племен. Следует полагать, что возникшее еще во времена племенного быта общенациональное сознание становилось более крепким по мере усложнения отношений с соседними государствами, иноплеменными союзами и народами. Видимо, уже к VI–V вв. этническое самосознание эллинства получило довольно глубокое определение — недаром Геродот писал, что афиняне не могут предать единство с эллинами по крови и языку, общеэллинские святилища и жертвоприношения, а также одинаковые обычаи — αὐτίς δὲ τὸ Ἑλληνικὸν ἐν ὁμαίῳ τε καὶ ὁμόγλωσσον, καὶ θεῶν ἰδρύματα τε κοινὰ καὶ θυσίαι ἤθεά τε ὁμότροπα, τῶν προδότας γενέσθαι Ἀθηναίους οὐκ ἂν εὖ ἔχοι (VIII, 144).

Осознание этих фундаментальных ценностей выработалось в результате длительного исторического развития эллинского народа. В этом процессе период от XII до VII вв. занимает особо важное место. Именно в указанные столетия эллинство, развивая различные формы раннеполисной государственности, сумело вложить принципы древней племенной народоправности сначала в положения о правоспособности всего сообщества свободных, а затем в законы о гражданстве и политах в политеях различного типа. Но основы этой политико-правовой концепции эллинский народ интенсивно вырабатывал в эпоху своей ранней государственности, виды которой были довольно различными. Естественно, что самобытная культура независимого народа отгораживалась от воздействий Хатти, новохеттских государств, Египта и других ближних царств.

Автономия духовной жизни эллинства исправно служила до конца VI в. высокому интеллектуальному подъему этноса и его военного потенциала. Независимая Эллада сосредоточенно занималась внутренним развитием своих земель.

ЗНАЧЕНИЕ ЭЛИДЫ И ОЛИМПИИ В ПРОЦЕССЕ УКРЕПЛЕНИЯ ОБЩЕЭЛЛИНСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Около середины 880-х гг. главы дорийско-эолийского содружества договорились посвятить Зевсу всю область Элиду и определили исключительное положение святилища Кронида в Олимпии. Это соглашение знаменовало огромный шаг вперед в развитии правосознания всей Эллады.

Указанный договор придал особое ускорение выработке сакрально-правовых установлений, общих для всего эллинского этноса. Тем самым в эпоху сложения разных форм полисной государственности успешно началась новая ступень в развитии сложного межполисного права древней Эллады. Святилище в Олимпии смогло стать ведущим центром политико-правовой жизни страны именно с IX в. благодаря тому, что в предшествующие два столетия делами его ведали дорийские и эолийские политики. Ведь тогда доряне и эоляне еще сохраняли многие правовые установления времен военно-племенной народоправности. Их архаические правопорядки оказали влияние на создателей устойчивой системы олимпийских сакрально-организационных обычаев.

Обратимся к имеющимся данным. Согласно рассказу Эфора, сохранным Страбоном (VIII, 3, 33. С. 357–358), этоляне пришли в Пелопоннес вместе с дорьянами, предводительствуемыми Гераклидами¹, что согласно традиции, произошло в 1104 г. Этоляне, овладев

¹ Напомним, что Эфор начинал свои «Истории» именно с Возвращения Гераклидов, полагая, что только с этого времени исторические легенды стали содержать достоверные сведения. Следует думать, что Эфор всегда старался тщательно отбирать материал для своего исторического труда, подобно тому, как реалистично писал он о северопонтийских племенах. Последнее отмечено еще М. И. Ростовцевым (Скифия и Боспор. Т. 1. Петроград, 1925. С. 112).

землей Элиды, взяли в свои руки и попечение о Святынях Олимпии — *παρολαβεῖν δὲ καὶ τὴν ἐπιμέλειαν τοῦ ἱεροῦ τοῦ Ὀλυμπίασιν...* Видимо, тогда, на рубеже XII и XI вв., святилище Зевса в Олимпии было одним из особо чтимых сакральных центров южной Греции. Оксил, вождь захвативших Элиду эолян, воцарившись там, хорошо понимал выгоды, которые могло принести им покровительство высшего божества и процветание его святилища. Дружественные отношения Оксила с Гераклидами позволили им всем согласиться с тем, что Элида будет священной областью Зевса, причем договоренность была закреплена клятвами. Соглашение включало также запрещение вести войну против Элиды и обязательство каждого участника выступать в защиту священной области сообразно своим силам. Нарушение обоих приведенных правил каралось проклятием. В договоре участвовал и Клеосфен, базилай соседнего царства Писатиды.

Краткие сведения Эфора и Страбона о деятельности Оксила, сына Гэмона, позволяют заключить, что это был дальновидный, реально мыслящий политик. Ясно, что еще до участия в походе Гераклидов он тщательно изучил пути, ведущие с севера в Пелопоннес. Ему удалось направить дорийские войска прямо в Арголиду и Лаконию. Далее, он усиленно помогал дорянам укрепиться в захваченных ими землях. Возможно, он не сразу раскрыл свои замыслы об овладении землями Писатиды, в которых некогда правили его предки¹.

Успешно укрепив связи с верхами дорян, Оксил получил их согласие на вторжение в земли писатов. Примечательна осторожность и самостоятельность политики Гэмонида: он не просил у дорян военной помощи против эпеян, владевших Писатидой. Как сообщил Эфор (Strab., VIII 3, 33. С. 357–58), Оксил вернулся в Этолию и набрал там войско, которое, очевидно, было равносильно рати эпеев (вероятно, у него были верные сведения). Когда войско этолян пришло в Писатиду и встало против ополчения эпеев, оба главнокомандующих согласились решить спор о владении землей путем единоборства своих самых лучших бойцов. Мономахия была древним обычаем всех эллинов — мудрый способ избежать уничтожения массы воинов. Этолянин Пирехм победил в поединке, и эпеи были вытеснены пришельцами из части своей земли.

¹ Сведения авторов о вселении дорян и эолян в Пелопоннес весьма детально рассмотрел уже Г. Бузольт. См.: *Busolt G. Griechische Geschichte*. Bd. I. S. 232–242. Однако надлежит подчеркнуть некоторые черты деятельности и политики многого замышлявшего Оксила еще раз.

Примечательно, что Оксил, воцарившись в ставшей священной Элиде, стал упорядочивать земельные отношения своих сельчан. Аристотель привел (Pol., VI, 4–5 1319 a 12) установление Гэмонида, запротивившего закладывать некую определенную часть каждого (первоначального?) надела земли¹. Тем самым предусмотрительный Оксил обеспечивал средний уровень материального состояния каждого боеспособного ратника Элиды.

Конечно, Эфор и излагавший его Страбон писали о договоренности владык Аргоса, Спарты, Мессении и Элиды стилем, отвечавшим лексике правоведов IV–I вв. На достоверность и прочность такого соглашения, однако, указывают черты исключительного положения Элиды, которые Эфор объясняет как результат упомянутого договора. Так, жители Элиды, возводя впоследствии свой главный город, оставили его без стен. В том же ряду стоит и соблюдение правила, согласно которому военные отряды, проходившие через священную область, были обязаны, входя в нее, сдавать свое оружие, которое они получали лишь выйдя за границы Элиды. Характер предписания о сдаче оружия столь архаичен, что он мог возникнуть именно как результат соглашения, принятого в эпоху интенсивных военных передвижений, сопровождавших вселение дорян в Пелопоннес.

Следует заметить, что соглашение Оксила и трех братьев Гераклидов о статусе Элиды и ее главного святилища указывает на понимание эолянами и дорьянами сложности своего положения. Политика возвышения святилища в Олимпии, которое раньше опекали ахейцы, древнейшие обитатели той земли, была удачным дипломатическим маневром: вожди эолян и дорян, озаботившись о храме, приобрели тем самым особое благоволение главы общеэллинского пантеона. Ведь для всех эллинов Зевс с древнейших времен был богом Отцом². Заботы о достойном почитании Зевса, взятые на себя дорьянами и этолянами в Олимпии, ставили их в положение как бы старших в общей массе эллинских племен. Это укрепляло позиции пришельцев в захваченных ими землях южной Эллады.

¹ В. П. Яйленко обоснованно сопоставил устав Оксила с законодательными мерами архаических полисов, строго оберегавших нерушимость прав на клеры своих политов (Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 174.)

² Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion. Bd 1. München. 1941. S. 364.

Целеустремленность политики этолян и дорян по отношению к Олимпийскому святилищу становится особенно понятной, если вспомнить, что Элида и ее главное святилище особо не выделялись в политико-религиозной жизни II тысячелетия. М. П. Нильссон даже отметил, что мифы об олимпийских агонах были искусственно связаны с микенской эпохой, однако на самом деле имели более позднее происхождение¹. Но, вероятно, местные праздники уже происходили и до XII в. Очевидно, в Элиде издревле почитали Зевса в его самой древней ипостаси как бога небес, изменяющего погоду и ниспосылающего дождь и громы. Но пришедшие из северных областей эоляне и доряне возвысили небесного владыку, подчеркнув его значение как главенствующего и первого обитателя Олимпа, горы в Фессалии. Ведь по представлениям эллинов именно Зевс был исконным жителем Олимпа и лишь позднее он допустил на священную гору других богов. Последние обычно пребывали в сферах своей деятельности. Например, Посейдон обитал в море, Аид — в подземном царстве, Арею же надлежало присутствовать при военных столкновениях². Естественно, что пришельцы из северных земель Греции принесли с собой культ древнейшего верховного божества в его особенно близкой им ипостаси, как владыки Олимпа³.

Но в захваченных землях Пелопоннеса перед завоевателями со всей остротой встали проблемы налаживания устройства внутри каждой области и стабильных отношений между всеми самостоятельными политическими силами. Естественно, что в этих условиях особое значение получила еще одна древнейшая функция Зевса-Отца — задача подателя и охранителя моральных норм и юридических обычаев. Высочайший хранитель отдельного рода и всего племени, каким почитали Зевса в патриархальные времена племенного быта, этот бог стал теперь покровителем всего множества правовых обычаев и строгим стражем их неуклонного исполнения.

Носитель идей справедливости, права и порядка Зевс-Отец приобрел особое значение в период сложения основных институтов

¹ Nilsson M. P. *The Mycenaean Origin of Greek Mythology*. Berkeley, 1932. P. 90–95.

² Ibid. P. 230–231.

³ М. Нильссон рельефно обрисовал связь религиозных представлений о небесном божестве в сознании примитивного человека с почитанием высочайших гор. См.: Nilsson M. P. *Geschichte der Griechischen Religion*, I. München, 1941. S. 366–368.

эллинского государственного быта¹. Будучи покровителем внутреннего устройства каждого отдельного племени и растущих полисов Зевс должен был стать божественным защитником и попечителем стремлений к большему сплочению эллинского народа. Этого требовала не только внутренняя обстановка внутри Эллады, но и менявшиеся внешние связи эллинского мира с этнополитическими силами в соседних странах Восточного Средиземноморья.

Говоря о значении культа Зевса как верховного покровителя всех эллинских племен, необходимо еще раз вспомнить о том, что в изучаемую эпоху мифы, особенно мифы о Зевсе, обладали огромной силой воздействия на человеческий ум. Каждый эллин, независимо от его племенной принадлежности, был убежден в достоверности священных сказаний, прежде всего тех, которые относились к владыке Олимпа. Ведь почитание Зевса возникло еще в самые отдаленные времена существования нерасчлененного индоевропейского массива племен². Древность культа сделала авторитет Кронида непререкаемым для всего эллинского этноса.

Поэтому договоренность эолян и дорян об опеке святилища в Олимпии была вполне естественной сакрально-дипломатической акцией руководителей пришельцев. Она узаконивала их военное переселение в южные земли и способствовала наиболее основательному утверждению их владычества. Ведь религиозные санкции активно формировали возникавшие изменения в правосознании и психологии победителей и побежденных обитателей Пелопоннеса. Следует также подчеркнуть значение другой стороны соглашения о священной земле Элиды. Оно показывает, сколь сильны были тенденции внутри эллинского массива к созданию организованных форм сплочения всего этноса.

Нет ничего удивительного в том, что главная роль в построении системы общих межэллинских связей в XI–VIII вв. перешла к дружественным союзам эолян и дорян. Ахейский массив оказался не в силах взять на себя данную задачу. Видимо, сказалось поражение

¹ Отмечая роль Зевса-Отца как охранителя неписаных законов древнейших эллинов, М. П. Нильссон подчеркивает, что греческое государство было основано на семье, а власть отца семьи была освящена небесным Отцом. См.: *Nilsson. Vater Zeus // Archiv für Religionswissenschaft. Bd XXXV, 1938. S. 156–171.*

² Этот вопрос детально освещен М. П. Нильссоном. См.: *Nilsson. Vater Zeus. S. 156.*

раннегреческих царств в конце XIII в., приведшее к потере авторитета ахейских племен и их союзов, особенно по сравнению с мощной эолийско-дорийской частью всего этноса. Возможно, что сама политика ахейских басилеев в предшествующую эпоху по отношению к северным сородичам не всегда отвечала интересам идеи сплочения эллинского этноса.

После спада военных действий тенденции к хотя бы ограниченным формам общности всего греческого массива постепенно набирали силу. Недаром победоносные сообщества эолян и дорян, непрерывно сохранявших устойчивые и развитые правовые традиции межплеменных контактов, использовали свое военно-политическое господство для выработки новых форм внутризэлинского единения. Успеху их замыслов несомненно способствовала большая прочность представлений племенного быта, в которых идеи общности и начала коллективизма занимали достаточно авторитетные позиции¹. Внутриплеменная и внутрисоюзная сплоченность эолян и дорян, не подорванная, как это произошло некогда у ахеян из-за роста обособленности каждой ранней монархии, послужила теперь мощным духовным фактором, стимулировавшим стремления к упрочению связей внутри всего эллинского этноса.

Успеху реализации указанных тенденций в политическом развитии Элады весьма способствовал древний богатый опыт племенного быта, накопленный за предшествующие шесть-пять тысячелетий. Обычное право, регулировавшее существование отдельных племен и их объединений, строго требовало определенной степени правовой культуры. Безусловно, в конце II — начале I тысячелетия до н. э. уровень правосознания дорийских и эолийских племенных союзов достигал высокой отметки. Это обеспечило им верховенство над коренным населением Средней и Южной Греции в период, когда завершились военные действия и началась консолидация новой структуры эллинского единения.

Примечательно, что юридические нормы более тесного общения всех частей эллинского массива создавались в период интенсивного роста практической независимости каждого самостоятельного поли-

¹ Возвышение власти монархов в ахейском массиве, несомненно, принесло большой, но временный, ущерб концепциям общезэлинского единства в XVI—XIII вв.

тического образования в пределах Эллады. Союзы племен и растущие в других землях полисные организмы неуклонно укрепляли свою автономию. Таким образом, страна в XI–IX вв. обладала немалым политическим полиморфизмом, в условиях которого росли не только локальные юридические обычаи, но и установления, служившие прогрессу общеэллинского этнического сознания. Можно полагать, что указанный дуализм духовного развития эллинского этноса способствовал исключительно высокой интенсивности греческого правотворчества в изучаемое время. Это отвечало и запросам практики — усложнявшиеся формы различных внешних контактов многочисленных политических автономий Эллады требовали создания более разработанной системы правовых регуляторов порядка взаимного общения и поддержания устойчивых связей.

Естественно, что традиционное освящение норм обычного права божественными санкциями приобрело в сложной политической ситуации XI–IX вв. особое значение. Это весьма способствовало росту могущества эолийско-дорийской коалиции, утвердившейся в Пелопоннесе. Ее власть и главенствующее положение, основанное на военном превосходстве, получали благодаря патронату над святилищем Зевса в Олимпии неоспоримое одобрение самого Кронида, верховного небесного владыки всех греков.

По-видимому, ход исторических событий, остающийся еще во многом неясным¹, подвел эолийско-дорийское содружество к далеко идущим политическим замыслам: стать во главе неуклонно возрастающего среди автономных сил Эллады стремления к более определенным формам общегреческого единения. Издавна идеи этнической общности особенно рельефно проявлялись в языке и в сфере религиозных представлений. И теперь, несмотря на разнооб-

¹ Скудость источников побудила ряд исследователей именовать отрезок греческой истории в XI–VIII вв. периодом «Темных веков». При этом необоснованно отбрасывались данные исторической традиции народа и сведения ранних греческих авторов. Однако археологические работы 1970–1980-х гг. (особенно в Левканди на Евбее и в Нихории в Мессении) предоставили фундаментальные данные по истории этого времени. Заметим, что даже А. М. Снодграсс, принявший указанное определение, приводит большой фактический материал, бесспорно восполняющий многие лакуны. См.: *Snodgrass A. M. The Dark Age of Greece: An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries B. C. Edinburgh, 1971.*

разии общественно-политического устройства многих частей греческого мира, единство сакральных воззрений неизменно сохраняло свою основообразующую роль в развитии панэллинских устремлений. Патронам священной Элиды следовало лишь более энергично обращаться к небесному одобрению собственных конкретных действий по усилению межэллинского общения. История постепенного возвышения панэллинского авторитета святилища Кронида в Олимпии предоставляет убедительные сведения о том, как неуклонно, хотя и медленно, претворялась в жизнь тенденция к единению эллинского мира вокруг общего сакрального центра в священной Элиде.

Указанный процесс оказал большое влияние на дальнейшее развитие правовой мысли. Действительно, укрепление внутренней независимости каждой отдельной части греческого этноса значительно усложняло внешние контакты таких автономных единиц. Практика требовала большего числа и более детальной разработанности тех правовых обычаев, которые регулировали внешние связи каждого политического сообщества. Естественно, что в изучаемый период интенсивное правотворчество по созданию ряда юридических форм межэллинского права велось в полном соответствии с сакральными установлениями. Обычай, определявшие права и обязанности дружественных или воюющих политических сил внутри Эллады, были подчинены порядку, освященному самим Зевсом. Неудивительно, что наиболее чтимое святилище Кронида приобрело значение особого охранителя и истолкователя установленных Зевсом правил межэллинского общения.

Следует полагать, что со времени соглашения о священном статусе Элиды в ее главном храме началась целеустремленная деятельность по приведению древних правовых традиций в соответствие с новым политическим положением всей земли. Разработка должна была идти по двум направлениям. Прежде всего должны были быть значительно дополнены и расширены собственно сакральные правила, определявшие формы почитания Кронида самими жителями Элиды. Можно полагать, что был заново пересмотрен очень большой круг вопросов — уточнен календарь праздников,¹ определены

¹ Описывая святилище в Олимпии и проходившие там богослужения, Павсаний упоминает о ежемесячных жертвоприношениях на алтарях различных богов, которые совершали «по некоему древнему обычаю» (*Paus.*, V, 15, 10). Бесспорно, такие «древние обычаи» почитания и самого Зевса были существенно расширены в XI–X вв.

виды самых главных жертвоприношений, учтен значительно возросший инвентарь святилища, дополнительно выработаны правила поведения богомольцев в самом храме и его периболе (например, могли быть ужесточены условия ритуальной чистоты как самих священнослужителей, так и мирян), установлен порядок ухода за священными зданиями и деревьями, алтарями и источниками. Сохранение устной регламентации всех сторон деятельности святилища, быстро ставшего особо значимым, несомненно требовало усиленного труда его служителей, знатоков сложных сакральных установлений.

Параллельно с ростом общеэллинского авторитета святилища в Олимпии неизбежно расширялись его связи со всеми землями обширного греческого мира. Это делало особенно важной задачу более четкого формулирования ряда правовых принципов и отвечавших им практических процедур взаимоотношений элейцев с другими автономными силами Эллады. Можно предполагать, что и в этом направлении правотворческая мысль Олимпии работала не менее напряженно. Местные знатоки юридических обычаев должны были найти самые рациональные формы взаимодействия общеэллинских правовых понятий с принципами как автономии самой священной Элиды, так и тех разнохарактерных политических единиц, которые обращались в храм Зевса.

Правоведы Олимпии, создавая свою систему устных правил внешних связей, должны были исходить не только из особенностей положения Элиды. Силою обстоятельств они были вынуждены учитывать общие интересы всего эолийско-дорийского содружества и те изменения, которые претерпевала его политика. Отмеченные условия правотворческой деятельности должны были сказаться на общем уровне устных правил, которые дополнялись или заново создавались в Олимпии в ближайшие два-три столетия после перехода ее в руки эолян¹. И хотя прямых источников о сакрально-правовых установлениях, регулировавших межэллинские контакты священной Элиды, в изучаемый период еще нет, однако некоторые косвенные сведения можно найти и сейчас. Для этого необходимо попытаться связать известные факты политической истории южной Эллады

¹ Заметим попутно, что даже чисто локальные различия обычаев писатов, прежних владельцев Олимпии (Strab., VIII, 3, 30. С. 354), и эолийского племени этолян должны были изначально привести к изменениям некоторых сакральных правил в Олимпии еще в начале XI в.

с данными, которые доставляет легендарная традиция Элиды относительно превращения ее локальных праздников в Олимпии в общеэллинские торжества.

Попутно заметим, что прагматическая история крупных религиозных центров Эллады может помочь в освещении некоторых событий сугубо светской политической истории. В данном направлении многое сделано для Дельф, но изучение истории Олимпии может быть еще продолжено. Это необходимо сделать и потому, что присущий религиозной идеологии консерватизм должен был способствовать сохранности древнейших исторических преданий о самой Элиде и о праздниках в Олимпии.

Так, до Павсания дошли местные сказания, свидетельствующие о нерегулярности локальных агонов в ранние времена. Древний географ рассказывает, что состязания в Олимпии устраивались при царе Оксиле, но после него наступил длительный перерыв (воцарившийся в Элиде Оксил, принадлежавший к четвертому поколению от завоевания Трои, мог умереть в первые два десятилетия XI века), так что «людьми уже овладело забвение о древних» событиях — τοῖς ἀνθρώποις ἔτι ὑπῆρχε τῶν ἀρχαίων λήθη (Paus., V, 8, 5). От этого предания веет некоторой наивностью, показывающей, что оно не подвергалось официальной обработке поздних летописцев Олимпии. Ведь сообщение об отсутствии после приблизительно 1100–1080-х гг. посвященных Крониду состязаний могло даже из-за «забвения старины» бросить тень на авторитет его святилища в Олимпии. Допустимо предположить, что приведенное раннее предание было сохранено без изменений потому, что оно относилось к первым столетиям установления священного статуса Элиды. Тогда ее политический строй постепенно отходил от монархии, превращаясь в аристократическую республику (Paus., V, 4, 5), и дела святилища могли действительно несколько пошатнуться.

Однако с течением времени имели место как внутренняя консолидация самой Элиды, так и расширение ее межэллинских контактов, что было тесно связано с ростом значения ее сакрального центра. Святилище Зевса в Олимпии становилось общепризнанным местом поклонения ему всех эллинов. Как уже отмечалось выше, это вело к интенсивной выработке новых сакрально-политических обычаев, регулировавших принципы и процедуры межэллинских контактов как в пределах самого духовного центра Элиды, так и самого святилища со всем эллинским миром. Допустимо предположить, что

рост значения олимпийского храма Зевса сопровождался все более углубленной правотворческой деятельностью не только корпуса священнослужителей самой Олимпии, но и знатоков организации внешних связей в каждой автономной единице греческого этноса в XI–IX вв. Высокий уровень разрабатываемых в Олимпии правовых регуляторов ее контактов с сакральными и политическими центрами остальной Эллады, несомненно, оказывал стимулирующее влияние на развитие общеэллинских правовых идей. Указанное явление, набравшее силу в условиях нарастающей консолидации полисного строя во многих областях страны, способствовало интенсификации правотворческой деятельности и, соответственно, развитию правосознания всего эллинского массива и отдельных его частей.

Рост общеэллинского авторитета святилища Кронида¹, естественно, сделал Олимпию весьма заметной силой в политико-правовой жизни греческого мира. Почитание здесь Зевса в качестве панэллинского владыки предоставляло большие возможности его патронам, эолийско-дорийскому содружеству, для укрепления своего политического влияния. Решительные шаги в этом направлении были сделаны Спартой и ее союзниками уже к середине IX в. Видимо, к этому времени доряне и этоляне уже достаточно прочно обосновались в завоеванных землях Пелопоннеса. Это позволило им вести более активную политику во всей Элладе. Естественно, что Олимпийский храм, ставший уже авторитетным сакральным центром, был призван исполнять особую роль в осуществлении политических планов своих патронов.

Не приходится сомневаться в том, что священный статус Элиды значительно облегчал разносторонние контакты стекавшихся сюда богомольцев. Обновленная где-то в начале XI в. традиция сакрально-правовых обычаев Олимпийского святилища, бесспорно, продолжала расширяться по мере усиления почитания Кронида как по-

¹ Напомним, что храм Зевса издревле стоял обособленно, к нему не примыкало никакое светское поселение, так что речь идет о значении именно сакрального центра. Попутно заметим, что географическое расположение святилища в известной мере содействовало успешности его возвышения. Олимпия находилась на берегу полноводной реки Алфея, имевшей большую протяженность и много обильных притоков (*Paus.*, V, 7, 1). Отсюда удобные пути вели к морскому берегу и к обширному кругу земель в самом Пелопоннесе и в остальных частях материковой Эллады.

кровителя именно панэллинского общения¹. Этого требовало усложнение межгосударственных отношений в Элладе. Ведь все более насущной становилась необходимость создания новых юридических форм, которые регулировали бы контакты между многочисленными автономными частями эллинского мира и их жителями. Встречи разноплеменников и инополитов в периболе святилища Зевса Олимпийского никогда не ограничивались исключительно религиозным содержанием — взаимопроникновение сакральной и реальной сторон жизни вело к расширению круга обсуждаемых и решаемых вопросов из обеих сфер. Возможно, что в Олимпии в среде священнослужителей поддерживались и особо развивались приемы мудрой дипломатии, обеспечивавшей не только мирные контакты на территории Альтиса, но и продолжение отношений в области межгосударственной жизни народа. Конечно, в самой Элиде получали разрешение лишь некоторые конфликты. Сначала сюда обращались участники споров, происходивших по соседству с Элидой. Но круг апеллировавших к воле Кронида постепенно расширялся, что неуклонно увеличивало славу святилища Зевса как связующего весь эллинский мир центра. Возможно, что в Олимпии под священным покровительством Кронида впервые стали постепенно создаваться многие достаточно рациональные нормы межэллинских отношений, успешно регулировавшие сложные контакты автономных племен и полисов, а также союзов этих автономий.

Нелишне еще раз вспомнить о том, что длительная устойчивая и результативная практика союзных отношений у дорян и этолян возникла еще в отдаленную эпоху их догосударственной жизни. Уже древнейшие союзы этих племен нуждались в выработке устных правовых уставов о межплеменных и межсоюзных связях. Развитию союзной политики сопутствовало умножение норм внешнего права и даже связанных с ним внутренних юридических установлений.

¹ Видимо, в Олимпии этот аспект культа Кронида имел наибольшие возможности для развития. Например, в Додоне (Эпир) обряды почитания Зевса сохранили столь старинные формы (Her., II 55), что дополнить их церемониями с новым идейным содержанием было бы святотатственным нарушением. В иных святилищах Пелопоннеса, особенно пользовавшихся некогда благоволением ахейских царей [таким, несомненно, был храм Зевса вблизи Пилоса (см.: *Ventris M. and Chadwick J. Documents. P. 125–126*)], могли сохраняться традиции микенского времени. Естественно, что консервативная традиция того культа Кронида была чужда духовному миру этолийско-дорийского содружества. И не в интересах завоевателей было способствовать благополучию сакральной оппозиции ахейских консерваторов.

Видимо, непрерывный давний правовой опыт был как-то использован дорянами и этолянами после завершения военных действий в Пелопоннесе, когда главной стала задача организации мирного сосуществования разнохарактерных политических сил. Теперь возникла необходимость найти удобные правовые формы внешних контактов многих автономий. Естественно, что столь важные юридические установления должны были получать священную санкцию самого Зевса. Поэтому святилище Кронида в Олимпии стало центром интенсивного сакрально-правового творчества.

Усиление общеэллинского авторитета Олимпии было активно использовано эолийско-дорийским сообществом для упрочения своих позиций в эллинском мире. С этой целью в статусе святилища и проводимых им торжеств были проведены важные преобразования. Содержание этих сакрально-политических и правовых нововведений можно отчасти уяснить по данным олимпийской традиции.

Рассматривая предания об Олимпии и происходивших там состязаниях, должно напомнить об их неоднородности. Самый ранний пласт легенд, изложенных Павсанием (V, 7, 9–10; 8, 1) и его близким современником Флегонтом из Тралл (FHG, III, p. 609. Fr. 1, 12), называет ряд устроителей агонов в честь Кронида, завершающийся именем Геракла. Уже М. П. Нильссон отметил искусственность этих мифов и нарочитое возведение некоторых к микенской эпохе Греции¹. Но важен основной вывод исследователя в 1930–1931 гг.: классическая

¹ Nilsson M. P. *Mycenaean Origin* P. 29, 244. Однако устройство местных состязаний можно допустить и много раньше — ведь и во II тысячелетии каждый ловкий эллин стремился достойно показать себя в локальных агонах. И так как уже во времена Троянского похода жители Писатиды, которой принадлежала Олимпия, считались посвященными Зевсу и потому не участвовали в осаде Трои (*Strab.*, VIII, 3, 30. С. 355), то весьма реально предположение о давности традиционных агонов в исключительно удобном для них месте возле святилища Кронида. Ведь ахейский эпос свидетельствует о том, что к XIII в. во всех известных тогда эллинских племенах существовала хорошо разработанная практика устройства состязаний. И хотя в Илиаде названы только соревнования героев при погребении Патрокла (XXIII, 258–897), однако строгая система проведения этих агонов, основывавшаяся на общепризнанных правовых установлениях, свидетельствует, что данные принципы принимали все эллины. Несомненно, состязания происходили тогда не только на тризнах. Например, предание о колесничных бегах, победа на которых принесла Пелопсу в жены Гипподамию (*Pind.*, Ol., I, 67–89), или агон, устроенный Алкиноом в честь прибытия Одиссея (*Od.*, VIII, 100–230), говорят об устройстве ахеянами состязаний по самым различным поводам. Конечно, локальные агоны

традиция о монархической эпохе отразила непрерывную внутреннюю связь духовного мира эллинов во II–I тысячелетиях.

Иное впечатление оставляет более поздняя часть олимпийских преданий. Их излагает опирающийся на Эфора (405–330 г.) Страбон (VIII, 3, 30. С. 353–355; 33. С. 357–358) и повторяющий их с некоторыми дополнениями, полученными, вероятно, во время путешествия по Элиде¹, Павсаний (V, 1, 4; 4, 5). Отдельные сведения из более поздней истории Олимпии позволяют осветить важные особенности общеэллинского положения этого сакрального центра. Такие данные сохранили Геродот, Пиндар, Фукидид.

Поздний раздел традиции посвящен не столько истории самой Элиды, сколько восстановлению олимпийских состязаний в IX–VIII вв., их устройству и правовому статусу. Упоминание одних и тех же сведений разными авторами позволяет заключить, что сложившаяся первоначально в устной форме, а затем и записанная², тра-

в Олимпии в ахейские времена могли быть нерегулярными и могли включать ограниченные виды упражнений. Но какая-то древняя агонистическая практика продолжала существовать, равно как и определенные правила для выступающих атлетов. А так как соревнования происходили возле святилища Крониды, то санкции Зевса делали особо значимым соблюдение норм местного спортивного права. Возможно, что какая-то часть этой древней правовой традиции сохранялась и в XI–X вв. Ведь военно-спортивный характер агонов, на которых проверялась боеспособность юношей, определяли правовые нормы, составлявшие органическую часть эллинского обычного права тех времен.

¹ Книга об Элиде была написана Павсанием в 174 г. См.: *Frazer J. G. Pausanias's Description of Greece. Vol. III. London, 1898, P. 465.*

² По-видимому, элейцы, довольно скоро ввели письменную фиксацию олимпийской традиции и строгого счета проведенных ими агонов. Так, когда правитель Аргоса Фидон вторгся в Элиду и силою захватил проведение очередных олимпийских состязаний, то элейцы, как пишет Страбон (VIII, 3, 33. С. 358), эти агоны не записали. Следовательно, уже в середине VIII в. в Олимпии существовал порядок точного письменного счета торжеств. Об агрессии Фидона упомянул и Геродот (VI, 127), но только Павсаний (VI, 22, 2) сообщает, что аргосский династ отобрал у элейцев восьмые по счету агоны, приходящиеся на 748 г. Очевидно, перечень состязаний к этому времени элейцы составляли уже регулярно. Принимая эту дату, следует отметить, что в историографии XX в. правление Фидона относили или к первой половине VI в. (*Glötz G. Histoire grecque, I. Paris, 1925. P. 305*) или к середине VII в. (*Bengtson H. Griechische Geschichte. S. 81*). Такие хронологические разногласия идут еще от Геродота (VI, 127). Видимо, два династа-родича, дед и внук, носили имя Фидон. Думаю, что традиция Олимпии о конфликте с Аргосом в 748 г. заслуживает полного признания. Но героем ее был старший родич Фидон I.

диция о возрождении состязаний в Олимпии в основном отражала действительный ход событий.

Наиболее авторитетны сведения Эфора, составлявшего свой труд между 375–330 гг., которые приводит Страбон (VIII, 3, 33. С. 357–358). Их повторяет и частично дополняет Павсаний (V, 4, 5–6). Возможно, что ряд сообщений Павсаний получил от знатоков истории Олимпии¹. В Элиде традиция о славнейшем сакральном центре обегалась уже в VIII в., когда начали вести каталог состязаний, включая в него только те агоны, которые устраивали сами элейцы (Paus., VI., 22, 2–3). Сопоставляя данные названных авторов, можно отчасти уяснить картину возвышения святилища в Олимпии и развития связанных с ним сакрально-правовых идей.

Священный статус Элиды, обеспечивавший ей полную и постоянную безопасность, позволил как самим элейцам достичь незаурядного благосостояния, так и святилищу в Олимпии стать процветающим духовным центром с общепризнанным во всей Элладе авторитетом. В насыщенной военными столкновениями политической жизни Эллады в X–VIII вв. позиции Олимпии неуклонно возрастали. Спартанская дипломатия, постоянно поддерживавшая дружественную дорьянам Элиду, несомненно одобряла политику элейцев, направленную на возвышение авторитета их Кронидова святилища.

Очевидно, к середине IX в. сакральные и политические руководители Олимпии предприняли важное преобразование существовавшей в святилище обрядовой системы: была прекращена деятельность функционировавшего здесь оракула. Это был весьма радикальный акт. Как сообщал Страбон, святилище было издавна славно своим оракулом Зевса Олимпийского — τῶν δ' ἐπιφάνειαν ἔχεν ἐξ ἄρχῆς μὴ διὰ τῆς μαντείας τοῦ Ὀλυμπίου Διός. Оракул был упразднен, но слава святилища не уменьшилась и в последующие времена возросла благодаря всенародным торжествам и Олимпийским агонам (Strab., VIII, 3, 30. С. 353).

¹ Без сомнения, реальная история освященной культом Кронидова местности хранилась там столь же тщательно, как и древнейшие мифы о Зевсе-отце. Консерватизм религиозного мировоззрения в соединении с представлениями о том, что сам Кронид определял судьбы своего храма, должны были способствовать сохранению памяти о многих прошлых событиях. Этого требовало и достоинство самого святилища. Естественно, что местные иереи тщательно собирали сведения о деятельности святыни.

Данное свидетельство Страбона, опиравшегося на Эфора и добавившего свое мнение об Олимпийских праздниках как о величайших из всех остальных торжеств, дает материал для некоторых рассуждений.

В самом деле, духовные власти святилища, давно известного своим прорицанием, отказались от традиционного аспекта храма как центра небесной помощи самого Кронида (не какого-нибудь земского божества, хранителя мелкого источника или ручья!), которую любой эллин или сообщество греков обычно получали у оракула Зевса в Олимпии¹. Очевидно, духовные руководители не только самого святилища, но и всей священной области Элиды пришли к мысли, что прорицание ответов на запросы отдельных лиц не отвечает величию почитаемого здесь Отца всех эллинов, что необходимы более монументальные формы культа владыки Олимпа. Напрашивается предположение, что потребность в такой кардинальной реорганизации богослужбных обрядов в Олимпии была продиктована важными сдвигами в духовном состоянии всей Эллады². Несомненно, сакральное новаторство на берегах Алфея отражало глубокие изменения в различных сферах жизни страны, причем не только политической и этнической, но и религиозно-правовой.

К проведению столь значимой для святилища в Олимпии реформы элейцев привело и общее тяжелое состояние — военные столкновения и неурожай вызвали распространение какой-то губительной эпидемии (Paus., V, 4, 6). Видимо, в этих условиях деятельность оракула

¹ Давняя популярность прорицалища в Олимпии, бесспорно, свидетельствует о высоком интеллекте лиц, ведавших здесь оракулом. Возможно, что практиковавшиеся здесь обряды прорицания были достаточно сложными. Исполнение их требовало от служителей Зевса, составлявших прорицания от имени Кронида, основательной умственной работы. Можно полагать, что беспокойная политическая обстановка в Пелопоннесе после вселения туда дорян и этолян, потеснивших местное ахейское население, вызвала массу общих и частных конфликтов, разрешения которых стороны искали у оракула Кронида в Олимпии. Естественно, что только одаренные иереи могли успешно изрекать прорицания относительно столь животрепещущих запросов оракулу.

² Возможно, что идеям реформации в Олимпии немного способствовал и рост популярности Дельфийского оракула, привлекавшего толпы богомольцев своим расположением в срединной части Эллады, а также замечательными древними состязаниями певцов в честь Аполлона.

в Олимпии сочли целесообразным прекратить и заменить его более монументальными формами почитания Кронида. Очевидно, возобладало мнение, что не следует докучать Зевсу частными обращениями к его оракулу, что необходимо более усердно чтить Кронида, восстановив древние, издавна угодные богу, сакральные обряды. Ведь предания Олимпийского святилища напоминали, что в старину здесь совершали не только обязательные священные обряды, но и проводили торжественные сходы окрестного населения и соревнования атлетов. Можно с уверенностью полагать, что именно формальное обращение к обычаям предков обеспечило успешное проведение глубоких реформ в деятельности святилища в Олимпии. Весьма правдоподобно, что именно закрытие здесь прорицалища Зевса было первым шагом на пути серьезных преобразований.

Реформатором в Олимпии греческая традиция, ранняя и поздняя, единогласно называет элейского аристократа Ифита. В реальности этой личности сомневаться нет оснований: его огромная роль в истории Олимпии и в развитии сакрально-правовых концепций всей Эллады засвидетельствована бесспорными источниками. Судя по Павсанию (V, 4, 5), Ифит был потомком этолянина Оксила, воцарившегося в Элиде по договоренности с Гераклидами где-то на рубеже XII–XI вв. И хотя монархия в Элиде со временем угасла, род Оксидов сохранял выдающееся положение. Особенным авторитетом они пользовались в Олимпии, где тщательно берегли предание о том, что царь Оксил устраивал здесь состязания (Paus., V, 8, 5). Согласно традиции его потомки, Оксилиды, сохраняли право на пост верховного распорядителя торжеств, агонифета, вплоть до 50-й Олимпиады (Paus., V, 9, 4), происходившей в 580 г. Тогда агонифетов Олимпии стали избирать по жребию из всех граждан Элиды.

Очевидно, после 990-х гг. политическая обстановка в соседних с Олимпией землях местного царства Писáтиды менялась не в пользу эляян. Это учел агонифет Ифит, решивший несколько уступить притязаниям писатов, издавна владевших Олимпией до вторжения этолян. Однако Ифит сумел усилить свои позиции. Около 884 г. он заключил соглашение со спартанским законодателем Ликургом и царем Писáтиды Клеосфеном о том, что они втроем будут опекать Олимпию. Эта договоренность предусматривала восстановление главных торжеств в честь Зевса, причем на время праздников устанавливалось священное перемирие — экехейрия (буквально — «нерукопашье»). Сообщения Плутарха (Лус., 1) и Павсания (V, 4, 5)

позволяют заключить, что Ифиту удалось поставить Олимпию выше остальных святилищ Пелопоннеса, что постепенно получило признание во всей Элладе.

Претворение в жизнь решений Ифита и его союзников потребовало значительной работы нескольких поколений служителей святилища. Видимо, сам Ифит смог долго руководить ходом преобразований и составить основные правила проведения торжеств, включавших религиозные обряды, панагирис (торжественный сход народа) и состязания атлетов. Элейская традиция подчеркивала ведущую роль Ифита в создании олимпийских уставов, имя Клеосфена было почти забыто. Все же Флегонт из Трал называет властителя Писатиды третьим членом договора (FHG. Vol. III. P. 603).

Однако рост панэллинского авторитета Олимпийских святынь и увеличение числа посетителей Зевсовых торжеств обусловили ряд дополнений в давние порядки празднеств. К 776 г. в олимпийский устав были внесены важные изменения, начиная с того, что происходившие тогда праздники были отделены от ранее прошедших торжеств. Олимпиада 776 г., в которой элеец Кореб превзошел всех в беге, стала числиться первой; с нее установлено проведение Олимпиад каждые четыре года и их непрерывный счет с записью имен олимпийцев — победителей в каждом виде состязаний (Strab., VIII, 3, 30 C. 355; Paus., V, 8, 6; VIII, 26, 4) (см.: с. 186–187 Дополнения).

Следует особо отметить, что сакрально-административные верхи Элиды с самого начала тщательно вели каталог проведенных ими Олимпиад и не заносили в него праздники, устроенные инополитами. Элейцы даже ввели особое наименование, $\text{Ανολιμια} \text{ } \square \text{ } \sigma$, для отвергаемых ими праздников¹. Строгое соблюдение установленных правил и регулярное исполнение священного долга сакральной администрацией ставилось под особое попечение самого Зевса. Это делало религиозные нормы Олимпийского святилища непререкаемыми и самыми возвышенными над всеми местными обычаями земель Эллады. Приоритет культа Кронида в Олимпии придал особое практическое значение каталогу олимпийских торжеств, который элей-

¹ Павсаний точно называет эти «не-олимпиады»: Федонову в 748 г., царя Писатиды — в 644 г. и устроенную аркадянами в 364 г (VI, 22, 2–3). Видимо, администрация Олимпийского святилища уже к середине VIII в. создала полный каталог праздников, устроенных самими элейцами, и ввела в обиход представление об Олимпиадах как об исключительной сакральной привилегии Элиды.

цы вели непрерывно, отмечая имена олимпийцев. Поэтому счет времени по Олимпиадам стал общепринятым во всей Элладе, хотя каждое государство сохраняло свои местные системы летоисчисления (например, в Афинах — по архонтам). Олимпийская хронология довольно скоро сделалась общеэллинской¹ и сохранялась греками в употреблении более тысячи лет².

То обстоятельство, что олимпийский каталог торжеств и их олимпийцев стал общеэллинской хронологической шкалой уже в V в., судя по ссылкам Фукидида на Олимпиады³, показывает, что про-

¹ Можно полагать, что строгая регулярность проведения торжеств в Олимпии, в которых официально участвовали все автономные политические силы Эллады, так же как и всеэллинский почет при записи имени и происхождения каждого победителя, весьма способствовала распространению устной традиции олимпийской хронологии в обиходе всех племен и полисов. Естественно, что в письменной традиции счет по Олимпиадам получил признание уже в V в., как показывают ссылки Фукидида (II, 8; V, 49) и Ксенофонта (Hell., I, 2, 1; II, 3, 1). О панэллинской значимости олимпийской хронологии говорит тот факт, что уже Тимей (ок. 356–260) в своих «Историях» провел сопоставление дат некоторых местных систем летоисчисления с хронологической шкалой олимпиад. Эти поздние свидетельства рациональности олимпийской системы, разработанной к 776 г., являются важным показателем высокого уровня культуры летописцев Олимпии.

² Ставшие величайшим национальным праздником всех эллинов, олимпийские торжества проводились до 394 г. н. э., когда они были запрещены официальным противником древнеэллинской религии императором Феодосием I (379–395).

³ Счет по Олимпиадам быстро получил главенствующее значение во всех областях эллинского мира. Уже в конце IV в. Тимей сопоставил данные лакедемонской, афинской и аргосской локальных хронологий с олимпийским списком, отметив ошибки полисов в их официальной документации, достигающие лишь трех месяцев (Polyb., XII, 11, 1). Положительное отношение Полибия к этой работе Тимея показывает необходимость такой корректировки соотношений дат Олимпиад с локальными хронологиями, которых в Элладе было множество. Так, в Спарте в IV в. такую работу провел лакедемонек Сосибий, сопоставивший списки спартанских царей с перечнем праздников Аполлона Карнейского и со списком Олимпиад (FHG, II, P. 625). Проблема хронографии приобретала все более важное значение в умственной жизни Греции. Возрастала и роль Олимпийского списка, ставшего панэллинской хронологической системой. Олимпийский каталог служил основным инструментом датировки для античных составителей трудов по всемирной

грамма реформ в Олимпии отвечала интересам не только одной Элиды. Видимо, Ифиту и его окружению удалось решить некоторые задачи, стоявшие тогда перед всем эллинским народом.

Говоря об окружении Ифита, следует пояснить, что реформатор, несомненно, пользовался поддержкой определенного круга сакральных администраторов Элиды. Это не умаляет роли Ифита, которую местная элейская традиция всегда определяла как индивидуальную и главенствующую. Решающее значение имеет приведенное Страбоном свидетельство Эфора, писавшего примерно в 375–330 гг., что Ἴφιτόν τε θεῖναι τὸν Ὀλυμπικὸν ἀγῶνα (Strab., VIII, 3, 33. С. 358). Лаконичность сообщения о том, что Ифит учредил Олимпийский агон, свидетельствует, что в классической Элладе этого деятеля считали единственным преобразователем олимпийских торжеств. Указанную традицию ревностно сохраняли в Олимпии и много веков спустя. Павсаний, обращавшийся к элейцам, «помнящим древнейшие события» (V, 7, 6), также категорически утверждал Ἴφιτος μὲν τὸν ἀγῶνα ἔθεκεν αὐτὸς μόνος (V, 9, 4). Формулировка «сам один» отражает особое внимание археографов Элиды к определению роли Ифита как единственного реформатора праздников в Олимпии. Элейское предание об обращении Ифита к дельфийскому оракулу по поводу охвативших страну бедствий также называет только одного Оксилита, хотя Пифия предписала восстановить Зевсовы торжества «Ифиту и элейцам» (Paus., V, 4, 6). Правда, перед этим Павсаний отметил, что Ифит был современником Ликурга, «написавшего лакедемонянам законы». Ответ Пифии Ифиту и элейцам, как и со-

истории, как показывает его использование Полибием, Диодором и другими авторами. С Олимпиадами соотносили события не только истории Эллады, Рима и Египта, но и других стран. Например, в отрывке хронологического компендиума, сохранившем изложение событий 355–315 гг., неизвестный историк приводил факты истории Персии, Греции и Рима, датируя их по Олимпиадам и списку афинских архонтов (*Grenfell P., Hunt A. The Oxyrhynchus Papyri*, I. London, 1898. P. 25. № XII). Образованные круги греко-римского мира и в III в. н. э. изучали Олимпийский каталог, как показывает папирус из Оксирина, на котором уцелели куски списка олимпийцев за 480–468 и 456–448 гг. (*Grenfell P., Hunt A. The Oxyrhynchus Papyri*, I. London, 1898. P. 85, № CCXXII). Юлий Африкан, писавший в III в., привел в своем сочинении полный перечень олимпийцев с 776 г. до н. э. по 217 г. н. э. Этот текст списал у него Евсевий Кесарийский (260–340), «Хроника» которого дошла до нового времени. Таким образом, известен непрерывный перечень Олимпиад за 993 года.

гласие с Ифитом относительно необходимости приносить жертвы Гераклу (о чем здесь же сообщил Павсаний), свидетельствует, что официальные верхи всей Элиды и самого святилища в Олимпии энергично поддерживали деятельность Ифита. И вся элейская традиция на протяжении 950 лет (от 1-й Олимпиады в 776–773 гг. до составления Павсанием в 174 г. н. э. книги об Элиде) ревностно оберегала авторитет Ифита.

О нем рассказывали не только письменные источники, но и памятники сакрального искусства. Так, богомольцы, входя через медные двери в храм Зевса, видели направо перед колонной скульптурную группу: Ифита увенчивает женская фигура, олицетворяющая священное перемирие — Экехейрия. Значение обеих фигур объясняла надпись, начертанная в форме дистиха (Paus., V, 10, 10; 26, 2). Ее читал и сам Павсаний — очевидно, элейцы стремились к тому, чтобы значение их деятеля Ифита не померкло в веках. Этой задаче служили также предметы, выставленные в олимпийском Герооне. Здесь находились диск Ифита, на котором была начертана формула священного перемирия, и стол, где раскладывали венки из масличных ветвей для победителей на очередных состязаниях (Paus., V, 20, 1). Сведения Павсания показывают, что старинная традиция Олимпии о главенствующей роли Ифита-реформатора (что было ясно передано Эфором) когда-то была дополнена указанием на то, что его деятельность поддерживали «элейцы». Возможно, что так оно и было на самом деле: без опоры хотя бы на высшие круги элейской знати этот Оксилит не смог бы провести столь радикальные преобразования¹.

Однако реформы Ифита в священной Элиде не были только локальными преобразованиями, они неизбежно должны были коснуться интересов остальных земель Эллады. Указанное обстоятельство обязательно требовало особо основательной правотворческой работы элейского реформатора и его преемников. Им необходимо было соотнести намечаемые преобразования и с внутренними элейскими правовыми обычаями, и с позициями дружественных им других политических сил Эллады. Нет сомнений в том, что проведению в 776 г.

¹ Заметим, что сообщение Павсания об обращении Ифита в Дельфы все же вызывает сомнения в достоверности этого факта. Возможно, что возвышение авторитета оракула Аполлона в VII–VI вв. побудило сакральные верхи Олимпии позднее дополнить элейскую традицию ссылкой на Пифию.

первой по новому порядку и открываемому счету Олимпиады предшествовала длительная организационная подготовка.

Естественно, что правотворческая мысль Элиды того времени принимала во внимание не только общие тенденции развития эллинской религиозной мысли, но и реалии политической жизни греческого народа, в которой утвердилось политическое обособление множества автономий. Рассмотреть многогранную проблему контактов Элиды с другими частями эллинского мира не позволяет скудость имеющихся ныне источников. Лишь по одному вопросу допустимо высказать некоторые предположения — о возможном влиянии реформаторской деятельности Ликурга на мировоззрение Ифита и близких ему элейцев.

Бесспорно, успешный ход преобразований в Спарте должен был произвести большое впечатление на умственную жизнь соседних ей государств. Давние дружественные связи Элиды и Спарты обеспечивали возможность личных контактов их правящих кругов, причем эти взаимоотношения должны были особенно окрепнуть во времена законодательства Ликурга и последующего строгого претворения на практике его правовых норм спартанскими верхами. Ведь радикально настроенный Ифит, замышляя возвысить Элиду, применил тот же принцип использования древних обычаев для укрепления обновляемой государственной системы, который был столь последовательно проведен Ликургом.

Вполне возможно, что Ифиту были полезны идеи и опыт этого выдающегося государственного деятеля. Но не менее важна была ему политическая поддержка лакедемонян, издавна обладавших военным превосходством над соседями. Оно намного окрепло в результате деятельности Ликурга, что возвышало авторитет реформатора не только в Пелопоннесе, но и во всей Элладе.

Значение деятельности Ликурга для спартанского полиса ясно показал Геродот (I, 65). Фукидид, не называя имя реформатора, отметил, что лакедемоняне более четырехсот лет пользуются одной и той же политеией, благодаря чему Спарта достигла большого могущества (I, 18). Введение этого устройства Олорид возводил ко времени за четыреста и «несколько больше» лет до 404 г., относя это событие к IX в. Позднее Эратосфен и Аполлодор на основе счета поколений датировали начало деятельности Ликурга 884 г. Их определение было принято не всеми историками, разногласия

которых подробно изложила К. Краймс¹. Сама же она считала 809 г. наиболее точной датой реформ Ликурга².

Однако мне представляется, что развитие Олимпии в IX–VIII вв. лучше согласуется со сведениями Эратосфена и Аполлодора. Ведь 33 года (от 809 до 776 г.) составляют слишком короткий период для разумного осуществления договоренности Ифита, Ликурга и Клеосфена. Управителям и правоведам святилища надлежало существенно преобразовать древние порядки олимпийских празднеств, к тому же частью забытых. Одновременно нужно было выработать новый твердый устав, отвечающий роли укрупненного святилища в сложной политической жизни Эллады после 880 г. Даже подготовка большего числа священнослужителей, умело исполняющих все усложнявшиеся сакральные обряды, требовала труда нескольких поколений иереев-наставников. Не менее длительным и трудным делом было создание традиционных дипломатических связей со множеством эллинских материковых и островных автономий.

Конечно, покровительство самого Ликурга и мощь его полиса вдохновляли Ифита и его окружение. Но внутреннее положение в Элиде было сложным: притязания соседей-писеян на Олимпию значительно усложняли преобразования. Элейскому реформатору и его последователям приходилось создавать свой вариант нововведений.

Все же некоторые черты деятельности Ифита ясно указывают не только на его проспартанскую ориентацию, но и на его умение творчески воспринимать реформаторские веяния той эпохи, шедшие из Лакедемона. По-видимому, в Спарте к деятельности Ифита относились положительно, весьма способствуя его мерам, отвечавшим лакедемонским интересам. Можно назвать два пункта в программе Ифита, указывающих на реальность идейных связей элейских и спартанских реформаторов.

Весьма важно сообщение Павсания о том, что культ Геракла в Олимпии был введен лишь Ифитом, так как ранее элейцы считали Геракла враждебным себе (V, 4, 6). Столь кардинальное нововведение в сакральную жизнь Олимпийского святилища может быть объяснено стремлением элейского реформатора специально возвы-

¹ *Chrimes K. M. T. Ancient Sparta. P. 305–347.*

² *Ibid. P. 341–347.* Близкое мнение см.: *Hammond N. G. L. The Lycurgean Reform at Sparta // JHS. Vol. LXX. 1950. P. 62–64; Idem. The Peloponnese // САН. III. 1. London, 1982. P. 737.*

сильный культ дорийского героя, весьма чтимого в Спарте. Возможно, что некоторую роль сыграла и давняя традиция о дружбе Оксила и Гераклидов. Несомненно, что решительная мера Ифита отвечала интересам и Элиды, и Спарты — ведь оба государства укрепляли свой авторитет в сфере умственной жизни всей Эллады. Как известно, в IX и особенно в VIII вв. Олимпийское святилище становилось выдающимся духовным центром, собиравшим богомольцев из самых отдаленных краев Греции¹.

С большей уверенностью можно утверждать, что Элида и Спарта проводили взаимные консультации по вопросам правового обеспечения преобразуемых Ифитом торжеств в Олимпии. Глава элейцев, продумывая новую систему праздников в честь Зевса, рассчитанную на участие в них представителей всех политических автономий эллинства, силою обстоятельств должен был заручиться содействием самого могущественного своего соседа. Среди относящихся к этому вопросу сведений античных авторов наибольшего доверия заслуживает краткое сообщение Плутарха о согласованности взглядов Ликурга и Ифита на установление Олимпийского священного перемирия.

Плутарх, отметив разногласия авторов относительно времени жизни Ликурга, пишет: οἱ μὲν γὰρ Ἰφίτῳ συνακμάσαι καὶ συνδιαθεῖναι τὴν Ὀλυμπιακὴν ἐκεχειρίαν λέγουσιν αὐτόν, ὃν ἐστὶ καὶ Ἀριστοτέλης ὁ φιλόσοφος (Lucurg., 1). Заслуживает внимания то, что эти источники Плутарха говорят не о всем празднике, но только об Олимпийском перемирии. Эта правовая норма имела уже не локальное значение (ведь сама Элида была священной еще со времен Оксила — Strab., VIII, 33. С. 358; Polyb., IV, 73). Олимпийское перемирие по сути должно было стать нормой панэллинского обычного права; введение такого устава не могло быть делом одних лишь элейских правящих кругов. Нет сомнений в том, что Ифит должен был заручиться поддержкой глав других независимых сил Эллады, прежде всего правителей автономий Пелопоннеса. Вполне естественно, что интенсивное развитие Спарты в ее пореформенные годы, усиливавшее ее внешние позиции, и высокий авторитет энергичного лакедемонского преобразователя побудили Ифита обратиться прежде всего к Ликургу. Вероятно, и раньше верхи дружественных Элиды и Спарты

¹ На это указывает рост числа посвящений, совершенных в названные столетия в Олимпии эллинами, приходившими сюда издалека. См.: Snodgrass Dark Age. P. 42.

иногда согласовывали свои действия в области внешней политики. Но предполагаемая организация олимпийского перемирия могла иметь исключительно важное значение для всего эллинского этноса. Это понимали и в Элиде, и в Спарте.

Несомненно, правящие круги Лакедемона обратили особое внимание на те намечаемые нововведения в Олимпии, которые касались общеэллинских дел. Ликург, выдающийся знаток обычного права и опытный реформатор, должен был положительно ответить на возможное предложение Элиды согласовать принцип вводимой Ифитом новой нормы межэллинского права. Признанное обязательным всеми эллинами, в том числе и Лакедемоном, это законоположение в дальнейшем ставило Элиду в особую позицию по отношению ко всей Элладе, что отвечало интересам самой Спарты¹. В силу указанных соображений следует думать, что правотворческая инициатива Ифита встретила принципиальное одобрение Ликурга. Содействие спартанского законодателя могло иметь характер моральной поддержки, сопряженной с официальным согласием Спарты на предложенную Элидой юридическую формулу о священном перемирии. Возможно, что некоторые практические правила Олимпийской экехейрии были согласованы со спартанским законодателем или взяты из обычаев дорян.

Могущество Лакедемона и его географическая близость делают весьма вероятным предположение, что Ифит, начиная внешнеполитическую подготовку олимпийской правовой инновации, сперва обратился к Спарте, рассчитывая использовать авторитет Ликурга в последующих переговорах с другими автономиями Эллады. Эти переговоры могли занять много лет, так как быстро достичь согласия в условиях сложной политической раздробленности эллинского этноса было тогда нереально. Ведь каждый племенной союз и каждое автономное государство старались принять посильное участие в обсуждении столь важного общего вопроса; обмен вестниками мог длиться лет пятнадцать – двадцать. Возможно, что элейский реформатор ссылался в этих переговорах на авторитетное одобрение Ликурга, что служило важным аргументом для многих автономий. Прямые же связи (личные или через послов) Ифита с Ликургом могли быть в действительности не столь продолжительными. Но с течением време-

¹ Для Спарты, окруженной в эпоху Ликурга враждебными ей аргосцами, мессенянами и аркадянами (*Aristot.*, *Pol.*, II, 6, 3, 1269a), упрочнение позиций дружественных элейцев было весьма желательно.

ни объем их в устной традиции возрос до того, что стали предполагать практическое сотрудничество Ифита и Ликурга¹. В более поздние времена синхронность деятельности обоих реформаторов еще усилила предположение о непосредственной помощи Ликурга Ифиту.

Выдвигая некоторые ограничения в истолковании свидетельства Плутарха, следует все же учитывать весомость благожелательного отношения Ликурга к планам реформ в Олимпии. Видимо, именно поэтому на диске Ифита, хранившемся в олимпийском Герайоне, когда-то было начертано имя Ликурга. Отсюда и отношение Аристотеля к «содействию» Ликурга Ифиту, о чем писал Плутарх. Но подразумевал ли Аристотель непосредственное, деловое содействие Ликурга Ифиту — сказать трудно. Вероятно, Стагирит обратил внимание на общее стремление лакедемонского и элейского реформаторов к выработке рационального панэллинского закона о перемирии, допуская теоретическое содействие старшего законодателя своему младшему современнику в Элиде².

Выше было приведено свидетельство Эфора о том, что Ифит единолично установил Олимпийские состязания (ар. Strab., VIII, 3, 33. С. 358). Видимо, для этого писателя IV в. вопрос об экехейрии не имел особого значения, ее установление он не выделял из общей дея-

¹ Надлежит заметить, что в широких кругах греческой интеллигенции единомыслие Ифита и Ликурга по правовым установлениям Олимпийских торжеств давало почву для вывода об их полном сотрудничестве. Например, Афиней сохранил свидетельство литературоведа Гиеронима Родосского (около 290–230 гг.), который в книге «О поэтах» бегло упоминает общепринятое мнение о Ликурге и Ифите как об устроителях первой по счету Олимпиады: Κατὰ Λυκούργου τὸν νομοθέτην τὸν Τερπανδρὸν φησὶ γενέσθαι, ὃς ὑπὸ πάντων συμφώνως ἱστορεῖται μετὰ Ἰφίτου τοῦ Ἠλείου τὴν πρώτην ἀριθμεῖσάν τῶν Ὀλυμπίων θέσιν διαθεῖναι (Athen., XIV, p. 635f). Конечно, эта ссылка на Ликурга и Ифита имела для Гиеронима чисто хронологическое значение, но она отражает распространенное мнение о тесном взаимодействии реформаторов Спарты и Элиды.

² В дошедших текстах самого Аристотеля имя Ифита не встречено. Рассматриваемый текст Плутарха, хотя и включен в собрание фрагментов из работ Стагирита (*Rose V. Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta*. Leipzig, 1886. P. 330, № 533), однако столь краток, что не позволяет судить более уверенно о мнении философа. Может быть, Аристотель уделил должное внимание Ифиту в своей книге об олимпиадиках, от которой до нас дошло только название, сохраненное в списках Диогена Лаэртского и Гесихия.

тельности Ифита. Но авторы, занимавшиеся изучением истории политико-правовой мысли Эллады, должны были рассматривать олимпийскую экехейрию как важную веху в развитии теории и практики межполисного права. Выдающаяся роль Аристотеля в разработке истории эллинских государственности и права позволяет предполагать, что именно он придал важное значение синхронной деятельности Ифита и Ликурга и их единомыслию относительно провозглашения Олимпийского священного перемирия.

Но такой государственно-правовой взгляд философски мыслящих авторов не получил всеобщего признания. В самой Элиде с течением времени постарались подчеркнуть исключительную роль Ифита в установлении закона о священном перемирии. Этому служило поставленное в Олимпии скульптурное изображение того, как божественная Экехейрия увенчивает лишь одного Ифита. По-видимому, сакральные авторитеты Олимпийского святилища озаботились ввести какие-то изменения в традицию об установлении священного перемирия, важной панэллинской юридической нормы. Это было сделано еще в раннее время, когда создавали сакральное убранство храма Геры и поставили там посвящение Ифита с надписью, идущей по кругу диска. Текст ее содержал условия священного перемирия, которое элейцы провозглашали на время агонев. Вероятно, этот диск был создан в период, когда богомольцы уже свободно читали посвященные надписи в храмах, следовательно не ранее VIII в., но и не позже¹. Эту надпись читал и Павсаний (V, 20, 1), но он не упомянул, что в ней написано имя Ликурга. Между тем, еще раньше Павсаний отметил, что Ликург и Ифит были современниками (V. 4, 5). Ниже Павсаний вновь назвал только одного Ифита, который восстановил состязания и по древнему обычаю проводил их в Олимпии (VIII, 26, 4). Очевидно, элейская традиция, которую излагал Павсаний, главное внимание уделяла роли Ифита и элейцев, контакты же

¹ К. Краймс полагает, что надпись на диске была сделана около 400 г. (*Chrimis K. Ancient Sparta. P. 327*). Но столь поздняя широкая публикация текста экехейрии сомнительна. Можно думать, что посвящение диска с текстом священного перемирия было сделано в начальный период включения состязаний дискоболов в программу агонев (для взрослых атлетов — с 18-й Олимпиады в 708 г., для мальчиков — с 38-й Олимпиады в 628 г. — Paus., V, 8, 7; 9, 1). Видимо, исключительная популярность этого вида спорта в VII в. побудила верховные круги Элиды избрать форму диска для обнародования текста священного общеэллинского закона.

с Ликургом постарались не подчеркивать и даже не вспоминать о них. Возможно, что такую особую направленность придали традиции об Олимпийских торжествах в позднее время, когда элейские антикварианты стремились освободить предания о возобновлении агоний от красочных измышлений, появившихся в сочинениях эллинистического и раннеримского времени. У многих авторов таких книг помощь Ликурга Ифиту была явно преувеличена¹, что, видимо, вызывало осуждение в Элиде.

Рассматривая сохранившиеся краткие сообщения о деятельности Ифита, следует отметить, что все источники, пусть и различных направлений, свидетельствуют о кардинальном значении проведенных им преобразований. Они отвечали тогдашнему уровню правовых воззрений не только элейцев, но и всего разноплеменного эллинского мира. Это позволяет заключить, что Ифит и его сподвижники прово-

¹ Приведем лишь некоторые примеры. Так, еще в III в. до н. э. Гермипп сообщил легенду о том, что Ликург присоединился к деятельности Ифита в Олимпии по указанию божественного голоса. Плутарх, подробно излагая этот рассказ (*Plut., Lycurg., XXIII*), как будто соглашается с ним. Однако известно, что Гермипп умышленно искажал исторические факты, стремясь воздействовать на воображение читателя. Поэтому доверчивость Плутарха вызывает сомнения. Еще более сложную версию изложил Флегонт из Тралл, описывавший около 140 г. н. э. все состоявшиеся к этому году 229 Олимпиады. (Свида упомянул, что Траллиец свое сочинение писал в трех вариантах — в 20, в 8 и в 2 книгах.) Флегонт (I, fr. 1) рассказал, что военные столкновения в Пелопоннесе побудили трех правителей — спартанца Ликурга, элейца Ифита и главу Писатиды Клеосфена — запросить оракулов в Дельфах о способе достижения мира. Ответ оракула заключал предписание восстановить олимпийские агонии и провозгласить свяшенное перемирие для посылающих в Олимпию автономий. Однако только после третьего обращения все три деятеля Пелопоннеса пришли к соглашению передать одной Элиде устройство Олимпийских торжеств и право объявлять свяшенное перемирие: *τούτων χρησθέντων οἱ Πελοποννήσιοι ἐπέτρεψαν τοῖς ΕΗλείοις ἀγῶνα τιθεῖναι τῶν ΕΟλυμπίων καὶ ἐκχεῖριαν ἀγγέλλειν ταῖς πόλεσιν* (FHG, III. P. 602–604). К. Краймс убедительно отметила, что к тому же источнику восходит и сведение в *Schol. Plat., Rep., V, 13, p. 465* и что основным пунктом для схолиаста было признание права Элиды на проведение Олимпиад (*Chrimis K. Ancient Sparta. P. 320–321*). Заметим, что Павсаний ни разу не упомянул сочинение Флегонта «Олимпиады» — видимо, в Элиде этого труда еще не знали (или не хотели знать?) и потому не называли Павсанию. Возможно, что сам Географ к 174 г. еще не видел каталога Траллийца.

дили выработку системы олимпийских торжеств, основанной не только на локальных юридических установлениях самой Элиды, но и на учете правовых принципов, действовавших тогда в сфере обычного права Эллады. Иными словами, уже в первой четверти IX в. Ифит успешно использовал существовавшие тогда обычаи согласования норм внутреннего права каждой автономии с положениями междуэллинского обычного права. Очевидно, указанная область правовой жизни тогдашнего эллинства достигла уже значительного уровня развития. Теперь получали дальнейшее уточнение и возникали заново юридические обычаи, регулировавшие реальное взаимодействие принципов политической автономии земель с идеями панэллинской общности.

Несомненно, генеральные преобразования торжеств в Олимпии, произведенные Ифитом, и позднее оказывали воздействие на локальные порядки тамошнего святилища. Отсутствие древних свидетельств допускает лишь ограниченные суждения по данному вопросу. Вероятно, изменения носили главным образом количественный характер. Ведь обновляемые сакральные торжества были рассчитаны на участие в них не только отдельных богомольцев, но и специальных посланцев автономных частей Эллады. Прием таких официальных представительства, приносивших жертвы и дары Крониду от имени своих племен или полисов, требовал введения новых правил в общий свод внутриолимпийских сакральных норм. Естественно, что вся программа праздничных богослужений должна была быть расширена. Но она неизбежно испытала и некоторые качественные изменения.

К началу IX в. усложнившаяся политическая структура эллинского массива привела к особому развитию представлений о Зевсе как устроителе существующего порядка. Соответственно, возросло значение Крониды как охранителя и защитника всей Эллады и каждой отдельной ее части. Развитие автономных образований с различными внутренними устройствами чрезвычайно усложняло практику междуэллинских связей и контактов. Это делало особо насущной задачу соблюдения тех панэллинских правовых обычаев, которые обеспечивали возможность поддержания установившихся отношений или урегулирования конфликтов. Такие неписаные общие установления¹ считались освященными самим Зевсом, и поклонение ему как

¹ О них напоминали спартанцам в 427 г. платейцы, указывая на τὰ κοινὰ τῶν Ἑλλήνων νόμιμα (*Thuc.*, III, 59, 3, 1).

защитнику порядка и справедливости принимало все более торжественные формы. Тем самым древние понятия о власти Кронида над всем эллинским миром неуклонно развивались, что находило отражение в усложнении форм богослужений в посвященных Зевсу святилищах. Бесспорно, Олимпия, являвшаяся давним центром поклонения верховному владыке эллинов, должна была ответить новым идеям, усилив общеэллинский аспект в своих сакральных акциях. Успех деятельности Ифита основывался на тонком понимании значимости панэллинских устремлений и необходимости их претворения в практику богослужений Олимпии. Действительно, элейский реформатор искусно ввел в локальную традицию праздника олимпийского святилища новые установления, формировавшие более устойчивые виды междуэллинских связей.

Официально Ифит восстановил старинный обычай устраивать агоны на праздниках Зевса в Олимпии¹. Но принцип проведения возрожденного раздела торжеств, равно как и общая тема олимпийских сакральных акций, отвечал уже тем идеям, которые определяли отношения разнотипных политических автономий внутри всей Эллады именно в IX–VIII вв. Так традиционные формы устного обычая послужили развитию новых правовых установлений. Как известно, неписаное обычное право вырабатывается длительной жизненной практикой, и его основные положения были восприняты широкими кругами населения. Но истолкование общественно-сакральных норм постепенно становилось делом сравнительно неболь-

¹ Сохраненная Павсанием (V, 8, 5) традиция Элиды о том, что агоны в Олимпии некогда устраивал царь Оксил, представляется вполне достоверной. Обычай проводить состязания воинов был известен у греков еще в ахейские времена (II, XXIII, 260–857). Оксил, приведший этолян в Элиду в начале XI в., почитался ими как ктист всего полиса, о чем гласила надпись под его статуей, стоявшей в IV в. на агоре главного города Элиды (Ephor. ap. Strab., X, 3, 2. С. 463). Создавая внутреннее устройство Элиды, Оксил, несомненно, мог дополнить торжества в Олимпии проведением агонов. Однако обычай этот постепенно угас, и только устная традиция сохранила о нем память. Возможно, что агоны при Оксиле носили сугубо военный характер и отвечали интересам только этолийской части населения олимпийской округи, что могло вызывать трения между пришельцами и завоеванным ими населением. Могла сказаться и разница правовых обычаев, регулировавших издавна (*Gernet. Droit. P. 14–18*) состязания воинов, которые существовали у завоевателей и автохтонов, то есть эолян и ахеян.

шого круга лиц, связанных с усложнявшимся управлением и религиозной жизнью каждого этноса. В данном случае это обстоятельство позволяло Ифиту, используя некоторые древние обычаи Олимпийского святилища и элейского этноса, значительно дополнить и обновить правила почитания Зевса. Личный авторитет реформатора как главы Элиды, к тому же потомка Оксила, несомненно обеспечил признание элейцами правомерности осуществлявшихся им преобразований в Олимпии¹.

В силу своих верований эллины были убеждены в том, что богоугодная деятельность каждого человека встречала благорасположение правящих людьми богов. Естественно, что владыка Олимпийского святилища, считавшийся исконным творцом порядка в эллинском мире, мог быть лишь доволен нововведениями Ифита. Благое отношение Зевса к более совершенным формам его почитания, введенным в Олимпии, должно было возвысить сакральный авторитет этого святилища. Необходимо полагать, что приток богомольцев к олимпийским святыням значительно возрос, причем не только из ближних мест, но и из отдаленных земель страны.

Подъем панэллинского значения торжеств в Олимпии, участие в которых было доступно жителям любой области Греции, неизбежно потребовал дальнейшего движения правотворческой мысли в самой Элиде и в остальных автономных единицах греческого мира. Новые проблемы могли быть разрешены путем более детальной разработки правовых обычаев, определявших внешние контакты каждой самостоятельной части Эллады.

Конечно, полис или любой племенной союз, стремившийся участвовать в олимпийских чествованиях Зевса, официально или лишь отправляя отдельных богомольцев, должен был соотнести собственные обычаи внешних связей с аналогичными установлениями Элиды. Несомненно, в разных частях страны издавна существовали общепринятые правила контактов между соседними автономиями. Эти поло-

¹ Весьма убедительно суждение В. М. Хвостова о роли личности в развитии устных юридических норм: «...в установлении содержания обычая всегда большую роль играет субъективное мировоззрение отдельных лиц, которые могут различно представлять себе сущность одного и того же положения обычного права». (Хвостов В. М. История римского права. М., 1919. С. 73). Элейцам и дорьянам было необходимо Зевсово одобрение их укрепляющегося главенства в Пелопоннесе.

жения могли действовать в отдельных ареалах различной протяженности. Но теперь в Олимпии должны были встретиться представители всех частей Эллады. Панэллинский авторитет культа Зевса Олимпийского по мере своего роста требовал особо продуманной системы устройства происходивших там общеэллинских сходов, па-нагирисов.

Естественно, что после 884 г. Элида должна была усовершенствовать свои правовые обычаи, касавшиеся локальных порядков самой Олимпии. Теперь там надо было принять для участия в богослужениях значительное число паломников. Можно только предполагать, что были развиты уже существовавшие практические правила по устройству самих праздников. Сначала торжества длились недолго, помимо богослужений происходили состязания лишь в беге (Paus., V, 8, 6). Но программа состязаний постепенно возростала, как подробно изложил Павсаний (V, 8, 6–11), и в середине V в. праздники длились уже пять дней (Pind., Ol., V, 6). Очевидно, дополнения в локальный олимпийский устав обычно вносились более или менее механически.

Совершенно иного подхода требовало создание правовых обычаев, которые отражали бы новое положение олимпийских торжеств во всем греческом мире. По-видимому, Ифиту удалось эффективно использовать традиции древнего междуэллинского обычного права, сложившиеся еще со времен племенного быта. Успеху элейского правителя способствовала устойчивость сакральных обычаев эллинского массива¹. Это позволило Ифиту приспособить весьма консервативные общественно-религиозные обычаи для разрешения новых сложных задач, которыми изобиловала политическая жизнь эллинского этноса в начале IX в. Столкновение или совпадение интересов множества автономных политических сил внутри Эллады требовало усовершенствования всех устных юридических обычаев, регулировавших тогдашние межплеменные и межполисные отношения.

¹ Приход в Пелопоннес дорийских и этолийских племен в конце XII в. имел результатом особенное укрепление там основных устных норм межплеменного права. Столкновения завоевателей и местных племен в XI–IX вв. вели к живучести правил военного быта и строгой обязательности их исполнения. Дисциплина военных обычаев оказывала свое влияние на способы применения сугубо гражданских правил. Внутреннее устройство Спарты эпохи Ликурга отражает указанные тенденции правовой практики дорян достаточно ясно.

Следует заметить, что устное междуэллинское право развивалось тогда достаточно интенсивно, причем юридическая мысль работала особенно динамично в пределах крупных племенных сообществ — дорян, эолян, ионян. На это указывает рассказ Павсания (III, 5, 8) о конфликте Аргоса и Спарты в 370 г. Спартанский царь Агесиполид I выступил с войском против Аргоса. Аргивяне же отправили к царю вестника, чтобы посол заключил с Агесиполидом отеческое соглашение о мире, как было издревле установлено дорьянами по отношению друг к другу — πέμπουσι κήρυκα οἱ Ἀργεῖοι σπεισόμενον πρὸς Ἀγισίπολιν σφισι πατρίους δὴ τινας σπονδὰς ἐκ παλαιοῦ καθεστῶσας τοῖς Δωριεῦσι πρὸς ἀλλήλους. Примечательна простота процедуры — вестник от имени аргивян уполномочен вести переговоры с царем и заключить с ним соглашение¹. Очевидно, здесь было применено очень древнее правило Дорийского союза племен, возникшее в эпоху устного обычного права. Бесспорно, не только доряне, но и другие союзы, эолян и ионян, издавна имели внутриплеменные юридические уставы². Однако реалии политической жизни страны свидетельствовали о неуклонном росте контактов между разноплеменными частями Эллады. Это делало необходимым значительное дополнение уже сложившихся общеэллинских правовых обычаев. Реорганизация олимпийского праздника, проведенная Ифитом и его преемниками, явилась кардинальным событием в дальнейшем развитии общенациональных правовых (добавим — моральных) норм. Традиционные архаические установления, определявшие достаточно сложные процедуры взаимных контактов различных эллинских автономий, теперь, в начале IX в., были не только дополнены и расширены, но и получили принципиально новое практическое применение. Коренным новшеством было то, что теперь один духовный центр, признанный всеми политическими силами Эллады, становился строго периодически (о точности календаря см. с. 186 Дополнения) главенствующим авторитетом в сакрально-политической жизни

¹ Данный эпизод более подробно изложен Ксенофонтом (Hell., IV, 7, 2–3), отметившим, что аргивяне изменили время священного перемирия. Это дало основания Агесиполиду запросить согласие оракула Дельф и гадателей Олимпии на отказ от заключения перемирия. Важно то, что и Ксенофонт признает важность этого древнего военного обычая дорян.

² Ионяне в Малой Азии, согласно своим общим сакральным нормам, устраивали на мысе Микале торжества в честь Посейдона, именовавшиеся панийскими.

ни всего эллинского массива. И хотя верховенство Олимпии над состоянием политической ситуации греческого мира длилось лишь ограниченный период¹, однако эта деятельность общеэллинского религиозно-политического центра имела огромное и многоаспектное значение.

Конечно, в 870-е гг. административные распоряжения сакральных руководителей Олимпии могли быть реально исполнены лишь ближайшими автономиями южной и средней Греции. Но общее стремление эллинства к поддержанию своего единства было столь мощным течением в духовной жизни этноса, что Олимпийские торжества неуклонно возвышались над всеми остальными праздниками эллинов.

Надлежит заметить, что указанный процесс шел быстрыми темпами. Ярким свидетельством этого является то, что уже ко времени проведения 8-й Олимпиады в 748 г. руководство торжествами приобрело столь важное политическое значение, что тогда его силою отняли у элейцев прежние владыки Олимпии, жители Писатиды, которых поддержал Федон I, глава Аргоса (Paus., VI, 22, 2). Правда, элейцы скоро вернули себе Олимпию. Такой ход событий свидетельствует о том, что авторитет Олимпии приобрел в Элладе значительный вес и что за нее уже шла борьба крупных политических сил².

Очевидно, преобразования в Олимпии полностью отвечали реальностям правовой жизни тогдашней Эллады. Деятельность правоведов святилища Кронида, освященная главенством Зевса в религиозных представлениях всех эллинов, эффективно укрепляла рост тенденций к сплочению эллинского мира. Духовная общность эллин-

¹ Сюда входило время рассылки вестников, объявлявших дату торжеств и приглашение в Олимпию, путешествия участников и богомольцев, продолжительности самих праздников и возвращения паломников в родные края. Вероятно, общая продолжительность священного перемирия достигала не менее 6–8 недель. Для сравнения напомним, что даже во II в. н. э. в Эфесе экехейрии по случаю праздников Артемиды Эфесской отводили целый месяц (SIG. № 367).

² Конфликты происходили не раз: в 644 г., когда царь Писатиды Панталеонт сплотил против элейцев коалицию из соседних земель, и в 588 г., но, как отметил Павсаний (VI, 22, 4), они привели к полному поражению писатов. Много позднее, в 364 г. аркадяне отняли у Элиды руководство 104-й Олимпиадой, но элейцы вновь вернули себе Олимпию за ближайшие два года.

ского массива получала в Олимпии особенно яркое выражение благодаря тому, что теперь именно здесь происходило регулярное политико-правовое общение всех разрозненных автономий крупного этноса.

Оба отмеченных аспекта возвышения авторитета панэллинского центра почитания Зевса в Элиде ясно отразили высокий уровень этнического самосознания, достигнутый эллинами к началу VIII в. Интенсивный рост политической обособленности полисных и племенных автономий вызывал осознанную потребность сохранить идею панэллинской общности, выразив ее более монументальными и эффективными средствами. Олимпия лучше, чем любое иное святилище, могла способствовать достойному выражению этих духовных запросов эллинства: древние традиции культа Зевса в этом месте были почитаемы всеми эллинами.

Возможно, что элейцы, придя с оружием в здешние края, сумели за прошедшие почти три столетия превратить Олимпийское святилище в авторитетную инстанцию, решения которой умиротворяли возникавшие междуэллинские конфликты. Владея святилищем, завоеватели упрочивали свою власть, всемерно развивая панэллинский аспект здешнего культа Кронида. Это достигалось созданием более торжественных форм совершавшихся здесь сакральных и политических актов. К участию в них постепенно приобщалось все большее число пришельцев из разных частей Эллады.

Общение на обновленных олимпийских праздниках содействовало более тесным связям и установлению устойчивых междуэллинских отношений в ряде краев страны¹. Эффективность этих контактов определялась тем, что идеи олимпийского культа Кронида основывались именно на принципах панэллинской общности. Неуклонное совершенствование сакрально-правовых духовных ценностей и их воплощение в формах олимпийских праздников вело к формированию в Олимпии ярко выраженных представлений об этнической общности всех частей эллинского мира. Естественно, что

¹ Особенно важным было достичь некоей стабильности в самом Пелопоннесе. За XI–IX вв. массивы завоевателей-переселенцев уже укрепились в занятых областях, тогда как уцелевшие автохтонные племена прочно сохранили свои исконные земли. К концу IX в. в южных областях Эллады уже сложилось некое равновесие в пределах разноплеменной политической структуры. Для всего населения Пелопоннеса были необходимы правовые обоснования и практические формы междуплеменных устойчивых контактов.

углублявшееся понимание идейного содержания олимпийских праздников побуждало их руководителей добиваться того, чтобы каждые торжества выражали мысль о единстве эллинского этноса все более полно. Это способствовало интенсивному развитию этнического самосознания эллинов, придавая ему общенародные черты. Поскольку этническое самоопределение в разных частях греческого мира неизбежно несло отпечаток локальных особенностей, постольку деятельность главного духовно-правового центра, каким стала Олимпия, получала исключительно важное значение¹. Усложнение политической ситуации как внутри Эллады, так и вне ее делало панэллинские собрания в Олимпии все более необходимыми.

Рассматривая роль Олимпии в процессе развития панэллинского единения, следует остановиться на характере тех реальных правовых средств, которые служили осуществлению идей консолидации эллинского этноса. Это позволит лучше судить о той степени политико-правового сознания, которой достигло к началу VIII в. население Эллады.

Бесспорно, восстановленные Ифитом или введенные им заново в Олимпии правовые нормы и процедуры опирались на действовавшие в IX в. сложные традиции развитого обычного права. Но они должны были выражать и те новые представления об организации системы взаимных контактов, которые складывались внутри греческого этноса по мере роста его политической раздробленности. Ведь неуклонно крепнувшее этническое самосознание требовало выработки юридических процедур, которые обеспечивали бы устойчивое результативное взаимодействие общеэллинских и локальных право порядков в Элладе. Именно применение строго установленных правовых средств открывало возможности для практического урегулирования множества вопросов, неизбежно возникавших в сфере

¹ Процесс формирования идеи о целостности эллинского этноса испытывал воздействие различных исторических событий, в ряде которых преобразования в Олимпии, несомненно, выделяются своей духовно-нравственной сущностью. Но следует отметить и роль роста познаний об окружающем мире. Интенсивное расселение греков в пределы иноземных народов и племен, происходившее в XII–IX вв., познакомило эллинов со множеством различных этнических массивов, имевших свои особенные формы хозяйственной и духовной жизни. Резким контрастом воззрениям греков были политические системы позднехетских, ближневосточных и египетской монархий. Несомненно, важны были и языковые отличия.

взаимного общения разнохарактерных греческих автономий или их отдельных представителей.

Быстрый рост общеэллинского авторитета Олимпийских торжеств позволяет заключить, что установленные в Олимпии в IX в. формы правовой практики как-то отвечали требованиям междуэллинского обычного права того времени. Ведь выработанный элейцами механизм проведения общеэллинских торжеств был вскоре принят всеми политическими автономиями Эллады. Следовательно, после 884 г. в стране эффективно работала серия идущих из Олимпии правовых уставов, которые позволяли элейскому святилищу Кронида достойно и регулярно проводить общенародные торжества, выражавшие идею единства эллинского этноса. Несомненно, разумность и целесообразность праздничных установлений Олимпии и совершавшихся согласно с ними торжественных акций весьма способствовали дальнейшему подъему общего уровня правовой культуры во всех уголках Эллады. В свою очередь развитие правосознания существенно обогащало всю сферу духовной жизни эллинского массива. Особенно значительным было совершенствование моральных представлений, шедшее параллельно с развитием юридических норм. Тесное взаимодействие обеих ветвей народного мышления способствовало их прогрессу, а также дальнейшему развитию правовой психологии населения.

Необходимо отметить, что плодотворность панэллинской политики Олимпии во многом была обязана уже достаточно длительному священному статусу всей Элиды. На это указывает краткое свидетельство Эфора о том, что Ифит установил Олимпийские агоны тогда, когда элейцы были уже священными — Ἐρῆν ἔτων τῆν Ἠλείων (Ephor. ap. Strab., VIII, 3, 33). Идущая еще от времен Оксила и Гераклидов более чем трехсотлетняя традиция неприкосновенности священной Элиды должна была получить отражение в правовых обычаях всех земель Эллады, чтивших Зевса именно в Олимпии. Внимание Эфора к особому положению элейцев, определившему их процветание, позволяет заключить, что и в начале IV в., в эпоху развитого письменного права, договоры XI–IX вв. сохраняли свой высокий авторитет. Можно с уверенностью предположить, что ко времени жизни Ифита сакрально-правовые обычаи, уже сложившиеся в Олимпии, были как-то использованы, хотя и по-разному, локальными юридическими установлениями во многих частях греческого мира.

По-видимому, Ифит, крупномасштабный государственный деятель, сумел в полной мере мобилизовать уже действовавшие относи-

тельно Олимпии панэллинские правовые обычаи¹. Значение его деятельности подчеркивала элейская традиция не только раннего времени (до Эфора), но и последующих столетий, изложенная Павсанием (V, 4, 5; V, 9, 4). Главенствующая роль Ифита в реорганизации олимпийских торжеств, а также его личное руководство агонами, бесспорно, указывают, что основной целью своих преобразований Оксилид ставил усиление значения Олимпии как общепризнанного центра единения эллинов. Оно же укрепляло господство эляев и дорян.

Несомненно, новые задачи требовали больших масштабов и великолепия совершавшихся в Олимпии богослужений. Следует полагать, что идеи Ифита встретили полное одобрение сакральной администрации святилища. Именно священнослужители Кронида могли, опираясь на свои профессиональные навыки и знания, расширить и усложнить богослужебный устав святилища в Олимпии, дабы достойнее выразить панэллинское значение почитаемого здесь Зевса. Успех преобразований Ифита не оставляет сомнений в безусловном взаимопонимании его со священнослужителями Олимпии, хотя сам реформатор мог минимально касаться деталей сакральной деятельности святилища.

Зато в сфере административно-правовых действий значение Ифита было доминирующим. Переданная Павсанием (V, 4, 5) элейская традиция указывает на три главных пункта преобразований², завершенных Оксилидом к 884 г.: он устроил в Олимпии агоны², вновь установил там «по старине» всенародные собрания — панагирисы, а также правило священного перемирия. Именно Ифит τὸν ἀγῶνα διέθηκεν ἐν Ὀλυμπίᾳ πανήγυριν τε Ὀλυμπικὴν αὐτὸς ἐξ ἀρχῆς καὶ ἐκεχευρίαν κατεστήσατο (V, 4, 5). Ниже Павсаний особо указывает на личное руководство Ифита олимпийскими агонами (V, 9, 4) и дважды упоминает стоящую в храме Зевса скульптурную группу: обожествленная Экехейрия увенчивает Ифита (V, 10, 10; 26, 2). В Олимпии неукоснительно хранили память об Ифите как о творце правила

¹ Отмеченная М. П. Нильссоном характерная особенность греческой религии, заключавшей верования различных сообществ (семьи, рода, племени, полиса) или их союзов (*Nilsson. Cults. P. 17*), делала действительно необходимым укрепление таких сакрально-политических норм по мере роста этнического самосознания эллинов.

² Приведенное выше свидетельство Эфора указывает лишь на создание Ифитом агонов. Возможно, что вне Элиды в IV в. под агонами понимали весь комплекс торжеств.

о священном «нерукопашье» — в храме Геры находилось посвящение Ифита в виде диска. На нем по кругу была начертана формула закона об экехейрии, которую, как сообщает Павсаний (V, 20, 1), элейцы устанавливали на время олимпийских торжеств. Архаическое расположение надписи позволяет думать, что запись правила экехейрии была сделана вскоре после 708 г.: тогда, на 18-й Олимпиаде, были введены состязания в пентатле, включавшем и метание диска. Сведения о расширении программы состязаний Павсаний (V, 8, 7) записал в самой Олимпии, где учет проведенных агонов и их содержания велся весьма аккуратно. Вероятно, составленное самим Ифитом объявление экехейрии, передававшееся в устной форме, в конце VIII в. было решено записать на весьма популярном тогда спортивном снаряде. Напомним, что при самом Ифите происходили состязания лишь в беге. Это позволяет полагать, что запись Ифитова закона о священном перемирии была сделана на диске, выставленном в храме именно в конце VIII в. По начертанной на диске формуле посвящение стали именовать «диском Ифита». Отделяя время записи закона об экехейрии от эпохи самого Ифита, я вижу в скором создании предания о посвящении диска самим составителем текста формулы еще одно доказательство реальности деятельности Ифита, а также того, что именно этот выдающийся элеец создал четкое правовое понятие «олимпийской экехейрии».

Следует обратить внимание на свидетельство элейской традиции, что Ифит установил общенародные собрания и экехейрию, следуя старинным обычаям. Действительно, обе части преобразованных олимпийских торжеств не были чем-то совершенно новым в жизни эллинов. Общенародные собрания восходили корнями к сходам отдельных племен или их союзов еще во времена племенного быта. После вторжения дорян и этолян в Пелопоннес какое-то время там должны были происходить отдельные собрания устоявших автохтонных и вселившихся племен. Но постепенно, когда основные передвижения закончились и в каждой части страны население прочно утвердилось, насущные жизненные вопросы стали побуждать разноплеменные и даже спорящие соседствующие автономии проводить панагирисы жителей той или иной области или района.

Естественно, что такие многосоставные локальные всенародные сходы устраивали возле общепочитаемых в каждой земле крупных святилищ, ставя неприкосновенность участников праздничных собраний под защиту божественных покровителей. Ифит удачно

использовал очень древний обычай заключать перемирие для совершения религиозных обрядов. Видимо, в его время связи Элиды и ее ближайших соседей настолько определились и упрочились, что появилась реальная возможность перенести юридические обычаи их контактов из политической практики Пелопоннеса в систему междутносовых отношений во всей Элладе. Праздники святилища Зевса в Олимпии пользовались уже таким общеэллинским уважением, что устанавливаемое для них перемирие получало признание и в далеких от Олимпии греческих землях.

Само элейское название священного перемирия (ἐκεχειρία буквально можно понять как «нерукопашье») указывает на очень далекие времена его появления¹. Действительно, в политической жизни священной Элиды древние обычаи были очень сильны. Ведь население ее очень долго жило по деревням (κατὰ δόμους, говорит Страбон об ахейских временах — VIII, 3, 2, С. 338). Вселившиеся этоляне захватили обжитые места, где были плодородные земли и вода. Это предопределило жизнь «деревнями» и в дальнейшем. Только около 472 г. дамасы отдельных мелких городков путем синойкисма выделили как столицу город Элиду². Естественно, что столь долгое сохранение обособленности жителей каждой местности было возможно лишь в условиях неоспоримого общего признания принципа единства всего элейского этноса. Общеплеменные правовые нормы обеспечивали сплоченность всех дамасов, несмотря на частные локальные обычаи самоуправления каждого из них. Именно неукоснительное соблюдение основных общих норм позволило жителям этой политически децентрализованной области длительно сохранять автономию всей Элиды³.

¹ М. П. Нильссон отмечает, что экехейрия восходит к строгим священным запретам и правилам, существовавшим у греков в отдаленные времена, и сравнивает их с табу других первобытных народов (Nilsson. *Opuscula selecta*, I. S. 57).

² *Diod.*, XI, 54. *Busolt G. Gr. Gesch.*, Bd. III. S. 117.

³ Политическое устройство ранней Элиды Г. Бузольт определил как «племенное государство» (*Griechische Staatskunde*. S. 147–148). Несомненно, тогда влияние племенных устоев сказывалось еще очень сильно. Например, в двух основных частях области, в Бупрасии и собственно Элиде, долгое время сохранялись отдельные местные царские династии. Даже позднее элейская олигархия комплектовала герусию из 90 членов в зависимости от родовитости олигархов — Аристотель указывает на династический принцип выбора (*Pol.*, V, 6, 1306 a).

Правда, авторитет высших священнослужителей Олимпии мог во многих отдельных случаях восполнять отсутствие единого государственного организма. Но дееспособность такого варианта политического устройства могла быть реальной лишь при условии гармонического взаимодействия сакральных и политических органов обеих категорий власти. Очевидно, и администрация Олимпии, и верхи каждого автаркичного дамоса, строго соблюдая свои частные правовые обычаи, с неизменным усердием следовали общим юридическим установлениям всего союза земель Элиды. Священный статус Элиды, обеспечивавший благополучие всех ее жителей, постоянно поддерживал тенденции к сплочению всех элейских дамосов. Это предопределило устойчивое развитие федералистических принципов в политической жизни элейских сообществ.

Долгое время самостоятельность каждого дамоса в Элиде подпитывалась идейными реликтами уже ушедшего племенного быта. В силу этого союзные отношения на уровне дамосов и более высокая форма — федерация племен — обусловили выработку правовых принципов и методов, которые поддерживали политическое единение всей Элиды, несмотря на ее устойчивую внутреннюю раздробленность. Несомненно, указанные традиции были использованы Ифитом в его реформаторской деятельности.

Надлежит отметить, что Оксилит, по-видимому, постарался не затрагивать земские интересы каждого локального сообщества. Признавая весомость частных прав отдельных элейских автономий, он целеустремленно укреплял авторитет Элиды во всем эллинском мире. И в своей панэлинской политике он успешно применил некоторые правовые идеи и средства, которые позволяли внутренне раздробленной Элиде сохранять свои позиции среди более крупных союзов племен и быстро растущих централизованных полисов. Несомненно, арсенал юридической мысли элейцев уже в начале IX в. мог содержать ряд важных правовых понятий и практических приемов, которые хорошо послужили преобразователю олимпийских торжеств.

Предлагаемое суждение сложилось под впечатлением той интенсивной правотворческой работы, которую в VII–VI вв. вели многие внутриэлейские автономии. Четкие документы, тексты которых сохранили бронзовые таблички, показывают, что тогда власти каждого элейского дамоса в совершенстве владели нормами дипломатического искусства своего времени. Дошедшая документация отражает

лишь отдельные разделы внутреннего устройства дамосов Элиды. Но и эти свидетельства достаточно ясно рисуют самостоятельность каждой элейской автономии в решении своих местных задач. Вместе с тем равноправные члены элейской федерации неукоснительно признавали главенство Олимпии в сфере охраны общегосударственных интересов всей Элиды.

Несомненно, письменной фиксации дипломатических актов предшествовал длительный период устных внутрисоюзных соглашений, соблюдение которых гарантировали взаимные клятвы в святилище Зевса. Элейская федерация была равноправным союзом, существование которого требовало от ее членов неукоснительного исполнения принятых на себя устных обязательств. Тем самым в Элиде издавна складывался высокий уровень правосознания каждого ее самостоятельного дамоса. Устойчивость и широта правового мышления членов элейской федерации (автохтонов — писатов; вселившихся — этолян и мелких земельно-племенных групп) поддерживалась многими детальными нормами обычного права. Эти установления содержались в местных и общеэлейском союзнических договорах. Тем самым в Элиде создавался разнообразный фонд юридических регламентаций отдельных правовых ситуаций, возникших в отношениях между членами федерации. Следует полагать, что уже к началу VIII в. правотворческий опыт элейцев накопил ряд важных общих положений, которые получили отражение в деятельности дипломатов Олимпии, способствовавших панэллинскому единению.

Здесь полезно сделать небольшое отступление в область правовой жизни Элиды в VII–VI вв. Оно позволит яснее представить обстоятельства формирования панэллинского консенсуса об Олимпии и условия, в которых система, завершенная в 776 г., в дальнейшем окрепла и достигла всеобщего признания.

Если обратиться к надписям, хранившимся в VII–VI вв. в Олимпии¹, то можно сделать некоторые интересные наблюдения. Даже то обстоятельство, что основная масса ранних текстов начертана на бронзовых листках или пластинах, следует считать свидетельством того, что тогда архив святилища принимал многочисленную доку-

¹ *Dittenberger W. und Purgold K. Die Inschriften von Olympia. Berlin, 1896.* За истекшее столетие стали известны новые памятники, которые дополняют, но не изменяют предлагаемую ниже характеристику.

ментацию, причем в самой компактной форме. Поэтому записям на металле отдавали предпочтение перед каменными или деревянными стелами¹.

Разнохарактерность документов показывает, что уже в VII в. Олимпия была центром, охранявшим как внутриэлейскую дипломатическую документацию, так и акты междуэллинских контактов. Бесспорно, столь авторитетные позиции святилище завоевало не за одно столетие. Истоки этого положения восходили еще к до-Ифитовым временам, когда многие важные соглашения заключались устно и закреплялись клятвами договаривающихся сторон прямо у алтаря Зевса в Олимпии. Естественно, что сакральная администрация выработала точные процедуры принятия таких обязательств и строго контролировала обоснованность права договаривавшихся сторон поставить свое соглашение под опеку самого Зевса. Тем самым в Олимпии сложилось авторитетное регулирование всякого рода государственных акций. Поясним примерами.

Демосы двух внутриэлейских автономий, анетян и метапан, в VI в. заключили формальное соглашение о дружбе сроком на 50 лет². В тексте их ратры указано, что нарушителю соглашения проксены и прорицатели должны запретить доступ к алтарю; если же эти административные и сакральные магистраты не исполнят клятву, то решение вынесут жрецы в Олимпии. Краткий, но емкий текст свидетельствует, что существовала двухступенная система охраны правовых актов такого рода, причем сакральная администрация Олимпии могла применить любую меру для наказания нарушителей соглашения и должностных лиц самих автономий, обязанных его проверять и охранять.

Можно думать, что возглавлявшие Зевесово святилище духовные магистраты с особенным вниманием содействовали правовым связям каждого члена элейской федерации с самой Олимпией. Где-то вскоре после 570 г. Халадрея, одна из автономий, вынесла постанов-

¹ Здесь следует подвергнуть сомнению суждение В. Ларфельда, полагавшего, что в Элиде в ранние времена документы писали на бронзовых скрижалях потому, что там отсутствовал местный мрамор (*Larfeld W. Handbuch. S. 182–183*). Скорее всего определяющим фактором было следование древнейшей традиции о священном характере бронзы; практика хранения актов в ограниченном по площади раннем храме также требовала ригористического ограничения размеров документа.

² *Dittenberger W., Purgold K. Die Inschriften von Olympia. № 10; Schwyzler E. DGEE, № 414.*

ление совместно с неким Девкалионом¹ о том, что Девкалион и его род становятся халадрейцами, имеющими равное право быть проксеонами и демиургами; землю же ему иметь в Писе, а если кто будет отнимать ее, то по решению дамоса да будет он обвинен пред Зевсом (то есть перед алтарем в Олимпии). Примечательно, что Девкалион носил имя сына Прометея, героя многих древних сказаний. Возможно, что новый гражданин был представителем очень родовой семьи какой-то области Элиды, переселившимся в Халадрию.

Можно было бы привести некоторые другие документы из Олимпии, касающиеся отдельных дамосов или всех элейцев вообще². Но и приведенные два текста вполне ясно показывают, что каждый дамос — участник элейской федерации — авторитетно регулировал отношения между самими гражданами и между дамосом и гражданами, руководствуясь точно выработанными правовыми нормами и процедурами их применения. Примечательна главенствующая роль святилища Зевса, особенно в вопросе о применении санкций. Имеющийся источник из Халадреи позволяет судить не только об административной системе этого дамоса, но и о достаточно четком определении правоспособности отдельного гражданина, главы семьи. Очевидно, в тогдашней Элиде шло более или менее интенсивное развитие понятий о коллективном и индивидуальном субъекте права, что вызвало интенсивную правотворческую работу как внутри элейской федерации, так и в области ее междуэллинских контактов.

Судя по источникам, внешняя дипломатия элейской федерации в VII—VI вв. использовала четко оформленные документы, в которых действия договаривающихся сторон получали исчерпывающее правовое определение. Весьма красноречив договор Элейцев с Герейянами, союзом дамосов в северо-западной Аркадии, заключенный на сто лет³. Акт был принят, по мнению Г. фон Гертрингера, где-то око-

¹ *Dittenberger W., Purgold K. Die Inschriften von Olympia. № 11; Schwyzer E. DGEE, № 415.*

² Особенно интересна ратра Элейцев (то есть постановление всех элейских дамосов), принятая где-то перед 580 г., относительно ответственности обвиняемого и членов его клана (*Dittenberger W., Purgold K. Die Inschriften von Olympia, № 2; Schwyzer E. DGEE, № 409; Glotz G. Solidarite. P. 247–259.* Однако столь важный документ требует детального разбора.

³ *Dittenberger W., Purgold K. Inschriften von Olympia, № 9; Schwyzer E. DGEE, № 413; Tod, I², № 5; Meiggs–Lewis. SGHI, № 17.* Мейггс и Левис относят изучаемую бронзовую табличку приблизительно к 500 г., но им не хватает убедительного аргумента для столь поздней даты.

до 572 г. Соглашением с Гереей, лежавшей в среднем бассейне Алфея, элейцы обеспечивали себе многие выгоды. В договоре указано, что заключившие симмахию союзники будут помогать друг другу словом и делом, в особенности в войне. Эта формулировка указывает на взаимную поддержку в дипломатических переговорах; видимо, с другими полисами, и на совместные военные действия. Тем самым текст свидетельствует, что тогда в эллинском мире процедура переговоров местами, как в Элиде, придавали предпочтение перед военными средствами разрешения споров. Союзники предусмотрели серьезные санкции к нарушителям соглашения — уплата одного таланта серебра Зевсу Олимпийскому. Таковую же сумму должен был внести в казну святилища любой, будь то частное лицо или магистрат или весь дамос, кто осмелился бы повредить эту запись. Очевидно, авторитет писаных дипломатических документов уже возвысился над значимостью устных договорных формул.

Приведенные немногие примеры весьма типичны, с ними гармонируют многие десятки целых или фрагментированных документов VII–VI вв. из Олимпии. Все эти тексты бесспорно свидетельствуют о высокой правовой культуре самой Элиды и ее святилища Зевса, ставшего на многие века панэллинским центром единения автономий Эллады¹. Совершенно очевидно, что столь выдающееся значение Олимпии в сакральной² и правоохранительной жизни народа было достигнуто благодаря умелому сочетанию древних традиций святилища на берегах Алфея с глубоко продуманными мерами Ифита. Родовитый элеец прочно соединил интересы родной автономии с ростом сознания панэллинского единства, настоятельно требовавшего организационного выделения авторитетнейшей центростремительной силы. Очевидно, целенаправленная деятельность Оксиллида смогла поднять роль олимпийского святилища в сознании всех частей греческого этноса и одновременно оказать самое благотворное влияние на административно-правовую жизнь всей элейской

¹ Напомним, что текст договора 421 и 420 гг. между могущественными противниками в Пелопоннесской войне был передан на сохранение в Олимпию (*Thuc.*, V, 18; V, 47).

² Многочисленные дары Зевсу посвящали в раннее время государства из разных земель страны. Весьма обычны были посвящения и по поводу военных успехов в виде предметов вооружения. Интересен текст дара фиванцев после победы в VI в. над беотийским полисом Глеттием (*Kunze E. VII Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. Berlin, 1967. S. 98*).

федерации и каждого входившего в нее автономного дамоса. Красно-речивые разнохарактерные документы VII–VI вв. из олимпийского архива убедительно показывают, сколь плодотворно росла правовая жизнь самой Элиды в тесном взаимодействии с системой панэллинских олимпийских установлений, выработанных после 884 г. Очевидно, Ифиту удалось достичь гармонического взаимодействия традиций и инноваций. Оно осуществлялось этносом, обладавшим высокоразвитым правосознанием и системой обычного права. В условиях общепринятых представлений о необходимости строго соблюдать предписания сакральной и общечеловеческой морали Олимпия могла достаточно успешно решить задачу регулярного объединения политически раздробленного народа на своих торжествах.

Ретроспективный взгляд на правовую обстановку в Элиде в IX–VII вв. позволяет с большим вниманием использовать сведения традиции о проведенных Ифитом мерах. Несомненный рост авторитета Олимпии на протяжении первых трехсот лет показывает, что созданная Оксилитом система оказалась крепкой и вполне отвечающей насущным потребностям народа. В этих условиях, полагаю, искажение преданий о деятельности Ифита не могло найти поддержку ни в Элиде, ни в других землях Эллады. Ведь главные реформы самого Ифита — возобновление по старинному обычаю общеэллинских сходов, панагирисов и провозглашение на время торжеств экехейрии — были столь продуманными и полезными установлениями для блага всего этноса, что традиция о них бережно сохранялась не только в самом святилище, но и в других частях страны.

Точному сохранению сведений о проведенных преобразованиях послужило и то, что, как сообщил Павсаний (V, 9, 4), сам Ифит лично руководил ранними торжествами и что вплоть до начала 50-й Олимпиады, в 580 г., распоряжались агонами только члены его клана¹. Более чем трехсотлетнее руководство Оксилитов торжествами (Павсаний пишет «агонами», вероятно подразумевая все разделы праздника) позволяет думать, что эти олигархи-агонофеты строго охраняли выработанную Ифитом систему правового статуса олимпийских праздников. Ведь неизбежность их исключительного права быть агонофетами основывалась на комплексе правовых идей и средств их осуществления, которые были созданы между 884 и 776 гг. Элейская традиция позволяет заметить, что дополнения и расшире-

¹ Уже в 580 г. по жребию из всех элейцев были избраны два агонофета для очередной Олимпиады.

ния в программу олимпийских торжеств в VIII–VII вв. вносились довольно умеренно¹. Столь замедленный ход перемен в программе торжеств указывает на прочность первоначальной системы их устройства. Отсюда следует, что необходимо внимательно рассмотреть самые мельчайшие свидетельства о раннем Олимпийском кодексе, включавшем основные правила праздника.

На существование свода в четко сформулированном виде уже в конце VII в. указывает рассказ Геродота (II, 160), излагающего дискуссию между элейскими послами и египетскими мудрецами по вопросу об уникальном совершенстве организации Олимпийских состязаний. Ко времени правления Псамметиха II (около 597–591 гг.) греки в Египте были довольно активны и, видимо, весьма гордились олимпийскими агонами, демонстрировавшими единство эллинского народа. Ведь в жестко консолидированной монархии Египта политическая децентрализация Эллады могла вызывать недоброжелательный скептицизм преуспевавших египтян, что побуждало эллинов особенно возвышать значение панэллинских торжеств в Олимпии. Из текста Геродота ясно, что система Олимпийских праздников к концу VII в. рассматривалась греками как мудрейшее творение. Естественно, что регулировать столь сложную панэллинскую процедуру должны были точно выработанные нормы междуэллинского и собственно элейского права, неписанные и писанные.

Собрание этих установлений уже в V в. получило в государственно-правовой лексике греков наименование *ὁ Ὀλυμπιακὸς νόμος* (Thuc., V, 49). Данные Фукидида и Ксенофонта (см. ниже, с. 191) свидетельствуют, что элейцы требовали от всех неукоснительного соблюдения олимпийского кодекса. Жесткое применение этих правил элейцами было реальным лишь при условии неизменяемости принципов и точных формул олимпийского права, охраняемого Элидой и издавна принятого во всем греческом мире. Высокий уровень правомочий элейцев в отношении Олимпии, несомненно, опирался на бережное сохранение ими основополагающих норм, установленных еще в 884 г. Ифитом. Поэтому некоторые архаические юридические

¹ Так, только с 752 г. (7-я Олимпиада) победителей в одном беге стали награждать оливковым венком, только в 724 г. ввели двойной бег (14-я Олимпиада), а в 708 г. (18-я Олимпиада) в состязания включили пятиборство и борьбу, зато с 688 по 616 гг. было сделано уже пять важных дополнений, как передает Павсаний (V, 8, 6–9). Расширение программы удлиняло праздники, и к 500 г. торжества длились пять дней, судя по сопоставлению данных Павсания и Пиндары (Ol., V, 6).

установления, регулировавшие систему олимпийских торжеств в VIII–V вв., допустимо возвести к деятельности Оксилыда, пусть даже о них сообщают более поздние источники.

По содержанию ранние установления олимпийского кодекса следует разделить на две категории: панэллинские юридические нормы и законоположения, обязательные к исполнению внутри Элиды и, в частности, в олимпийском комплексе.

Элейская традиция, сохраненная Павсанием (V, 4, 5), называла Ифита творцом трех общеэллинских юридических норм, определявших проведение в Олимпии агонов и панагирииса, на время которых Элида провозглашала экехейрию. Все три главных закона Ифита вносили существенные изменения в правосознание тогдашнего эллинства: появился новый раздел общеэллинского права, субъектами которого были, прежде всего, элейцы и принявшие законотворческую инициативу Элиды племя, союз племен или полис. И хотя все области тогдашнего обычного права были проникнуты религиозным мировоззрением, сакральный статус олимпийских юридических положений возвышал их над всеми остальными религиозно-правовыми нормами эллинского этноса — ведь Владыка Олимпии был отцом не только эллинов, но и их богов. Это высшее и всеобъемлющее качество творца олимпийского закона придавало высочайший авторитет уставам святилища. Нужно думать, что утверждению этого авторитета способствовала высококачественная разработка практических норм, регулировавших исполнение предписаний закона об олимпийских торжествах. Нет сомнений в том, что Ифит использовал сакральные традиции святилища, равно как и рекомендации тех его священнослужителей, которые выделялись знанием религиозно-правовых норм.

Создание Олимпийского закона, несомненно, вызвало большое движение в правотворческой мысли всего эллинского этноса. Всем его частям необходимо было вырабатывать новые междуэллинские правовые установления, причем в каждой политической единице эта правовая деятельность в той или иной степени обновляла и совершенствовала уже сложившиеся локальные нормы внешних сношений. Таким образом юридические новшества Ифита в Элиде и Олимпии придали особенную интенсивность правообразованию во всех частях греческого мира, причем четкий сдвиг происходил всюду почти одновременно.

К сожалению, только некоторые нормы внешнего раздела Олимпийского закона можно с уверенностью отнести к творчеству самого Ифита.

Несомненно, большое внимание было уделено вопросу о праве государства или отдельного лица обращаться с просьбами и жертвоприношениями к самому Зевсу Олимпийскому (возможно, и к другим богам, которых чтили в Олимпии). Упомянутые акции регулировались точными установлениями, за соблюдением которых следили не только штатные священнослужители Олимпии, но и вся Элейская федерация. Ксенофонт изложил содержание одного из таких установлений, которое в конце V в. элейцы привели в споре с Лакедемоном: старинное правило о принесении в Олимпии жертвы Зевсу запрещало молить бога о победе эллинов над эллинами в войне ...*τὸ ἀρχαίον εἶη οὕτω νόμιμον, μὴ χρηστριάξεναι τοὺς Ἑλλήνας ἐφ' Ἑλλήνων πολέμῳ* (Hell., III, 2, 21–22).

Приведенный сакрально-правовой запрет полностью отвечает тому принципу панэллинского единения, который был четко провозглашен и организационно выражен в устройстве олимпийских торжеств уже в 884 г. Такая норма должна была быть одним из главных обязательных пунктов сакрально-политического статута, введенного Ифитом при поддержке священнослужителей самой Олимпии. Авторитет этого законоположения был непререкаем и много позднее царь могущественной в 421 г. Спарты удалился из святилища, не совершив жертвы Зевсу.

Примечателен несомненный архаизм мышления творцов данного правила, исходивших из принципов еще догосударственной практики эллинов. Определяющим фактором было сакральное мировоззрение, постулировавшее равное отношение Зевса ко всем эллинам, как отца всех своих детей. Провозглашенное в Олимпии упомянутое законоположение получило обязательную силу во всей Элладе. Тем самым расширился перечень общих междуэллинских норм, в Элиде же появилась необходимость вести контроль, дабы жертвы не были направлены на поражение эллинов эллинами.

Допустимо предположить, что в олимпийском уставе существовали и другие статьи, обеспечивавшие равенство всех эллинских автономий перед Кронидом.

Естественно, что проблемы подготовки и проведения регулярных Олимпийских торжеств должны были занять большое место во внешней дипломатической деятельности Элиды и других политических единиц эллинского мира. Можно лишь предполагать, что элейцам, особенно на первых порах, пришлось разрабатывать новые и как-то корректировать старые нормы, согласно которым они с 884 г. регулировали проведение олимпийских богослужений, панэллинского собрания и агона. И хотя изначально вся программа занимала

один день, качественное ее исполнение требовало многих усилий администрации Элиды и властей автономий-участниц. Напряженная административно-регулирующая работа вела к созданию новых общеэллинских правовых норм, что интенсифицировало юридическую мысль Эллады. Упорядочивалось и дополнялось новыми уставами собрание обычаев и законов внешней и внутренней правовых сфер каждой самостоятельной политической единицы¹.

Надлежит заметить, что личная инициатива главы священной Элиды придавала особый вес приглашениям на первые олимпийские торжества. Данное обстоятельство побуждало приглашаемые автономии принимать предлагаемые элейцами условия с наименьшим числом возражений или дополнений². Однако вполне возможно, что в некоторых землях возникали недоумения или претензии. Следует полагать, что сугубо сакральные нормы устанавливали духовные власти Олимпии, здесь не могло быть разногласий. Другое дело — программа жизненно реальных вопросов на панагирисе или вопрос о количестве посылаемых на агон атлетов. Для предварительного выяснения и окончательного разрешения подобных тем требовались время и детальное обсуждение.

¹ В научной литературе высказано мнение, что ранние олимпийские праздники собирали участников лишь из ближайших земель Пелопоннеса, так как начало списка олимпиоников содержит имена элейцев и их соседей. Заметим попутно, что «соседи» могли быть и далекими. Например, в 756 г., в 6-й Олимпиаде, победил бегун из Димы в Ахее, которого, как отметил Павсаний (VI, 3, 8; VII, 17, 6–14), ахейцы чтили очень высоко. Пеший путь из Димы в Олимпию мог занять три-четыре дня. К тому же сведения списка нельзя относить ко всему массиву участников торжеств. Некоторые автономии могли посылать лишь сакральную делегацию. Бегуны из отдаленных земель, преодолев сложный путь до Олимпии, находились в худшей спортивной форме и не выдерживали состязаний с местными атлетами. Элейцы же становились чаще всего победителями в беге потому, что находились в привычных физических условиях. Огромную роль играл и моральный фактор — победа элейца несла славу священной Элиде. Позднее полисы, видимо, стали больше заботиться о бодром состоянии своих атлетов, что сказалось на составе олимпиоников.

² Полибий пишет о давнем соглашении эллинов, сделавшем Элиду священной и неприкосновенной из-за олимпийских состязаний (IV, 73, 10). Но такое соглашение могло быть повторено и позднее, например в VII или VI вв., когда элейцы временами утрачивали главенство в Олимпии и вскоре возвращали его себе. В эпоху Ифита Элида уже была священной и это давало ей право на руководящую роль в организации праздников в Олимпии.

По-видимому, Ифит хорошо понимал все сложности устройства системы панэллинских встреч. С самого начала он обеспечил прочные благоприятные условия для внешнедипломатической работы элейцев во всех частях эллинского мира тем, что ввел закон об экехейрии. Священное перемирие начиналось для Элиды со времени объявления ею срока проведения очередных олимпийских торжеств и распространялось на всех участников праздников. Очевидно, в период подготовки Олимпиады экехейрия охраняла посланцев самой Элиды и прочих эллинских автономий, вступавших в переговоры о своем участии в панэллинских чествованиях Зевса. После завершения торжеств священный мир гарантировал их участникам безопасный возврат домой.

Несомненно, Ифит, разрабатывая специальную систему олимпийской экехейрии (судя по Павсанию, его труд особо подчеркивали предания Олимпии), творчески переработал древние обычаи о заключении перемирия на время совершения сакральных действий. Такие обычаи существовали издавна в различных племенах и местностях¹. Но олимпийская экехейрия имела огромное принципиальное отличие: это священное перемирие провозглашало святилище самого Зевса в посвященной ему Элиде, и его экехейрия имела не

¹ Еще в 427 г. в споре Платеи и Фив перед судьями из Лакедемона обе стороны с одинаковым почтением говорили о святости перемирия, приходившегося на местный праздник (*Thuc.*, III, 56, 1; 65, 1). И позднее, в 371 г., аргосцы, пытаясь остановить вторгшихся к ним спартанцев, послали к Агесиполиду II вестника с предложением заключить отеческое перемирие, издревле установленное между дорийскими племенами. Агесиполид не согласился на перемирие и, двигаясь дальше, разорил страну (*Paus.*, III, 5, 8 — текст см. с. 127). Об этом событии рассказал и Ксенофонт, добавив, что спартанский царь специально обращался в Олимпию и Дельфы, запросив оба святилища: благочестиво ли он поступил, отвергая предложение об отеческом перемирии; ведь аргосцы нарочно передвинули его срок, опасаясь нападения Лакедемона. Оба сакральных авторитета дали царю положительный ответ: *ὁσων εἶναι μὴ δεχομένῳ σπονδὰς ἀδίκας ὑποφερομένας* (*Xen.*, *Hell.*, IV, 7, 2–3). Столь высокий уровень, на котором в IV в. разрешали вопрос нарушения обеими сторонами отеческого закона о священном перемирии, позволяет полагать, что в IX–VIII вв. дорийский массив соблюдал общий отеческий правовой обычай ригористическим образом. Что-то сходное было и в правовых нормах этолян — ведь недаром еще Оксил договорился с Гераклидами о посвящении всей Элиды Зевсу и о ее неприкосновенности (*Ephor. ap. Strab.*, VIII, 3, 33. С. 357). В этих обычаях дорян и этолян следует искать истоки Ифитова закона об олимпийской экехейрии.

общеплеменное, но панэллинское значение. Не ограниченная пределами дорийских, эолийских или ионийских племен, олимпийская священная норма была обязательна для всех частей эллинского этноса. Экехейрия Ифита была уникальной!

Выросшее из древних общеэллинских сакрально-военных обычаев новое, уже междуэллинское установление дало толчок к дальнейшему усовершенствованию внешнеправовых обычаев. Это имело место и в сфере теории, и в области их практического применения. Последнее обстоятельство оказывало существенное влияние на правосознание всего эллинского этноса и его политико-правовую практику. Укажем на хорошо известное правило строгой периодичности торжеств, совершавшихся каждые четыре года во второе полнолуние после летнего солнцестояния (см. стр. 186). К разделу организационных норм относятся правила о непрерывной нумерации Олимпиад с 776 г. и о записи олимпийщиков каждых состязаний. Введенные властями, эти сугубо организационные установления Олимпии явились важным шагом в упорядочении междуэллинской системы дипломатических отношений. Создание столь необходимых правовых норм указывает на высокий уровень сакрально-административной мысли и правовой направленности правящих кругов Элиды. Реформаторы избрали качественные средства для реализации вводимых ими принципиальных правовых норм.

Ставшая строго регулярной олимпийская экехейрия внесла важный организационно-конструктивный принцип в общеэллинское правосознание¹.

Точных данных о всех процедурах олимпийской экехейрии в VIII–VII вв. не сохранилось. Естественно, что решение о торжествах и обеспечивавшем их священном перемирии принимали совместно высшие священнослужители Олимпии и власти элейской федерации. Строгая периодичность праздников налагала особые обязательства на подбираемых для организационной работы должностных лиц как в самой Элиде, так и в других частях греческого мира. Тем самым повсюду наиболее авторитетные и знающие люди начинали сложную правовую деятельность по претворению в жизнь обязательных для всех предписаний олимпийского нормативного свода. Самым

¹ Даже необходимость точного учета ее начала и конца стимулировала письменную фиксацию этих дат, что развивало государственную документацию и хронологию во всех автономиях.

сложным был вопрос об экехейрии. приостанавливавшей военные столкновения любого размера. Здесь вступала в силу жесткая дисциплина, которой вообще требовали эллинские обычаи военного права. Но в олимпийской экехейрии ее особо сакральный характер поднимал уровень точности исполнения на самую высокую отметку.

Попутно заметим, что элейская традиция удержала очень архаичное наименование священного перемирия — термин «экехейрия» непосредственно восходит к практике прекращения рукопашного боя. Видимо, в этолийском диалекте и в VIII в. употребляли очень древнюю военную терминологию¹. В таком контексте логично, что святилище Зевса Олимпийского требовало неуклонного исполнения священного перемирия. Можно с уверенностью считать, что уже Ифит ввел ряд санкций к нарушителям божественного закона. Следует думать, что жесткая дисциплина, которой Элида требовала от участников олимпийских торжеств в более поздние времена², была

¹ Но ахейский эпос XV–XIII вв. применял термин *σπονδή* (II, II, 341; IV, 159), отражающий более торжественную форму заключения перемирия, завершавшуюся возлияниями и жертвами. И Фукидид в V в. употребил наименование *αἱ Ὀλυμπιακαὶ σπονδαί* (V, 49).

² В VIII–VI вв. значение Олимпии возросло настолько, что Элида решалась на самые крайние меры, дабы обеспечить неуклонное исполнение олимпийского устава. Духовный авторитет Элиды, признаваемый всей Элладой, позволял элейцам держать себя независимо даже с такой политической силой, какой была Спарта в V в. Об одном из периодов элейско-лаконского противостояния сохранились сведения в труде Фукидида. Заметим, что само внимание Олориды, современника описываемых событий, к политике преуспевавшей Элиды во время Пелопоннесской войны указывает на весомую роль этой федерации в тогдашней Элладе. Возможно, что позиции священной автономии опирались и на многочисленное войско, которое, как отметил Фукидид (II, 25, 5), она имела в 431 г. Весь рассказ афинского историка о политике Элиды не оставляет сомнений в том, что элейская дипломатия отличалась последовательно твердым и автаркичным характером. Например, в 421 г. элейцы вместе с беотянами, коринфянами и мегарянами на собрании Пелопоннесского союза отказались одобрить уже подготовленный договор о заключении мира с Афинами (V, 17, 2). Оппозиция Элиды была вызвана ссорой с Лакедемоном. Последний поддержал пограничный элейский город Лепреон, отказавшийся во время войны уплачивать традиционный ежегодный взнос в 1 талант казне Зевса Олимпийского: разбирая спор, Спарта взяла сторону лепреатов (V, 31) В ответ власти Элиды подали в суд на спартанцев, обвиняя их в нападении на элейское укрепление Фирк и в том, что во время экехейрии Лакедемон

установлена именно Ифитом к 884 году или в самые ближайшие последующие годы. Строгость реформатора черпала основания в той взыскательности, которая присуща применению ранних сакрально-

ввел свой гарнизон в Лепреон. Третьей суд (Фукидид не назвал разбиравшего это дело полиса — V, 49–50) определил Спарте уплатить штраф в 2 тысячи мин, по 2 мины за каждого преступившего закон о священном перемирии лаконского гоплита. Часть пени полагалась казне святилища в Олимпии, другая часть шла самому полису элейцев (V, 49, 5). Лакедемон отверг обвинение в нарушении священного перемирия и послал в Элиду специальных послов, отказываясь от уплаты штрафа даже на условии отсрочки. Тогда Элида применила самые строгие нормы Олимпийского кодекса, не допускавшего к участию в панэллинских олимпийских торжествах тех, кто совершил противозаконные или святотатственные действия. Поэтому летом 420 г., в первый год 90-й Олимпиады, элейцы запретили участвовать в очередных праздниках Лакедемону и Лепреону. Перечисленные Фукидидом санкции против этих полисов и их граждан отличались суровостью: лаконским феорам были воспрещены доступ в Олимпийское святилище и участие в жертвоприношениях, атлеты же Спарты не были допущены к агонам.

Это запрещение было весьма категоричным: нарушитель его был позорно наказан в Олимпии. Фукидид (V, 50, 4) и Павсаний (VI, 2, 2) сообщили, что Лих, сын Аркесилая, обманно назвал себя беотянином и так выставил свою бигу на состязания. Его лошади победили, и тогда Лих открыл свое происхождение. Но за ложь и нарушение запрета служители стадиона публично побили лакедемонянина. Принципиальность Олимпии была подкреплена военными силами элейцев и их союзников. А именно: Аргос и Мантинейя выставили по тысяче гоплитов, Афины прислали кавалерию. Таким образом в 420-х гг. *ὄμιος Ὀλυμπιακός* одержал верх над враждебной политикой Лакедемона. В данной ситуации ярко проявились широта правового мышления полисов антиспартанской коалиции, а также сила традиционной неоспоримости олимпийских законов, которой умело воспользовались демократические круги Элиды. Конечно, они опирались на заключенный недавно союз с Мантинеей, Аргосом и Халкидской лигой. События 421 г. подробно изложены Фукидидом, который обрисовал противоречия внутри Пелопоннесского союза и образование столь мощной антилаконской коалиции (V, 28–29, 31). Элида, сохраняя враждебность по отношению к Спарте, летом 420 г. заключила союз с Афинами, Аргосом и Мантинеей (Thuc., V, 46, 5–47; IG, I², № 86; Plut., Alcib., 15). Элейцы предлагали союзникам сразу идти на Лепреон, но остальные члены коалиции предпочли готовиться к походу из Мантинейи на лаконофильствующую Тегею. Олорид сообщил, что рассерженные элейцы ушли к себе домой (V, 62). И хотя блестящая победа Агиса II в 418 г. вернула Лакедемону ряд его прежних союзников,

правовых обычаев в эллинском мире. Без точного соблюдения положений об экехейрии и других главных установлений Ифита олимпийский устав не мог бы стать непререкаемым сакрально-правовым

Элида, судя по замечанию Фукидида (V, 78), сохраняла свою неприязнь к Спарте. Положение объясняет мысль Диодора (XII, 75), считавшего элейский полис сильным и уступавшим тогда в антилаконском лагере лишь Аргосу, Фивам и Коринфу. Суждение Диодора гармонирует с сообщением Фукидида о том, что после ухода спартанского войска из-под Мантинеи Элида послала мантинейцам три тысячи гоплитов. Эти отряды элейцев вместе с афинянами осенью 418 г. участвовали в захвате Эпидавра (V, 75, 5–6; V, 80, 3).

Опуская последующие события в элейско-лакедемонских отношениях, отметим, что лишь после поражения Афин Спарта решила сломить своего непокорного соседа. В 402–398 гг. происходила лакедемонско-элейская война, в которой Агис II нанес большой урон Элиде. Ход войны достаточно подробно изложил Ксенофонт (Hell., III, 2, 21–30), более краток текст Диодора (XIV, 17; XIV, 34), в котором ошибочно назван царь Павсаний вместо Агиса II. Горькие воспоминания элейцев об этой войне отчетливо передает изложение событий у Павсания (III, 8, 2; V, 12, 8; VI, 2, 2; VII, 10, 1). Его сведения указывают на острые противоречия тогдашних афинофилов и лаконофилов в самом центре Элиды.

Заметим, однако, что Ксенофонт сохранил не все детали. Например, он писал о нежелании Агиса II, опустошившего пригород и гимнасии города Элиды, захватить сам центр (III, 2, 27). Другую версию приводит Диодор: на помощь союзной Элиде этоляне прислали тысячу воинов и их объединенные силы разбили лакедемонян. Поэтому Агис II снял осаду элейской столицы и стал опустошать священные земли (XIV, 17). Павсаний же передает, что в самой Олимпии тогда произошел ожесточенный бой и элейцы вытеснили лакедемонян из ограды святилища (V, 4, 8). Но мира Элида добилась лишь в 398 г., потеряв власть над многими соседними городами. Олимпию же лакедемоняне оставили в руках элейцев, причем Ксенофонт пояснил: лишь потому им сохранили распоряжение святилищем Зевса, что другие претенденты были сельчанами, не способными к управлению столь сложным центром.

Завершая этот небольшой экскурс, заметим, что военное поражение Элиды заставило ее верхи с особенным усердием опекать храм Олимпии. Ведь святилище наряду с исключительным духовным авторитетом располагало и немалыми финансами. Даже в 364 г. сокровища Зевса составляли огромные суммы (Xen., Hell., 4, 27–34). Бесспорно, простаты святилища особенно энергично старались укрепить традиционные олимпийские установления в тяжкие периоды элейской истории. Созданные Ифитом и его преемниками правовые нормы Олимпии эффективно служили благополучию древнего сакрального центра и всего элейского полиса.

кодексом всего эллинского этноса. Признав панэллинскую роль Олимпии, греческий народ видел в этих торжествах одно из бесспорных утверждений единства эллинов и их общенационального отличия от других соседних этносов. Несомненно, панэллинский статус олимпийской экехейрии придавал особое значение должностным лицам, трудившимся при ее подготовке. На это ясно указывает особое название вестников, рассылаемых из Олимпии с объявлениями сроков перемирия и приглашениями на торжества. Их именовали спондофорами, «несущими перемирие». Так как термин «спонде» означал именно олимпийский священный мир, то в VIII–VII вв. дипломатический ранг этих посланцев стоял много выше иных видов междуэллинских посольств. Около 472 г. Пиндар, называя их *σπονδοφόροι Κρονίδα Ζηνός Ἀλεῖοι* (Isth., II, 23–28), особо подчеркнул внимание спондофоров к известному своими победами колесничему Никомаху. Видимо, полномочия спондофоров не ограничивались посольскими обязанностями, но они были заняты во время торжеств и в самой Олимпии. Вероятно, еще при Ифите был установлен порядок, чтобы спондофор знакомился лично с теми феорами и атлетами, которых пошлет в Олимпию посещенная им часть Эллады. О других нормах, определявших полномочия элейских герольдов Кронида, известий не сохранилось.

Можно предполагать, что общеэллинское признание прерогатив посланцев Олимпии отражало не только прочное место олимпийских уставов в общей сумме междуэллинских юридических обычаев. Спондофор нес в каждую автономную землю детально разработанные олимпийские предложения, которые необходимо было разумно согласовать с локальными местными установлениями. Такая деятельность способствовала созданию новых местных норм, регулировавших внешние отношения каждой политической единицы с Элидой и другими автономиями. Несомненным результатом провозглашения и последующего соблюдения экехейрии должно было быть дальнейшее развитие эллинского правосознания на всех его уровнях, от единичного племени до крупных союзов полисов. Кроме того экехейрия, являясь важной частью общеэллинского обычного права, гарантировала любому отдельному паломнику личную безопасность при посещении олимпийских торжеств. В какой-то мере эта норма способствовала росту значения каждого свободного эллина.

Олимпийский устав, вероятно, содержал и ряд практических правил соблюдения экехейрии. По мере усложнения политической жиз-

ни некоторые правила дополнялись или вовсе заменялись. Но точных данных об этих нормах еще нет.

Остаются неизвестными система проведения панагирисов, вопросы, которые на них обсуждали, и вопрос о правомочности решений этих собраний. Вероятно, в VIII в. панагирисы во многом повторяли общие сходы населения той или иной автономии во время крупных местных религиозных праздников. В источниках III–II вв. упоминаются панагириархи — председатели таких собраний, но к Олимпии они не имели отношения.

Заметим лишь, что существовавший в Олимпии давний запрет жертвою молить Зевса о военной победе эллинов над эллинами (*Хел., Hell.*, III, 2, 22) должен был поддерживать благоприятную атмосферу на общееллинском панагирисе — праздник и экехейрия всех мирили.

Весьма важны установления Ифита, определявшие взаимоотношения сакральных и светских властей в элейской федерации дамосов и Олимпии. Вероятно, уже к 776 г. были выработаны главные нормы, регулировавшие самые тесные связи обеих сторон. Отсутствие прямых источников, относящихся к VIII–VII вв., заставляет ограничиться лишь некоторыми предположениями.

Можно полагать, что уже изначально стоял вопрос о доходах и расходах самого святилища и властей всей Элиды, связанных с проведением торжеств в Олимпии. Возможно, что принцип долевого участия был принят уже при Ифите — ведь Элида была священной землей Зевса и это давало ей право на часть доходов святилища, а также налагало обязанность возмещать и часть расходов. В V в., как показывает точное деление штрафа за нарушение экехейрии (*Thuc.*, V, 49, 5), соотношение долей казны храма и федерального фиска было твердо установлено. Разделение средств характеризует умение элейцев соблюдать финансовый порядок и оберегать доходы Зевса. Правда, к V в. сокровища Олимпии были столь внушительны — о них открыто говорили в Элладе, судя по Фукидиду (I, 121, 3; 143, 1), — что интересы святилища требовали поддержания такой системы.

Бесспорно, важнейшие административно-организационные нормы, регулировавшие торжества в Олимпии, были в основном созданы в 884–776 гг. Первый раздел праздников, посвященный исполнению сакральных обычаев почитания Зевса, проходил под руководством священнослужителей Кронида. Как отмечалось выше, религиозные действия принципиальных изменений не претерпели. Но Ифит возобновил (вернее, заново ввел) сугубо светский раздел праздничных торжеств. Агоны были особо близки широчайшим кругам участни-

ков праздников: все возрасты паломников остро переживали победы или поражения своих юношей на олимпийском зеленом поле. Необходимо было с самого начала создать гибкую и эффективную систему управления агонами, которая отвечала бы идеям панэллинской общности. Уже с 884 г. было положено начало точно установленной иерархии светских магистратов, призванных руководить торжествами. Главной была должность агонифета, которую впервые исполнил сам Ифит и далее передал в ведение своего рода. Сообщение Павсания о том, что Оксилиты единолично агонифетствовали до 580 г. (V, 9, 4) позволяет сделать вывод, что схема управления агонами, созданная Ифитом, не менялась существенно почти 300 лет.

Вероятно, родовитые агонифеты, Оксилиты, имели в своем распоряжении вспомогательный штат светских помощников, выполнявших разнообразную организационную работу по подготовке и проведению агонов. Долгое время, по крайней мере до 25-й Олимпиады в 680 г., эти служители при сравнительно короткой программе состязаний¹ занимали незаметное положение. Но увеличение видов агонов и числа выступавших в них атлетов потребовало применения труда более авторитетных и квалифицированных магистратов, как светских, так и сакральных.

Прежде всего необходимо было обеспечить контроль за допускаемыми к соревнованиям атлетами. В V–IV вв. требования к желающим выступить на олимпийских агонах были определены специальными нормами, жестко соблюдаемыми и хорошо всем известными. Геродот (II, 160; V, 22) и Павсаний (V, 24, 9) сохранили некоторые требования олимпийского кодекса, которые можно с уверенностью признать древнейшими, еще Ифитовыми, установлениями.

К участию в олимпийских агонах допускались только эллины. Это правило логично вытекало из того, что Зевс Олимпийский был божеством всех эллинов, охраняя только их. Олимпийский устав также запрещал выступать в состязаниях святотатцам и преступникам — правило, восходящее к древнейшим верованиям эллинов о том, что физически и морально грязный человек отвратителен богам и не имеет

¹ С 776 по 728 гг. выступали только в простом беге, с 724 г. ввели еще и двойной бег, с 708 г. — борьбу и пентатл, с 680 г. — состязания на колесницах. Приведенные Павсанием (V, 8, 6–7) сведения были им почерпнуты из тщательных записей олимпийских летописцев, оставшихся безвестными.

права на общение с высшими силами¹. Закон Олимпии, особенно в поздние времена, придавал большое значение личной клятве атлета честно соблюдать все правила соревнований, которую юноши давали пред статуей Зевса Клятвоблюстителя (*Paus.*, V, 24, 9). Должно полагать, что принесение клятвы самому Зевсу установилось в Олимпии еще до 884 г., ведь сила клятвы в старину была у эллинов непререкаемой (яркий пример из ахейских времен — II, I, 76). Примечательно, что подкуп соперников впервые обнаружили в Олимпии лишь в 388 г. (*Paus.*, V, 21, 3). За подобные преступления элейцы взыскивали крупные штрафы.

Конечно, Νόμος Ὀλυμπιακῶν включал и какие-то частные предписания. Проверка даже трех важнейших установлений являлась ответственной и трудоемкой правовой процедурой, которую должны были выполнять назначенные агонифетом должностные лица. Возможно, что часть контролирующих лиц набирали в корпусе олимпийских священнослужителей. Но дальше предположений идти в этом вопросе нельзя — ранних источников нет.

Другой разряд олимпийских администраторов — лица, осуществлявшие непосредственный надзор за состязаниями и выносившие решение (или подготавливавшие его) о победе сильнейшего атлета в каждом виде агонев. Главными в этой администрации были элланодики, само название которых указывает на их правовые обязанности — решать вопросы, возникавшие на состязаниях уроженцев любой части Эллады.

Термин «элланодик» примечателен своим акцентом на общем понятии «эллин». Он возник не для одних элейцев, но для эллинов безотносительно к их племенной или государственно-политической принадлежности. Столь четкое наименование магистратуры позволяет утверждать, что должность эту создал именно Ифит. Будучи первым агонифетом и осуществляя верховное руководство праздниками², Оксилит должен был сразу назначить несколько лиц, ответ-

¹ Следует заметить, что ахейский эпос придавал большое значение этому принципу и только после специального обряда очищения человек мог обратиться к богу. Перед молитвой к Зевсу даже сын богини Ахилл совершил омовение своих рук, а кубок для возлияния очистил серой и омыл его водой (II, XVI, 288).

² Весомость поста агонифетов ясно показывает поступок аргосского тирана Фейдона I, который около 750 г., как сообщил Геродот (VI, 127), изгнал элейских агонифетов и сам распорядился агонем в Олимпии. Текст Геродота, упоминающего «агонифетов» во множественном числе, гармонирует с известием Павсания об агонифетах Оксилитах: видимо, после Ифита агонами последовательно управляли по два или больше Оксилита.

ственных за соблюдение должного порядка на торжествах. Особенно важным было судейство на агоне, вызывавшее, естественно, сильный эмоциональный подъем. Высокий ранг агонифета предполагает, что непосредственное наблюдение за бегом, решение у финиша о первенстве атлета и разбор возможных обид и споров были им поручены специальному магистрату. Это лицо, «элланодик», подвластное агонифету и сакральным верхам Олимпии, должно было иметь репутацию мудрого знатока основных правовых обычаев, сложившихся в эллинском мире. Элланодику следовало осуществлять судейство, справедливость которого была бы общепризнана во всей Элладе. Даже в первые тринадцать Олимпиад, когда состязались лишь в одинарном беге, судья (вероятно, еще один) должен был обладать не только знанием дела и острым зрением, но и быть общепризнанным авторитетом в понимании этических принципов, определявших отношения между полисами. Решение элланодика несло славу не только победителю в агоне, но и его отечеству. Суждение арбитра знали все в Элладе.

Расширение программы состязаний привело к назначению большего числа судей. В 564 г. их было уже несколько, судья по рассказу Павсания о справедливости элланодигов, контролировавших соперников во время панкратиона (сложное состязание из борьбы и кулачного боя) на 54-й Олимпиаде (VIII, 40, 1–2). Но точное число арбитров автор указал для более поздних времен.

Отмеченное выше прямое соответствие наименования должности элланодика принципу панэллинской общности, которому Ифит посвятил свою деятельность в Олимпии, позволяет утверждать, что именно он в 884 г. создал изучаемую магистратуру. Обязанности элланодигов, особенно в ранний период, в VIII–VII вв., ставили эту должность на достаточно высокую ступень олимпийской администрации. Вероятно, тогда элланодигов избирали из среды элейской знати¹, но учитывали все же деловые качества претендентов и их компетентность в правовых вопросах. Следует заметить, что первое упоминание об элланодики в элейской эпиграфике конца VII в. заставляет думать о сугубо деловом характере данной должности. Это текст

¹ Г. Свобода в 1905 г. предполагал, что олимпийских элланодигов первоначально могли назначать из рода Оксилидов – P-W-K, s. v. Elis. Sp. 24–26. Но исключительное положение этого рода, идущего от древних басилеев и унаследовавшего от самого Ифита главное агонифетство, вряд ли могло допустить замещение знатным Оксилидом не столь почетного поста в Олимпии.

элейской ратры, законодательно устанавливавшей ограничение ответственности фратрии и клана за преступление своего сородича. Текст закона на медной таблице¹ был посвящен в Олимпии — ὁ πίναξ ἱερὸς Ὀλυμπία, как гласит конец надписи. В ратре указано, что нарушителя этого закона элланодик (один!) должен оштрафовать на 10 мин, шедших в казну Зевса Олимпийского. Если же элланодик не взыщет пеню с виновного, то сам он при сдаче отчета должен уплатить двойной штраф — 20 мин. Совершенно очевидно, что в конце VII в. элланодик был членом сакральной администрации Олимпии, обязанным неукоснительно взыскивать штрафы с нарушителей правовых норм, освященных в олимпийском святилище².

Столь значительные позиции элланодика в финансовой системе святилища, несомненно, имели истоки в регулярном с 776 г. взимании штрафов из-за нарушения олимпийских законов о священном перемирии и об участии в состязаниях. Такие проступки являлись прежде всего оскорблением самого Зевса, высшего защитника права и справедливости. Естественно, что Ифит учитывал особенности финансово-правовой деятельности вводимой должности и включил элланодика в число сакральных служителей Олимпии. С прямой апелляцией к священным установлениям элланодик мог требовать от участников агонов точного соблюдения не только установленных юридических норм, но и неписаных нравственных законов. Несомненно, нарушения общепринятой морали отдельными атлетами мог-

¹ Schwyzer E. DGEE, № 409; Glotz G. Solidarité. P. 248–250.

² Олимпийское казначейство в VII–VI вв. принимало значительные суммы в качестве священных штрафов за нарушение хранившихся в святилище договоров и законов. Например, в VI в. Элида и Гереея аркадская, заключая договор о симмахии на сто лет, установили пеню в один талант серебра, уплачиваемую Зевсу Олимпийскому нарушителем соглашения и тем, кто повредит сам текст документа (частное лицо, магистрат или целый народ) — см.: Schwyzer E., DGEE, № 413; Tod, I², № 5. Точность финансовой регламентации в обоих упомянутых документах позволяет думать, что составители их исходили из уже детально разработанного положения о штрафах в казну святилища. Прямое указание на финансовые расчеты, установленные Олимпийским законом, имеется лишь у Фукидида: в 420 г. Элида требовала от Лакедемона уплаты штрафа по 2 мины за каждого спартанского воина, вступившего с оружием в руках на элейскую территорию во время экехейрии; часть штрафа шла в казну бога, часть — в казну полиса (V, 49). Видимо, еще в VII в. было произведено разграничение сумм, причитавшихся Зевсу и государству.

ли иногда иметь место, так что внимание элланодиков к соблюдению олимпийских правовых уставов было необходимым¹.

Предположение об изначальной принадлежности элланодика к сакральной администрации Олимпии находит некоторое подтверждение и в рассказе Павсания об изменениях порядка назначения должностных лиц для управления агонами (V, 9, 4). Сначала Павсаний отмечает агонифетство Ифита и последующих представителей рода Оксилитов, которое в 580 г. было заменено избранием двух агонифетов по жребию. Затем автор переходит к должности элланодиков, но излагает сведения лишь с 95-й Олимпиады. Именно тогда, в 400 г., были поставлены девять элланодиков, разделявшихся на три коллегии арбитров, судивших разные виды состязаний; в последующее время были введены десятый элланодик (392 г.) и выборы элланодиков по филам с 368 г. Между тем в Олимпии элланодики, по рассказам Павсания, исполняли свои обязанности и в 564 г. (VIII, 40, 1–2) и в 484 и 476 гг. (VI, 6, 4–6).

Отмеченное несоответствие можно объяснить лишь тем, что Павсаний намеренно исключил сведения о замещении должности элланодика в тот период, когда арбитры состояли в штате олимпийского святилища. Лишь после превращения изучаемой магистратуры в 400 г. в светскую общедоступную и выборную из политов должность древний писатель уделил большое внимание элланодикам². Теперь он описал и их выборы, и их девятимесячную подготовку номофилами, и их проживание в элланодикейоне (VI, 24, 2–3). Упомянут даже случай подкупа элланодиков где-то в начале IV в. и наказание их Олимпийским советом (VI, 3, 7).

Сопоставляя весьма скудные данные об элланодиках раннего времени, можно предположить лишь следующую реконструкцию процесса: в 884 г. Ифит совместно с верхами Олимпии установил особую сакральную должность элланодика, следившего за исполнением олимпийского устава участниками торжеств, как отдельными лицами, так и целыми автономиями. Происходившие правонарушения

¹ Показателен рассказ Павсания (VI, 6, 4–6) о том, что в 484 г. элланодики приговорили фасосца Феагена к уплате 1 таланта священного штрафа за нарушение олимпийского закона и к такой же сумме пени в пользу обиженного противника. Можно полагать, что в VIII–VI вв. критерии справедливости имели не меньшую силу.

² Автор описывает даже избрание элланодиков-женщин, которые выполняли обряды почитания Геры, включавшие и состязания девушек (V, 16, 2–8).

элланодик строго карал религиозными санкциями и материальными пенями. Изначально штрафы, вероятно, вносились ценными вещами, например металлической посудой и слитками. Расчеты и оценка уплачиваемых материальных ценностей требовали широких экономических знаний от взимавших штрафы элланодиков. Появление около 700 г. различных систем металлических денег должно было увеличить объем финансовой работы элланодика — множество феорий и участников торжеств прибывали в Олимпию со своими местными денежными единицами. Чтобы справедливо разрешать экономические споры, элланодику требовалось иметь больше знаний и больше времени. Видимо, к началу VI в., судя по тексту *Schwyzler E. DGEE*, № 409, один элланодик в Олимпии занимался преимущественно финансово-правовой деятельностью и был тесно связан с казной святилища. Но рядом с ним работали элланодики-практики, знатоки спортивных правил, наставники и контролеры соревнующихся атлетов¹. Вероятно, обособление обязанностей привело в дальнейшем к фактическому распадению группы элланодиков: правовед-финансист вошел полностью в состав святилищного казначейства, спортивные арбитры, приобретая все более глубокие профессиональные знания, приближались к обычной полисной администрации. Процесс сакрализации одних и секуляризации других шел длительно. Видимо, он принимал не очень четкие формы. В священной Элиде в эпоху олигархического строя иначе быть не могло. И лишь после 472 г., когда элейцы создали у себя столицу, там был выстроен элланодикейон, вблизи от гимнасия, в который, судя по Павсанию (VI, 24, 1), элланодики приходили упражняться в беге и других видах атлетики.

Территориальное отдаление элланодиков от Олимпии, видимо, было одной из важных вех на пути освобождения священного центра Олимпии от специфических забот об арбистрах для агонов. Решающим звеном этого процесса² было избрание элланодиков из общей массы элейцев, по одному политу от каждой филы. Это, судя по Пав-

¹ Напомним, что с 25-й Олимпиады, в 680 г., на агонах выступали конные упряжки. Контроль за такими ристаниями мог осуществлять лишь тот элланодик, который был достаточно сведущ и в коневодстве и в общих вопросах атлетики.

² Заметим, что правила, касавшиеся элланодиков, элейцы дополняли и позже — Павсаний приводит закон 372 г., запрещающий элланодику выставлять своих лошадей на агоны в Олимпии (VI, 1, 5).

санию (V, 9, 5), было установлено в 368 г., как ему сообщили в Олимпии.

Крупная трансформация, которую испытала магистратура элланодиков¹, не коснулась их наименования. Видимо, это название, отражавшее основные принципы всей деятельности Ифита, принадлежало к тому раннему фонду установлений, которые обеспечили олимпийским торжествам главенствующую роль в античной Элладе².

Важные установления, заново введенные в 884 г., были призваны упорядочить сложные геополитические отношения в окружении Олимпии. Ведь даже уменьшенная в начале XI в. Писатида оставалась сильным царством. Плодородие его равнин допускало успешное разведение крупного рогатого скота, что, как отметил Р. Баладье³, отразилось в ранней мифологии — правивший там царь Авгий поручил Гераклу очистить от навоза его хлевы. Преуспевающие писаты были дюжими ратниками и, видимо, Оксил считался с их боеспособностью — Страбон сообщил, что Гэмонид захватил большую часть Писатиды (VIII. 3, 30, С354), следовательно писаты продолжали владеть частью своих исконных земель. Цари их сменялись по праву наследования. К началу IX в. в Писатиде правил базилей Клеосфен, сын Клеоника [его отчество привел Флегонт Траллийский (FHG. III. P. 603)]. Очевидно, энергичный Клеосфен учел разногласия у дорян и Ифиту пришлось, даже имея поддержку Спарты в лице Ликурга, согласиться на участие базилея писатов в соглашении об

¹ Перевод коллегии элланодиков в город Элиду был, бесспорно, завершен именно к 368 г.

² Примечательно изменение соотношения между должностями агонифета и элланодика. Выдающаяся личность первого олимпийского агонифета, Ифита, придала особое значение должности главного организатора агоний. Сколь ни почетна была эта должность, которую род Оксилитов удерживал в своих руках до 580 г., однако ее реальное значение должно было уменьшаться по мере укрепления сугубо служебных звеньев олимпийской администрации. Правда, почитание самого Ифита-агонифета одновременно усиливалось. Но усложнение внутриэллинской политической жизни и особая роль панэллинского святилища Олимпии в этой сфере придали больший реальный вес второй сакрально-административной должности в системе праздничного управления. Большой объем работы элланодиков, контролировавших безусловное соблюдение норм олимпийского устава не только во время торжеств, но и в четырехлетние промежутки между Олимпиадами, неминуемо возвышал авторитет этой финансово-правовой коллегии.

³ *Baladie R. Le Peloponnese. P. 187.*

опеке Олимпийского святилища и происходивших там общих сходов местных жителей и эллинов-инополитов. Участие Клеосфена в соглашении 884 г. ясно признавало традиционные права писатов на заботы о святилище. Позднее писатам иногда удавалось владеть Олимпией, например после 26-й Олимпиады (677–673 гг.), но сейчас разбирать эти события мы не можем¹. Важно то, что тройственное соглашение о святилище Зевса положило начало росту общеэллинского значения олимпийских панагириев. Эту значимость уже ясно показал М. П. Нильссон: панагирии Олимпии внушали эллинам сознание единства народа. На них любой полит мог обратиться с речью ко всему народу².

Очевидно, основная система администрирования агонами, заложенная Ифитом и развитая в дальнейшем (особенно до 26 Олимпиады в 676 г., когда элейцы целых сто лет непрерывно главенствовали над храмом и над агонами), наиболее полно отвечала политико-правовым условиям развития тогдашней Эллады. Ифит и ближайшие его преемники удачно применили ряд древних традиций эллинского этноса, поставив их на службу новым задачам жизни народа.

Например, жесткая дисциплина, которой олигархическая Элида требовала от всех участников панэллинских олимпийских торжеств, вполне отвечала принципу строгого подчинения обычному праву, который многие столетия господствовал в правосознании (и психологии) эллинского племенного массива и его отдельных частей.

Уже передвижения ряда племен в конце II тысячелетия вызвали дальнейшее развитие военного обычного права, а последующее возвышение множества мелких и крупных автономий сделало особенно злободневной выработку правовых норм, обеспечивавших прекращение войны и установление мира. Поэтому подтвержденное в 776 г. регулярно возобновляемое священное Олимпийское перемирие стало одной из важнейших норм междуэллинского военного права. Целое тысячелетие эллины свято соблюдали обязательность экехейрии. Этот принцип общеэллинского сакрально-государственного права служил мощным фактором этнического сплочения греческого народа, несмотря на его сильную геополитическую раздробленность.

¹ Г. Бузольт детально рассмотрел раннюю историю Писатиды, но отношения Оксила с династами Писатиды ученый почти не касался (*Busolt G. Griech. Gesch. Bd I. S. 236–241, 604–606, 705–709*).

² Нильссон М. П. Греческая народная религия. СПб., 1998. С. 133–138.

Примечательна прозорливость Ифита, сумевшего использовать традиционное в самой Элиде сочетание принципов автономии каждого дамоса с общеэлейским сакрально-политическим единством. Преобразуя олимпийские праздники, он применил некоторые политические уставы элейской федерации для упорядочения отношений внутри всего эллинского массива. Очевидно, в защищенной от нападений священной Элиде быстрее созрели тенденции, способствовавшие дальнейшему подъему уровня этнического самосознания. Вместе с тем происходившая в XI–VIII вв. в эллинском массиве консолидация политических структур (племенных союзов и полисов) требовала создания более совершенных правовых норм, регулировавших контакты между любыми типами автономий внутри Эллады. Правотворческая акция Ифита быстро завоевала признание во всех эллинских землях именно потому, что провозглашение панэллинского характера олимпийских торжеств наиболее полно отвечало общим запросам тогдашней правовой жизни народа. Растущая политическая раздробленность страны ставила перед каждой автономией сложные вопросы отношений с соседними политическими единицами. Разрешение возникавших затруднений требовало создания рациональных междуэллинских правовых норм. Тем самым новые олимпийские установления Ифита явились своевременным шагом в прогрессе междуэллинских дипломатических отношений¹.

К сожалению, источники сохранили только часть олимпийских норм, введенных в 884–776 г. Очевидно некоторые правила с течением времени были отменены. Но многовековая сохранность основных олимпийских установлений, выработанных еще Ифитом, говорит о глубоком и проникновенном понимании самим законодателем стоявших перед ним реформаторских задач и умелом решении их в тогдашних условиях общего состояния правовой культуры эллинского массива. Быстрое для той эпохи возвышение роли Олимпийских торжеств, как свидетельствует расширение программы агона уже в 724 г., отражало действительное соответствие принципов олимпийских правовых норм духовным устремлениям всего общества.

¹ Полезно заметить, что массив этолян развил высокую культуру союзных отношений, которую сохранял и много позже. Например, мощь Этолийского союза, о чем свидетельствует документ 367 г. (см.: *Tod*, I², № 137), росла в условиях применения точно разработанных норм междуплеменных соглашений.

Бесспорно, эллинский этнос в первой четверти VIII в. обладал уже такой силой правового мышления и таким уровнем развития правовой психологии, что введенные Ифитом олимпийские законы очень скоро стали мощным средством дальнейшего сплочения Эллады. Добавим, что каждая Олимпиада вносила новые, пусть и не всегда кардинальные, мысли, обогащавшие генеральный фонд идей эллинского единства.

В частности, весьма плодотворным было взаимодействие общих религиозно-правовых воззрений эллинского мира с многообразными отдельными политико-правовыми представлениями, определявшими своеобразие различных политических автономий. Общеэтнические олимпийские правовые нормы, выражавшие религиозно-философские и нравственные основы мировоззрения эллинов, были приняты Элладой в сложную эпоху ее истории: тогда сосуществовали политические институты ранней полисной государственности и развитые формы поздней племенной системы. Правовая мысль каждой автономии развивалась сообразно конкретным местным сакральным и жизненным традициям. В олимпийских же установлениях главенствовали этико-правовые принципы общеэллинских представлений о справедливости и порядке, идеи, созданные «самим Зевсом» именно для всего эллинского этноса. Таким образом крепнувшее самосознание эллинского массива обогащалось рядом новых фундаментальных правовых норм, регулировавших устойчивые взаимоотношения разных политических автономий. Так рос фонд общего междуэллинского права, исходившего из принципов единства эллинского этноса, главенствовавших над отличиями конкретных политических образований. Несомненно, проведенное Ифитом специально для Олимпии согласование сакрально-дипломатических обычаев тогдашней междуэллинской правовой практики имело результатом не только создание прочных юридических норм, регулировавших всеэллинское общение на торжествах в святилище Зевса. Оно стимулировало движение правовой мысли во всех частях Эллады и рост национального самосознания ее народа.

Конечно, различия внутреннего устройства определяли неодинаковую скорость изменений в правовой жизни племенных или раннегосударственных автономий. Формировавшиеся полисы вели более активную правотворческую деятельность, так что там право и государство росли взаимосвязанными. В племенных сообществах изменения правовых обычаев шли более медленно. Но с 776 г. регулярно

повторявшееся совместное участие в панэллинских олимпийских торжествах потребовало от всех политических единств согласования ряда правовых установлений. Эти унифицированные нормы регулировали и внутреннюю подготовку каждой автономии к участию в общеэллинских олимпийских праздниках, и ее обособленные позиции в этих междуэллинских торжествах. Тем самым шло постепенное укрепление общеэллинского правосознания и формировался фонд юридических норм, принятых всеми частями эллинского этноса. Естественно, что регулярные общеэллинские контакты в священной Олимпии оказывали некоторое воздействие на усиление межплеменных и междуполисных связей во всей Элладе и в периоды между торжествами. Количественные и качественные сдвиги в междуэллинской правовой практике, несомненно, вели к дальнейшему усовершенствованию юридических обычаев, регулировавших указанную сферу отношений.

Правотворческая деятельность Ифита имела важное значение не только в развитии правовой культуры и правовой психологии всех частей эллинского этноса. Она явилась кардинальным событием в процессе формирования правовой теории Эллады. Законы Ифита и его преемников ввели понятие о генеральных сакрально-политических нормах, ограждавших интересы не отдельных сообществ эллинского массива (союзов племен или растущих полисов), но всего греческого народа в целом. Можно сказать, что истоки развитого публичного (межгосударственного) права эллинов восходят к олимпийским нормам 884–776 гг.

С другой стороны, общеэллинское прославление атлета, победившего на состязаниях в Олимпии, отвечало тенденциям правового обособления отдельной личности от тесного круга членов его клана, причем не только в землях той или иной автономии. Запись имен Кореба и победителей в последующих олимпиадах¹ означала возвы-

¹ Граффито на кубке из Питекусы, датируемое 725–700 гг. (*Buchner G., Russo C. F. La cappa di Nestore e un iscrizione metrica di Pitecusa del' VIII secolo av. Cr. // Rend. Linc., VIII, 1955. P. 216–234*) показывает, что искусство письма было хорошо известно в кругах эллинов, бережно хранивших древний ахейский эпос. Исполнивший на сосуде надпись житель острова Исхия учился письму у хорошего каллиграфа. Этого знатока грамоты следует отнести к поколению 760–730-х гг. Можно полагать, что образованные священнослужители Олимпии пользовались письмом не только в 760–750-х гг., но и раньше. Допустимо предположить, что основные нормы олимпийских торжеств были записаны еще перед 776–772 гг.

шение значения рядового свободного эллина внутри всего этнического массива. Личное право атлета на приз выделяло его из массы современников, а личная слава атлета умножала славу его отечества. В этом единстве уже проступали представления о тесной связи между доблестным гражданином и его государством, которые так интенсивно развивали греческие полисы и их мыслители несколько позднее. Добавлю, что эллинский пантеизм ясно признавал весомость личности в обществе.

Вероятно, некоторые частные меры Ифита по возвышению панэллинского значения Олимпии со временем настолько слились с системой повседневной деятельности святилища, что имя их создателя постепенно утратилось. Но и те данные о его преобразованиях, которые сохранились, заставляют с особым вниманием рассматривать роль этого выдающегося деятеля в истории Греции IX–VII вв. По-видимому, мощный подъем этнического самосознания, который пережила Эллада в период войн с Персией, отодвинул на второй план ранний период развития панэллинского единения. Это привело к недопониманию роли Ифита в деле практического воплощения идеи эллинской общности в реальных условиях жизни полисов Эллады. Заметим, что и в современной историографии можно встретить аналогичные тенденции¹.

Но в IX в. экехейрия и панагирис в Олимпии имели особое значение. Они были установлены Ифитом в сложный период истории народа, когда очень остро стоял вопрос о растущем населении страны и нехватке земельного фонда. В этих условиях возрастало значение юридических обычаев, регулировавших как внутренние отношения каждой автономии, так и сферу ее контактов с остальными частями Эллады. Возвышение Олимпии в качестве главенствующего в эллинском мире сакрально-политического авторитета и символа панэллинской общности имело результатом дальнейший подъем правосознания всего этноса. Зевс Олимпийский, охранитель справедливости и высший поборник права, требовал от прибывавших в святилище богомольцев (будь это частное лицо или послы от сообщества) точно и неукоснительного соблюдения общепринятых норм обычного права и различных видов правовой регламентации междуэллинских отношений.

¹ Например, Е. Сцанто в 1905 г. в краткой статье об экехейрии (P-W-K, RE s. v. — Εκεχεῖρια) поставил олимпийское священное перемирие в один ряд с более поздними экехейриями местных сакральных центров. Однако он отметил единомыслие Ифита и Ликурга.

Широта правового мышления Ифита (потомка пришельцев!) и фундаментальность введенных им уложений проявились в неуклонном росте значения Олимпийского святилища. Оно уже в IX–VI вв. стало общепризнанным центром правовой мысли и правовой деятельности для всей Эллады. Регулярные собрания каждое четырехлетие позволяли посольствам из автономий сразу улаживать многие вопросы междуэллинских контактов, причем достигнутые соглашения имели особую силу – ведь их охраняло святилище Зевса.

По-видимому, практика подтверждала незыблемость устных договоренностей, достигнутых именно в Олимпии. Без сомнения, этому способствовали и сакральный ореол олимпийских панагирисов, и, возможно, мудрая юридическая консультация служителей храма. Ведь сакральная администрация святилища Зевса была заинтересована в оказании правовой помощи тем, кто ставил свои юридические акции под защиту Олимпии. Тамошние знатоки священных и земных правовых норм могли полнее раскрыть содержание любого общепринятого или нового правила, которое освящали в «доме самого Кронида». Но они же строго следили за тем, чтобы суть и форма заключенных в Олимпии соглашений не противоречили священным законам и основным нравственным ценностям эллинского этноса. Иными словами, они охраняли авторитет святилища от невежественного и бессознательного святотатства.

Подобная правоохранительная деятельность служителей святилища была весьма важна во времена заключения устных договоров, которые скрепляли клятвами перед алтарем Зевса. Нужно полагать, что профессионализм занятых данным делом олимпийских жрецов неуклонно возрастал, что непосредственно способствовало подъему авторитета сакрального центра. Естественно, что с появлением практики письменного оформления разных договоренностей работа правоведов святилища получила новые импульсы. Дошедшие источники красноречиво свидетельствуют о высоте сакрально-правового авторитета Олимпии и о качественном служении администрации святилища принципам священной справедливости и панэллинской общности.

Так, именно под защиту олимпийского владыки эллины ставили междуполисные и междуэтнические соглашения, присылая в святилище на хранение тексты заключенных договоров. Назовем лишь один красноречивый источник, опубликованный в 1961 г.

Е. Кунце¹. Это найденная в Олимпии небольшая бронзовая табличка, несущая аккуратно вырезанный текст договора Союза, возглавляемого Сибарисом, с соседним этносом Сердаев. Документ, датированный комментаторами 550–525 гг., вызвал большой интерес у исследователей истории Великой Греции. Однако необходимо подчеркнуть значимость нового свидетельства для понимания роли Олимпии. Оно показывает, что уже к середине VI в. храм Кронида стал общепризнанным священным архивом, хранившим важные не только междуполисные, но и международные договоры.

Несомненно, присылка в Олимпию документа из южной Италии говорит о твердо установившейся известности святилища Зевса как наиболее авторитетного центра, обеспечивавшего самую действенную защиту дипломатическим соглашениям и закреплявшим их документам. Столь уникальные позиции элейского святилища не могли быть созданы за 50–60 лет. Они возникли как бесспорный результат того направления, которое было определено для Олимпии еще Ифитом в 884 г. Плодотворное развитие его идей и сакрально-административной системы, созданной Оксилитом, позволило Олимпийскому храму завоевать непререкаемый авторитет во всем эллинском мире².

Южноиталийский договор содержит указание на то, что гарантами соглашения призваны Зевс, Аполлон и другие боги, а также полис Посидония. Совершенно очевидно, что текст отражает крупную внешнедипломатическую акцию Сибариса и его союзников, в которой грекам помогал и полис Посидония — видимо, местный этнос Сердаев, новый союзник, был весьма мощной политической силой. Участие элейского святилища в заключении упомянутого договора указывает на то, что этот духовный центр являлся для полисов греческой периферии не только средством поддержания и укрепления связей с материковой Элладой, родной землей их предков. Как и для

¹ *Kunze E. VII Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. Berlin, 1961. S. 207–210, Taf. 86: 2.* Текст переиздали Р. Мейгтс и Д. Левис (см.: SGHI, № 10), которые относят документ к 550–525 гг.

² Заметим попутно, что пример Олимпии был творчески учтен некоторыми сакральными центрами меньшего значения уже в самом начале VI в. Свидетельством этого является преобразование местных праздников в общеэллинские торжества. В Дельфах это имело место в 586 г. (*Paus., X, 7, 3*), на Истме — в 581 г., в Немее — в 573 г. Конечно, такие реформы отражали устремления реальных политических сил, например Беотийской амфикионии, включиться в русло панэллинского движения.

континентальных греков, Олимпия для жителей апойкий была символом панэллинской общности и мощным усилителем развития этнического самосознания эллинов. Кроме того, около середины VI в. внешнеполитическая деятельность эллинов развивалась столь интенсивно и сила панэллинского сплочения вокруг Олимпии достигла такого уровня, что участие святилища Зевса в крупных дипломатических событиях считалось иногда совершенно необходимым.

Приведенные, пусть и немногочисленные, достоверные сведения об исключительной роли Олимпии в процессе роста этнического самосознания эллинов и особенно в создании ряда точных сакрально-правовых норм, регулировавших воплощение в жизнь идей всеэллинской общности, позволяют предложить некоторые заключения.

Прежде всего заметим, что для истории эллинства в IX–VIII вв. деятельность элейского реформатора Ифита из царского рода Оксилитов и ее непосредственные результаты имели огромное значение. Оно не отмечено еще должным образом не только историками политико-экономических направлений, но и современными исследователями правовых практики и знаний ранней Греции. Между тем преобразования олимпийских обычаев в сторону расширения светских (наряду с сакральными) норм следует рассматривать как важный шаг, открывший новый период в развитии юридического познания и упорядочивания правовой действительности всего эллинского массива.

В 884 г. Ифитом был произведен огромный сдвиг в сфере правовых представлений, обычаев и юридической практики. Причем реформатор выступил в условиях, когда в каждой политической автономии шла активная местная обособленная правотворческая работа, закреплявшая политическую раздробленность эллинского мира. Тем не менее, энергичный Оксилит сумел создать твердые правовые принципы и конкретные средства, обеспечивавшие сохранение и дальнейшее развитие идеи единства этноса. Глубоко продуманные установления Ифита, получив дальнейшее развитие в последующие сто – сто пятьдесят лет, оформили правовые обоснования генеральной идеи панэллинской общности. Тем самым именно в Олимпии усилилось развитие общеэллинских правовых институтов и правовой практики, которые послужили основой для выработки политико-правовых воззрений ранних древнегреческих мыслителей.

Формировавшиеся в Олимпии правовые взгляды и нормы постоянно направляли внимание общества на этически-правовые стороны жизни Эллады. Как известно, уже в VII–VI вв. вопросы нравственного поведения отдельного человека и наилучшего государственно-

правового устройства заняли большое место в творчестве выдающихся умов того времени¹. Столь мощное развитие правовых идей и знаний было возможно благодаря длительному накоплению практических юридических обычаев эллинского массива и тому сильному импульсу к созданию общеэллинских правовых норм, который внесли олимпийские преобразования Ифита. Можно сказать, что в Элладе с 880-х гг. при сохранении традиционных сакральных идей и форм развернулось особенно интенсивное формирование государственно-правовых воззрений, сопровождавшееся созданием соответствующих организационно-правовых практических средств. Ведь каждая автономия — племя или полис — выступала в Олимпии как субъект в серии общеэллинских прав и обязанностей, что неизменно поднимало политико-правовой авторитет любого самостоятельного сообщества.

Вместе с тем, участие в общих всем эллинам олимпийских торжествах стимулировало тенденции к сохранению всеми автономиями ряда древнейших традиционных общегреческих правовых обычаев. Несомненно, что и после Ифита духовные руководители Олимпии прилагали большие усилия к развитию и упрочению основных правовых идей, издавна созданных эллинским этносом². Это отвечало важной особенности эллинской сакральной мысли, которую ясно определил М. П. Нильссон: греческая религия была религией коллектива. Будучи тесно связанной с обществом, она держала его сплоченным³. В изучаемый период вопрос стоял о сплоченности на основе этнического единства. Естественно, что именно святилище в Олимпии, центр почитания царя богов Зевса, защитника справедливости и права, смогло стать для всего эллинского мира главным средоточием сакрально-этнических идей и средств, направлявших политико-правовое развитие эллинизма по пути укрепления междуэллинского единства.

Следует особо отметить, что созданные Ифитом политико-правовые положения были столь же целеустремленно развиты его пре-

¹ *Нерсисян В. С.* Политические учения. С. 19–50.

² П. Виноградов особо подчеркивал общность принципов законодательств разных государств Эллады (*Vinogradoff P. Outlines*, II. P. 4). Несомненно, в сохранении древних принципов обычного права эллинов II–I тысячелетий главная роль принадлежала религии Зевса и ее средоточию — святилищу в Олимпии.

³ *Nilsson M. Cults*. P. 17. Исследователь справедливо указал это отличие эллинских верований от воззрений восточных монархов, считавших богов только своими покровителями.

емниками, руководившими деятельностью Олимпии в IX–VIII вв. Им удалось за сто лет, к 26-й Олимпиаде (676–673 гг.), поднять авторитет святилища и проводимых там панэллинских торжеств на непререкаемую высоту. Очевидно, выдвижение именно Олимпии в качестве главного общеэллинского сакрально-правового центра отвечало насущным запросам тогдашнего общества Эллады в сфере политико-правового развития. Успех закономерного по своей сути процесса тем более значителен, что Олимпия достигла его несмотря на сложность политико-экономической и правовой ситуации в VIII–VII вв. во многих землях Эллады.

В условиях роста населения и ограниченности земельного фонда демографический пресс уже в IX–VIII вв. вызывал внутренние неурядицы во многих частях страны. Несомненно, тогда в народной массе усилилась апелляция к давним нормам обычного права, которые стали предметом особого внимания и изучения все более широких кругов населения. Но сколь бы ни были искусны толкователи традиционных правовых обычаев, древние нормы уже не могли достаточно эффективно регулировать возникавшие ситуации. Реальная действительность ставила все более сложные проблемы. Их решение требовало крупных политических и экономических действий, осуществление которых вызывало соответственные сдвиги в правовой сфере.

Некоторое представление о качестве происходивших изменений дают данные о выводе апойкий в VIII–VII вв. Переселенческое движение по самой своей сути глубоко затрагивало правовые нормы, регулировавшие жизнь общества, как выславшего апойкию, так и создаваемой заново отдельной политической единицы. По-видимому, в более ранний период, между 1200–800 гг., сравнительно редкие отправки колонистов из материковой Эллады¹ регулировались юридическими обычаями не только каждого выславшего сообщества, но и установлениями того из основных племенных союзов, к которому принадлежали переселенцы. Недаром заселение островов Эгейского моря и ряда земель на западном побережье Малой Азии осуществляли тогда отдельные волны выходцев из трех основных племенных массивов. Доряне, эоляне и ионяне занимали даже круп-

¹ В Ионии между 1200 и 1000 гг. были основаны лишь девять апойкий, и только к 800 г. число их удвоилось (*Sakellariou M. B. La Migration. P. 305–332, Carte III. Les etapes de la migration grecque en Ionie*).

ные острова целиком¹, а в Малой Азии селились так изолированно и компактно, что крупные области побережья получили названия Эолия, Иония и Дорида. Судя по рассказу Геродота (I, 142–151), давние узы внутриплеменного единства были весьма прочны в каждой из этих областей. Там возникли тесные политические союзы полисов: у эолян и ионян — Двенадцатиградие, у дорян — Шестиградие. Большая роль в консолидации каждой упомянутой коалиции государств принадлежала их главным общесоюзным святилищам. В этих трех центрах сакральной мысли, несомненно, велась большая правотворческая деятельность, имевшая своей целью укрепить политическое единство каждого из эллинских союзов. Все они — Эолия, Иония и Дорида по-разному должны были решать проблемы отношений с соседними царствами Малой Азии. Но удачная внешняя политика была реальна при условии сохранения устойчивых внутренних связей, сплавивавших членов этих федераций.

Несомненно, интенсивная правотворческая деятельность в сфере международных и междуполисных отношений должна была усилить доработку старых норм обычного права, определявших внутреннюю жизнь каждой апойкии. Тесные связи апойкии и метрополии исходили из принципа правового равенства их жителей (*Thuc.*, I, 34), что обеспечивало длительное сохранение обеими сторонами одинаковых юридических установлений². Однако более динамичное развитие апойкий, приводившее к появлению некоторых особенностей

¹ Например, доряне полностью заселили Феру, Мелос, Кос, Родос и меньшие острова (*Her.*, I, 144, 174; II, 178; IV, 147; *Thuc.*, V, 84, 2).

² Эта общность допускала возвращение переселенцев из апойкии в родную землю, как показывает биография отца Гесиода: из эолийской Кимы теснимый бедностью он вернулся в соплеменную Беотию где-то в VIII в. Там, в коме Аскра, он стал крестьянствовать (*Hesiod.* Op. 635–639). Видимо, тогда обратное движение апойков не встречало каких-либо юридических затруднений. Отец поэта успешно вел хозяйство, что указывает на его прочные правовые позиции в общине земледельцев Аскры. И хотя, согласно интересному мнению В. П. Яйленко, в тогдашней Элладе «разница между богатством и бедностью была минимальной» (Архаическая Греция. С. 158), все же наследие, полученное Гесиодом и его братом, было немалым. Как отметил Кук, выделенные из него два самостоятельных хозяйства обеспечивали безбедную жизнь обоим наследникам (*Cook R. M. Hesiod's Father // JHS. Vol., CIX, 1989. P. 170*). Очевидно, и сам возвратившийся апойк, и оба его потомка входили в местную общину политов без каких-либо правовых ограничений.

их государственного строя¹, неизбежно должно было усилить правотворческую деятельность в этих новых политических единицах. Естественно, что более быстрый рост государственных и правовых начал в апойкиях в какой-то мере воздействовал на правовую жизнь их метрополий. И в условиях самых тесных контактов обеих сторон прогресс в сфере правового мышления мог происходить опережающим образом не только в апойкиях, но и в метрополиях.

Можно полагать, что особо важные сдвиги в правовом мышлении происходили в VIII–VII вв., когда резко возросло число новых апойкий, созданных по большей части вдали от берегов Эгейского моря. Правовая действительность того времени усложнилась в силу быстрого увеличения количества автономных полисов. Различия в их политическом устройстве могли быть невелики, тем более что основной силой в ранних государствах были аристократические кланы. Заинтересованные в поддержании своей власти и благосостояния, эти слои придерживались консервативных позиций во всех сферах жизни, в том числе и в правовых отношениях. Однако создание десятков крупных и сотен мелких полисов² и их выселков в новых и весьма различных локальных условиях вызвало интенсивное местное правотворчество. Оно было призвано регулировать применение норм общеэллинского обычного права в каждой отдельной апойкии.

Но конкретные условия весьма различались, так что локальным знатокам устных юридических установлений приходилось анализировать многие необычные ситуации и предлагать свое истолкование подходящего к случаю древнего правила. Несомненно, столь насыщенная и динамичная юридическая практика должна была вызвать особый подъем правового мышления, причем не только в апойкиях, но и в их метрополиях. Ведь выделивший группу переселенцев полис обычно сохранял очень тесные связи с основанным им новым

¹ В. П. Яйленко, исходя из более ускоренного развития апойкий, предложил установить «две разновидности процесса становления полиса» — материковую и колониальную (Яйленко В. П. Арханическая Греция. С. 154–159). Но различие темпов развития основ государственности, общих в метрополиях и апойкиях, недостаточно для выделения обособленных видов сложения полисного государства.

² В статье 'Αποικία (P-W-K, 1894) И. Элер привел 56 апойкий, основанных в XI–VI вв. Но этот перечень основан лишь на данных письменных источников. Археологические работы за истекшие сто лет выявили множество мелких апойкий, возникших в VIII–VI вв.

государством. Поддерживалось общение не только на межполисном уровне. Кровные узы семейного и кланового родства оставались живыми многие десятилетия, чему способствовало участие вернувшегося апойка в сакральной и экономической деятельности своего рода. Особенно существенным было восстановление гражданства в метрополии, делавшее полностью равноправным переселенца из апойкии¹.

Несомненно, общее усложнение жизни и динамическое развитие деловых связей между увеличившимся количеством самостоятельных политических единиц внутри эллинского массива сделали особенно заметными пробелы в традиционном обычном праве. Возникла необходимость выработки новых юридических норм и дополнения старых правовых обычаев, что потребовало более интенсивного правотворчества и большего количества практической работы правоведов.

Следует заметить, что развитие правового мышления в VIII–VI вв., отражавшее общее движение эллинской мысли к более глубокому познанию окружающего мира, происходило не только в условиях поисков справедливости для того или иного сообщества свободных

¹ Засвидетельствованное еще в VIII в. Гесиодом (Op., 635–638), движение некоторых апойков обратно на родину позднее стало важным фактором в жизни каждой метрополии. Видимо, уже в V в. при выработке условий выезда апойкии стали сразу определять и право апойка на возвращение. Так, «Клятва основателей» Кирены, которую в 631 г. вывела Фера (Herod., IV, 150–158; Euseb., Chron. P. 88), содержит разрешение на возврат колониста после пяти лет бедствования в апойкии; лишь тогда он получал вновь гражданство Феры и право владения имуществом (SEG, IX, № 3; Meiggs-Lewis. SGHI, № 5). Как известно, вопрос о достоверности текста клятвы, которая приведена в декрете Кирены в IV в. об ее исполитии с Ферой, вызвал большую дискуссию. Весьма убедительно мнение А. Грэхема, полагающего, что киреняне в своем постановлении IV в. изложили содержание документа VII в., передав его уже современным им языком (Graham A. J. The Autenticity of the "Ἐρκίων τῶν οἰκιστῶν of Cyrene // JHS. Vol., LXXX, 1960. P. 94–111). Мейггс Р. и Левис Д. допускают, что в тексте есть подлинные элементы того, что было сказано и сделано в VII в. в Фере. В 1983 г. В. П. Яйленко тщательно анализировал киренский текст IV в., впервые перевел его на русский язык и выделил ряд строк, переписанных из ферского текста VII в. – Яйленко В. П. Греческая колонизация. С. 61–83. Добавим, что в самой Кирене клятва основателей (около 1400 букв) могла долго храниться в записи на свинцовой табличке. И позднее полисы обстоятельно вырабатывали порядок возвращения апойков. Назовем лишь постановление Локр Гипокнемидских, где-то перед 456 г. отправлявших своих переселенцев в Навпакт (SIG, № 47; Tod, I², № 24).

эллинов. Как и раньше¹, вооруженные столкновения, политические предательства, разбои, множество частных правонарушений и особенно своеволие знати, усиление которой вело к нарушению традиционных норм обычного права в ущерб простому народу — все эти обстоятельства требовали особенного внимания самых широких кругов населения к вопросам права и справедливости.

Сравнительно небольшие размеры деревень и городов определяли вполне обозримую численность их населения. Это позволяло всему сообществу политов обсуждать наиболее спорные вопросы, не довольствуясь суждением признанных знатоков местных и общих правовых традиций. Следует полагать, что особенно интенсивно шла выработка правовых решений в пределах кланов и локальных общин. Реакция Гесиода на несправедливое отношение судей, разбиравших его тяжбу с братом, вылившаяся в грозное предостережение непра-

¹ При основании апойкии были нередки военные конфликты с местным коренным населением, причем в подобных ситуациях бесспорно доминировали нормы военного права. Известен случай, когда законы войны были применены в необычных условиях. Милет, ставший в XIV—XIII вв. значительным ахейским центром, продолжал непрерывное существование и в последующие времена (континуитет ясно прослежен археологами; особенно интересны выводы К. Б. Гедекен в 1988 г. о непрерывности традиций в гончарном ремесле), хотя и подвергся двум враждебным нападениям. Естественно, что милетяне поддерживали контакты с Карией, своим тыловым соседом. Судя по рассказу Геродота (I, 146), в XI в. карияне постоянно жили в самом Милете и, по-видимому, имели там немаловажное значение. Очевидно, в какой-то период эллины-милетяне и материковые ионяне стали тяготиться сложившимися отношениями. Об этом можно судить, сопоставив два известия Геродота (I, 146; IX, 97) о вселении аттических ионян в Милет. Историк рассказывает, что Нелей, сын погибшего последнего царя Аттики Кодра, прибыл в Милет с группой переселенцев, оставивших своих жен в Аттике. В Милете ионяне перебили живших там кариян, а их жен и дочерей взяли себе в жены. Совершенно очевидно, что переселение, относимое традицией к 1070–1060-м гг., было с самого начала задумано как военный поход — ведь спутники Нелея были вооружены и напали только на каров. Эти сведения позволяют даже предполагать, что поход Кодрида в Милет был организован по договоренности с эллинской частью милетян. Некоторым подтверждением такому предположению является интенсивное развитие градостроительства в ближайшие за этими событиями десятилетия. Например, очень скоро милетяне возвели монументальный алтарь богине Афине. — *Cook J. M. The Greeks in Ionia and the East. London, 1963. P. 75; Кобылина М. М. Милет. М., 1965. С. 48–49. А вблизи мыса Микале спутник Кодрида возвел святилище Деметре Элевсинской (Her., IX, 97).*

ведным судьям (Ор., 238–264), показывает, до какой степени могло возрасти возмущение человека, обиженного общинным судом. Аналогичных случаев повсюду было немало, что вело к усиленным поискам правовых норм, защищавших интересы отдельных лиц от злонамеренности арбитров.

Правовой активности свободного эллина требовала и поддержка общих интересов всего дамоса той или иной автономии. Участие рядового субъекта права в сохранении принятых юридических обычаев всего сообщества и в обновлении правовой ситуации внутри дамоса расширяло правовой кругозор отдельных лиц. Развитие административной жизни каждой автономии неизбежно усложняло правоотношения различных групп дамоса, что также обогащало правосознание и отдельного лица, и всего свободного населения автономии.

В то же время рост числа прочно консолидировавшихся небольших союзов автономий и их крупных федераций вносил существенные изменения в политико-правовую действительность. Это делало настоятельной выработку ряда новых правовых норм, призванных регулировать особо сложные ситуации в сфере внеполисных отношений. Правотворчество и реальное применение имеющихся норм, вероятно, осуществляли правоведы заинтересованных автономий. Так развивалась новая отрасль политико-правового знания, что вело к дальнейшему обогащению эллинской правовой мысли. Ведь согласование интересов союзных или, наоборот, неприязненно настроенных автономий могло быть результативным, только если его вели авторитетные знатоки юридической практики и нормативных установлений, принятых всеми государствами или лишь в различных частях эллинского этноса. Можно полагать, что в процессе выработки взаимоприемлемых положений представителям отдельных политических сообществ приходилось чаще апеллировать к общим установлениям эллинского обычного права, получавшим тем самым новые и более сложные содержание и формулировки. Это вело к неуклонному росту правовых средств, обеспечивавших устойчивое сосуществование множества политических автономий в пределах эллинского массива. Рождалась новая отрасль эллинского права — междуполисное право. Действительно, огромное качественное и количественное расширение правовой деятельности внутри Эллады в VIII–VI вв. неизбежно требовало более глубоких теоретических обобщений и создания особых юридических норм, регулировавших междуполисные и межсоюзные отношения.

Столь динамичная двуединая правовая действительность привела к высокому подъему законоведческого мышления во всех концах эллинского мира. Деятельность Ифита в Олимпии является заметным централизующим звеном указанного процесса. Именно самые ранние олимпийские законы, вероятно весьма краткие и конкретные, осуществили достаточно результативное согласование принципов этнического и политико-правового единения с мощными тенденциями к автономной изолированности. Неуклонный рост общеэллинского значения Олимпии убедительно показывает, что в 880–770-х гг. там было найдено удачное для эллинов сочетание сплачивающих этнос и сепаратистских политико-правовых воззрений. Можно полагать, что результативность такого сопряжения общего и частного в юридической теории и практике тогдашней Эллады основывалась на растущей правовой активности самых широких слоев населения¹.

Это было естественным в этническом массиве, достигшем победы ряда принципов позднего племенного быта в противоборстве с идеями монархической государственности. Примечательно, что система царского единовластия нашла свою гибель не только в военных поражениях. В ряде областей страны происходила эволюционная трансформация царского сана, сохранявшегося лишь с весьма ограниченными функциями. Приведем некоторые примеры. В Аттике базилей стал государственно-сакральной магистратурой еще в XI в. (Aristot. Ath. Pol., 3, 2–3). Зато в Спарте преобразования племенной монархии происходили гораздо медленнее, завершившись в основном в IX–VIII вв. В некоторых государствах звание монарха перенесли на сугубо сакральную магистратуру (Aristot. Pol., III, 9, 7, 1285b). В Эпире же молоссы сохранили монархию вплоть до 232 г. Само разнообразие видов и темпов процесса вытеснения монархии республиканскими формами правления указывает на интенсивность правовой деятельности локальных сообществ, имевшей место наряду с развитием общеэллинского правосознания.

¹ Заметим попутно, что общеэллинская слава олимпийских первых двадцати олимпийских агонев ясно отражает значение Олимпии в мировоззрении эллинов уже в VIII в. Точно так же и дата победы Кореба в 776 г., утвердившаяся очень рано во всей Элладе (Paus., V, 8, 6; VIII, 26, 3–4), указывает на рост признания олимпийских установлений в ближайшие к этому событию десятилетия. О значении списка олимпийских для античной эллинской хронографии см.: Samuel A. E. Chronology. P. 189–194).

Иными словами — повсюду в Элладе шло формирование юридических условий, обеспечивавших жизнь отдельного свободного эллина в его полисе и прочность консолидировавшихся политических единиц. Задача защиты моральных и юридических устоев каждого сообщества неуклонно активизировала поиски улучшения традиционных норм обычного права и создание новых правовых установлений. Динамическое развитие многообразных политико-правовых ситуаций требовало достаточно быстрого их регулирования. Следует отметить, что правовые коллизии возникали на весьма разнохарактерных уровнях. Справедливости и правильного разрешения конфликтов искали не только отдельные лица, но и целые группы населения внутри каждой автономии, например кланы и общины. Особо острые положения возникали в тех апойкиях, где первопоселенцы жестко поддерживал свои исключительные привилегии, ограничивая правоспособность вселившихся позднее граждан¹. Что касается столкновения интересов отдельных политических сообществ — государств, их федераций и союзов племен, то мирное урегулирование таких казусов требовало особо напряженной работы правоведов конфликтующих сторон. Естественно, что указанные обстоятельства вели к расширению круга лиц, ведавших правовыми вопросами, возникавшими внутри автономии или в сфере межплеменных и межгосударственных отношений.

Должно полагать, что правоведение в условиях устной передачи и тщательного сохранения записанных установлений требовало вдумчивой и точной работы от блюстителей принятых обычаев норм. Знатоки правовых предписаний должны были знать не только их точные формулы, но и множество допустимых вариантов истолкования той или иной юридической нормы. Можно утверждать, что знание и применение устного обычного права было задачей не менее сложной, чем работа законовевов, опирающихся на письменные юридические документы. Добавим к этому, что в эллинском этносе уже много столетий назад, как показывает ахейский эпос XIV–XII вв. (напомним лишь конфликт Ахилла и Агамемнона или обращение

¹ Аристотель уделил большое внимание разнородности населения как фактору, вызывающему внутренние неурядицы в полисе, и привел ряд примеров того, как происходили волнения из-за ограничения гражданских прав эпойков (Pol., V, 2, 10, 1303a). В таких ситуациях противостояние правовых позиций борющихся групп вело, несомненно, к уточнению многих юридических положений.

Приама к Ахиллу о выкупе тела Гектора), стоял весьма остро вопрос о состоянии правовой психологии.

Конечно, эпос свидетельствует о правовой культуре высших кругов того общества. Но необходимо полагать, что к VIII–VII вв. знание обязательных юридических предписаний распространилось во всех слоях свободного населения, пусть и в различном объеме.

Следует, однако, не упускать из вида, что усложнение политико-правовой действительности в VIII–VI вв. и создание важных регулировавших ее новых юридических норм отразились на объеме источников о правовых установлениях предшествующих веков. Лишь немногие сведения о кардинальных вехах ранней истории эллинского права сохранились в памяти народа и получили отражение в письменной традиции. Данные об Олимпийских панагириде и агонах с точной датой их установления являются самыми яркими примерами. О многих важных шагах эллинского правотворчества можно лишь догадываться. Приведем один-два примера.

Поучителен рассказ Геродота (I, 143–144) о жестких правилах, установленных в дорийском Гексаполисе и в ионийском Двенадцатиградии относительно их союзных святилищ, дорийского Триопия и ионийского Паниония. Доряне исключили из своей федерации Галикарнасс за нарушение закона Триопского святилища галикарнассским атлетом и стали Пентаполисом. Ионийское Двенадцатиградие допускало к святыням Паниония только членов своего союза, отказывая в этом другим ионийским городам. Хотя оба известия рисуют строгость в сакрально-государственной сфере, однако степень ее такова, что допускает распространение такой же характеристики на прочие, остающиеся еще неизвестными, нормы уставов обоих союзов. Ведь сакральные законы были одной из отраслей государственного права, причем самой древней частью правосознания эллинов. Известно, что сакральное обычное право сформировалось еще в племенной жизни, задолго до сложения государственной системы. Именно в форме религиозных установлений издревле были выражены основные уставы общественной жизни, получившие обстоятельное обоснование в детальных предписаниях различных видов позднего развитого права.

Вполне естественно, что доряне и ионяне, обосновываясь на побережье Малой Азии и имея в тылу сильные этносы Кари и Ликии, должны были предусмотреть прочность своих союзных сообществ. Несомненно, что каждая группа полисов, дорийских и ионийских, спланировавшись в федерацию, озаботилась о подготовке юридических норм, определявших обязанности и права своих членов. Нужно

думать, что для этой работы были собраны авторитетнейшие правоведы из каждого полиса — согласование частных интересов заключавших союзный договор политических сообществ и выработка общесоюзных юридических норм требовали взвешенного подхода. Окончательные решения могли формулировать самые компетентные знатоки действовавших тогда правовых норм. Добавим, что дорийским правотворцам приходилось больше считаться с древними установлениями времен племенного быта. Зато при создании устава ионийского Двенадцатиградия могли учитываться и часть правовых предписаний, сохранившихся от эпохи ахейских царств. Но сколь ни различались некоторые правовые традиции дорян и ионян, в структуре каждой формируемой федерации был учтен практический опыт автономного существования ранних полисов, накопленный в XI–X вв.

Политическая история каждой из трех малоазийских федераций эллинов в VIII–VI вв. была достаточно сложной, но тем не менее Эолия, Иония и Дорида долгое время успешно выдерживали натиск растущих у них в тылу соседних царств. Данное обстоятельство указывает на прочность каждой из названных федераций, что свидетельствует об удачных правовых принципах и средствах, примененных правоведами, создававшими структуры этих союзов.

Прочность каждой федерации была столь устойчивой, что они даже позволяли себе враждебные акции по отношению друг к другу¹. Ярким примером является драматичная борьба в основанной некогда

¹ Полезно заметить, что позиции эллинов в Малой Азии подвергались существенным испытаниям. Могущество Лидии стало особенно опасным при царе Гигесе (716–678 гг.), который совершал военные походы на Милет, Смирну и Колофон. Но как сообщают Геродот (I, 15) и Аристотель (Pol., V, 3, 8, 1290b) царю удалось взять лишь Колофон. По-видимому, слава о богатстве колофонян сделала его главным объектом нападения лидян. И в последующие десятилетия лидийские монархи нападали на соседних эллинов. Особенно страдал Милет, не имевший возможности защитить свою хору. Это заставило милетян уже в конце VII в. развить интенсивный вывод апойкий. Особенно мощные волны переселенцев направились в припонтийские земли. Традиция указывает, что перед 600 г. была вторично основана Синопа, после чего милетские апойкии возникли и в других областях Причерноморья. Высылая избыточное население, Милет сохранял свой военный потенциал. И лишь царю Крезу (560–546 гг.) удалось подчинить себе все малоазийские полисы, которые до этого, как отметил Геродот, были свободными (I, 6).

эолянами Смирне. Сопоставляя сведения Геродота (I, 150) и приведенной Павсанием части олимпийского списка победителей (V, 8, 7), можно наметить следующий ход событий: где-то перед 23-й Олимпиадой жители Смирны приняли в свой город группу граждан ионийского Колофона, потерпевших поражение во время стасиса, восстания политов, и изгнанных из своего города. Колофонские изгнанники отплатили приютившим их эолянам черной неблагодарностью: выбрав время, когда все граждане Смирны вышли из города для участия в празднике Диониса (видимо, его чтили в пригородном святилище), экс-колофонцы закрыли ворота города и захватили его¹. Все эолийские полисы выступили на помощь, и путем переговоров, видимо, без военных действий, было достигнуто следующее соглашение: все движимое имущество (*τὰ ἐπίπλα*) ионяне-захватчики отдадут владельцам, но зато те отказываются от владения Смирной. Геродот говорит, что так поступили (то есть предложили такое урегулирование конфликта) вытесненные жители Смирны — видимо, контингент их был невелик и братья за оружие не имело смысла. Одиннадцать полисов Эолиды поделили между собой изгнанных смирнских эолян и сделали их своими гражданами.

Эти события реально отражают существенные черты в общем характере эллинского права. Оно тогда допускало столкновения сакральных и военных уставов, хотя экехейрия Олимпии была неоспорима. Но местами сильный полис мог сокрушить соседа-эллина, даже занятого богослужением.

Совершенно очевидно, что междуполисные соглашения и иные виды контактов автономий строились на основе юридических норм, соблюдение которых являлось обязательным для всех сторон. Четко очерченные конкретные правовые установления защищали интересы отдельных государств или их союзов. Последние могли быть не только локальными объединениями двух-трех автономий, но и достаточно мощными федерациями, состоявшимися из равноправных членов. Естественно, что различный потенциал автономий, участвовавших

¹ Павсаний, упоминая о победе кулачного бойца Ономаста в Олимпии в 688 г., отмечает, что его полис Смирна тогда уже вошел в состав Ионии (V, 8, 7). Можно полагать, что ионяне захватили Смирну не больше, чем лет за сто до 23-й Олимпиады. Заметим, что ионийской Смирне было запрещено участвовать в праздновании ионийского торжества Апатурий. Сообщающий об этом Геродот (I, 147) объясняет отлучение Смирны обвинением в каком-то убийстве. Возможно, что преступление было совершено колофонцами при нечестивом захвате ими эолийского города.

в многообразных внешних отношениях, определял множественность правовых норм, регулировавших связи субъектов междуэллинского права. Успешное существование трех эллинских федераций, возникших на малоазийском побережье в XI–X вв. и достигших внушительной прочности к концу V в., показывает, что эллинская правовая мысль уже выработала достаточный фонд юридических норм, упорядочивавших внешние отношения в политически раздробленном эллинском мире.

Традиционное взаимопроникновение сакральных и общественно-политических юридических установлений проявилось при формировании междуэллинского права в особой роли крупных святилищ как общепризнанных центров дипломатической жизни. Олимпия была, прежде всего, средоточием панэллинского правосознания, охранявшим нормы общеэллинского права и юридические установления местных соединений. Но в ряде областей выдвигались религиозные центры, подобные Триопию и Панионию, которые сплачивали союзы единоплеменных автономий и реально также являлись организаторами дипломатической практики и теоретических разработок в области внешнего права полисов.

К рубежу VIII–VII вв. можно отнести и выделение сферы гражданского права, нормы которого защищали интересы отдельного лица или клана. В эпизоде с захватом Смирны мирное соглашение предусматривало отдачу эолянам всего их движимого имущества. Следует полагать, что владельческие права предъявляли именно индивидуальные граждане Смирны, которых затем принимали к себе эолийские полисы в качестве полноправных политов. На это указывает стиль Геродота... καὶ ἐλοίψαντο σφέωνν αὐτέων πολιίτας (I, 150). Историк употребил термин *πολίτης*, имевший уже определенное значение в политико-правовой жизни первой половины VII в. Так, Архилох (675–650 гг.) упоминает «бедствующих граждан» (fr. 52). Последующие лирики, например Сапфо, также свободно пользуются этим термином. Совершенно очевидно, что взаимоотношения граждан полиса между собой и отношения отдельного гражданина и всего полиса регулировались серией юридических норм, гарантировавших соблюдение правопорядка в каждом конкретном государстве. Необходимо полагать, что границы правоспособности гражданина определялись, прежде всего, установлениями его кланового сообщества.

Как известно, подлинные юридические памятники VII в. сравнительно немногочисленны. Но дошедшие тексты (на металлических пластинах и на камне) свидетельствуют, что в правовой деятельно-

сти эллинов тогда имели силу четко сформулированные правовые нормы. Выработка таких формул происходила и в условиях устного правотворчества. Это предполагало тщательную работу знатоков устного права, возможно на протяжении многих десятилетий.

Ранние юридические нормы эллинов могли быть весьма краткими и жесткими. Вместе с тем, они были достаточно сложными и обстоятельными. Последнее качество особенно ярко демонстрируют постановления дамосов, опубликованные уже на камне. Эти тексты отвечали настоятельным требованиям сообществ политов, считавших необходимым всенародное знание важнейших полисных законов и подзаконных постановлений.

Весьма важным свидетельством столь высокого уровня правовой культуры широких кругов граждан является текст постановления критского полиса Дрероса, высеченного между 650 и 600 гг. на блоке в стене храма Аполлона Дельфиния¹.

Полис — следовательно, весь массив полноправных политов — вынес решение о том, что исполнявший обязанности косма гражданин имеет право вновь стать космом лишь через десять лет; нарушитель этого закона подлежит суровому наказанию. Строго соблюдать данное установление поклялись очередные космы, полисные казначеи и двадцать «от города». Последние, видимо, избирались из всей массы граждан. Даже краткое изложение документа показывает, сколь энергично политы Дрероса пресекали попытки превратить ограниченную временем магистратуру в долгосрочную должность одного лица. Можно отметить полноту предусмотренных санкций к нарушителю принятого полисом закона. Комментаторы указывают, что изучаемый текст является одним из самых ранних известных ныне эллинских законов, опубликованных на камне.

Но особо следует подчеркнуть высокое профессиональное мастерство правоведов Дрероса: для всеобщего ознакомления они выставили строго составленный текст закона, не оставляющий никаких возможностей для кривотолков и сомнений в юридической обоснованности данного акта полиса. Не меньшее впечатление производит высокий уровень полисного правосознания: дамос Дрероса хорошо понимал значение полномочий высшей магистратуры своего полиса и жестко последовательно ставил преграды попыткам отдельных честолюбцев злоупотребить доверенной им властью. Текст доволь-

¹ Meiggs R., Lewis D. SGHI, № 2.

но краткого документа позволяет заключить, что в данном полисе имели силу четкие нормы государственного права, охранявшие интересы полиса. Возможно, что большинство правовых формул еще передавалось устно или было записано на металлических скиржалках, хранившихся в том же храме Аполлона. Однако, сколь бы ни была высока правовая осведомленность круга знатоков государственного права, в Дреросе после 650 г. уже остро стоял вопрос о правовой информации всего массива граждан. И критский полис взял на себя обязанность обеспечить своим политам официальную информацию о важнейших юридических актах. Указанное обстоятельство может служить исчерпывающим аргументом в пользу утверждения: в ряде областей Греции формирование полисных государства и права в X–VIII вв. шло столь интенсивно, что в VIII–VII в. следует говорить об уже сложившейся структуре различных видов полисов, обладавших соответственными юридическими установлениями.

Характерной чертой тогдашней правовой действительности была активная роль каждого отдельного гражданина, полноправного члена своего дамоса. Дамос и полит выступают полноценными субъектами в различных сферах права. Дошедшие источники указывают на детальную разработку норм, определявших политические и экономические позиции граждан, а также их обязанности по отношению ко всему полису. Здесь надлежит отметить пристальное внимание В. П. Яйленко к изучению реальных условий существования населения материковых полисов и их апоекий. В частности, весьма интересен вывод о неравных возможностях для накопления богатств жителей самой Греции и обитателей апоекий. Последние могли использовать еще мало разработанные естественные ресурсы недавно заселенных ими земель. Располагавшее более скромными источниками материального благополучия общество самой Эллады в X–VII вв. не достигло еще резкого отличия богатых от бедных¹. Такое положение оказывало непосредственное влияние на правовую ситуацию в каждой автономии: близость интересов большей части массива дамоса делала достаточно результативной его общую деятельность в сфере упорядочения юридических норм, обеспечивавших устойчивое существование как всего сообщества, так и его различных подразделений вплоть до отдельного полита.

¹ Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 154–159.

Приведенные выше литературные и эпиграфические данные указывают на достаточно прочные правовые позиции свободного гражданина в различных видах автономий¹. Причем статус гражданина имел значительную весомость не только в границах его автономной родины, но и в отношениях с другими полисами. Несомненно, федеральное право ряда союзов полисов уже к 800 г. включало специальные юридические нормы относительно взаимодействия правоспособности гражданина отдельной автономии с правовыми установлениями всей федерации. По-видимому, в катастрофических ситуациях, как это произошло при захвате Смирны ионянами, государства-союзники включали граждан пострадавшего полиса в число своих полноправных политов без каких-либо ограничений, кроме фактора количества. Ведь Эолийская федерация разделила по своим полисам вытесненных из Смирны граждан, видимо, для того, чтобы все государства этого союза несли одинаковые затраты на помощь своему сочлену. Рассказ Геродота об этих событиях и о некоторых сакрально-правовых установлениях трех малоазийских эллинских союзов позволяет утверждать, что в IX–VIII вв. в землях Эллады внешние и внутриполисные отношения строились на основе достаточно разработанных правовых уставов. Источники VII в. предоставляют сведения о быстром и неуклонном дальнейшем развитии эллинской юридической мысли, вырабатывавшей точные правовые нормы для регулировки сложной междуполисной жизни.

В этой связи надлежит особо отметить то исключительное значение, которое приобрел институт проксении уже к 650-м гг. Истоки его нужно искать в сложных религиозно-правовых воззрениях племенного быта эллинов, считавших обычаи гостеприимства священными установлениями, охраняемыми Зевсом Ксением. Развитие полисной автономии и автаркии привело политически независимые государства Эллады к осознанию необходимости иметь заинтересованных помощников-инополитов для укрепления междуполисных

¹ Это относится и к положению индивидуумов в ранних апойкиях. Например, из рассказа Геродота о захвате колофонянами эолийской Смирны (I, 150), что произошло вскоре после 800 г. (Дж. Кук относит данное событие к началу VIII в. — см.: Cook J. M. Old Smyrna. 1948–1951 // *ABSA*, LIII–LIV, 1958–1959. P. 25–27), можно вывести заключение, что союз эолийских полисов занялся судьбой каждого гражданина ранней Смирны Эоляне добились того, что изгнанные политы смогли вывезти свое движимое имущество, потеряв весь полис.

контактов. Практика частного гостеприимства, предусматривавшего взаимные заботы хозяина и гостя, граждан различных автономий, и даже передававшегося по наследству, была использована в межгосударственной жизни. Уже в VII в. некоторые полисы выбирали себе проксена, гостеприимца из числа политов того государства, с которым конкретная автономия особенно часто вела дела.

Нет необходимости подробно описывать роль хозяина-проксена, принимавшего у себя в доме вестников или послов дружественного ему полиса, нуждавшихся в особом покровительстве в чужом государстве, для которого они были инополитами. Проксен также оказывал содействие и частным гражданам из дружественного государства. Вся подобная деятельность требовала хорошего знания обычаев и законов обоих полисов и умения результативно сопрягать различные государственно-правовые установления двух независимых политических единиц. Совершенно очевидно, что, избирая себе проксена в дружественном полисе, каждое государство старалось отблагодарить это лицо самым достойным образом.

Надлежит заметить, что введение института государственной проксении является четким свидетельством высокого уровня правовой культуры как отдельных лиц, так и всего сообщества граждан в том или ином полисе. Избрание проксена в чужой автономии является красноречивым указанием на то, что в двух конкретных контактирующих автономиях процесс формирования полисного государства уже в принципе завершился. Государственные структуры ведали не только управлением внутренней политико-правовой жизни общества, но и упорядочивали междуполисные, внешние, отношения данной автономии с другими политическими единицами Эллады. Конечно, в каждой части страны указанный процесс происходил и завершался в разное время. Документальные данные об институте полисной проксении появляются сравнительно поздно, но можно думать, что предшествующее развитие этого государственного обычая в той или иной области заняло несколько столетий.

Самое раннее свидетельство о проксене автономного государства представляет собой надпись с острова Керкиры, начертанная на надгробии-кенотафе, возведенном где-то в 625–600 гг., согласно новейшему определению¹. Стихотворная эпитафия повествует о проксене

¹ Данный текст IG, IX, I, № 867 датировали началом VI в. (Peek W. G., № 18), однако шрифт надписи указывает скорее на последнюю четверть VII в. (см.: Meiggs R., Lewis D. SGHI, № 4).

народа Менекрате, сыне Тласия, уроженце Ойантеи (Локры Озольские), гибель которого в море лишила дамос преданного друга. Памятник соорудили вместе народ Керкиры и родной брат Менекрата, специально прибывший из Ойантеи. Их совместная акция позволяет заключить, что в обоих полисах проксению рассматривали как наследственную почетную должность, исполнявшуюся членами одного рода. Такой порядок был обычным и в последующие времена.

Эпитафия Менекрата не оставляет сомнений в том, что его попечения о делах народа керкирян в родной Ойантее заняли довольно большой промежуток времени: и народ Керкиры, и сыновья Тласия уже высоко ценили многие положительные стороны своих дружественных взаимоотношений. Иными словами, где-то в 640–630-х гг. в двух западногреческих государствах (дорийском и эолийском) сформировались четкие юридические нормы, успешно регулировавшие взаимодействие полиса и его проксена-инополита. На это указывает бесспорно значимое положение проксена в его родном и опекаемом им полисах, которое основывалось на взаимовыгодной практике и на рациональных юридических нормах обоих государств.

Керкирский документ косвенно свидетельствует о хорошей слаженности работы различных звеньев тамошнего государственного управления. Вместе с тем столь почетное положение проксена могло быть реально достижимым лишь при условии широких возможностей для самостоятельной политико-правовой активности отдельного гражданина. Эти возможности ему как субъекту права обеспечивали четкие юридические нормы полисного правопорядка.

Даже приведенные источники VII–VI вв. показывают достаточно убедительно, сколь значительной силы достигла полисная организация государственного устройства, опиравшаяся на сообщество граждан полиса. Пусть в иных автономиях количество граждан было невелико (особенно на мелких островах), однако понятие *πολιτης* сложилось не только теоретически, оно было наполнено разносторонним реальным содержанием. Полит нес ряд обязанностей перед всем народом, но он имел и определенные права, признаваемые не только на родине, но и в чужих полисах или племенных автономиях. Конечно, такие деятели были знатными и состоятельными людьми.

Проблема взаимоотношений раннего полиса и его политов настоятельно требовала постоянного и целеустремленного внимания к действующим в названной сфере юридическим установлениям. Расширение рамок правового мышления всего общества и развитие правовой психологии каждого члена дамаса отражены в ряде других

документов VII в. Можно назвать, например, надписи на могилах частных лиц¹, которые красноречиво свидетельствуют о росте реального значения отдельных личностей. Ранние эпитафии, несмотря на свою краткость, в полной мере передают чувство самоуважения политов тех кругов, которые, имея средства, считали необходимым увековечить память о своем выдающемся сородиче.

Конечно, усложнение реальной действительности должно было отразиться на политике всего полиса в отношении отдельного гражданина. Но можно ли говорить о противопоставлении дамоса и отдельной личности, как считает В. П. Яйленко², решить еще трудно. В изучаемые столетия кровные и территориальные сообщества обычно упорядочивали многие вопросы положения свободной личности в ее государстве. Противопоставление полиса и его гражданина возникало при противоправных действиях какого-то лица. Но это было уже нарушением полисных законов, требовавших наказания виновного.

Памятники VI в. уже достаточно многочисленны и разнохарактерны. Эти источники свидетельствуют об усилении значимости правовых норм в жизни каждого полиса и всей Эллады. Они отражают ту интенсивную правотворческую деятельность, которая порождала быстрый рост количества правовых установлений в каждом эллинском государстве. Одновременно происходило разделение правовых положений по характеру решаемых ими дел. Точнее формулировались нормы, которые определяли обязанности и права различных субъектов права — всего полиса, его сакрального и военного ведомств, клановых сообществ, территориальных подразделений и отдельных полноправных политов.

Естественно, что все более усложнялись связи между автономиями, что вело к дальнейшему развитию межполисного права во всей Элладе. В этих условиях росло и возвышалось значение Олимпийского святилища как охранителя панэллинских правовых установлений, как мощного и авторитетнейшего защитника принципа единства всего эллинского народа.

Общеэллинское значение сакрально-правовой деятельности святилища Зевса в Элиде сохранялось многие столетия. Силу его национального авторитета в эллинских землях решил сломить лишь им-

¹ Сколько достоинства в эпитафии VI в. с Керкиры, сообщающей: «Я стала Ксенвареса, сына Мейксия, на (его) могиле». — *Peek W. GVI, № 52.*

² *Яйленко В. П.* Архаическая Греция. С. 164.

ператор Феодосий I (346–395), отменивший в 394 г. Олимпийские торжества.

Выше мне удалось использовать лишь часть источников, освещающих историю Элиды и Олимпии в XII–VII вв. Остались неизученными важные свидетельства древнейших мифологических преданий, связанных с культом Геры, ранней владычицы Олимпии. Также вне поля моего зрения оказалось известие о почитании Геракла элеянами со времен Ифита. Несомненно, много интересных черт ранней сакральной деятельности на самом олимпийском подворье могут выявить дальнейшие археологические исследования¹ и сведения античных авторов о святилищах разных божеств, находившихся вблизи Герайона и храма самого Зевса. Весьма интересны и красноречивы источники о междуусобиях автохтонных жителей и завоевателей-элеян, об упорной борьбе базилиев Писатида за отнятое у них элеянами главенство над Олимпией. Также полезно определить время жизни Оксила. После 1104 г. его деятельность могла занять лет 15–20, то есть до 1090 или 1085 г. (?).

Надеюсь, что эти и многие другие вопросы найдут своих исследователей.

Некоторые дополнения к стр. 112.

Следует отметить, что в Олимпии работали высокообразованные хронографы, видимо, уже в конце IX — начале VIII вв. В то время власти святилища должны были избрать точную дату для начала летосчисления по Олимпиадам и установить строгую периодичность устройства главных торжеств в честь Зевса. Несомненно, среди иереев святилища должны были быть знатоки небесных явлений, с которыми эллины связывали время совершения традиционных сакральных действий.

Даже внимательные земледельцы обладали тогда знанием некоторых важных астрономических данных: И. Д. Рожанский, анализируя астрономические сведения Гесиода, заключил, что этот автор хорошо знал некоторые крупные созвездия, движения которых указывали на изменения погоды². Вероятно, моряки и рыболовы обла-

¹ Ныне уже установлено, что поселение на месте Олимпии возникло около 2500 г. и существовало далее почти непрерывно. См.: *Rutter J. B. Lerna IV and Prehistoric Olympia: a Neglected Group of Early Helladic III Pattern-Decorated Pottery // AJA. Vol. 86. 1982. P. 284.*

² *Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979. С. 131–132.*

дали еще большими астрономическими познаниями. Характер Олимпийского календаря показывает, что к 776 г. во всей Элладе были хорошо известны основные астрономические явления. Это ясно подчеркнул С. Г. Миллер, полагающий, что о дате олимпийских торжеств эллины узнавали еще до прибытия спондофоров: ведь каждый полис мог исходить из знания общепонятных и всеми видимых естественных природных явлений. Именно поэтому празднество, определяемое крупным событием в астрономическом году, могло стать действительно общеэллинским событием. Свои суждения исследователь заключил точным выводом: «Олимпиады происходили во второе полнолуние после летнего солнцестояния»¹. Конечно, погода в первой половине июля весьма благоприятствовала стечению множества участников панэллинских торжеств и облегчала труд священнослужителей разных рангов, ведавших устройством прибывавших гостей.

Обычно большинство простых посетителей торжеств останавливались в таборах на присвятилищных землях. Остатки таких временных стоянок были открыты недавно. Но иереев из инополисных храмов и особо почетных гостей, вероятно, принимали в священном посаде. Там они могли изучать новые движения умственной жизни в авторитетнейшем сакральном центре Эллады.

Естественно, что благодаря таким живым связям сакрально-политических деятелей всех эллинских земель знание четкого и жизненно необходимого Олимпийского календаря распространилось очень быстро во всех кругах политов, начиная с подрастающих поколений будущих атлетов. Счет по Олимпиадам помогал местным знатокам временно́го исчисления упорядочивать хронографию каждой отдельной автономии.

¹ Miller St. G. The Date of Olympic Festivals // MDAI (A). Bd 90. 1975. S. 215–231. Также отмечу выводы Ч. Кана, проследившего тесные связи эллинской науки и философии: последняя опиралась на практические научные изыскания в астрономии, геометрии и биологии, астрономия же применяла математические модули (см. Kahn Ch. On early greek Astronomy // JHS. Vol. XC. 1970. P. 99–116).

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКОВ В РАННЕПОЛИАРХИЧЕСКОЙ АТТИКЕ (XI–VII ВВ.)

Рассматривая усиление правотворчества в Элладе в указанные столетия, следует принимать во внимание, что именно тогда очень остро стоял вопрос об устранении наиболее архаичных уложений обычного права. Они регламентировали жизнь всего эллинского массива, каждого конкретного племенного сообщества или его отдельных частей (местных племен, кланов, а также городков, сел и даже некоторых профессиональных групп). Но изменения во внутренней жизни обществ последовательно преобразовывали устаревшие правила и вводили в обиход новое содержание таких обычаев.

Развитие полисной государственности в каждой автономии приводило к созданию новых положений обычного права, некоторые из которых получали признание не только в одной земле, но и в других частях эллинского массива. Конечно, устные правовые уложения наиболее прочно сохраняли племенные союзы северных земель. Но и позднее, в быстро консолидировавшихся полисах, еще долго оставались в силе многие четкие и общеизвестные устные правовые положения; часть этих установлений была включена в самые ранние своды писаных законов.

Глубокие изменения в обществе порождали нарушения правил жизни всего этноса, регулировавших надплеменные отношения, а также порядки в каждом формировавшемся раннегосударственном образовании — полиархическом или позднемонархическом

полисе¹. Практика жизни требовала четких общедоступных формулировок правовых установлений еще во времена их устной передачи. Вероятно, в XII–X вв. в ряде земель Эллады трудились многие десятки знатоков обычаев, сберегавших и разъяснявших действовавшие положения устного права. Имена этих местных правоведов постепенно пришли в забвение. Но уже в IX в. законотворческая деятельность Ликурга имела столь решающее принципиальное значение, что традиция сохранила о нем ряд сведений, использованных позднее историками. Так, Геродот сообщил, что Ликург решительно преобразовал правовые установления Лакедемона (I, 65). Аристотель особо выделил Ликурга как создателя всего государственного устройства лакедемонян (Pol., II, 9, 1 1273b 33). Наименование реформы Ликурга ретрою, договором, позволяет думать, что введенная им система полисного устройства основывалась на предварительной устной договоренности преобразователя со всем массивом полноправных спартиатов.

Столь коренные изменения правопорядков в сложном обществе Спарты в условиях устной передачи правовых положений показывают, что в то столетие развитие полисной автаркии в ряде земель Эллады настоятельно требовало более точного правового определения системы каждой автономии. Естественно, что принципиальные изменения происходили в разделах общеполисных установлений, тогда как обычаи кланового и семейного прав могли сохраняться еще долгое время¹. Допустимо предположить, что кланово-семейные установления могли испытывать некоторые изменения лишь в периоды особого укрепления центральной власти в отдельных полисах.

Деятельность Ликурга и Ифита свидетельствует, что в X–IX вв. укрепление общеполисного правопорядка в отдельных политических образованиях Эллады становилось все более важной задачей

¹ Рассматривая формирование раннего полисного республиканизма В. П. Яйленко обстоятельно анализировал различия социальных интересов отдельных слоев населения. См.: *Яйленко В. П.* Архаическая Греция. С. 128–191. Приведу его определение полиса как инструмента противостояния внешнему миру, «основанного на внутренней интеграции коллектива» (Там же. С. 161). Конечно, эту интеграцию поддерживала прочная общность правовых обычаев каждой автономии.

² Живучесть правовых норм эпохи родового строя даже в V в. была местами существенной, особенно на Крите. См.: *Willets R. F.* The Rights of *ἐπιβ λοντες* // *Eirene*. V. Praha, 1966. P. 5–16.

эллинского правотворчества. Детали многих звеньев этого процесса неизвестны, но можно с уверенностью утверждать, что он происходил в условиях поступательного роста правосознания большинства населения. Действительно, значительная правовая деятельность крупных законодателей VII–VI вв. могла быть успешной лишь в полисах, имевших давние традиции правовой активности их населения. Примечательно, что Аристотель отметил некоторых правотворцев, создававших законы не только для своей родины, но и для других полисов (Pol., II, 9, 1–9. 1274a 15 – b 23). Стагирит назвал ряд законотворцев, начиная от Залевка и Харонда и кончая Драконтом и Солоном. Обращение к инополисным законопреобразователям, трудившимся после VIII в., показывает, сколь высока была развитость правосознания в то время. Несомненно, тогдашние правоведа творчески использовали обширный правовой опыт, накопленный эллинтам в раннегосударственные времена¹.

Надлежит подчеркнуть, что деятельность знатоков правопорядков в XII–VIII вв. была усложнена необходимостью согласовывать общепринятые положения обычного права и династические установления разного типа (от позднемонархических до княжеско-властительских) с заново формировавшимися раннеполисными установлениями. Последние, в отличие от давних крупноплеменных правовых уставов, нередко зависели от особенностей важных местных обычаев. Законодатели изучаемых столетий, занятые задачами упрочения государственного быта и соответственными разработками точной правовой регламентации внутриволисных отношений, не могли упорядочить все вопросы общественной жизни. Они оставляли в полной силе некоторые частные устные правовые обычаи. Это приводило к практическому сосуществованию догосударственных правовых обычаев и норм государственного права. В каждой земле Эллады периоды такой двойственной правовой регламентации имели разную продолжительность, что сказывалось на скорости формирования критерия гражданства в каждом полисе. Можно полагать, что именно вопрос о правомочности политов усиливал процесс согласования неписаных и писаных правовых положений.

¹ Вряд ли сдвиги в законотворчестве VII–VI вв. можно объяснять «революциями», к чему склоняется И. А. Шишова (см.: Шишова И. А. Раннее законодательство. С. 17). Архонтство и миротворческие полномочия избранного сообща Солона (Aristot., Ath. Pol., 5, 2) ясно указывают на эволюционный ход процесса государственных преобразований в Аттике.

Политический полиморфизм определил своеобразное развитие правотворчества и правовой практики в каждой земле Эллады. Особенности политико-правовой истории Аттики в XII–VII вв. столь значительны, что ныне вполне целесообразно рассмотреть их еще раз.

Аттика, успешно отразившая натиски эолян и дорян, в отличие от подчинившихся им Беотии, Элиды и Лаконии, сохранила свое коренное население и более чем полутысячелетнее монархическое правление. Уже в XV в., согласно традиции (Strab., IX, 18, 20. P. 397; Paus., I, 2, 6), в Афинах сменилось несколько династий. Тогда же там сложилась группа высшей знати, близкой к властителям и даже вво-дившей в свой быт черты царской роскоши¹. Естественно, что и в последующие века какая-то часть знати поддерживала единовластие басилеев и их правотворчество. Но к середине XII в. внутри аттического общества получили силу новые тенденции.

Этнос, сохранивший основные элементы своей государственности — территорию, характер своего хозяйства, свои духовные устои, — после отражения дорийского натиска переживал период особого психологического подъема. В этих условиях прямая преемственность развития коренного населения обеспечила успешное эволюционное движение этноса от позднемонархического строя к полиархической республике, на что ясно указывают имеющиеся источники. Действительно, аттическая традиция и археологические данные, с нею согласующиеся, позволяют наметить некоторые основные вехи процесса социально-политических преобразований, приведших к изменению государственной системы и, в конечном счете, к становлению отдельного свободного жителя земли в качестве субъекта государственного и гражданского права.

Указанный длительный процесс потребовал значительного развития политико-правового сознания всего населения Аттики. Именно устойчивая общность правовых порядков и воззрений коренных обитателей Аттики, ее автохтонов, обеспечила успешную выработку рациональных мер для эволюционного преобразования высшего органа власти: наследственная монархия (единовластие) была постепенно заменена полиархией, многовластием высших должностных

¹ Точным подтверждением этого стало открытие богатого погребения ребенка в Афинах XV в. Среди заупокойных даров выделяется пиксида, высокохудожественно расписанная лилиями (см.: Lang et al. The Athenian Agora. P. 220–221. Fig. 113). Эта ваза качественно превосходит даже сосуд из царского погребения Нью в Микенах, датируемого около 1450–1425 гг. (см.: Mylonas. Ancient Mycenae. P. 148–151. Fig. 64 left).

лиц. Аттический этнос, сохранивший унаследованную от предков землю, смог укрепить свои духовные силы и, что весьма важно, свой военный потенциал, а также в XI–X вв. постепенно восстановить свою хозяйственную жизнь.

Несомненно, длительная угроза военного вторжения дорян способствовала динамичному развитию всех сторон деятельности этноса, в том числе и его легендарного творчества. Древние предания и сказания о давно происходивших событиях эффективно содействовали самоутверждению и сплочению сообщества мелких аттических племен. Прочность духовных устоев жителей земли укрепляла большой вес всей Аттики и в сложных отношениях внутри обширного массива всех эллинских племен. Можно с уверенностью предполагать, что автохтонное население Аттики придавало большое значение своему прошлому и своей успешной борьбе за независимость в столкновениях XI в. Конечно, рядовое население земли хорошо помнило крупные события, случившиеся при жизни четырех-пяти предшествовавших им поколений родичей. Но этнос имел своих выдающихся сказителей общих преданий Аттики. Одаренные знатоки легендарной истории бережно передавали своим последователям не только древние сведения, но и данные о достаточно близких реальных событиях¹. Божественные санкции всему происходившему в жизни эллинства придавали обязательную сохранность сказаниям о прошедших событиях — ведь все они происходили по воле богов, их сакральное происхождение не допускало нечестивого искажения древних преданий². Лишь постепенно складывались рациональные

¹ Заметим, что за X–VII вв. в Аттике сменилось около 12–14 поколений. Их сказители могли аккуратно сохранять память о главных событиях за эти 400 лет. Ведь в XIX–XX вв. племена Полинезии хранили счет времени и многие предания из жизни десятков поколений предков. Конечно, древнейшие сказания носят мифический характер, но поздние родословия уже сохраняют ряд точных имен согласно суждению этнографа С. А. Токарева. Ученый писал, что «более правдоподобной считается генеалогия из 23 поколений». См.: *Токарев С. А. Тур Хейердал и его исследования в Океании // Хейердал Т. Путешествие на Кон-Тики*. М., 1957. С. 361, 364.

² Значение божественного промысла в миропонимании раннего эллинства и в его нравственных устоях было рассмотрено в трудах ряда философов, например П. Г. Редкина, Ф. Х. Кессиди и других. В. С. Нерсисянц убедительно исследовал сакральный аспект нравственно-правовых представлений эллинства в XV–IX вв. См.: *Нерсисянц В. С. Политические учения*. С. 6–16.

взгляды на прошлое этноса, что позволило историкам уже в V в. выделить существенные сведения из легендарной истории Аттики.

Глубоко и проникновенно анализируя аттическую традицию, Фукидид особо подчеркнул, что землю ее всегда населяло собственное коренное население, передавшее ее свободной ныне живущим благодаря доблести — τὴν γὰρ χώραν ἀεὶ οἱ αὐτοὶ οἰκοῦντες διαδοχῇ τῶν ἐπιγιγνομένων μέχρι τοῦδε ἐλευθέραν δι' ἀρετὴν παρέδοσαν (Thuc., II, 36, 1).

Историк отметил неизменность аттического населения уже в самом начале своего труда (I, 2, 5), и его указание: «всегда» населяли землю Аттики предки нынешних ее обитателей — получило особенный вес теперь, когда точно известна генетическая преемственность населения Эллады во II–I тысячелетии до н. э. Столь же важно сведение Олорида о передвижениях эллинских племен и позднее в поисках лучших земель, причем скудная земля Аттики не привлекала внимание соседей. И только рост населения в результате вселения бежавших от дорян переселенцев из других областей Эллады показал, что земли стало не хватать, и это обусловило вывод апойкий на острова и на малоазийское поморье (Thuc., I, 2, 6; 12, 4). Согласно традиции, эти переселенцы стали называть себя, как и афиняне, ионянами, хотя позднее афиняне стали избегать этого наименования¹.

Основание заморских апойкий неизбежно внесло важные изменения в систему обычного права Аттики. Сдвиги в монархической системе, возможно, были не столь значительны. Но сфера клановых и семейных отношений была существенно затронута: ведь каждая апойкия представляла собой не только новый субъект инополисных правовых отношений. Будучи выделенной частью афинской монархии, она оставалась связанной с нею тесными узами не только в сферах общей политики и религии². Расширившиеся экономические связи значительной части аттического населения повседневно и настоятельно

¹ Her., VII, 95; VIII, 44; I, 143, 147. Движение переселенцев в Ионию из Аттики и других земель подробно рассмотрено в книге *Sakellariou M. La migration*. P. 39–242, 254–302.

² Созданные выселенцами в X в. сакральные правила соблюдались и спустя 500 лет: Фукидид сообщил, что в его время «ионяне из Афин» по обычаю, устраивают под афинским акрополем праздники в честь Диониса, «что в Лимнах» (II, 15, 4). Афинские политики в V в. не раз вспоминали, что их полис — метрополия ионян (Thuc., VI, 82, 4; VII, 57, 2–4).

требовали четкого правового решения сложных имущественных вопросов, касавшихся кланов и семей самой метрополии и ее апойкии.

Естественно, что вывод апойкий вызвал усиление правотворческой деятельности во всей Аттике. В уже сложившуюся систему установлений обычного устного права, с дополнениями монархических властей, в XI–X вв. были внесены новые правовые положения, а часть старых правил была переработана. Бесспорно, правовые изменения для решения жизненно важных вопросов не ограничивались связями Аттики с ее апойкиями, они должны были отвечать новым требованиям усложнившегося внутреннего развития самой аттической земли. Эти требования были ужесточены в XII–XI вв. из-за нависшей тогда дорийской военной угрозы. Но она же сильнее спланивала всех жителей Аттики, способствуя безотлагательной выработке разумного решения возникавших политических задач. Несомненно, интенсивности сдвигов в политико-правовой сфере весьма содействовала общность психологического характера коренного населения полуострова.

Здесь следует напомнить, что в монархические времена, еще до X в., политическая жизнь Аттики отличалась своим динамизмом. Как сообщил Фукидид (II, 15, 1–4), при ранних царях жители городков Аттики имели местное управление и свои советы — *αὐτοὶ ἕκαστοι ἐπολιτεύοντο καὶ ἐβούλευοντο*, — к царю они собирались на общий совет лишь в случае опасности для всей земли. Но, как особо подчеркнул Олорид, выдававшийся своим умом царь Фесей провел реорганизацию политического устройства: он сделал Афины единственным городом, в котором и поместил общеаттические совет и пританей¹, а местные советы и пританей распустил; жителям своего царства он предоставил права, как и прежде, обрабатывать свои поля. Нужно полагать, что и местные промысловики также оставались в традиционных районах своей деятельности. Добавим, что сведения Фукидида о возвышении значимости Афин вполне согласуются с археологическими источниками, указывающими на особое укрепление афинского Акрополя в XIV–XIII вв., что обеспечивало державному граду главенствующее положение².

¹ Колобова К. М. Древний город Афины. С. 12, 18–19.

² Wright J. C. The Mycenaean entrance System on the West End of the Acropolis // *Hesperia*. Vol. 63. № 3. 1994. P. 323–360.

Прямая преемственность духовного развития Аттики дает мне уверенность в том, что предание о деятельности Фесея было частью свято оберегаемого фонда аттических исторических сказаний о прошлом. Историческая традиция была особенно важна для укрепления моральной устойчивости этноса в XI и последующих столетиях, когда Аттика, отразив дорян, постепенно наращивала соперничество со Спартой. Строго деловое сообщение Фукидида, известного своим тщательным и критическим выбором источников, не оставляет сомнений в том, что аттическое население ко времени правления Фесея (согласно Паросской хронике — около середины XIII в.) энергично развивало местно-племенное самоуправление в условиях традиционного умеренного царевластия. Но, видимо, стремившийся к укреплению своей власти путем упрочения единства земли басилей Фесей считал необходимым лишить локальные политические образования ряда их важных полномочий, передав решение важных вопросов земельного управления в ведение близких царю совета и пританея. Можно полагать, что Фукидид отметил только общегосударственную деятельность Фесея потому, что энергичный басилей не вмешивался во внутриземельные племенные и клановые порядки.

Необходимо отметить, что сведения Фукидида ныне, когда известны многие стороны этнохозяйственного преемственного развития Аттики во II—I тысячелетиях, получили более глубокое значение, чем лет 50–60 тому назад. Это находит отражение в фундаментальных трудах. Так, Д. Уайтхед уверенно пишет, что в микенское время преобразования Фесея заключались в централизации политических и религиозных учреждений, причем перемещения населения были незначительными или даже вовсе отсутствовали¹. Весьма убедительно заключение исследователя, что употребленный Фукидом термин «синойкисм» следует понимать, как более крепкое соединение местных земель и племен Аттики под общим управлением бацилея и подведомственных ему общеаттических совета и пританея. Однако допустимо предположить, что «централизация» касалась лишь главных культов. Ведь местные божества, охранявшие дома, поля и промысловые угодья сельчан, сохранили свои святыни во всех округах Аттики.

Решительные действия Фесея, несомненно, сопровождались выработкой новых правовых уложений, которые регулировали обще-

¹ Whitehead D. Demes. P. 8–9.

государственные правовые вопросы. И если даже базилей-реформатор не вмешался в местные правопорядки, частью созданные еще праотцами, то его крупные общеаттические мероприятия значительно упорядочили политико-правовые отношения и всю правовую практику в монархии Нововведения происходили около 1250 г. (Marm. Par., Ep. XX, ll. 34–35).

Принципиальное значение правотворчества Фесея особенно ясно раскрыл Аристотель при перечислении им одиннадцати существенных перемен государственного строя Аттики, которые произошли от правления Иона до низвержения олигархии Тридцати и восстановления демократии в 403 г. Ученый назвал преобразования Фесея вторыми после новшеств Иона: δευτέρα δὲ καὶ πρώτη μετὰ ταύτην ἔχουσα πολιτείας τάξιν, ἢ ἐπὶ Θησέως γενομένη, μικρὸν παρεγκλίνουσα τῆς βασιλικῆς (Aristot., Ath. Pol., 41, 2).

Весьма важно определение философа: преобразование Фесея, касавшееся порядка государственного строя, создало политею, немного отклонявшуюся от монархического устройства. Это заключение Аристотеля указывают на то, что Фесею пришлось во имя сплочения Аттики поступиться какими-то царскими привилегиями, возможно в пользу местных племенных властителей — ведь Аристотель недаром упомянул отклонения Фесеевого устройства. Так как философ характеризовал преобразованный Фесеем строй как имеющий распорядок политеи, то можно полагать, что с середины XIII в. и далее, такой вид аттической монархии продолжал развиваться более или менее последовательно. Видимо, «отклонения» от древнего царевластия набирали силу вместе с изменениями аттической политеи¹. Но несмотря на происходившие политико-правовые сдвиги, в исторических преданиях Афин деятельность Фесея сохраняла свое особенное значение при изложении ранней истории аттической государственности — ведь его преобразования создали упорядоченную политею².

Реальный ход событий, особенно нараставшая военная угроза около 1200–1066 гг., побуждал все аттическое население уделять особое внимание внутренним политико-правовым отношениям.

¹ Учение Аристотеля о видах политей и их изменениях обстоятельно рассмотрел А. К. Бергер. См.: Бергер. Политическая мысль. С. 138–150 и далее.

² Заметим, что в IV в. афинская средняя интеллигенция весьма ценила деятельность Фесея. Например, Исократ писал, что Фесея сделал государство крупнейшим полисом в Элладе (Isocr., IX, 35).

Следует отметить, что несмотря на некоторые повседневные разногласия общеаттических и местных властей, общая упорядоченность государственного устройства постепенно росла. Конечно, в самих Афинах многое зависело от энергии и личного авторитета очередного династа. Более динамично должна была развиваться правовая жизнь на местах. Ее могла усложнять разница материальных ресурсов каждого племени и даже клана, особенно заметная в условиях жизни обитателей горных и приморских земель.

Естественно, что по мере укрепления авторитета высших правящих кругов местные племенные и клановые сообщества должны были постепенно добиваться уточнения и увеличения числа норм, определявших их правоспособность в качестве субъектов или объектов права. Можно с уверенностью предполагать, что местные кланово-племенные правоведы затратили много усилий на сохранение или приспособление к новым условиям традиционных правовых обычаев, регламентировавших права и обязанности каждого образования, входившего в упорядоченную монархическую политеию Аттики. Исходя из событий второй половины XI в., можно отметить правоспособность кланово-племенных верхов в XII–XI вв. была столь прочной, что они могли оказывать известное давление на правивших тогда басилеев.

Уже в XI в. Аттика, бесспорно, достигла изрядной сплоченности, что содействовало наращиванию ее общего, особенно военного, потенциала. Неопровержимым доказательством этого является сохраненный традицией факт: аттический царь Кодр успешно отразил нападение вторгшихся в Аттику дорян около 1066 г. Не может быть сомнений в том, что это известие, о котором ведала вся тогдашняя Эллада, было свято оберегаемым преданием Аттики и что в V–IV вв. оно сохранялось без значительных поздних дополнений.

Вполне доверяя древней афинской традиции, Аристотель назвал в числе благожелательных к народу басилеев именно Кодра: царь воспрепятствовал порабощению аттического народа (Pol., V, 10, 5 1310 b 37: κατὰ πόλεον). Эллинская историческая традиция придавала немалое значение деятельности Кодра, на что указывают ссылки на его правление у Геродота (I, 147; V, 65, 76; IX, 97) и Ферекида, ионийского автора V в. с острова Лерос, данные которого привел Страбон (XIV, 1, 3; 2, 6).

Сведения трех названных авторов V–IV вв. (следует воздержаться от использования не всегда достоверных рассказов более поздних писателей) позволяют заключить, что примерно за 200 лет от пре-

образования Фесея до победы Кодра хозяйственное и политико-правовое развитие Аттики постепенно укреплялось. В области государственного управления основным содержанием этой эволюции должно было быть практическое согласование прав, полномочий и обязанностей различных субъектов устного права монархической политейи, начиная от глав кланов и далее вверх, вплоть до самого басылея, носителя верховной сакральной и мирской власти.

Есть основания полагать, что предполагаемый плавный ход событий сказывался положительно на реальных условиях жизни всего аттического этноса. Бесспорным доказательством этого является боеспособность ополчения, с которым Кодр одержал победу над дорянами. Ведь слабосильные воины не смогли бы устоять перед искусным в военном деле неприятелем. Не только физическое, но и моральное состояние аттического войска было достаточно крепким: угроза порабощения вызвала мощный духовный подъем и прочно сплотила военные силы из разных аттических земель и племен. Естественно, что особую силу получил тогда давний правовой обычай Аттики: во время общей опасности объединяться вокруг царя.

Необходимость организации отпора мощному неприятелю, бесспорно вызвала перемены в государственной жизни аттической монархии. Они были отчасти подготовлены изменениями внутри общества, произошедшими от середины XIII в. до 1060-х гг. Проведенная Фесеем реформа политейи должна была привести к постепенному возникновению новых условий для политической деятельности населения. И хотя прямых источников очень мало, все же можно представить некоторые логичные последствия важного сдвига в устройстве монархии. Несомненно, нарастали различия в деятельности высших властей и подчиненных им земельных и племенных управ.

В стольном граде Афинах, ставшем главным средоточием политико-правовой жизни монархии, значительно увеличился круг именитых лиц, занятых вопросами общеаттического управления. Переселенные из городков члены местных советов и управлений обогатили царскую администрацию своим опытом и способствовали укреплению внутренних связей страны. Созданные Фесеем общеаттические совет и пританей постепенно могли наращивать свой авторитет не только в силу установленных басылеем полномочий, но и благодаря опоре на общеаттические и местные обычаи.

В мелких городках и их округах взамен перемещенных в Афины давних органов самоуправления естественно должны были возник-

нуть низовые местные власти. Они были необходимы в повседневной деятельности племен и кланов для быстрого разрешения случившихся недоразумений в хозяйственной и политико-правовой жизни. Обычно это были вопросы соседского землевладения и водопользования, а также берегового промысла. Но к концу XIII в. основным вопросом деятельности земских властей стал вопрос о подготовке боеспособных отрядов ополчения. В это тревожное время по всей Аттике особенно энергично развернулась деятельность тех звеньев местного самоуправления, которые ведали организацией сухопутной и морской обороны.

Сокрушительное продвижение эолян и дорян около 1150–1120-х гг. особенно высоко подняло социальную значимость всего боеспособного населения. Военная деятельность стала особенно важной для всего аттического этноса — только она могла обеспечить ему свободное существование и политико-правовую устойчивость. Допустимо предположить, что тогда вопросы качественной подготовки воинов и профессиональная полноценность каждого ратника получили особенное значение не только для клана и его племени, но и для всего этноса. Это обстоятельство могло подчеркнуть разницу даже между членами одного клана, неодинаково способными к военному труду.

Более четко выступили различия между жителями плодородных и скудных земель, имевших неодинаковые материальные условия не только для воспитания боеспособной молодежи, но и для вооружения ее качественным оружием. Можно полагать, что после 1200 г. в аттическом войске усилилось выделение групп воинов, отличавшихся от средних слоев ополчения своими ратными успехами и, соответственно, более высоким авторитетом. Нараставшая внешняя угроза побуждала монарха и его окружение шире использовать выдающихся военных специалистов, что должно было способствовать более активному участию таких ратников во внутривнутриполитической жизни этноса, в том числе и в правовой деятельности. Конечно, мои предположения остаются гипотезами, но реальные условия были таковы, что для устойчивости политейи ей была необходима деятельность высокосведующих военных верхов.

Следует заметить, что отеческая традиция о басилее как главном военачальнике всего этноса иногда при необходимости нарушалась. О таком случае сообщил Аристотель: некогда жители Аттики пригласили Иона на пост полемарха-главнокомандующего, так как правивший тогда базилей был неспособен к ратному делу (Ath. Pol., 3, 2).

Геродот, однако, упомянул об Ионе как стратархе при царе Эрефее (VIII, 44). Термин Геродота — воевода — более отвечает устройству монархии во второй половине XIV в. Ведь согласно аттической традиции базилей Эрефей приходился прадедом Менесфею, свергнувшему Фесея в начале XII в. Факт, сообщенный обоими авторами¹, показывает, что в аттических военных кругах существовал обычай заменять на время небоеспособного базилея особо авторитетным военачальником. Возможно, что после Иона были и другие, менее известные, временные воеводы. Но особенно остро встал вопрос об авторитете базилея как командира ополчения после катастрофической гибели нескольких ахейских монархий между 1200–1150 гг. и в следующие десятилетия.

По-видимому, в царствование Кодра около 1090–1066 гг. понимание необходимости отделения высшего военного поста от полномочий базилея становилось все более ясным по мере роста угрозы. На это указывает сообщение Платона о том, что во имя славы и сохранения царствования своим потомкам базилей Кодр преждевременно умер: ...ἢ προαποθανεῖν τὸν ἡμέτερον Κόδρον ὑπὲρ τῆς βασιλείας τῶν παίδων (Symr., 37 D). Философ подчеркнул личные устремления царя, думавшего о себе и своих наследниках. Полагаю, что Платон опирался на достоверные предания, и это позволяет заключить: Кодр упорно держался за свое военное единоначалие потому, что в военных кругах крепла мысль о необходимости назначения особо ответственного главнокомандующего взамен базилея, возможно слабого здоровьем. Судя по тому, что смерть Кодра не внесла дезорганизацию в аттическое сопротивление дорьянам, можно предположить также, что высшие командиры ополчения своевременно сплотились и успешно продолжили оборону. Возможно, что авторитет военных верхов был тогда столь высок, что преемник царя, сын Кодра Медонт, кажется старался поддерживать с мастерами военного искусства хорошие отношения. Во внутренней жизни Аттики роль таких специалистов могла быть весьма значительной.

Изложенные предположения подсказаны мне тем, что очень скоро в Аттике вопрос о высшем главе ополчения был поставлен прямо: это было крупное изменение политейи, и Аристотель уделил ему должное внимание. Ученый сообщил, что полемархия была второй выс-

¹ По-видимому, призвание Иона происходило где-то после 1350 г.

шей властью в монархии, установленной по причине слабости некоторых басилеев в военных делах; что, как и басилей, полемарх ведал вопросами «отеческими», τὰ πάτρια. Стагирит не указал точное время создания пожизненной и стоящей рядом с монархом должности полемарха. Однако он отметил, что Иона пригласили быть полемархом лишь в силу необходимости: καὶ τὸν Ἴωνα μετετέμψαντο χρείας καταλαβοῦσης (Ath. Pol., 3, 2). О временности службы Иона можно заключить по сообщению Геродота: Ἴωνος δὲ τοῦ Ζεοῦθου στρατάρχῃ γενομένου Ἀθηναίοισι (VIII, 44). Его термин «стратарх» — глава войска — производит впечатление о более ограниченных задачах, которые должен был решать воевода.

Можно полагать, что преобразование временной обязанности стратарха в постоянный пост пожизненного полемарха произошло не сразу после 1200 г., но когда уже вся Аттика ясно представила реальность дорийского вторжения. Эта опасность требовала особого укрепления военных сил монархии.

Решение задачи было не в увеличении числа воинов и повышении их боевого мастерства. Надвигающаяся опасность могла привести к военным действиям во всех землях Аттики. Отражение врагов на столь протяженных линиях фронта было под силу главнокомандующему, обладавшему не только значительными практическими знаниями, но и высоким стратегическим талантом. Здравый смысл подсказывал, что такой военный глава должен был иметь неограниченные полномочия и в своей сфере даже превосходить басилея — ведь божественные покровители страны особо содействовали всем доблестным защитникам отеческой земли, а так полагал весь аттический этнос.

Естественно, что создание новой постоянной высшей государственной должности означало реальное сокращение правоспособности монарха. Непререкаемый глава военного ведомства был не только военачальником, он руководил и военно-дипломатической политикой политейи. Видимо, глубокое понимание отличия такого главы военных дел от прежних воевод-стратархов привело к наименованию новой отрасли высшей государственной власти термином «полемархия», носитель же этих полномочий именовался полемархом¹.

¹ Судя по известным трудам Аристотеля, философ не употреблял термины «стратиарх» и «стратарх» (Bonitz H. Index Aristotelicus. В. 1955. s. v.).

Выделение полемархии из компетенции монарха означало эволюционное принципиальное изменение политейи: государственный строй из монархии стал *диархией*, двоевластием. Значение этого сдвига, по-видимому, возросло лишь постепенно; возможно, что при некоторых *басилеях* и в менее напряженные времена полемархи спокойно занимали второе место рядом с царем, довольствуясь лишь ролью помощника. Но традиция укреплялась при слабых *басилеях*, а при росте угрозы значение энергичных полемархов быстро возрастало, особенно если пританей и совет оказывали военному руководителю особую поддержку.

Решусь предположить, что в правление Кодра, длившееся несколько десятилетий, вопрос о разграничении полномочий монарха и полемарха (обе должности были пожизненными, следовательно, личность каждого властителя могла иметь тогда большое значение) к началу 1060-х гг. был несколько упрощен: неотвратимость вторжения требовала согласованных действий обоих властителей. Но Кодр постарался стать во главе аттического войска, побуждаемый, как отметил Платон, стремлением к славе и заботами о сохранении царской власти для своих потомков. Аттическая традиция, использованная таким тонким аналитиком, каким был Платон, несомненно сохранила неоспоримые сведения об участии *басилея* в военных действиях, происходивших вблизи самих Афин. Но доряне захватили многие земли Аттики, и только после поражения в главном сражении они, согласно Страбону (IX, 7) ушли отовсюду, кроме мегарской земли. У Аттики появился беспокойный сосед — Мегары.

Военные заслуги царя Кодра, оцененные исторической традицией, не остановили дальнейшее укрепление значения полемархии. Этого требовала реальная обстановка — ведь доряне прочно обосновались в Мегариде. Допустимо предположить, что сын и преемник Кодра, Медонт, не препятствовал возвышению авторитета своего соправителя-полемарха. Может быть, этот *басилей* не был достаточно боеспособен или его занимали вопросы всего управления Аттикой. Судя по последующим близким событиям, еще при Медонте остро встала проблема дальнейшего преобразования политейи: *диархия* уже не отвечала усложнявшейся государственной системе и развитию новых условий для хозяйственной и духовной деятельности этноса. По-видимому, в пританейоне, совете и в племенных местных собраниях все более энергично выступали сторонники идеи создания новой высшей государственной должности — архонта. Этот

третий главный властитель должен был ведать, как сообщил Аристотель, заново возникавшими государственными делами.

Философ уделил большое внимание должности архонта, также пожизненной (Ath. Pol., 3, 1–4). Автор, отмечая некоторые разногласия своих источников, указал, что должность архонта была установлена в короткое время, то ли при Медонте, то ли при Акасте; что относящие данное событие к правлению Акаста ссылаются на то, что архонты приносят такую же клятву, какой архонт клялся при Акасте и что именно при этом басилее Кодриды передали какие-то свои привилегии архонту. Отмеченные Стагиритом колебания знатоков традиции позволяют предположить, что становление троевластия — триархии — происходило не сразу, но что уже при Акасте была выработана формула клятвы архонта и, что весьма важно, при этом басилее царский род был лишен некоторых полномочий, переданных архонту¹.

Сведения Аристотеля об изменениях аттической политейи и установлении триархии дают основания заключить, что где-то между 1050 и 1010 гг. происходило дальнейшее ограничение полномочий наследственных царей: исполнительная власть была разделена между тремя соправителями — басилеем, полемархом и архонтом. Создание триархии было столь кардинальным шагом в развитии государственного устройства, что следует предполагать участие в нем не только совещательных властей: пританейона и совета. Боевая готовность всего способного к обороне населения Аттики все более поднимала политическое самосознание каждого клана и его ополченцев, что укрепляло авторитет клановых и племенных единиц в политико-правовой деятельности внутри политейи. Быстрота создания пожизненного архонтата, сократившего круг полномочий басилеев, показывает, что самые широкие круги народа были заинтересованы в безотлагательном усовершенствовании государственного устройства, видя в этом лучший способ сохранения независимости всего этноса и его отеческой земли, Аттики.

Следует заметить, что в изучаемый критический период истории Аттики среди ее населения должны были особенно окрепнуть древ-

¹ Аристотель, судя по выпискам из его труда у Гераклида, отрицательно относился к слабым и роскошествовавшим Кодридам (*Heraclicidis Epitoma*. Фг. 3). Страгирит, придавая значение личным качествам монархов, отметил моральный упадок наследственных царей как общее явление (*Aristot.*, Pol., V, 8, 22. 1313a).

нейшие обычаи, обеспечивающие народу его деятельное участие в политической и правовой жизни. Эти старинные традиции были использованы много позднее, когда, как отметил Аристотель (Ath. Pol., 3, 1–4), царская власть была значительно ограничена согласно уступкам самих басилеев или так, как простой народ лишил басилеев ряда их прерогатив.

Осуществление важного принципиального изменения аттической политейи во второй половине XI в. позволяет полагать, что этот крупный сдвиг в системе государственного управления мог произойти лишь при условии поддержки его большинством народа. Ведь установление триархии знаменовало продолжение постепенного перехода от монархической политейи к триархической государственности. И если даже в традиционных древних монархиях царем становился нередко тот, кого все соглашались признать басилеем (Aristot., Pol., III, 9, 7, 1285в 15), то в изучаемое время народ должен был более энергично использовать свои исконные политико-правовые возможности в силу роста внутриаггических осложнений.

Должно отметить, что политическая жизнь всего населения еще долгое время отличалась силою традиционных тенденций. Эволюционное развитие высшего звена государственного управления протекало достаточно медленно. Согласно аттической хронологии, только в 754/3 г. был кардинально изменен срок замещения трех высших должностей: базилей, полемарх и архонт, ранее пожизненные правители стали государственными главами, избираемыми только на 10 лет. Эта дата, выведенная из указания на первый год 7-й Олимпиады¹, позволяет заключить, что в Аттике предшествующие 260–250 лет были временем развития, постепенного и неуклонного, важных основ полиархического государственного устройства.

Столь длительная выработка существенных преобразований монархической политейи, завершившаяся окончательным признанием главенства принципа выборности высших властей полиса, получавших полномочия лишь на 10 лет, показывает, что жившие в те времена 6–8 поколений сумели достичь высокого уровня политико-правового самосознания. Создание новых внутривластных порядков происходило в условиях напряженного труда всего этноса во всех сферах его деятельности. Однако усложнявшиеся отношения между различными слоями и группами населения и различными властными

¹ Busolt G. Griechische Geschichte. Bd II. S. 132–135.

структурами неизбежно отражались на правомочности клановых, земельных и племенных сообществ внутри всей Аттики.

Попутно отметим, что система триархии логично и неуклонно вела к укреплению центристических тенденций в правосознании аттического населения. Находившиеся в Афинах высшие звенья исполнительной и законодательной власти были авторитетами во многих вопросах не только общеполитической жизни, но и в нередко вспыхивавших местных противоречиях между соседними кланами. Можно только предполагать, что иногда вражда возникала при попытке сильных кланов притеснить более слабых соседей — причиной таких споров нередко могли быть не только материальные выгоды, но и обостренное честолюбие аристократов, глав клановых сообществ. Подобные внутренние неурядицы, по-видимому, имели ограниченные размеры и не получили отражения в ранней аттической традиции.

Решающий сдвиг в структуре политейи около середины VIII в. бесспорно указывает на то, что в государственной системе Аттики между приблизительно 1000–760 гг. неуклонно формировались новые общественно-политические порядки. Этнос решительно вытеснял коренные принципы своей ранней монархии — наследственность и пожизненность высших государственных должностей. В аттическом полисе все большую силу получали элементы республиканского устройства, что проявлялось в совершенствовании форм государственного управления.

Судя по общей характеристике политейи, которую приводит Аристотель (*Ath. Pol.*, 3, 1), замещение высших должностей было доступно при десятилетнем сроке полномочий лишь лицам, обладавшим благородным происхождением и богатством *τὰς μὲν ἀρχὰς καθίστασαν ἀριστίῳδην καὶ πλουτίῳδην*. Такая олигархическая форма государственного управления ограничивала круг лиц, которые могли претендовать на избрание. Но в кланах существовали свои выборные должности, доступные рядовым сородичам, которые были обязаны добросовестно выполнять поручаемые им обязанности.

Конечно, внутриклановая деятельность лишь частично касалась общеполитического управления. Но более частыми могли быть контакты с высшими властями по вопросам истолкования тех или иных норм обычного права в важных конкретных случаях. Допустимо предполагать, что не один раз понимание используемой аристократами формулы обычного права вызывало недовольство не только

простых людей, но и более слабой части клановой знати, права которой ущемляли власть имущие.

Все же возникавшие местами противоречия не подрывали, повидимому, прочность политического единства составлявших полис земель и разных слоев населения. Задача укрепления оборонноспособности Аттики, особенно насущная в XI–X вв., неумолимо требовала соблюдения основных принципов обычного права, принятых всем этносом. Можно полагать, что каждый из триархов стремился укреплять правопорядки в подведомственной ему сфере, что способствовало росту авторитета верховных властей полиса и сплоченности всех аттических земель, а также личному успеху самих соправителей.

Однако часть традиционных правовых положений постепенно подвергалась переосмыслению. Выраженные сакрально обоснованными архаичными речениями некоторые установления наполнялись новым содержанием. Ведь изменения реальных условий все сильнее расширяли правовые мысль и практику. Тем самым открывались возможности более углубленного понимания древних правовых положений, хотя формулировки их оставались прежними.

Естественно, что в отдельных областях обычного права создание юридических инноваций протекало неравномерно. В изучаемые столетия правовая деятельность аттического этноса происходила в рамках четырех, определившихся уже при раннемонархическом строе, сфер: общегосударственной политики и отношений локально-племенных, клановых и семейных. Соответственно, в Аттике постепенно формировались с различной степенью разработанности четыре ветви обычного права: общеполисные правовые нормы всего этноса, установления локальных племен и земельных сообществ, а также положения, упорядочивавшие внутриклановые отношения, и постепенно укреплявшиеся обычаи семейных групп, как больших (из трех-четырех поколений), так и малых семей, в одно-два поколения.

Установленная ныне бесспорная непрерывность состава аттического населения в XIII–X вв. и последующих столетиях обеспечила целостность эволюционного развития каждой из ветвей права, хотя сила их поступательного движения временами могла быть неравномерной.

Особенно прочными должны были быть правопорядки семейных отношений: тесная кровная близость членов семейных групп обеспечивала точную передачу правовых положений, определявших

связь поколений. Неизменность коренного населения Аттики¹ создала особенно благоприятные условия для прямой передачи от поколения к поколению не только материальных условий для повседневной жизни (жилищ, орудий труда и т. д.). Предки передавали издавна выработанные основные производственные навыки и традиции, а также культурное наследие. Каждое последующее поколение усилиями своих рационально мыслящих современников умножало число унаследованных и заново созданных точных знаний, морально-правовых ценностей и художественных вкусов. В сложные и длительные времена становления республиканского устройства полиса традиционные духовные сокровища аттического этноса, несомненно, укрепляли его жизнестойкость.

Особо важную роль играли тогда общепринятые правопорядки, определявшие обязанности и права членов каждого сообщества всех уровней, начиная от семейно-клановых единиц и кончая высшим этнополитическим сообществом — аттическим полисом. Заметим попутно, что соблюдение заветов особо выдающихся пращуров, обязательное для их потомков даже среднего умственного потенциала, вооружало последующие поколения знаниями правил профессиональной и политико-правовой жизни. Освященные божественными

¹ Весьма важны данные антропологии об устойчивости состава обитателей самих Афин. Изучение костяков из субмикенского могильника (около 1125–1050 гг.) на Керамике показало, что большинство погребенных там афинян были бесспорными потомками жителей города в ранние времена (*Breitinger E. Die Skelette. S. 223 sq., 253–254*). Вероятно, в Аттику тогда прибывали и уроженцы соседних эллинских земель, принадлежавшие к близким антропологическим группам, что затруднило выделение их в особую группу. Но в те же десятилетия в Афинах длительно жили выходцы из среднеевропейских племен: на участке некрополя под Агорой среди 25 костяков обнаружены 8 черепов альпийского типа (*Angel J. Skeletal Material. P. 296, 300, 322*). Этих пришельцев с севера уже учитывал В. Десборо (*Desborough. Protoegeometric Pottery. P. 297*). Близкие отношения Аттики с племенным миром Европы нашли отражение и в творчестве афинских вазописцев геометрического стиля, как будет показано ниже. Следует особо подчеркнуть: захоронения северян-иноплеменников на могильнике афинских горожан свидетельствуют, что религиозные воззрения самих эллинов и их северных соседей имели много общего. Вероятно, прочнее сохранялись древнейшие представления о загробном мире, и эта общность допускала участие пришлых иноплеменников в кланово-кладбищенском землепользовании в Афинах где-то около 1150–1050 гг.

установлениями семейно-клановые, племенные и общеполисные правопорядки укрепляли устойчивость мироощущения всего этноса и каждой его части.

Развитие полемархии в позднемонархической политейе сопровождалось, несомненно, накоплением новых правовых обычаев и дополнений к старым установлениям. В условиях устной передачи всех норм вопрос о точных формулировках, их знании и точном соблюдении имел первостепенное значение в обществе. Иными словами, проблема правовой дисциплины стояла в ряду важнейших задач всего этноса и каждого его сообщества. Но в период укрепления высших властей полиса — исполнительных (триархов) и совещательных (совета и пританейона) — довольно частыми могли быть несоответствия кланово-племенных правопорядков и вводимых триархами новых установлений. Несогласованность взглядов правоведов разных уровней, государственного и местного, могла нередко содействовать развитию общеполисного и местного правотворчества. Однако возникали и новые трудности.

Изменение государственного устройства путем эволюционного перехода от единовластия к троевластию неизбежно привело к тому, что в политико-правовой жизни этноса увеличилось число категорий субъектов права и, соответственно, расширились полномочия и правоспособность общеполисных властей, союзов местных племен, отдельных племенных единиц и кланов. Этот процесс усложнял задачу координации обязанностей и прав каждого объекта и субъекта права.

Допустимо предположить, что процесс согласования различных правовых установлений проходил не одновременно. Естественно, что традиционные правовые нормы семейно-клановых и племенных образований изменялись и дополнялись сравнительно медленно. Но неуклонный рост общеполисной государственной системы и воздействии менявшихся реальных внешних условий требовали, особенно в XI–IX вв., безотлагательного создания новых правовых установлений и организации необходимых всему полису общих правопорядков.

Аттическая традиция почти ничего не сообщает о раннем периоде истории времен триархии. Сведения Аристотеля, приведенные выше, позволяют заключить, что полисом управляла весьма ограниченная группа олигархов, пользовавшихся пожизненной властью. Однако довольно многочисленные археологические памятники изучаемого времени рисуют картину сложного состояния аттического общества в XI–VIII вв. Материальная и духовная деятельность

всего этноса в указанные столетия отличалась динамизмом и разно-сторонностью. Даже нерегулярные выборы двух триархов порождали борьбу политиков из мощных кланов.

Некоторые яркие факты проливают свет на общий ход тогдашнего развития Аттики. Но вопрос об абсолютных или относительных датах таких событий имеет важное конкретное значение. Поэтому следует предварительно хотя бы кратко остановиться на источниках по хронологии истории Аттики в XIII–VIII вв.

Хронология ранней аттической истории заслуживает пристального отношения, поскольку ныне бесспорно установлена прямая преемственность коренного населения полуострова во II и I тысячелетиях до н. э. Имеющиеся ныне хронологические указания относятся к двум категориям.

Одна — письменные источники. В трудах историков V–IV вв. приведены даты, точные или приблизительные, некоторых важных событий прошлого, иногда согласованные со счетом времени по поколениям или олимпийским календарем. Устные предания о древней истории аттического полиса уже с VI в. начали записывать логографы, определявшие даты по счету предшествовавших поколений. Следует полагать, что в памяти каждого поколения сохранялись воспоминания о самых важных событиях истории родной земли и об их выдающихся предках. Часть этих преданий была использована логографами. Из них особенно известен Гекатей из Милета (около 540–476 гг.), составивший родословные многих эллинских героев, в том числе и аттических. Писатель включил в труд и свою собственную генеалогию, выводя ее в шестнадцатом поколении от божественного предка (Her., II, 148). По-видимому, на рубеже VI–V вв. в Элладе счет поколений в некоторых кланах был весьма устойчивым: семейные хроники хранили память о реальных событиях, случившихся даже за 10–12 поколений пращуров, и Гекатей решил на включение божественного предка лишь в мифическое шестнадцатое звено своего родословия.

Позднее широкое развитие календарных систем во многих полисах сделало особенно важной точную датировку событий. В V в. Гелланик Митиленский использовал в «Аттиде» записи об архонтах-эпонимах. Летоисчислением занимались многие хронографы, среди трудов которых исключительно важна Паросская хроника¹. Имя ее составителя не преведено на дошедших частях текста. Автор этого

¹ IG. XII. Fasc. V. Pars 1. Berolini. 1903. № 444.

документа вел летопись событий, случившихся до 264/3 г. до н. э. (по современной нам системе летосчисления). Паросский хронограф вел счет времени, начав свой труд от самых далеких событий прошлых веков и приближаясь последовательно к установленной им учетной вехе. Он сообщал даты правления аттических царей, начиная с Кекропа, а затем аттических архонтов. Текст хроники был опубликован на мраморной стеле, что указывает на доверие паросских хронографов к афинским преданиям и списку архонтов. Замечу, что базилеи Кодриды в X–VII вв. могли тщательно следить за устной передачей и записями родословия своего клана. Ряд дат по ранней истории Аттики привел Эратосфен (около 275–194 гг.) в своем труде «Хронография». Некоторые относительные хронологические указания сохранились в литературных памятниках: в ахейском эпосе и у писателей V–IV вв.

Вторая категория источников — данные археологии. Сопоставление многих и разнообразных остатков материальной жизни тогдашнего общества Аттики позволяет установить относительную хронологическую шкалу значительных явлений в истории этноса. Ряд пунктов этой стройной системы можно реально связать с известными абсолютными датами эллинского счета по поколениям и с данными египетской хронологии. Например, в гробнице Рамсеса III (1198–1167 гг.) найден сосуд субмикенского стиля, что определяет приблизительные даты изготовления указанной группы керамики. В других случаях появляется возможность установить хотя бы последовательность событий или их взаимосвязи¹.

¹ Геродот, излагая традицию Аттики, сообщает (VIII, 44), что первым царем Афин был Кекроп. Согласно Паросской хронике, Кекроп начал править с 1581 г. (Marm. Pag., Ep. 1, 3–4). Решаюсь выдвинуть предположение: легенды о царях Аттики, правивших в XVI в., могли возникнуть еще в XV в. в то время, когда в Арголиде базилеи Микен достигли уже значительной силы. Владыки Микен, судя по их семейным усыпальницам В и А, около 1650–1500 гг. (*Mylonas. Ancient Mycenae. P. 103–176, 181*) были энергичными воинами и правителями. Несомненно, их имена упоминались во многих аргосских преданиях. Аттические сказители могли усиленно прославлять своего местного базилея Кекропа, стараясь не отстать от микенских знатоков старины. Связи Аттики с Арголидой в XV в. были достаточно постоянными: М. Лэнг отметила, что афинская керамика этого столетия часто весьма близка по формам и декору изделиям гончаров Арголиды (*Lang et al. The Athenian Agora. P. 219*). Вполне естественно, что яркая аргосская историческая традиция оказала влияние на творчество аттических сказителей в XV–XIV вв.

За последние десятилетия археологами была разработана убедительная относительная хронология материальных памятников Эллады, которая показывает последовательность изменений хозяйственной жизни всего этноса и, соответственно, развитие его духовного мира. Устойчивая преемственность исторической эволюции Аттики во II–I тысячелетиях теперь позволяет связать некоторые приближенные даты легендарной традиции с надежными хронологическими свидетельствами материальных источников.

Отметим, к примеру, решение дискуссионного вопроса о столь важной для эллинизма дате, как время похода на Трои. По сведениям Геродота (II, 145) война происходила где-то между 1280–1260 гг. Данные Фукидида ставят ее между 1220–1200 гг. (I, 12, 3; V, 112, 2), с чем согласуется дата Паросского хронографа, указывавшего на 1218–1209 гг. Поздние авторы следовали Эратосфену, его источники допускают поход в 1193–1184 гг. В современной историографии нет определенности¹. Даже Дж. Л. Кэскей полагал, что гибель Трои произошла между 1230–1200 гг., но не раньше.

Наиболее убедительно заключение К. Блегена, который на основе керамического материала определил, что крепость — слой Троя VIIa — погибла в огромном пожаре около 1250 г. или чуть раньше². Эта приблизительная дата окончания осады Трои очень близка к данным традиции, на которые опирался Геродот. Если же обратиться к аргосским преданиям о возвращении Агамемнона и о его смерти в Микенах, о наследовании ему сына Ореста, которому наследовал его сын Тисамен, погибший в битве с дорянами, то все эти события вполне укладываются в период между 1250–1200 гг. Ведь именно около 1200 г. произошли самые крупные нападения завоевателей, во время которых крепости Микен, Тиринфа и Пилоса испытали сильнейшие разгромы³.

Общие сведения исторических преданий Аттики также получили важное значение благодаря некоторым подтверждениям и осно-

¹ Обзор основных точек зрения в историографии перед 1959 г. См.: *Page D. L. History...* P. 70–74, 95–96. Также см.: *Caskey J. L. Archaeology and the Trojan War // JHS. Vol. LXXXIV. 1964. P. 9–10.*

² *Blegen C. W. Troy and the Trojans. P. 20, 160, 163, 174; Blegen C. W., Rawson M. Palace of Nestor. Vol. I. P. 422–423.*

³ *Desborough. Last Mycenaean. P. 221–225; Idem. Dark Ages. P. 19–20.* Однако Микены сохранили часть городского населения и свой «микенский» характер, как отметил Десборо, и только между 1150–1100 гг. город был опустошен окончательно (*Idem. Dark Ages. P. 23–24.*)

вательным дополнениям добытых археологических источников. Именно характер материальной деятельности сохранявшегося коренного населения Аттики ясно показывает его преемственное и последовательное развитие. Естественно, что народ сумел сохранить свои важные исторические предания. Внимание Фукидида к устной аттической традиции было вполне обоснованным — ведь память о прошлых временах и живших тогда предках была священна для всех эллинских племен.

Материальные источники свидетельствуют, что население Аттики уже с середины XVI в. развивало многообразную интенсивную деятельность. Материальные памятники начавшейся тогда эпохи позднебронзового периода, отмеченного развитием «микенского» стиля в керамике, были детально изучены рядом исследователей почти во всех землях Элады, в том числе и в Аттике. Континуитет традиций в металлургии и особенно в гончарном деле позволил ученым создать шкалу относительной хронологии для всей страны. Эта система охватывает XVI–VIII вв. Периоды в этой хронологической таблице обозначены названиями стилей декора керамики, смена которых свидетельствует об интенсивности развития не только художественного ремесла, но и многих сторон всего производства и, особенно, духовного мира аттического этноса.

Ниже относительное летосчисление будет использовано довольно часто, что делает необходимым изложение его создания. Для материковой Элады начало было положено периодизацией микенской керамики, разработанной А. Фурумарком¹. Его классификацию продолжили В. Десборо², Дж. Колдстрим³, А. Снодграсс⁴, схемы которых были лишь частично дополнены исследователями 1970–1980-х гг. Даты некоторых авторов разнятся на 10–20 лет, но отдельные колебания не меняют общей картины развития. Приводя относительную хронологическую периодизацию, напомним, что к каждой дате относится оговорка «около». Следует заметить, что в некоторых землях

¹ *Furumark A. The Chronology of Mycenaean Pottery. Stockholm, 1941. Passim.* Более подробное изложение работы А. Фурумарка и других ученых по хронологии Элады во II тысячелетии см.: *Блаттская Т. В. Ахейская Греция. М., 1966. С. 19–21.*

² *Desborough V. Protogeometric Pottery. P. 291–296.*

³ *Coldstream J. Greek Geometric Pottery. P. 330; Idem. Geometric Greece. P. 385.*

⁴ *Snodgrass A. Dark Age. P. 160 sq, 122–123, 134–135.*

Поздне-Элладский III период длился дольше, чем, например, в Аттике или Арголиде. Поэтому в своей схеме А. Фурумарк доводил Поздне-Элладский III С период до 1075–1025 гг.

Хронологическая последовательность смены стилей в керамике Аттики.

Субмикенский стиль	1125/110–1050/1040
Протогеометрический	1050/1040–900
Раннегеометрический	900–850
Среднегеометрический	850–760
Позднегеометрический	760–700

Около 710/700 гг. в Аттике вырабатывают Протоаттический стиль, развивавшийся приблизительно до 630 г. Следовательно, это художественное направление сменилось очень быстро после движения Килона в 632/31 г.

Приведенные приблизительные даты смены стилей в аттическом прикладном искусстве убедительно показывают, сколь динамичным было развитие гончарного мастерства и художественного творчества работников этого наиболее массового вида производства. Ведь изделия скудельников должны были соответствовать повседневным запросам всех слоев аттического населения. Поэтому мастера быстро и точно улавливали изменения вкусов и требований общества своего времени. Специфика именно их ремесла позволяла гончарам гармонично сочетать традиционные и вновь возникающие направления художественно-технологической мысли. Идеи керамевсов влияли, как известно, на другие виды прикладного искусства.

Следует особо отметить, что уже с середины XI и в X в. почти каждое поколение мастеров вносило заметный творческий вклад в создание новых элементов декора и форм керамических изделий. На это указывает выработанная В. Десборо¹ схема трех фаз протогеометрического стиля:

- 1) начальная, экспериментальная — около 1025–980 гг.;
- 2) фаза зрелого протогеометрического стиля — 980–960 гг.;
- 3) поздний протогеометрический стиль — 960–900 гг.;
- 4) переход к геометрическому декору — 900–875 гг..

¹ Desborough V. Protogeometric Pottery. P. 294.

Интенсивность или замедленность художественной инициативы керамевсов была, естественно, связана, причем органически, с переменами, происходившими в идеологических взглядах обитателей Аттики. Замеченные сдвиги могли быть различными по своей направленности и силе движения, но принципиально они отвечали как общим течениям в мировоззрении всей Аттики, так и некоторым тенденциям отдельных групп ее жителей. Решаюсь утверждать, что эволюционный ход развития художественной мысли раскрывает многие характерные черты духовного мира всего этноса и силу его внутреннего единства, особенно заметного до середины X в.

Имеющиеся источники доставляют некоторые сведения о процессах, развивавшихся в политико-правовой жизни аттического населения. Эти данные отрывочны, но все же они позволяют отметить некоторые особенности движения в сфере правовых воззрений.

Примечательно, что археологические источники свидетельствуют о том, что проведенная, согласно преданиям, около 1266 г. реформа басилея Фесея, стремившегося синойкизмом создать Афинам исключительно главенствующее положение, уже в конце XII в. была существенно подправлена реальными требованиями хозяйственной жизни земли. Установленный Фесеем правопорядок (Thuc., II, 15; Plut., Thes., 24) в некоторых местностях, видимо, не удержался.

Основание для подобного утверждения дает открытие обширного некрополя, датируемого 1190–1075 гг., исследованного у современного городка Перати на восточном побережье Аттики. Там находится бухта, открывавшая морские пути на Евбею, Андрос и другие острова¹. Городские слои еще не исследованы, но данные могильника позволяют утверждать, что уже во второй половине XII в. здесь обитало многочисленное население. Было вскрыто около 600 погребений в склепах, только № 111 представляет собою фолос. Главенствовал обряд трупоположения, лишь в 10 камерах обнаружены 18 кремированных захоронений. Единообразие могильника ясно отражает строгость общественного устройства. На это указывают тесное расположение правильных рядов погребений и единство конст-

¹ Могильник Перати в 1893 г. начал копать В. Стаис, но только в 1953–1964 гг. основное исследование провел С. Е. Яковидис См.: *Ἰακωβίδης Σπ. Περὰ τῆ: τὸ νεκροταφείον. ΒΑ', Β', Γ'.* Ἀθήναι 1969–70 гг. Ежегодные хроники результатов раскопок, публиковавшиеся в JHS и BCH, содержат наиболее важные источники, открытые С. Яковидисом.

рукции небольших склепов с короткими дромосами. План некрополя отражает существовавшую практику всех слоев населения экономно использовать кладбищенский участок земли, бесспорно общей.

Упорядоченность могильника Перати дает основания полагать, что обитатели этого приморского городка неизменно следовали своим местным обычным правопорядкам в столь существенной сфере, как обряд погребения. По-видимому, основные мирские правопорядки и положения обычного права соблюдались достаточно строго и столь же последовательно. Весьма ясно проявляется сила клановых уставов, доминировавших над влияниями ужесточавшейся действительности: бедных и богатых сородичей погребали неизменно в тесном соседстве. Правда, первых было не так много — среди склепов благоденствовавших семей открыты лишь 26 скромных грунтовых могил.

И все же уже с последней трети XII в. экономическое неравенство внутри кланов постепенно возрастало, оно полностью проявилось в погребальном инвентаре захороненных между 1100–1075 гг. горожан. Семьи, занимавшиеся морскими промыслами и ремеслами, снабжали своих усопших родичей ценными заупокойными дарами, тогда как малоимущие горожане имели возможность поставить лишь посуду общепринятых типов, преимущественно недорогие псевдостоимии.

Имущественное неравенство проявлялось весьма ясно и, можно сказать, весьма настойчиво. Так, один из погребенных в склепе № 131 получил весьма ценный набор орудий труда: добротный бронзовый крюк и 47 массивных свинцовых грузил для рыболовной сети¹. Видимо, семья покойного удачно занималась морскими промыслами и могла достойно соблюсти права личной собственности погребаемого родича.

В склеп № 147 богатой горожанке положили не только обиходные вещи, но и значительные драгоценности: ожерелье из золотых бус, которые перемежались с бусами из полудрагоценных камней, янтаря и стеклянной пасты, а также 4 золотых подвески и египетского скарабея². Золотые украшения в меньшем количестве встречены и в других захоронениях — видимо, довольно многие семьи выделялись своим благосостоянием. Привозные вещи в некоторых склепах показывают, что моряки из Перати бывали на Наксосе и других Кикладских островах, на Крите, на Кипре. Из Египта сюда привозили

¹ *Daux G. Chronique des fouilles 1961. P. 664, 668. Fig. 26.*

² *Daux G. Chronique des fouilles 1963. P. 696–698. Fig. 3–5.*

скарабеев (один с картушем Рамсеса II, 1292–1234) и терракотты, из Сирии — терракотты.

Сп. Яковидис считает, что весь некрополь служил трем поколениям, и отмечает изменения их благосостояния: около 1190–1185 по 1165–1160 гг. жители Перати имели средний достаток, время с 1165–1160 по 1100 гг. было периодом процветания городка, тогда как в 1100–1075 гг. произошло быстрое, без какой-либо видимой катастрофы, увядание этого приморского центра. Запустение Перати за время жизни одного поколения и быстрота оттока жителей свидетельствуют, что местное сообщество энергично и деловито подчинилось требованиям реальной действительности и каким-то новым установлениям, обязательным для всех горожан.

Такая сплоченность в столь кардинальном вопросе, как переселение всех обитателей, должна быть особо оценена. Ведь люди покидали не только свои жилища — они оставляли могилы предков и священные места богопочитания. Несомненно, такая прочность взаимной обязательности жителей городка и неуклонное соблюдение общих правил могли иметь силу в условиях указов местных городских властей. И хотя в городке, вероятно, находился назначенный басилеем глава местного управления, возможно, из тамошней родовитой аристократии, однако насущными вопросами городской жизни должен был весть низовой орган управления. Интенсивная деятельность мореходов, рыбаков и ремесленников в этом приморском центре нередко требовала неотложного и авторитетного решения возникавших повседневных проблем. Естественно, что только обладавшие достаточным пониманием местных дел городские власти могли правильно решать сложные вопросы жизни горожан, не ожидая распоряжений из царской управы.

В отдаленных горных районах с агрিকультурным хозяйством, которое жители вели на основе многовековой традиции, также следует ожидать существования каких-то звеньев местного управления, оставшихся после реформы Фесея. Соблюдение традиционных порядков и координирование клановых и племенных правовых обычаев входили, бесспорно, в компетенцию местных властей.

Несмотря на различия, в обоих предполагаемых случаях именно кланово-племенное самосознание должно было оказывать всемерную поддержку уцелевшим местным органам власти и поддерживать развитие общих правовых уставов своей округи. Следует полагать, что именно сила низовых земельных властей, опиравшихся на кла-

ново-племенные порядки, способствовала успешной военной мобилизации Аттики вскоре после 1200 г. Ведь двигавшаяся с севера мощная рать была организована по старинной эллинской системе, создававшейся еще в домонархические времена. Войско аттических противников было сплочено правилами военного семейно-кланового права и особую силу ему придавало то, что, как напоминал Нестор, каждый ополченец сражался вместе с родней — *κατὰ σφέρας ὑὰρ μαχεύονται* (II, II, 362–363). Столь мощная армия была трудно одолимой для сравнительно ограниченных военных сил Аттики.

Выше я останавливалась на том, что выдающиеся военные мыслители средней и южной Эллады давно понимали силу противника и развивали не только фортификационное строительство, но и укрепляли структуру пешего войска. На это ясно указывают сходные изображения отрядов пехотинцев на знаменитых «Кратерах воинов» из Микен и Иолка.

В Аттике, после разгрома крепости Микен около 1200 г., проблема усиления пешего войска должна была приобрести исключительное значение. Неизбежным следствием было особо внимательное отношение к правовым нормам, регламентировавшим состав каждого кланового и племенного отряда, а также место каждого подразделения в едином массиве аттического ополчения. Архаичная военная система ожидаемого противника требовала не только отказа от боевого порядка царских армий, в которых колесничные отряды составляли весомую часть. Полностью непригодной стала теперь практика поединков, в которых единоборство выдающихся воинов решало исход военных действий.

Характер дорийского войска ясно показывал, что успешно противостать ему могла только армия, состоящая из сплоченного массива пехотинцев, выставленных кланами и племенными сообществами. Естественно, что относившиеся к этим подразделениям традиционные военные обычаи должны были быть укреплены и развиты соответственно грозной опасности, надвигавшейся на Аттику после 1150-х гг.

Рост значения военно-правовых установлений непосредственно сказался на правоспособности и правопорядках местных частей монархии. Кланы и племена должны были обеспечить поставку отрядов в общеаттическое войско, а также усилить местную оборонную способность. Выполнение этих задач требовало интенсивной управленческо-правовой деятельности всех видов властей в каждой

округе. Несомненно, в это время должны были оживиться традиции локального единства и, как следствие, могли укрепиться местные правопорядки и значение ведавших ими низовых властей. Рассказ Фукидида (II, 15) о том, что до Фесея в городках действовали местные власти — пританы и булевтерии — показывает, что достоверная аттическая традиция хранила бережные воспоминания о давних формах самоуправления. И после реформы базилея в каждом местном центре должны были действовать низовые органы общего управления, ведавшие заботами об общих локальных святилищах, которых в Аттике было очень много¹, и о поддержании принятых в каждой местности политико-правовых установлений. Бесспорно, особенности местной жизни могли питать тенденции к обособлению некоторых земель. Но угроза дорийского вторжения была столь реальна, что частные интересы быстро отступали перед необходимостью прочного общеаттического единства. Упрочению этого единства способствовал рост государственной системы — политея поздней монархии должна была воспринимать ряд требований реальной действительности.

Красноречивые свидетельства доставляют изменения облика царского стольного града — Афин. После 1250-х гг. оборонительные стены Акрополя были усилены и во многих местах перестроены; у главных ворот крепости теперь возвели бастион, а ее боковой вход заложили. Тогда же с Акрополя был проведен подземный ход с лестницей, ведшей вниз к обильному подземному источнику. Особенно важно удлинение участка оборонительной стены, что позволило увеличить площадь крепости — теперь она могла вместить большее число жителей. Проведенные к началу XII в., эти работы обеспечили безопасность не только базилея и высшей знати, но и какой-то части горожан и окрестных сельчан².

Допустимо предположить, что основательное крепостное строительство потребовало переселения в пригородные слободы большого числа искусных ремесленников и архитекторов из всех земель Аттики.

Не только строители, но и ремесленники других профессий могли увеличить число населения Афин. Необходимость усилить общеаттическое ополчение требовала расширенного производства пред-

¹ *Busolt G. G.* Bd II. S. 76–82.

² *Broneer O.* What happened at Athens // *AJA.* Vol. LII. 1948. P. 111–114.

метов вооружения для каждого пехотинца. Изготовление качественного наступательного и оборонительного вооружения того времени было доступно, вероятно, мастерам высокой квалификации, работавшим в стольном граде и в ряде мастерских окружных городков. Качество оружия было особенно важно — ведь рать, в основном, состояла из отрядов пехотинцев, имевших однотипное оружие и доспехи. Уже упоминавшийся Кратер воинов из Микен, датируемый около 1200 г., был расписан художником, уделившим пристальное внимание военной готовности и собранности изображаемой им вереницы воинов. Однако каждая фигура наделена чертами своей индивидуальности¹. Несомненно, и в Аттике в 1200–1160-х гг. верхи монархии проводили аналогичную организационную деятельность в армии, комплектуя ее из отрядов ратников, членов клановых и племенных сообществ. Это был массив достаточно многочисленных средних слоев населения, понимавших реальность опасности и значение своего военного потенциала². Естественно, что политико-правовое положение населения, поставлявшего основную массу ополченцев, должно было постепенно крепнуть.

Реальным и неизбежным результатом таких сдвигов в самосознании аттического общества должно было стать эволюционное изменение монархической политеи. Точных данных о каждом звене процесса дальнейшего созревания аттического государства предания не сохранили. Но традиция сообщила главные результаты политико-правовой деятельности этноса в первой половине XI в., что позволяет предполагать усложнение отношений верхов монархии со значительной частью кланово-племенной аристократии.

Следует напомнить, что уже в XII в. в Аттике царская власть испытала крупные потрясения. Об этом сообщают исторические

¹ *Marinatos*. КМН. Abb, 233. Сходный ряд воинов представлен на более раннем кратере из Иолка. См.: *Snodgrass A. Arms and Armour*. P. 30, 32, 58; *Hood M. S. // AR for 1961–62*. P. 14. Одинаковое построение ополченцев в Фессалии и Арголиде свидетельствует об устойчивом единстве военных правопорядков в этих землях.

² В те времена военные конфликты обрушивались не только на Элладу, но и на жителей соседней Македонии. Так, начатые в 1975 г. исследования многослойного холма в районе современной Лангады (около 20 км к северу от Фессалоник) показали, что там около 1150 г. густо застроенный городок был разрушен и сожжен (*AR for 1988–89*. P. 64–65). В предшествующие почти 100 лет его население имело постоянные контакты с Микенами.

легенды Аттики, сохраненные поздними авторами. Однако характер основного зерна этих преданий таков, что их нельзя считать творениями поздних панегиристов. Напротив, эти воспоминания содержат сведения народа о пережитых им трудностях, которые были вызваны необычной сменой царствовавшего монарха. Еще где-то около середины XIII в. вернувшийся из Троянского похода Менесфей, известный афинский военачальник¹, сверг Фесея и воцарился сам. Но после смерти Менесфея к власти пришел сын Фесея, и его потомки продолжали править Аттикой.

Однако последний Фесеид не смог удержаться у власти — в войне с беотянами решающую победу одержал изгнанный дорянами из Мессении царевич Меланф, член клана правивших в Пилосе Нелеидов. Победив, он воцарился в Аттике. Его наследником стал его сын Кодр². Столь частая смена басилеев, бесспорно, могла иметь место в условиях постепенного ослабления авторитета посредственных царей и соответственного сокращения их полномочий. Допустимо предположить, что устранению Фимойта, последнего Фесеида, весьма способствовали разногласия внутри населения Аттики. Достаточно многочисленные и сплоченные родовитые беглецы из Пилоса могли привлечь на свою сторону большинство населения столярного града и его окрестностей, уже давно связанных с деятельностью высших кругов. К тому же все земли Аттики были кровно заинтересованы в том, чтобы у власти стоял боеспособный царь. Но население аттической хоры, особенно местная знать, не смогло, видимо, безоговорочно воспринять главенство бежавшей из Мессении семьи Нелеидов и их окружения. На это указывают известные события, имевшие место где-то около середины XI в., судя по хронологиям Евсевия и Синкелла³. Отмечу: столь крупные общегосударственные

¹ Именно Менесфей командовал афинским ополчением под Троей и был там заметной фигурой, судя по упоминаниям в эпосе (II, II, 552; IV, 327; XII, 331; XIII, 195). Плутарх (Thes., 32; 35) и Павсаний (I, 1, 2; 3, 3; 17, 5–6; II, 25, 6; III, 18, 5) пишут о воцарении Менесфея и приводят ряд подробностей этого события, бесспорно сочиненных позднее. Поэтому достоверным можно считать лишь факт перехода высшей власти к Менесфею.

² Her., V, 65; Strab., IX, 1, 7. С 393; XIV, 1, 3. С 633; Paus., II, 18, 9.

³ Их даты приводит А. Сэмюэл (Samuel. Chronology. P. 195). Разница вариантов в 30 лет, вероятно, порождена неточностью в счете времени на одно поколение. Но это не меняет общей приблизительной даты — первая половина XI в.

сдвиги, как отмена полновластия басилеев вскоре после гибели царя Кодра и начатый Нелеидами вывод апойкий из Аттики в Малую Азию, бесспорно, были следствием сложившейся тогда в обществе непростой ситуации.

Следует принимать во внимание недостаточность земельного фонда и скудость аттической почвы, которые ограничивали возможности поселения значительных групп новых жителей. Фукидид подчеркнул, что страна была всегда заселена теми же самыми обитателями (I, 2, 3–5) — это позволяет предполагать, что земледельцы и скотоводы давно и прочно освоили доставшиеся им земли; вряд ли владельцы наследственных угодий были склонны уступать их пришельцам без должных оснований. Естественно, что вопрос правоспособности каждой группы населения должен был неоднократно обсуждаться и решаться, особенно права на землю.

Фукидид прямо указал, что в Аттику из-за войн и междуусобий переселялись самые могущественные люди (I, 2, 6). Знатные иммигранты заняли подобающее им место среди аттической знати: Олорид, употребляя термины своего времени, сообщил, что они сразу становились гражданами, *πολίται*. Это свидетельство показывает, что местная и прибывшая в Аттику знать пользовалась одинаковыми правами. Такое равноправие обеспечивало Аттике активное участие боеспособных переселенцев в обороне всего полиса. Предание о победе Меланфа над беотийским басилеем доставило ему царскую власть по праву — видимо, традиционное обычное право эллинства включало и установления, касавшиеся боевых обязанностей царей. Именно основные правовые понятия аттического населения, восходившие еще к миропониманию ионян времени их развитого племенного быта и раннемонархической государственности, сделали не только справедливой, но и реальной смену царственного властителя Аттики.

Здесь вновь подчеркнута необходимость особенного внимания к аттической традиции о последовательности сменявшихся в Афинах царей и об именах басилеев в XIV–XIII вв. Эту устную хронологию вели и передавали от поколения к поколению сказители или пусть только официальные богослужители. Но все они были ответственны перед очередным басилеем, носителем высшей сакральной власти в Аттике. И если какой-либо слабоумный Кодрид мог забыть имена сподвижников своего прославленного предка, то его имя и значение для сохранения независимости Аттики он, вероятно, все же хорошо помнил и следил за точными упоминаниями.

Но еще лучше эти предания сохраняли и передавали своим преемникам многочисленные служители общеполисных культов: ведь преемственность сакральных воззрений II–I тысячелетий была исключительно прочной. Пилосские документы конца XIII в. или самого начала XII в., открытые на полу погибшего дворца вместе с керамикой LH III C I, которую датируют от 1200/1180-х до 1100/1075 гг. (по определению Сп. Яковидиса в 1970 г.) свидетельствуют, что, как отметили М. Вентрис и Дж. Чэдуик¹, там почитали Зевса, Геру, Посейдона, Артемиду и, судя по личному имени человека, божественного кузнеца Гефеста. Эти документы привели обоих ученых к выводу, что пилосский базилей имел значительное число помогающих ему богослужителей.

Столь многочисленный круг помощников в сакральных обязанностях пилосских базилеев позволяет утверждать, что и в Аттике Меланф должен был иметь хотя бы очень узкий круг серьезных знатоков не только богослужебных обрядностей и мифов, но и сакрально-светских преданий о деятельности базилеев в государственной жизни. Бесспорно, сам Меланф и его ближайшие потомки, будучи пришедшими из Мессении царственными переселенцами, старались напоминать коренной клановой знати Аттики, да и всему народу, о своем высоком происхождении и о доблестной победе Меланфа над беотийским базилеем. Авторитет всего клана возрос еще выше после славной смерти Кодра во время вторжения дорян около 1066 г. Доблесть предка обеспечила Кодридам сакральное главенство в Аттике вплоть до 683/2 г.

Но высшие полномочия в военном и гражданском управлении были уступлены уже внуком Кодра, Акастом, после 1048 г. Допустимо предположить, что колоссальное значение этого ограничения власти базилеев могло заставить самого Акаста и последующих Кодридов особо тщательно беречь имена своих родичей-базилеев и хронологические вехи их правления. Ведь преобразование единовластия в троевластие в тогдашнем кланово-патриархальном обществе наносило определенный ущерб авторитету Кодридов. Бесспорно, данный шаг базилея был вызван сильным нажимом на него со стороны весомой группы афинских аристократов. Видимо, противоречить их требованиям Акаст не решался.

Трудно судить о причинах его согласия на столь важное сокращение полномочий монарха. Допустимо все же предположить, что

¹ Ventris M., Chadwick J. Documents. P. 125–127, 128, 140, 261.

внук Кодра реально оценивал политическую обстановку не только в верхах, но и настроения всей массы аттического населения.

Решаюсь утверждать, что следует с большой осторожностью обобщать беглое сведение Гераклида Понтийского, кратко изложившего некоторые разделы «Политики» Аристотеля. В своем извлечении Гераклид говорит об изнеженности и слабодушии Кодридов, сообщая только, что дочь басылея Гиппомена—Кодрида, бывшего архонтом-басылеем в 723–714 гг., была предана смерти своим отцом за распутство (Heraclid. Pont., Pol., 3). Поскольку в трудах Аристотеля имя Гиппомена не упоминалось (сужу по указателю Г. Бонитца и по тексту Афинской политики), постольку сведения Гераклида могли отражать представления его самого о моральном облике поздних Кодридов.

Что касается характеристики Медонта и Акаста, правивших около 1066–1048 и 1048–1012 гг., то отношение к ним могло быть весьма неодинаковым. Вероятно, заслуги их предков, Меланфа и Кодра, неизменно поддерживали авторитет царственного клана, и подавляющее большинство аттического населения положительно относилось к ранним Кодридам. Доказательством этому служит то, что верховная сакральная власть принадлежала потомкам Кодра в XI и в последующих четырех столетиях.

Однако задачи военно-политического управления полисом были изъяты из ведения Кодридов при их согласии. Этот факт, сохраненный аттическими преданиями, указывает на основательный и разумный подход к решению жизненно важных вопросов существования Аттики. Ведущие политические деятели коренного населения смогли убедить этих басылеев в необходимости раздробления полномочий единовластного монарха, поскольку реальная действительность все более усложнялась. Допустимо предположить, что выдающиеся умы из числа знати могли весьма опасаться возможного укрепления позиций Кодридов и их наступления на привилегии коренной аристократии. Возможность дорийского вторжения также требовала глубокого понимания военно-политических трудностей развития Аттики, что не полностью было доступно единственному носителю верховной власти.

Примечательно, что Акасту был предоставлен высший авторитет в сакральной сфере, в которой безоговорочно господствовали воззрения общеэллинского этносакрального единства. Но управление

внутриаттических делами было поручено двум отдельным должностным лицам, ведавшим только военными вопросами и только гражданскими делами. Можно полагать, что пожизненное исполнение обязанностей полемарха и архонта стало привилегией членов знатнейших аттических кланов.

Однако сакральное главенство Медонта и Акаста было непрерываемым, что заставляет отбросить всякие подозрения относительно их репутации. Следовательно, в Аттике тогда существовали соображения другого рода, определившие столь важное ограничение полномочий басилея. Решаюсь предположить, что все аттическое население во второй половине XI в. одобряло коренное изменение своей политейи, решительно отказавшись от возможного восстановления полновластия монарха. Правда, титул басилея был оставлен, но его значение ограничили. Оживала память о былом народоправии?

Возможно, что энергия Кодридов и сплоченность их царственно-го клана несколько способствовали усилению глубины изменений. Ведь вся Эллада знала предания о том, как в конце XIV — начале XIII вв. вселившаяся из Фессалии в Мессению новая династия решительно перестроила пилосский вышгород: около 1300 г., по определению К. Блегена¹, палаты предыдущих басилеев и соседние с ними жилые дома были разрушены, поверхность холма выровняли и построили на пилосском акрополе обширный новый комплекс царского дворца. Уже спустя лет 90 владыки Пилоса довели, судя по документам их экономов, систему управления своей монархией до высокой степени сложности. Потомки басилея Меланфа и знатных лиц из его окружения, несомненно, весьма дорожили преданиями о благоденствии пилосских монархов и, возможно, неумеренным высокомерием внушали аттической знати серьезные опасения за свое положение. Но не только верхи аттических кланов были заинтересованы в преобразовании политейи. Глубокие сдвиги в мирозерцании всего эллинского массива оказывали значительное воздействие на идеологию разных слоев населения Аттики.

Некоторые данные о сложном историческом развитии Аттики в изучаемое время, приблизительно с последней четверти XII в. и далее, доставили археологические источники. Они достоверно освещают ряд сторон духовной и хозяйственной деятельности разнослойного аттического общества.

¹ *Blegen C., Rawson M. Palace of Nestor. Vol. I. P. 31–32, 423.*

Особенно важны сведения из Афин, ясно выделявшегося главного аттического центра. Тщательные археологические исследования отдельных участков города раскрыли некоторые существенные черты жизни не только горожан, но и всего аттического общества. Изложим ниже наиболее значимые материальные источники.

Многолетние исследования могильника, над которым позднее располагался городской район Керамик, привели исследователей к выводу, что на северном берегу реки Эридана в субмикенское время, около 1125–1050-х гг., находился участок некрополя, где погребали членов одного сплоченного сообщества¹. Оно тщательно соблюдало общепринятый обряд захоронения своих сочленов. Даже применение нового способа погребения где-то в 1090–1080 гг. не нарушило характера традиционной общности. Правда, это были лишь три могилы, в которых совершили обряд кремации, причем урну с останками поставили на дно глубокой могилы². Но основная масса захоронений, датируемых приблизительно 1150-ми гг. — началом XI в., совершалась по обряду трупоположения в глубокой могиле.

В. Крайкер, исследовавший этот обособленный участок некрополя, указал важное отличие его плана от устройства микенских кладбищ: все могилы здесь расположены строго параллельно, они имеют одинаковую ориентацию и разделены равными промежутками. В каждой хоронили по одному покойнику. Заупокойные дары многочисленны и довольно скромны, причем многие погребения — 44 из 106 — не имели никакого инвентаря³. В. Крайкер привел в качестве ближайшей аналогии этому афинскому могильнику некрополь почти того же времени на острове Саламине: там также более чем сотня погребений была планомерно расположена семью параллельными рядами. Часть керамики саламинского могильника указывает на большее значение микенских традиций. Однако в общем саламинские и афинские находки относятся к одному периоду времени⁴. Анализируя строго упорядоченную планировку субмикенс-

¹ Греческое Археологическое общество начало раскопки в Керамике еще в 1880-х гг. Но самые крупные и длительные работы провели археологи Германского Археологического института. Результаты работ опубликовали В. Крайкер, К. Кюблер и другие авторы в серии *Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen*. Bd I–VI. Berlin, 1939–1959.

² *Kraiker W.* // *Kerameikos*. Bd I. S. 10, 29, 32, 36 — могилы № 56, 67, 75.

³ *Ibid.* S. 50–88, 163.

⁴ *Ibid.* S. 7, 134.

кого некрополя на Керамике, В. Крайкер пришел к выводу, что создавшее этот могильник сообщество имело четкое устройство и возглавлялось сильной властью (Ibid. S. 6). Это весьма аргументированное суждение можно несколько дополнить.

Материалы из изучаемого могильника, в котором погребали взрослых обоого пола и детей, показывают, что в нем погребали кровных родичей независимо от пола и возрастов. Структура могил указывает на ухудшение материального положения членов сообщества: самые ранние погребения совершали в каменных плитовых ящиках; более поздних покойников хоронили в простых грунтовых ямах, таких — 27. Три захоронения по обряду кремации, относящиеся к позднейшим могилам, показывают бесспорную общность характера инвентаря и устройства этих могил с традициями погребального дела предшествующих десятилетий.

Отмеченное В. Крайкером единство обрядов сообщества, которое использовало могильник не менее 50–70 лет, позволяет заключить, что изучаемый некрополь принадлежал трем поколениям одного клана. Строгая упорядоченность могильника и неизменность ряда общих черт обряда вполне соответствуют общеизвестной устойчивости обычаев клановых корпораций, которая издавна обеспечивала жизнеспособность кровнородственных объединений. Клановые обычаи того времени признавали различия весомости положения отдельных членов кровной группы — на это указывают памятные камни, которыми были отмечены здесь многие могилы.

Могильные древности изучаемого некрополя показывают, что погребенные там афиняне были далеки от военной деятельности: никто из боеспособных усопших сородичей не был снабжен ни одним предметом вооружения. Нельзя объяснить это явление бедностью всего клана и строгим правом наследования оружия. Некоторые семьи имели достаточные средства: например, погребенная в могиле № 46 женщина получила для загробной жизни золотую ленту¹. Видимо, в обществе еще сохранялось преимущественное право аристократии на военную деятельность, весьма соблюдаемое знатью в ахейских монархиях. Так, в богатых микенских склепах XIV–XIII вв. довольно обычны предметы наступательного и оборонительного вооружения². Афинская знать тех же веков, погребавшая родичей в

¹ Kraiker W. // Kerameikos. S. 81.

² Wace A. Мусенае. P. 14–16.

семейных склепах¹, тоже снабжала их оружием для загробной деятельности².

Очевидно, позднее, в 1125–1050-х гг., в субмикенский период, группа среднего слоя афинских ремесленников была освобождена от ратной повинности. Возможно, это была семья мастеров-оружейников. Следует полагать, что и последние Фесеиды, и сменившие их Нелеиды (Меланф и Кодр) старались поддерживать сложившиеся профессиональные разграничения между различными слоями общества: в условиях длительной военной опасности нарастала необходимость в более качественной работе всех отраслей хозяйства. Естественно, что монархия поощряла разумное обособление различных специальностей. Прочные семейно-клановые профессиональные связи содействовали развитию этих тенденций.

Традиционное монархическое устройство издавна опиралось на весьма многочисленные аттические кланы — эти образования занимались преимущественно своими внутренними вопросами, нередко их участие в крупных событиях внутри царства могло быть ограниченным. Однако политическая неустойчивость во всей Элладе в XIII–XI вв., несомненно, повлияла на мироощущение и психологию самых широких кругов населения Аттики. Например, своеобразная планировка и некоторые особенности афинского кладбища на Керамике позволяют заключить, что в XII–XI вв. местные горожане не оставались инертной массой и развили целеустремленную деятельность по совершенствованию внутриклановых и общегородских отношений, что вело к уточнению ряда ритуальных обычаев.

Клан, владевший некрополем на Керамике, строго рационально размещал могилы на принадлежавшем ему участке земли, непригодном для земледелия в силу почвенных условий. Правильная и очень экономная планировка кладбищенского участка позволяет с уверенностью утверждать, что создавшее ее родственное объединение

¹ Особо важны данные о погребениях знати в одном из склепов на северном склоне Ареопага (*Thompson H. A. The Excavation of the Athenian Agora, Twelfth Season: 1947 // Hesperia. Vol. XVII. 1948. P. 149, 155–158.*

² В камере (открыта в 1947 г.) сохранились два захоронения, мужское и женское. Среди подобающих ему даров воин получил два великолепных бронзовых клинка длиной в 0,74 и 0,50 м и такой же массивный кривой нож с ручкой. Это погребение Г. Томпсон отнес ко времени после 1350 г. Лет на 25 раньше предлагает его датировать И. Хилл (*Hill I. Ancient City of Athens. P. 18–19.*)

столь же ответственно использовало все принадлежавшие ему плодородные участки земельного фонда. Возможно, что отсутствие заупокойных даров в 44 из 106 сохранившихся могил указывает на рост числа малоимущих родичей к середине XI в. Это экономическое неравенство могло быть порождено различиями земельных наделов некоторых семей или отсутствием работоспособных членов в том или ином доме. Смерть старших сородичей могла быстро привести к разорению их оставшихся малолетних потомков.

Несмотря на явные признаки ухудшения благосостояния некоторых семей, эти родичи пользовались защитой общеклановых норм и установлений, определявших практическое равенство всех членов кланового сообщества в области его религиозных верований и обрядов. Общность кладбища и применение одинакового погребального обряда свидетельствуют, что в субмикенские времена все члены данного афинского клана выступали равноправными субъектами в отношениях с божественными силами. Учитывая органическую связь религиозных установлений народа с другими разделами обычного права тогдашнего эллинства, следует уверенно полагать, что основные традиционные нормы кланового права продолжали обеспечивать соблюдение принципа равенства всех сородичей не только в потусторонней, но и в реальной жизни.

Естественно, что строго упорядоченная равность членов клана делала такое сплоченное сообщество прочной социальной единицей во всех областях Аттики, не только в Афинах. Отграничение каждого клана от других развивало у его членов сознание значимости их сообщества не только для них самих, но и для благополучия всех племен Аттики. Движение государственно-правовой мысли, бесспорно, заставляло все население заботиться о целостности и независимости аттической монархии, положение которой в тревожное время, описанное Фукидидом (I, 12), становилось все более трудным. В этих условиях непременно должен был произойти перелом в отношении широких кругов народа к установившейся в монархии практике комплектования аттического войска и главной роли в нем знатных воинов. Боеспособные и разумно мыслящие земледельцы и ремесленники понимали, что сравнительно немногочисленные воины-евнатриды на колесницах не смогут противостоять мощному натиску дорийской пехоты.

Очевидно, последние базилеи из клана Фесеидов не меняли военную практику своих предков и, по-видимому, особенно рассчиты-

вали на мощные укрепления афинского Акрополя. Даже средние слои столичного населения в конце XII в. очень ограниченно привлекались к военному труду, судя по данным субмикенского могильника на Керамике. Такая политика басилеев могла вызывать недовольство населения всей Аттики: повсюду земледельцы, ремесленники и моряки были озабочены безопасностью своих семей, домов, земли и прочего имущества. В памяти народа жили предания о военной мощи времен племенного быта, когда военная повинность была обязательным условием для каждого боеспособного соплеменника, подтверждавшим его полноправное положение. Даже в XIII в. в соседней Беотии хотя бы часть зажиточных горожан получала личное оружие для загробной жизни — небольшое количество ларнаков в склепах Танагры доставило предметы воинского снаряжения¹.

Приведенные факты и попытка их интерпретации позволяют полагать, что в монархии Аттики на рубеже XII и XI вв. должны были существовать противоречия по вопросу о способах защиты страны. Разногласия между басилеями и инакомыслящими слоями населения до поры до времени могли открыто не проявляться. Но авторитету династии они, бесспорно, должны были вредить.

Победоносные вторжения в Пелопоннес, осуществленные эолянами и дорьянами несколько раз, внесли важные изменения в жизнь Аттики.

Предварительно нам необходимо остановиться на вопросе о соотношении известий аттической традиции и данных археологических исследований в Пелопоннесе и Аттике.

Согласно Фукидиду (I, 12, 3), движение дорян в южную Элладу завершилось на восьмидесятом году после падения Трои. Ее гибель К. Блеген относит приблизительно к 1260 г. или несколько позже. Следовательно, где-то около 1160–1130-х гг. в Аттике могли возникнуть серьезные опасения за свою безопасность. Они особенно усилились после окончательного разрушения микенской крепости около 1120 г. Но население аттической монархии еще придерживалось старых представлений, на что указывают сведения о духовной и материальной деятельности всего населения Аттики. Афинские горожане, погребавшие приблизительно с 1125 по 1050 гг. своих сороди-

¹ Vermeule E. T. Painted Mycenaean Larnakes // JHS. Vol. LXXXV. 1965. P. 123–148. Некоторые семьи Танагры продолжали использовать свои семейные склепы и в начале XII в., между 1200–1125 гг. (Мус. III. С 1b).

чей на субмикенском кладбище Керамика, долго продолжали неуклонно соблюдать традиционный обряд захоронения. Только на рубеже XII и XI вв. это клановое сообщество согласилось применить обряд кремации для своих родичей. В. Крайкер специально подчеркнул, что первые три могилы с кремированием относятся к последнему периоду использования этого участка кладбища; что они очень близки типичным субмикенским могилам № 92 и 109 с обрядом трупоположения; что переход от старого способа погребения к новому был плавным и что это изменение осуществляло генетически общее население¹.

Эти заключения исследователя, опубликованные еще в 1939 г., получили особенное значение после эпохального открытия М. Вентриса и Дж. Чэдуика, бесспорно установивших в 1953 г. преемственность населения Эллады во II и I тысячелетиях.

Афинский клан, который погребал родичей на Керамике, первые могилы с обрядом кремации расположил на краю своего субмикенского некрополя XII в. Видимо, почитание обычаев предков препятствовало нарушению давнего порядка на кладбище. Однако обряд кремации постепенно был воспринят всеми.

Изменение обряда погребения получило в науке еще не полное объяснение. Ахейский эпос, сохранивший описание кремации Патрокла (II, XXIII), позволяет заключить, что эллины считали такую форму погребения вполне достойной для выдающегося воина. К. Кюблер в 1954 г. предположил, что обряд кремации принесли в Аттику доряне². Но его предположение убедительно отвергла К. М. Колобова, указав, что в Афинах дорян тогда не было, что поселившиеся в Арголиде доряне применяли старую форму погребения, трупоположение³. Конечно, длительная угроза дорийского вторжения создавала в Аттике большой психологический стресс, который побуждал жителей энергичнее

¹ *Kraiker W.* // *Kerameikos*. Bd I. S. 10. На стр. 138 и сл. автор подробно проследил черты преемственности в работе гончаров Аттики в XII–XI вв. Плавное развитие от субмикенского к протогеометрическому стилю в атической керамике позднее исследовал В. Десборо (*Desborough V.* *Protogeometric Pottery*. P. 1 sq. Важные дополнения см.: *Smithson E. L.* *The Prehistoric Klepsidra: some notes* // *Hesperia*. Supplement XX. Princeton, 1982. P. 140–154).

² *Kübler K.* // *Kerameikos*. Bd. V. 1. S. 38.

³ *Колобова К. М.* Древний город Афины. С. 31.

искать помощи божественных сил. Это отразилось на погребальном обычае.

По-видимому, произошедший тогда существенный сдвиг в погребальном обряде Аттики и некоторых других земель Эллады был тесно связан с принципиальными изменениями в сфере политико-сакральной идеологии большей части эллинского массива. Оказавшаяся бессильной монархическая государственность не смогла противостоять военному натиску дорян, захвативших земли ряда ахейских царств. Это ясно показало всему эллинству мощь и прочность позднего племенного строя, который сохраняли северные соседи Эллады и, в еще большей степени, племена, населявшие земли Дунайского бассейна и срединной Европы. Устойчивость племенных порядков этих многочисленных и могущественных обществ должна была быть известна эллинству — ведь к XIII–XII вв. внешнеполитические связи Эллады с дунайским и центральноевропейским племенными мирами были достаточно длительными и крепкими (см. гл. 1. с. 37, сл.). Естественно, что из северных территорий в Элладу проникали сильные воздействия не только в сферу хозяйственной жизни, но и в духовные воззрения обитателей некоторых частей страны. Эти влияния ясно отразились в погребальных порядках.

Как известно, уже в середине эпохи бронзы в мировоззрении многочисленных племенных сообществ Европы произошел существенный переворот, значительно изменивший представления о загробной жизни. Науке хорошо известна одна из важных черт указанного сдвига: был оставлен древний обычай захоронений путем трупоположения, его сменил обряд кремации. Довольно скоро, в эпоху Поздней Бронзы, новый сакральный обычай господствовал в большей части Европы. Тогда обряд кремации распространился от британских островов по всей обширной европейской равнине и был принят племенами Балканского полуострова¹.

Столь важная перемена обряда погребения показывает, что в проводивших ее племенных массивах религиозные воззрения приобретали все большее значение. Видимо, усложнение реальных условий жизни повлекло за собой развитие представлений о возможности создать более благоприятные обстоятельства пребывания усопших в потустороннем мире. Однотипность одиночных погребений

¹ Filip J. Urnenfelderkultur // Enzyklopaedisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd 2. Prag., 1969. S. 1555 s. v.

отражала надежды на то, что там сообщества усопших смогут соблюдать традиции общеплеменного равенства.

Археологические источники показывают, что население Аттики после 1050-х гг. довольно скоро ввело обряд кремации, который господствовал приблизительно до 850 г. и к концу 800-х гг. был почти забыт. Использование способа кремации не затронуло ряд важных элементов погребального обряда. К. М. Колобова, пристально изучившая афинские некрополи XII–VIII вв., отметила, что самые существенные особенности погребальных обычаев, например возлижания у закрытой могилы, соблюдались и при труположении, и при кремации¹. Это указывает на неизменно бережное отношение афинян к своим сакральным порядкам.

Однако обряд был все же частично видоизменен. По-видимому, внешнеполитическая ориентация Аттики на северобалканские и средневропейские племенные сообщества в XI–IX вв. была весьма сильна. Развитию этих контактов, о результативности которых свидетельствуют афинские погребения «северных» пришельцев², могли содействовать некоторые общие черты этнокультурной традиции, восходящей к давним временам гораздо большей близости языковых групп племен, составлявших индоевропейскую племенную общность. Древняя языковая родственность эллинского массива и племенного мира срединной Европы могла облегчать достаточное взаимопонимание сложных вопросов сакральной сферы. Четкий поворот эллинства, отвернувшегося от общения с развитыми монархиями и установившего живой контакт с территориально близкими племенами Подунавья и Средней Европы, логично вел обе стороны к постоянным взаимодействиям различной силы.

В Аттике особенности ее положения и достигнутого развития полисной государственности, опиравшейся на кланово-племенные порядки, несомненно весьма способствовали творческому осмыслению некоторых черт общественного устройства обитателей Подунавья и Срединной Европы. Весьма показательна строгая организованность кланового могильника на Керамике, отражающая существование непререкаемой внутриклановой дисциплины, требовавшей умеренного благосостояния и соблюдения принципов равенства родичей. Возмож-

¹ Колобова К. М. Древний город Афины. С. 26–31.

² *Smithson E. L. Dorians on the Acropolis // AJA. Vol. 69. 1965. P. 176.* Ученая полагала, что на афинском Акрополе около 1150–1100 гг. были погребены сакральные послы дорян к афинянам.

но, что каждая возрастная группа имела какие-то права на отступления от общеклановых жестких установлений, но это не может быть освещено данными кладбищ.

Неоспоримый факт принципиальных сдвигов в религиозных представлениях афинян и особого упрочения связей внутри родственных сообществ ясно свидетельствует об усиленной идеологической деятельности всего населения Аттики. Не только в стольном граде, но и в далеком Перáти менялся духовный мир его обитателей. Несомненно, в XII–XI вв. в Аттике происходили немаловажные события, часть которых упомянута в исторических преданиях этой земли. Допустимо предположить, что напряженная обстановка того времени обострила внимание этноса к происходившим важным явлениям и что устные легенды сохранили сведения о самых существенных фактах. Конечно, историческая мысль того времени удерживала немногие предания о политических событиях и тогдашних выдающихся деятелях. Но данные древней традиции теперь могут быть дополнены археологическими свидетельствами об изменениях в жизни разных групп тогдашнего населения Аттики. Ясно прослеженная преемственность ряда сторон деятельности этноса заставляет более внимательно изучать его исторические предания.

В свете данных об окончательном разгроме царских резиденций в Южной Элладе где-то между 1150 и 1120 гг., как полагал Г. Милонас¹, становятся особенно важными сообщения аттической традиции о бегстве из Пилоса Нелеида Меланфа и вселении его в Аттику, что произошло где-то в последней четверти XII в. Позволю себе еще раз повторить, что считаю аттические предания XI–VIII вв. вполне заслуживающими доверия — упоминаемые в них важные исторические события служили основанием для исключительного положения ряда афинских кланов, в частности тех, которые вели происхождение от Кодра. Соперничество аристократических кланов в указанные столетия было столь напряженным, что только тщательное сохранение общеизвестных достоверных преданий о славных предках могло поддерживать выдающееся значение того или иного клана. Сравнительно немногочисленное население тогдашней Аттики могло быстро разобраться в лживых выдумках лстивых сказочников. Для всей Аттики такое событие, как смена династии — Меланф стал

¹ *Mylonas G. E. Mycenae and the Mycenaean Age. P. 232.*

царем вместо Фимойта, последнего бацилея из числа потомков Фесея, Фимойта — было звеном истории не только самой аттической земли, но и всего эллинства. Достоинство эллинского этноса требовало бережного сохранения важных земских преданий.

Вероятно, прибывший в Афины Меланф смог достичь выдающегося положения среди местной знати и широких кругов населения в силу и своих личных качеств, и сплоченности прибывших вместе с ним его сородичей и примкнувших к нему других беглецов (*Her.*, V, 65; *Paus.*, II, 18, 8). Фукидид, зная о многочисленности этих переселенцев, прямо указал на рост мощи Аттики благодаря притоку жителей из Пелопоннеса (*Thuc.*, I, 2, 6). Вероятно, основной массив прибывавших составляли боеспособные люди; сплоченные энергичным вождем, они, несомненно, усилили аттическое ополчение. Судя по благожелательной тенденции аттической традиции, коренное население этой земли долго сохраняло память о положительных результатах данного события. Так, Геродот бесстрастно отмечает, что Меланф и его сын Кодр, будучи пришельцами, стали царями афинян (V, 65). Страбон, опиравшийся на Эфора,¹ указывает, что Меланф стал бацилеем по желанию афинян (IX, 1, 7. С. 393; XIV, 1, 3. С. 633). Только Павсаний писал о том, что Меланф отнял власть у Фимойта (II, 18, 9).

Предание о том, что Меланф в единоборстве одолел беотийского царя Ксанфа, позволяет заключить, что сам он был мужественным воином и, видимо, проявил себя качественным военачальником. Естественно, что и клановая знать, и большинство населения Аттики были заинтересованы в передаче поста бацилея авторитетному знатоку военного искусства. Сын и преемник Меланфа, царь Кодр, добился еще большего успеха: при нем аттическое ополчение успешно отразило вторгшиеся в Аттику дорийские военные силы. Даже гибель самого Кодра не отразилась на боеспособности его войска и доряне были вытеснены из Аттики. Следует полагать, что оба первых

¹ Эфор, начиная свой труд по истории Эллады с возвращения Гераклидов, широко использовал афинские предания. Г. Бузольт полагал, что Эфор рационализировал аттическую традицию (*Griech. Gesch.*, II, S. 127). Но такой подход историка не исключал тщательного выбора им достоверных сведений. В частности, сообщение Эфора о согласии афинян на воцарение Меланфа находит подтверждение в факте сохранения наследственного права на бацилейю кланом Кодридов вплоть до 714 г. Видимо, обоснованность этого права признавали незыблемой вплоть до 720-х гг.

последовательно правивших династа из рода Нелеидов постарались за 30–35 лет превратить аттическое ополчение в сильную боевую единицу¹. Конечно, само аттическое боеспособное население энергично содействовало разумным мерам своих басилеев: ведь единственным способом сохранить свою жизнь и независимость земли предков была обязательная победа над дорьянами.

Следует помнить, что население Аттики уже много десятков лет жило в ожидании нападения сильного неприятеля. За полтора столетия приблизительно от 1200 до 1050-х гг. сменилось 4–5 поколений, вынужденных усиленно поддерживать состояние боевой готовности. Подготовка каждого воина требовала от клановых сообществ постоянного и взыскательного внимания к физическому и моральному уровню своих новобранцев. Овладевшие военным мастерством ополченцы, успешно завершившие свою трудоемкую подготовку, несомненно, уже ясно понимали роль общеаттического воинства в обороне своей земли и, тем самым, свое значение во внутривнутриполитической жизни всего государства.

Естественно, что единство цели надежно укрепляло связи Кодра, басылея-военачальника, его войска и всего населения Аттики. Примечательно, что легенды об отражении дорян особо подчеркивали роль Кодра, и это передали почти все авторы, сообщавшие, что воинственный царь не допустил завоевания Аттики дорьянами². Ее население долго сохраняло память об этом столь важном факте своей истории — как свидетельствует Павсаний, в Дельфах афиняне поставили статую Кодра, созданную Фидием (*Paus.*, X, 10, 1). Одного лишь Кодра назвал по имени Аристотель, говоря о монархах, которые, ведя войну, не дали поработить свой народ — οἱ μὲν κατὰ πόλεμον κολύσαντες δουλεύειν, ὄπις Κόδρος (*Pol.*, V, 10, 5, 1310 b 37). Для Аристотеля было непреложной истиной то, что победа Кодра обеспечила последующее самостоятельное развитие Аттики. Эту четкую оценку Стагирита необходимо рассматривать в контексте многовекового соперничества Афин и Спарты, истоки которого восходят к XI в.

¹ Даже если Меланф стал басылеем около 1100 г., до смерти Кодра в 1066/5 г. (согласно традиции) прошло достаточно времени для качественного укрепления военного потенциала Аттики, о котором заботились сами кланы и высшие власти.

² *Her.*, V, 76; *Aristot.*, *Pol.*, V, 10, 5 1310b 37; *Lycurg.*, In *Leocrat.*, 84–87; *Strab.*, IX, 1, 7, C 393; *Paus.*, I, 19, 5; I, 39, 5; VII, 25, 2; VIII, 52, 1.

Бесспорно, личная одаренность бацилея Кодра¹ и высокая бое-способность выведенного им войска позволили Аттике одержать верх над дорьянами. Ведь вторгшийся неприятель готовился захватить еще достаточно прочную монархию и, соответственно, подготовил значительные силы. Даже отброшенные из Аттики дорийские войска сумели захватить важную область на перешейке, ведущем из Аттики в Арголиду, и, как сообщил Геродот (V, 76), основать там свой центр Мегары². Этот военно-стратегический успех дорян красноречиво отразил не только остроту противоборства, но и значительность политических позиций каждого из противников. Очевидно, доряне укрепились на Истме столь быстро потому, что опасались похода Кодра, потомка мессенской династии, в Пелопоннес. Бесспорно, доряне серьезно учитывали военный потенциал аттического войска, возглавляемого Кодром, бацилеем, обладавшим военным авторитетом.

Можно полагать, что Меланф и Кодр внесли важные изменения в систему аттической армии. Они должны были считаться с традиционным строением дорийского войска, основным ядром которого были отряды пеших воинов. Зная характер армии противника, аттические Нелеиды стали призывать в ополчение каждого бое-способного жителя своего царства с оружием. Еще при последних Фесеидах, как показывает субмикенский могильник на Керамике, рядовые жители Афин не имели личного оружия или передавали эти ценные предметы сородичам. Так было приблизительно в 1150–1050-х гг. Вероятно, хорошо вооруженные воины составляли тогда особо значимый разряд ополченцев и их положение в армии уже тогда отличалось от слабо вооруженных соратников. Бесспорно, такой порядок мог ущемлять правовое положение легковооруженных воинов, хотя, судя по некрополю, внутри своего клана эти люди сохраняли свои основные права.

Очевидно, именно Кодр осуществил принципиальный сдвиг в порядке комплектования аттического войска: к военному труду был привлечен каждый житель, достатки которого позволяли ему иметь

¹ Уже Г. Бузольт отделил сведения авторов о гибели Кодра именно в битве от более поздних версий о смерти царя, приводимых Павсанием (I, 19, 5) и другими авторами (*Busolt G. Griechische Geschichte. II. S. 127–128*).

² Г. Бузольт детально осветил движение дорян в Мегариду, но рассматривал это событие, прежде всего, как звено дорийской истории (*Busolt. G. Griechische Geschichte. I. S. 219–220*).

личное наступательное и оборонительное оружие. К предлагаемому заключению приводит важное изменение обряда погребения афинских жителей-воинов: приблизительно с 1050 г. и далее в их могилах появились предметы вооружения¹. Именно в середине XI в. В. Десборо отметил зарождение нового, протогеометрического стиля в росписи аттической керамики. Уже около 1025–980-х гг. четко сформировалась ранняя фаза этого художественного направления и тогда же в религиозных представлениях жителей Аттики произошел существенный сдвиг: полностью утвердился обычай кремирования покойников, прах которых погребали в одиночных могилах. В. Крайкер и К. Кюблер детально исследовали захоронения афинян в XI–IX вв., и их тонкие наблюдения раскрыли некоторые особенности тогдашней жизни всего общества².

Особенно важно заключение В. Крайкера: появление оружия в могилах свидетельствует о существенных изменениях в аттическом государственном устройстве (Ук. соч. С. 172–173). Исследователь предположил, что в легенде об установлении архонтата после смерти Кодра содержатся сведения об этих изменениях. Мне представляется, что основы важного сдвига внутри общества заложил именно Кодр, сделавший имущих средних ополченцев главным массивом в аттическом войске. Ведь рядовой афинянин, похороненный с оружием около 1025 г., стал воином где-то около 1045 г., но его учили сородичи-ополченцы времен правления басилея Кодра. Они не были воинами-аристократами: ведь одолеть пешее войско дорян мог именно тесно сплоченный массив аттических пехотинцев. Это среднее воинство сохраняло и в военной деятельности строгую организованность и четкую упорядоченность, издавна присущие клановому быту.

Естественно, что традиционные представления о социальной значимости каждого боеспособного члена клана развивали самосознание рядового воинства, его понимание своего места в жизни этноса. Важно, что еще в субмикенское время (около 1125–1050 гг.) ясно заметно внимание общества к своим рядовым сочленам: в Афинах погребения взрослых (по обряду трупоположения) отмечали земляной насыпью над каждой могилой. Но в эпоху напряженной подго-

¹ Оружие еще в небольшом числе встречено в субмикенских могилах № 6 и Е на Керамике (*Kraiker W. // Kerameikos. Bd I. S. 99, 106, 172–173*).

² Суждения археологов кратко привела К. М. Колобова. Древний город Афины. С. 27–31.

товки к вторжению неприятеля и особенно в последующие за успешной победой десятилетия весомость положения боеспособного населения Аттики несомненно значительно возросла. Соответственно, получили дальнейшее развитие представления о правоспособности и достоинстве рядовых субъектов тогдашнего обычного права, об их обязанностях по отношению к своему клану и ко всему этносу. Естественно, что должны были оживиться некоторые древние племенные традиции, оберегавшие права кланов, их членов и всех слоев населения. Авторитет обычаев, унаследованных от предков, весьма способствовал упрочению внутренних связей аттического общества.

Следует особо подчеркнуть, что в XI в. внутривосточное развитие аттического этноса характеризуется важными сдвигами, происходившими и в духовном мире, и в хозяйственной деятельности.

О силе изменений в мировоззрении жителей можно судить по основательному перелому в погребальных обычаях афинян. Сведения об этом доставляет кладбищенская деятельность афинского клана, владевшего могильным участком на Керамике. В XI–X вв., неизменно оберегая захоронения предков, это родственное сообщество расширило свое кладбище на прилегающую территорию. Как и раньше, одиночные погребения располагали ровными рядами; устройство могил было однотипным¹. Но, в отличие от обычного еще в 1125–1050 гг. обряда труположения, в некоторых могилах появились вторичные захоронения — вазы с останками кремированных сородичей. Таких могил немного, но применение в них двух обрядов погребения и тесное соседство этих захоронений с ранними показывают, что переход к новому обычаю в отдельных семьях происходил плавно. Постепенно весь клан, оставив древний обычай, стал применять кремацию взрослых покойников². Уже около 1050 г. на всех кладбищах Афин практика сожжения усопших стала господствовать. О значимости такого сдвига говорит то, что он произошел в условиях роста населения — около 1100–900 гг. некрополь Керамика по сравнению с кладбищем XII в. увеличился почти вдвое³.

¹ Kübler K. // *Kerameikos*. Bd 1. S. 180–182; *Idem* // *Kerameikos*. Bd IV. S. 1–5, 30–31.

² *Ibid.* Bd IV. S. 47.

³ *Ibid.* Bd IV. S. 31; *Idem.* // *Kerameikos*. Bd V. Abt. I. S. 197. В IX–VIII вв. число погребений росло, причем более поздние захоронения нередко рушились предшествовавшие.

Столь коренная замена давнего погребального обычая показывает, что два поколения афинян, живших между 1100 и 1050 гг., осуществляли преобразования даже в сакральной сфере. Но эти же прямые потомки древнего населения Аттики широко и умело использовали сложное наследие своих пращуров в духовной и материальной жизни¹. Сохраняя знания и производственный опыт древних мастеров, новые труженики дополняли позднее добытыми важными сведениями и технологическими приемами свою профессиональную деятельность во всех отраслях хозяйства². Например, уже к середине XI в. в Аттике железо стало основным материалом для изготовления всех видов орудий и оружия³.

Эти точно известные три крупнейших явления в материальной и духовной жизни аттического населения — металлургия железа, изменение принципиального звена погребального обряда и новые творческие идеи мастеров прикладного искусства, начавших воссоздание геометрического стиля — позволяют предпринять попытку выяснить происходившие тогда изменения в мировоззрении всего общества. В частности, следует рассмотреть бесспорное воздействие происходивших идеологических сдвигов на реальную внутривнутриполитическую жизнь. Естественно, что этнос, энергично проводивший отмеченные нововведения, должен был обратиться и к изменению некоторых положений своей политеи.

Афинская историческая традиция сохранила достаточно достоверные сведения об эволюции политического устройства Аттики. Основные свидетельства преданий указывают на то, что общество последовательно преобразовывало наследственную монархию и формировало устойчивый полиархический строй. Непрерывное постепенное развитие государственной системы (согласно традиции, оно происходило приблизительно с 1068–1066 по 753 гг.) шло особенно успешно бла-

¹ Даже система дорог, ведущих на Акрополь, не изменилась в XV–IX вв., как отметил Р. Янг (*Young R. S. An Early Geometric Grave near the Athenian Agora // Hesperia. Vol. XVIII. 1949. P. 280*).

² Уже В. Крайкер убедительно проследил преемственность ряда традиций у скудельников, работавших в XII–IX вв., и разработку ими новой технологии в период от субмикенского до развитого геометрического стиля (*Kraiker W. // Kerameikos. Bd I. S. 138–162*). Его положения дополнили и проследили в развитии керамики и прочих ремесел А. Снодграсс, В. Десбор, Дж. Колдстрим, Е. Смитсон и другие исследователи.

³ *Desborough V. Dark Ages. P. 315–316.*

годаря устойчивой генетической преемственности населения Аттики, сохранившейся с III тысячелетия по VIII и последующие столетия истории этноса. Энергичная оборона своей земли, которую сплоченно провели в XI–X вв. жители полуострова, обеспечила независимость их потомкам. Самостоятельное развитие полиса укрепляло плавное и постепенное внутреннее переустройство.

В Аттике ограничение полномочий басилеев, начавшееся с введения должности пожизненного полемарха (см. с. 200), отражало стремление этноса иметь полноценного военного руководителя ополчения всей земли. Выделение и укрепление должности полемарха свидетельствует, что в обществе были достаточно значимы существенные ценности развитого племенного строя. Несомненно, по мере возникновения новых черт социального устройства Аттики, в ней постепенно и необратимо расширялась та область обычного права, которая регулировала взаимоотношения носителей верховной власти и всего народа, сплоченного по кланам.

Именно внутриклановое единство, силу которого ясно показывает характер афинских могильников XII–X вв., и постоянные межклановые и внутриведомственные связи укрепляли внутреннюю сплоченность, всего этноса. Укреплявшееся при нарастании военной опасности это единение позволяло народу действительно влиять на развитие правовых обычаев, регулировавших внутриведомственную жизнь этноса. Конечно, рядовому населению было необходимо оживить хоть часть уставов, издавна определявших вес народоправия в обществе.

Отметим поучительность истории кланового некрополя на Керамике. Она показывает, что в XII–X вв. эта афинская корпорация сородичей неуклонно соблюдала обычаи общеклановой дисциплины и равенства. Забыт обычай захоронений в семейных усыпальницах: каждый член клана был захоронен в одиночной могиле на общеклановом некрополе. Этот порядок указывает на безоговорочное возвышение кланового единства над внутрисемейными связями, на утверждение равенства всех сородичей. Правда, после 1050-х гг. в X в. заупокойные дары в некоторых могилах свидетельствуют о нарастающем имущественном неравенстве: расписную глиняную шкатулку на ножках из протогеометрической могилы № 22 и такую же фигурку гордого оленя, датируемую приблизительно 925 г., из могилы № 39, могли иметь весьма зажиточные семьи. Но таких могил, отражающих благоденствие клановой аристократии, к середине X в. еще очень мало.

По-видимому, аттический этнос неуклонно поддерживал давние обычаи, обеспечивавшие ему значительную роль во внутриведомст-

ческой жизни монархии. Об этих правовых порядках писал Аристотель, рассматривая передачу царской власти в «героические» времена: *басилеями становились или при добровольном принятии [царя народом], или согласно закону наследования — ἐκούσιναι τε καὶ πατρῶια ὑγυόμενα κατὰ νόμον* (Pol., III, 9, 7, 1285b5). И далее автор разъяснил, какими действиями на благо народа основатели древних монархий обеспечили право на *басилею* себе и своим потомкам. Достоинством внимания то, что перечисляя обязанности героических монархов, философ на первое место поставил верховное командование ополчением во время войны (Pol. III. 9. 7. 1285b10).

В истории Аттики изучаемого периода ясно заметно нарушение устойчивости во взаимосвязях монархии и народа. Предания повествуют, что приблизительно за полтора столетия царская власть трижды переходила не по правилу прямого наследования: захватившего власть Менесфея сменил, после его смерти, Демофонт из клана Фесеидов, но его потомки не смогли завоевать должного авторитета и последнего из них, Фимойта, лишил царского сана Меланф. Воцарение бежавших из Мессении Нелеидов ясно показывает, что династические традиции в Аттике еще не окрепли и что, соответственно, правовые основы монархии во многом опирались на обычаи развитого племенного общества, допускавшие необходимую замену слабых вождей. Очевидно, военная несостоятельность Фимойта определила его смещение, которое провели особенно активные политические деятели тогдашней Аттики.

Следует полагать, что именно клановые верхи коренного населения, реально оценивавшие военный потенциал своей земли, сочли необходимым использовать военный опыт Меланфа и прибывшие с ним боеспособные группы людей для укрепления мощи всей Аттики. Прочность воцарения Меланфа указывает на то, что подавляющее большинство кланов благожелательно восприняло указанное изменение в верхах. Несомненно, строгая упорядоченность внутриклановых отношений, которую ясно демонстрирует характер афинского кладбища около 1125–1050-х гг. на Керамике, была присуща тогда, во времена субмикенского художественного стиля, всем кровно-родственным сообществам Аттики. Это единомыслие сородичей должно было поддерживать политическую активность клановых глав и их окружения, понимавших настоятельность каких-либо изменений в политическом строе.

Отметим, что стремления к существенным преобразованиям нарастали даже в такой устойчивой сфере, как сакральные обычаи.

Естественно, что во внутриполитической жизни этноса новые идеи находили много бóльшую поддержку среди всех слоев населения.

Здесь позволим себе предположить, что в первой половине XI в. в Аттике вопросы благополучия всей монархии должны были занимать важное место в умственной жизни этноса. Следует полагать, что при восшествии Кодра на престол его отца существенную роль оказала положительная оценка способности царевича принести пользу государству; это мнение в то тревожное время определяли не столько близкие к царским палатам аристократы, сколько полемарх и полноценное аттическое воинство, представлявшее весь народ. Предлагаемое суждение основывается на указании Аристотеля: царской власти достигали все те, кто уже оказал благодеяния государству, или лица, могущие их сделать: *ἸΑλαντες γάρ εὐεργετήσαντες ἢ δυνάμενοι τὰς πόλεις ἢ τὰ ἔθνη εὐεργετεῖν ἐτύγχανον τῆς τιμῆς ταύτης* (Pol., V, 10, 5, 1310b 37). Ко времени вторжения дорян Кодр уже был басилеем, так что при его избрании вопрос стоял, видимо, о его способности править на благо государства¹. Внимание Аристотеля к качествам искателей царского сана не было случайным: философ обобщал известные ему предания о значительных разногласиях при избрании достойного наследника басилея.

События во внутренней истории Аттики после гибели Кодра бесспорно свидетельствуют о том, что в стране шла напряженная политическая деятельность, имевшая целью ослабить единовластие монархов. Мощное течение, стремившееся изменить систему управления, добивалось устойчивого порядка в обществе, основанного на прочной взаимосвязи всего этноса в целом. Недаром Аристотель в третьей главе Афинской политики описал строение древней политеии — *ἡ τάξις τῆς ἀρχαίας πολιτείας*. Далее философ определил всю систему аттических властей, сложившуюся после 1068/66 г. и развивавшуюся вплоть до 624/3 г. как первую политеию — *ἡ πρώτη πολιτεία*. Эта характеристика не оставляет сомнений в том, что философ возводил создание олигархического полиархического строя еще к XI столетию.

Действительно, уже упомянутое выше превращение полемархии в постоянную высшую военную должность, пожизненную, как и власть

¹ Г. Бузольт полагал, что данный текст Аристотеля указывает, что не Меланф, но его сын Кодр достиг царской власти (Griechische Geschichte Bd. II. S. 127). Однако философ упомянул о претендентах, могущих быть полезными народу, и Кодр, такой «могущий», став басилеем, действительно завоевал свободу Аттике — видимо, так можно понять древнего автора.

басилея¹, указывает на то, что «отеческая», как называл ее Аристотель (Ath., Pol. 3, 2), монархия испытала существенное изменение. Произошло перераспределение важнейших обязанностей между басилем и полемархом, приведшее к разграничению двух сфер высшей власти — военной и гражданской. Какое-то время оба соправителя ведали делами, отведенными им по традиции, установленной издавна, еще при предках, как определил Аристотель (Ibid., 3, 3).

Естественно, что авторитет полемарха возрастал по мере усиления дорийской угрозы. Но и после отражения этого неприятеля, утвердившегося в соседней Мегариде, безопасность Аттики требовала дальнейшего развития полномочий полемарха. Вероятно, расширялось взаимодействие полемарха и его помощников с военными руководителями кланов и местных племен. Допустимо предположить, что происходило и усложнение сакрально-правовых обязанностей басилеев, связанное с развитием полиса. И хотя детали данного процесса остаются неизвестными, но сила перехода от единовластия к двоевластию (от монархии к диархии) на практике была такова, что он вызвал дальнейшее движение по пути развития многовластной аттической государственности.

Эволюционное осуществление дробления высшей власти указывает на то, что в обычном праве тогдашней Аттики были достаточно сильны традиционные установления, дававшие всему этносу или собранию клановых глав решающие права по отношению к носителям высших полномочий. Можно заключить, что права басилеев в некоторых вопросах были ограничены общеаттическим обычным правом.

Значение основных положений обычного права коренного населения должно было особенно возрасти после славной победы аттического ополчения под командованием Кодра. Внезапная, по-видимому, смерть отважного басилея повлекла некоторое усиление влияния военных верхов и какой-то группы особо активных политических группировок, не заинтересованных в возвышении авторитета басилея Медонта, сына и наследника Кодра. Можно полагать, что в послевоенное время в жизни населения Аттики происходили события, не предусмотренные традиционными правовыми обычаями и, тем самым, не подлежащие власти басилея. Такое положение вызвало небывалое напряжение правовой деятельности: реальная

¹ Вопрос о развитии полемархии весьма детально рассмотрел еще Г. Бузольт — Griechische Geschichte Bd. II. S. 130.

жизнь ставила задачи, разрешить которые не имели полномочий высшие правители всего этноса, ни полемарх, ни базилей.

Выход из создавшегося трудного положения был найден благодаря устойчивости общеаттического устного государственного права. Его положения позволили этносу принять решение о новом важном изменении всей системы управления. Каким путем было достигнуто столь решительное преобразование — неизвестно. Возможно, что решающая роль принадлежала общеаттическим Совету и Пританею, созданным еще Фесеем и находившимся в самих Афинах. Однако возможно, что какое-то значение имели и клановые сообщества, обеспечившие одобрение всем народом грядущей перемены в политейе. Но это догадки.

Науке точно известен произошедший сдвиг в структуре высшей политической власти: в Аттике довольно скоро после воцарения Медонта была введена новая высшая магистратура — должность архонта. Аристотель уделил большое внимание процессу усовершенствования первой политейи путем выделения из полномочий базилея сначала обязанностей верховного военного руководителя, полемарха, а затем и полномочий решать заново возникающие вопросы полисной жизни, которые были переданы архонту (*Ath.*, *Pol.* 3,2–3; 3, 5).

Текст Аристотеля оставляет впечатление делового подхода к установлению должности архонта: базилей Медонт сохранял свое главенство в традиционных делах, установленное еще предками. И в дальнейшем базилейя оставалась постоянной высшей магистратурой, менялся лишь способ ее замещения. На это указал и Платон: «Ведь цари у нас были всегда, то ли в силу происхождения, то ли избранные» (*Plat.*, *Менех.*, 238 D). Архонт же должен был управлять только заново возникшими государственными делами, которые Аристотель определяет термином τὰ ἐπίθετα. В этом обозначении проступает оттенок настоятельной необходимости решения новых проблем жизни полиса.

Заметим, что в 1060–1050-х гг., когда царствовал Медонт, в Аттике происходили многие важные события: развивалось движение переселенцев на малоазийское приморье, в котором участвовали младшие братья базилея Медонта¹; укреплялись материальные и

¹ Примечательно, что младшие Кодриды (Нелей, Андрокл и другие) добивались царского сана в основываемых ими малоазийских апойкиях (*Her.*, IX, 97; *Strab.*, XIV, 1. С. 632–633; *Paus.*, VII, 2, 1). Видимо, там промонархические идеи были сильны.

духовные связи с внушительными массивами племен Подунавья и Срединной Европы; шло передвижение населения внутри аттических земель (например, уже после 1075 г. приморский городок Перати совсем опустел); в духовной жизни ясно заметны существенные сдвиги, отразившиеся в изменении некоторых погребальных обрядов и усиленном возрождении геометрического декора, некогда созданного предками.

Примечательно, что аттические государственно-правовые власти ясно понимали необходимость твердого порядка в системе управления. Было четко установлено, что только *басилей* и *полемарх* ведут традиционными, отеческими, сферами полисного устройства; что архонту надлежит управлять лишь «прибавившимися» делами государства. Это разграничение обязанностей трех ветвей высшей исполнительной власти, которое Аристотель излагает без дополнительных оговорок, ясно показывает, что в обществе уже жестко действовали новые реальные условия, не поддававшиеся регламентации древнеотеческими установлениями. Аттическая правовая мысль создала магистратуру архонта для скорейшего урегулирования возникших трудностей, причем поставила эту должность третьей на высших ступенях полисной власти. Пожизненный срок архонства позволяет заключить, что уже изначально определение полномочий этого высшего сановника происходило согласно традиционным правилам, действовавшим для должности *полемарха*.

Создание архонтата знаменовало установление триархии, троевластия, которое придало аттической политейе особый характер. Оставаясь монархией, государственная система Аттики начала формировать новый высший орган власти, уравновешивавший авторитет *басилея* и, возможно, укреплявший значимость *полемархии*.

По-видимому, организация должности архонта потребовала многолетней подготовительной работы правоведов. Аристотель отметил, что его источники называли разное время установления должности архонта: большинство относило это событие ко времени Медонта, другие же считали, что оно произошло при его преемнике Акасте. Последние ссылались на то, что архонты произносят свою клятву, как и при Акасте, обязуясь исполнять присягу и что именно при Акасте Кодриды уступили часть своих полномочий архонту. Указывающая на Акаста часть фразы философа — *...ὡς ἐπὶ τοῦτου τῆς βασιλείας παραχωρησάντων τῶν Κοδριδίων*... τῶν δοθεισῶν τῷ ἄρχοντι δωρεῶν (Ath.,

Pol., 3, 2), имеет лакуну и получила различные истолкования¹. Для нас важно то, что положение о создаваемой новой должности соправителя базилею было, естественно, выработано не сразу, но на протяжении двух царствований — Медонта (около 1066–1048 гг.) и Акаста (около 1048–1012 гг.). Видимо, еще при Медонте была осознана необходимость передать ряд новых дел третьему высшему магистрату, но базилей и его окружение не сразу согласились на отказ от важных для них полномочий, установленных еще издревле.

Естественно, что правотворцы всех уровней, от кланово-племенных до общеполисных, работавшие для базилея и полемарха, не могли сразу найти точные определения, разграничивавшие отеческие полномочия от вновь создаваемых прав и обязанностей третьего носителя высшей власти. Судя по сообщению Аристотеля о том, что при Акасте Кодриды отказались от некоторых своих привилегий и, что особенно важно, уже тогда архонт должен был приносить клятву, во второй половине XI в. аристократическим кругам удалось существенно укрепить авторитет нового высшего правителя за счет правомочий базилея. Сфера власти полемарха, бесспорно, не могла быть затронута.

Аристотель особо подчеркнул, что создание архонтата — при Медонте или при Акасте — произошло в довольно короткое время. Эта быстрота реорганизации высшего органа власти позволяет заключить, что на протяжении XI в. в духовной сфере аттического населения шла напряженная и принципиальная государственно-правовая работа: широкие круги жителей, организованных по кланам и локальным племенным сообществам, и возглавлявшие их аристократические политико-правовые деятели решительно выдвигали на смену единовластия, монархии, принцип многовластия. Конечно, большую роль в учреждении триархии играли традиционные принципы позднего племенного строя, предусматривавшие неспособность одного князя-вождя справиться со всеми вопросами высшего управления. Даже пожизненный срок должности триархов ясно отвечал политико-правовым обычаям развитых племенных обществ.

Однако новые условия аттической жизни довольно скоро сказались на деятельности преобразованной формы государственного

¹ Sandis J. E. Aristotle's Constitution. P. 7; Busolt G. Griechische Geschichte. Bd II. S. 129–130.

строю. Аристотель отметил, что со временем¹ власть архонта стала большой из-за умножившегося количества прибавившихся дел в политейе. Очевидно, общество, понимавшее значение новых условий развития земли, продолжало укреплять авторитет архонтата. Суровый послевоенный быт направлял внимание этноса на укрепление внутриаттического единства, что, несомненно, входило в число новых дел, которыми ведал только архонт.

Строгая упорядоченность кланового некрополя на Керамике и однотипность заупокойных даров, весьма скромных в начале XI в., позволяют предположить, что внутриклановая общность кровных родичей даже в стольном граде придавала большой вес своей клановой аристократии, выступавшей за изменение политейи. Но где-то вскоре после 1050-х гг. развитие хозяйственной жизни этноса и заметные сдвиги в духовном мире позволили клановым верхам начать усиливать свое обособление в материальной сфере и, соответственно, в политической жизни этноса. Видимо, создание разделенной исполнительной власти на высшем уровне содействовало росту политического движения разных групп населения страны.

Допустимо заключить, что разграничение полномочий триархов должно было привести к более четкому формированию обособленности круга правовых установлений, определявших обязанности и полномочия каждого из трех высших соправителей. Эта реально необходимая правотворческая деятельность, несомненно, вела к некоторому пересмотру и дополнению ряда традиционных правовых обычаев. И хотя, согласно Аристотелю, первоначально действовал один критерий разграничения вопросов внутриаттического управления — их делили на отеческие, исконные, и на заново возникающие, прибавочные, — постепенно вырабатывалась более подробная систематизация правовых обычаев по отдельным разделам реальной жизни этноса. При этом могли расти права простых ополченцев.

Весьма важно внимание Аристотеля к установлению клятвы архонта при Акасте, приблизительно в 1048–1012 гг. Это был новый шаг в сторону дальнейшего повышения ответственности всех трех высших должностных лиц. Ведь архонт обязывался перед богами

¹ Понимая Аристотелево *γεωστί* как «со временем», даже как «вскоре», я исхожу из замечания Г Бонитца: философ употреблял указанный термин, противопоставляя его выражению *πάλα* (Bonitz H. S. 485). В изучаемом тексте такое противопоставление вполне логично.

соблюдать установленные Зевсом божеские законы и введенные предками земные правовые обычаи, а также безусловно исполнять свои должностные обязанности. Естественно, что строгие обязательства архонта влияли на укрепление устойчивого правопорядка в деятельности и двух остальных триархов.

Полагая, что троевластие сначала не могло сильно поколебать важные древние правопорядки, замечу, что особо устойчивыми должны были быть племенные и клановые уставы. Однако возрасставшая сплоченность населения ставила ряд общих задач, решать которые должны были именно триархи. Это усиливало их авторитет, причем интересы политов могли способствовать расширению полномочий каждого из триархов. Логика жизни все чаще побуждала высших правителей к самовластным решениям настоятельных вопросов относительно применения или истолкования устных уставов. Естественно, что весомые дополнения к действовавшим правовым обычаям, входившие в частое употребление, со временем становились общепризнанными правовыми обычаями. Вероятно, сам Верховный Совет следил за правомерностью таких правовых нововведений.

Изменение состояния общества должно было усиливать внимание народа к его правовым установлениям и, особенно, к применению этих обычаев отдельными жителями, кланами, местными племенами и высшими властями. Повседневная практика неизбежно требовала изменения устаревших правопорядков, даже если они относились к высшим ступеням управления.

Нарастало недовольство длительно сохранявшимся древним правилом пожизненного замещения должностей полемарха и архонта, ведавших особо подвижными сферами государственного управления.

Следует заметить, что установление троевластия сначала не могло сильно поколебать важные древние традиции в сфере высшего органа власти. Еще долго сохранялось архаичное правило пожизненного замещения постов триархов. Эта форма государственного управления была уже настоящей олигархией, вся полнота высшей власти сосредоточивалась в руках триархов и их помощников.

Олигархические порядки опирались на сохранение столь важного монархического установления, как наследственное право Медонтидов на должность базилея, со временем ставшую архонтским постом. Сохраняли Медонтиды свое наследственное право на базилейю

вплоть до 714 г., когда их привилегия была полностью отменена¹. Отныне каждый родовитый и богатый житель Аттики мог быть избран архонтом-басилеем. Именно в 714 г. окончательно возобладал принцип выборности властей, который четко указан Аристотелем: τὰς μὲν ἀρχὰς καθίστασαν ἀριστίνδην καὶ πλουτίνδην (Ath. Pol., 3, 1). Но для полного его утверждения понадобилось свыше 350 лет, считая от гибели Кодра. Этот длительный срок свидетельствует о медленности эволюционного развития аттической политейи и о значении традиционных обычаев в политико-правовой сфере мировоззрения самих жителей и властей.

Традиционализм был вполне естественной чертой духовного мира аттического населения тех времен. Его питали не только прочная генетическая преемственность жителей этой земли и медленное изменение форм их политейи. К представлениям об извечных связях со своей землей, полученной от предков, в XI–X вв. прибавилась вполне особо заслуженная гордость тем, что столь опасный неприятель был при Кодре отброшен. В дальнейшем военная угроза требовала прочной организации аттического ополчения, структура которого определялась принципами традиционной кланово-племенной общности. Это единство обеспечивали весьма древние традиции, так что военная сфера деятельности настоятельно требовала прочной устойчивости некоторых давних порядков строения общества. Такая необходимость содействовала замедлению изменений в сфере правовых отношений.

¹ Медонтиды, согласно традиции, передающей имена 13-ти «пожизненных» и 4-х «десятилетних» (с 753 по 714 гг.) басилеев, стояли у власти как архонты-басилеи около 350 лет. Эти цифры приводит Евсевий в своем Χρονικὸς Κανὼν. Если сравнить даты Евсевия с указаниями на Аттику в Олимпийской хронологии, расхождения во времени оказываются не столь значительными. Например, базилей десятилетнего срока Эсимид отмечен Евсевием под 743–734 гг., тогда как Павсаний (IV, 5, 10) сообщает, что во втором году 9-й Олимпиады, т. е. в 743 г. этот царь базилействовал в Афинах пятый год. Аналогичная разница наблюдается и в сроках должности последнего Медонтида — Гиппомена: Евсевий приводит 723–714 гг., тогда как Павсаний указал, что в первом году 14-й Олимпиады, т. е. в 724 г., кончался четвертый год правления Гиппомена (IV, 13, 5). Такое расхождение в четыре-пять лет не искажает общего представления о главном течении истории Аттики. Г. Бузольт весьма детально и убедительно проследил достоверность хронологических данных о базиляях из клана Медонтидов, служивших пожизненно или только десятилетиями (Busolt G. Griechische Geschichte Bd II. S. 128–136).

Действительно, аттическая традиция не сохранила известий о существенных сдвигах в правовых установлениях политеии после завершения выработки статуса архонта. Видимо, олигархическая коллегия триархов, управлявшая Аттикой приблизительно с 1040-х гг. по 753/52 г., неизменно придерживалась политики упрочения важнейших традиционных черт общественного устройства. Пожизненный срок замещения каждой из трех высших должностей побуждал триархов сохранять неизменным свой статус. Эти тенденции находили поддержку в прочности кланово-племенной организации всего общества, идеология которого последовательно освобождалась от промонархических идей. Реальные условия настоятельно показывали необходимость укрепления этноконфессионального единства Аттики — даже обычные соседские столкновения мог успешно разрешить только прочно сплоченный этнос.

Упомянутые выше сдвиги в духовном мире аттического населения ясно свидетельствуют о неуклонном росте внутреннего единства жителей всей земли. Особенно убедительно зарождение около 1050 г. общепринятого протогеометрического стиля, быстро развивавшегося среди самых широких кругов населения и отражавшего однотипностью форм сосудов и их декора глубокое единство художественных идей всего этноса.

Отмеченное явление позволяет заключить, что в прочих сферах идеологической жизни Аттики происходило сходное движение, пусть и не столь быстрое, но последовательное, без особых колебаний.

Постепенное развитие должно было происходить и в правовой области. Ее устойчивости особенно способствовали тесные связи обычного права с религиозными установлениями. Ведь правовые нормы реальной жизни были освящены защитой богов и не всегда четко отделялись от исконно сакральных установлений. Примечательно, что и в позднее время некоторые общеполисные жертвоприношения оставались обязанностью полемарха — Арею и Артемиде Агротере, как сообщил Аристотель (*Ath., Pol., 58, 1*). Пример сохранения сакральных функций верховным военачальником даже в V–IV вв. весьма убедителен: очевидно, в XI–X вв. тесная связь сакральных и государственно-правовых установлений была причиной, определявшей замедленность поступательного движения правотворчества.

По-видимому, установления обычного права, упорядочивавшие практическую деятельность жителей полуострова на протяжении многих предшествующих столетий, еще достаточно полно отвечали

требованиям реальной жизни. Упрочение высшего органа власти путем создания триархии должно было оказать положительное воздействие на внутрисполитические связи и отношения, особенно на средних и низших уровнях. Рядовое население, жившее по традиционным нормам повседневной жизни, имело большие возможности спокойно соблюдать отеческие установления, упорядочивавшие отношения внутри разраставшихся семей и кланов. Однако контакты между кланами и локальными племенами могли в отдельных случаях обостряться: изменение естественных условий в сейсмоопасных местностях могло вести к спорам из-за воды, пастбищ и прочих угодий. Мелкие столкновения, вероятно, прекращали авторитетные знатоки местного обычного права, умевшие разумно истолковывать или даже несколько изменять древние правила. Должно полагать, что приемлемому умиротворению способствовала апелляция к общим религиозным верованиям каждой округи.

Но в XI–X вв. ряд важных исторических событий ясно показал необходимость значительного расширения деятельности правоведов всех уровней и выработки новых правовых установлений. Даже внутриклановые отеческие обычаи должны были быть дополнены новыми уставами в связи с выездом групп родичей в заморские апойки. Возникавшие непредвиденные и неизвестные ранее положения могли быть упорядочены лишь обращением к высшим органам управления, возглавляемым триархами.

Триархи определяли развитие внешних отношений всей Аттики с другими землями Эллады и с огромным и сложным массивом балканских и срединноевропейских племен. Там, на севере от Эллады, в условиях позднего племенного строя, происходили значительные изменения хозяйственной и общественной жизни крупных раннеэтнических сообществ. Отметим лишь постепенную замену обряда подкурганного погребения принципиально иным обычаем — сожжением останков умершего и захоронением сосуда с пеплом в общем однотипном могильнике. Эти обширные кладбища, именуемые полями погребальных урн, открытые в землях срединной Европы от Карпатской котловины до Англии¹, были оставлены несколькими крупнейшими племенными массивами, родственными не только центрально-балканскому племенному миру, но и всему эллинскому массиву. Территориальная обособленность эллинства не препятство-

¹ Филип Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961. С. 16–23.

вала развитию достаточно тесных контактов, как хозяйственных, например в области металлургии, так и духовных, о чем свидетельствует распространение обряда кремации в Аттике, Беотии и на некоторых островах после середины XI в. Очевидно, такой существенный сдвиг в погребальном обряде был обусловлен прочными связями упомянутых эллинских земель с европейским населением, создававшим поля погребальных урн. Естественно, что в Аттике такие внешние контакты подлежали ведению коллегии триархов, что вело к расширению их полномочий и укреплению их авторитета, причем не только во внешнеэтнических отношениях, но и во внутриаггической правовой деятельности.

Система соправительства пожизненных триархов требовала от каждого носителя высших полномочий глубоких знаний правовых обычаев и искусного их применения в наиболее сложных вопросах. Однако новые жизненные условия иногда не могли быть упорядочены традиционными положениями обычного права. Триархам приходилось выносить решения соответственно общему духу действовавших правовых установлений в случае необычных конкретных затруднений. Вполне вероятно, что такие взвешенные разумные суждения должностных лиц высочайшего ранга постепенно обретали силу правового обычая или правила. Конечно, Верховный Булевтерий проверял важные решения триархов, дабы были соблюдены отеческие правопорядки.

Имеющиеся данные свидетельствуют о значительном развитии хозяйственной и духовной деятельности аттического населения в XI–X вв., что неизбежно вело к созданию новых правовых положений, упорядочивавших возникавшие трудности реальной действительности. О значимости бытовых столкновений в жизни рядового населения можно судить по аналогии с редкими упоминаниями в эпосе. Таков спор соседей из-за межи (II, XII, 421–423). Но особенно губительно было междуусобное столкновение племен или кланов (II, XVIII, 509–540). Его описание позволяет ясно представить, какие опасности могли обрушиться на Аттику и как ревностно должен был стремиться ее этнос укреплять свою обороноспособность, всячески развивая прочные взаимосвязи всех групп населения и работоспособность всех звеньев полисного управления.

Следует отметить, что реальная история Аттики в XI–IX вв., как и всей Эллады, исследовалась весьма неравномерно. После фунда-

ментального труда П. Жиро о землевладении¹ лишь с 1930-х гг. стали выходить труды, посвященные изучению материальных и письменных источников о деятельности эллинов в указанные столетия². Накопленные точные знания о различных сферах эллинской активности — в агрикультуре, ремеслах, искусствах, сакральных воззрениях, мореходстве, военном деле и других разделах жизни этноса — позволяют внимательнее рассмотреть отдельные вопросы аттической истории указанного времени. Поэтому ниже я остановлюсь на некоторых фактах, хотя бы косвенно освещающих развитие правовой практики и правовых установлений в аттической политейе. Ведь форма государственного устройства Аттики, триархия, характеризуется коренным преобразованием наследственной монархии и одновременным упрочением уже созданных начал олигархического республиканского строя, хотя принцип пожизненного замещения постов полемарха и архонта несколько замедлял развитие нового вида политейи и троевластия.

Возможно, что указанное замедление порождалось длительной готовностью к отражению возможного нападения. Она требовала сохранения боеспособности аттической рати, и эта первостепенная задача могла быть решена лишь четко согласованной и взаимодополняющей деятельностью всех земель Аттики. Каждый клан и каждая весь должны были неуклонно соблюдать свои традиционные и заново возникающие обязательства. Результатом было реальное укрепление значимости частных и общих военно-правовых обычаев всего этноса и его подразделений. Общественный вес столь важных правовых установлений, упорядочивавших тяжкий общеобязательный труд воинства, должен был содействовать дальнейшему развитию всей массы правовых обычаев этноса. Этот процесс создавал условия для динамичной интеллектуальной жизни общества, особенно в некоторые периоды, когда этнос на основе уже

¹ *Guiraud P. La propriété foncière en Grèce. P., 1893.* Весьма интересно суждение П. Жиро о наличии индивидуального землевладения согласно эпосу и произведениям Гесиода, что подтвердили ахейские тексты из Пилоса.

² Однако нельзя согласиться с некоторыми общими оценками. Так, А. Снодграсс считает изучаемый период временем эксперимента (*Snodgrass A. Archaic Greece: the Age of Experiment. L., 1980. Passim*). Но археологические источники из Аттики ясно показывают последовательно-эволюционное развитие этноса, разумно расширявшего свою хозяйственно-политическую деятельность.

выработанных частных установлений вводил принципиально новые правовые положения.

Здесь необходимо подчеркнуть важность постоянной защиты изрезанной и пространной береговой линии аттического приморья. Угроза исходила не только от дорийских Мегар, воинственных соседей, но и от неведомых пиратов, грабивших не только суда, но и береговое население. Возможно, что еще в XI–X вв. под эгидой полемархов действовала система местных военно-морских сообществ, дававших отпор пиратским нападениям; в случае столкновений с мегарянами эти объединения могли быстро выставить полноценные морские силы. Бесспорно, жители прибрежных городков и поселков применяли многие давние, успешно испытанные, приемы организации отпора нападениям с моря. Полагаю возможным утверждать, что система навкрарий — округов, на которые еще до Солона делилась каждая из четырех исконных аттических фил — была выработана в первые десятилетия отделения должности полемарха от поста монарха около середины XI в. Создание прочной обороны морских границ Аттики, бесспорно, составляло один из постоянных важных разделов деятельности полемархов, и этой задачей они ведали, опираясь на местных начальников навкрарий, именовавшихся пританами. Повидимому, навкрарии успешно использовали силы не только прибрежного населения, но и обитателей внутренних земель. Конечно, уже пританы ранних навкрарий вносили усовершенствования в систему этих надклановых территориальных сообществ. В этом им содействовали и полемархи, и население подведомственной им округи. Рост значения навкрарий в военно-морской сфере способствовал возвышению роли их начальников во внутренней жизни Аттики. Уже к VII в. авторитет навкраров временами достигал общеполитического значения. Так, Геродот, излагая события Килоновой смуты около 632 г., сообщил, что тогда пританы навкрарий главенствовали в Афинах (V, 71). Бесспорно, эти военно-морские начальники были тесно связаны с высшими звеньями власти.

И позднее роль навкрарий не уменьшалась. Аристотель, описывая произведенные Солоном перемены в политейе, подчеркнул, что реформатор оставил в силе прежнее деление населения на четыре филы, каждая из которых состояла из 3 тритий и 12 навкрарий: ...τριτῦες μὲν τρεῖς, ναυκραρίαί δὲ δώδεκα καθ' ἑκάστην (Ath. Pol., 8, 3). И далее Стагирит изложил только установленные Солоном финансовые обязанности навкраров. Видимо, реформатор не изменял про-

чих полномочиях пританов, детально разработанных за многие столетия деятельности навкраров¹.

Несомненно, прочность системы навкрарий была заложена еще в XI–IX вв. Прибрежным жителям издавна приходилось объединяться для охраны свои морских угодий. Со временем пост притана таких сообществ становился все весомее. Глава навкрарии ведал ее техническими и экономическими делами, следил за соблюдением обычаев берегового права и за промысловой деятельностью на клановых морских участках. Конечно, столь ответственные задачи могли решать лишь знающие морское дело профессионалы. Деятельность пританов навкрарий должна была расширяться во времена вывода малоазийски апойкий. Постепенно развивалось тесное сотрудничество пританов с высшими властями полиса, что благотворно влияло на укрепление безопасности полуострова — ведь именно ранние навкрарии создавали боевые корабли², уже в VIII в. достигавшие, судя по вазовым рисункам, больших размеров и вместимости.

Известные ныне источники о навкрариях показывают сложность эволюции правосознания Аттики в XI–VIII вв. Развитие правовой практики и мысли в указанные столетия шло в условиях взаимодействия двух основных направлений в духовном мире всего аттического населения. Одно — сохранение многих древних традиций и учреждений этноса, доблестно оберегающего свою свободу. Второе — интенсивное приспособление древних обычаев к меняющейся реальной обстановке и создание новых правовых установлений для успешного упорядочения общественных отношений различных групп населения.

Следует заметить, что сочетание консервативных и эволюционных тенденций не останавливало рост единства всего аттического этноса. Быстрота этого процесса ярко проявилась в активном вне-

¹ Еще Дж. Сэндис определил, что избранное Аристотелем давнопрошедшее — форма *καθητήρια* — указывает на то, что навкрарии были созданы до Солона (*Sandys J. E. Aristotle's Constitution. P. 33*).

² Отмечу шаткость сомнений Г. Бенгтсона в значимости 48 навкрарий, укрепленных Солоном (*Bengtson H. Griechische Geschichte. S. 119*). Много более полезно суждение Д. Уайтхеда, который подчеркнул значение навкрарий в доклизфеновы времена. Исследователь привлек сведения Аристотеля (*Ath. Pol., 21, 5*) и Поллукса (*VIII, 108*) о передаче части обязанностей навкраров демархам (*Whitehead D. Demes. P. 15, 33*). Ученый понимал сложные геополитические условия полуострова в древности.

дрении инноваций даже в области сакральных порядков. Укажем на некоторое изменение обряда погребения: в тяжелые времена первой половины XI в. афиняне ввели практику захоронения путем кремации¹. Довольно быстро заменив древний обряд труположения в могилу, кремация приблизительно с 1050 г. стала в Аттике общепринятым сакральным обычаем. Уже к концу XI в. в Афинах кремирование было доминирующим видом погребения².

Примечательно, что в то же время происходила и эволюция художественного творчества, ясно заметная в прикладных искусствах. Тогда на смену субмикенскому керамическому стилю, еще сохранявшему между 1112/1100 — 1050 гг. традиции XIV–XIII вв., пришла новая система росписи керамики — геометрический стиль. Эта значительная инновация в художественных вкусах всего этноса, отразившаяся в ярком творчестве аттических керамописцев, ясно свидетельствует о мощной реакции на возникающие новые условия, об умении создавать такие духовные ценности, которые незамедлительно становились достоянием всего населения. Столь быстрое восприятие сакральных и художественных новшеств было обязано духовной близости и устойчивым повседневным связям между кланами и племенами внутриааттического этноса, сплоченность которого постепенно нарастала.

Успех указанных основательных сдвигов в важных сферах духовного мира Аттики был реальным результатом умственного труда особенно энергичных и инициативных членов общества. Видимо, достаточно многочисленные, эти яркие личности своим индивидуальным творчеством значительно умножали интеллектуальный потенциал

¹ Обряд трупосожжения был не новым для эллинства. Еще в XXIV–XXIII вв. на острове Левкада, на западной окраине эллинских земель, был принят обряд кремации. Примечательна его сложность: сооружали круглую каменную площадку, диаметром до 9 м, на которой частично сжигали покойника и сопровождавшие его дары. Остатки складывали в пифосы (от одного до трех), которые ставили в центре вымощенного круга; затем над ними насыпали курган (*Renfrew C. The Emergence of Civilisation. L., 1972. P. 431, 433*). Тесное расположение курганов этого некрополя позволяет заключить, что кладбище принадлежало родственным семьям одного клана.

² *Desborough V. Protogeometric Pottery. P. 306.* Эллины совершали кремацию и позднее, когда господствовал обряд труположения. Например, в некрополе Олинфа в 53 погребениях из 600 открытых могил отмечен обряд трупосожжения (*Robinson D. M. Excavations at Olynthus. Vol. XI. P. VIII*).

всей Аттики. Укреплялось и материальное состояние некоторых групп в обществе. На это указывает распространение обычая снабжать умерших афинских воинов их личным оружием для загробной жизни.

Рос спрос на изделия ремесленников. Именно в керамической орнаментации — по датировке В. Р. Десборо около 1025–900 гг., хотя А. Снодграсс начинает указанный период на 25 лет раньше¹ — в Афинах в гончарном деле был создан новый стиль росписи ваз — протогеометрический. Его создатели сохранили многие формы сосудов и мотивы росписи, характерные для предшествующей, субмикенской, керамики. Это показывает устойчивость запросов их массовых потребителей, силу повседневных традиций всего этноса. Но в технологическом развитии всего скудельного дела происходили крупные внутренние сдвиги: постепенно мастера вырабатывали совершенно новые технические приемы. В. Десборо отметил ряд важных усовершенствований: значительно повысилась температура обжига всех сосудов; гончары ввели быстрое кружало. Новые технологические возможности позволили мастерам расширить количество форм сосудов, придавать более четкие контуры вазам, более свободно творить новые типы форм, что облегчило преодоление несогласованности между формой и орнаментом сосуда.

В технике нанесения протогеометрической росписи также заметен крупный шаг вперед: художники-керамописцы употребляли циркуль и многосоставную кисть, что обеспечило дальнейшее непрерывное развитие вазовой орнаментации. И хотя стала преобладать черная окраска всей вазы, эту строгую роспись оживляли и смягчали введением метоп, заполненных рисунками кругов или полукругов. Новая технология существенно изменила традиционные формы. Приведа лишь часть важнейших заключений В. Десборо², следует подчеркнуть: исследователь глубоко анализировал деятельность афинских мастеров, показывающую неуклонный и непрерывный ход развития гончарного дела, росшего на основе субмикенских традиций, постепенно изменявшихся в 1025–900 гг.

Быстрое развитие протогеометрического стиля, созданного в Афинах именно их вазописцами, подняло значение Аттики среди земель Эллады. Влияние аттического протогеометрического стиля В. Десборо

¹ Snodgrass A. Dark Age. P. 125.

² Desborough V. Protogeometric Pottery. P. 119–125, 291–293.

отметил от Фессалии и северных Киклад до Крита и Итаки, причем особенно сильно оно проявилось в Арголиде, Беотии и Коринфии. Повсюду росли свои местные протогеометрические стили.

Такого бесспорного главенства в развитии гончарного мастерства всей Эллады около 1050–900 гг. Аттика смогла достичь благодаря напряженной работе своих скудельников. За указанные 150 лет керамическое ремесло успешно развивали пять или шесть последовательно сменившихся групп искусных мастеров, выдающихся технологов и вазописцев. Судя по имеющимся ныне многочисленным изделиям аттических гончаров (многие вазы за истекшие более чем три тысячи лет безупречно сохранили свое высокое качество), тогда их основным центром были ремесленные районы самих Афин. Работавшие там мастера энергично развивали свое производство, творчески дополняя известные им знания. Неуклонный рост мастерства показывает, что афинские керамевсы умели выбирать себе способных преемников и обстоятельно передавать им весь устный свод выработанных практических и теоретических правил гончарного дела.

Высокое качество продукции и некоторые бесспорные данные согласно указывают на весьма сложную технологию гончарного дела и на то, что работники его составляли в тогдашних Афинах достаточно многочисленный и неоднородный социальный слой.

Уже В. Крайкер и К. Кюблер убедительно анализировали материалы из раскрытых ими 49 погребений изучаемого периода на некрополе Керамика¹. Новые открытия в основном подтвердили и дополнили их убедительные суждения. О сложности гончарного технологического процесса позволяет судить уникальное открытие археологов в 1960-х гг.: под самой серединой позднейшей Агоры (в районе Керамика) была расчищена нижняя часть колодезя, в который около 1000 г. выкинули сброс из скудельной мастерской. Среди этих производственных отходов находились обломки треснувшей при обжиге посуды, а также обожженные куски хорошо сформованных и расписанных отдельных частей различных сосудов. Такие пробные еще сырые кусочки мастер клал в печь вместе с готовыми к обжигу вазами и, постепенно вынимая их, определял достаточность обжига отдельных изделий или всей партии². Анализируя эти про-

¹ Kerameikos. Bd I. S. 89–222. Taf. 29–77; Kerameikos. Bd IV. S. 1–47. Taf. 1–27, 33–36.

² Lang M. et al. The Athenian Agora Guide. P. 227–228.

бы, мастер регулировал огонь в топке и определял время процесса обжига. Вероятно, при изготовлении более сложных форм сосудов и изделий мелкой пластики анализ проб проводил специалист с большими знаниями, практическим опытом и особенно тонким пониманием весьма сложного завершающего звена процесса. Значительное число сохранившихся качественных сосудов ранней фазы протогеометрического стиля свидетельствует, что около 1025–980-х гг. в Аттике, особенно в Афинах, работали многие гончары высокой квалификации. Вероятно, в районе позднего Керамика благодаря близости качественных глинищ и наличию водных ресурсов уже тогда стояли несколько скуделен. Их общая материальная база должна была способствовать интенсивному обмену опытом и возникавшими идеями.

О существовании постоянных рабочих связей афинских керамевсов убедительно свидетельствует плавное и быстрое развитие всех трех ступеней протогеометрической керамики. Первая, фаза А — около 1025–980 гг.; фаза В — 980–960 гг.; фаза С — 960–900 гг. согласно классификации В. Десборо¹. Столь динамичное усложнение технологического процесса и художественного направления показывает, что творческое общение афинских мастеров было непрерывным, направленным на ускоренное развитие своего дела. Примечательно, что несмотря на ограниченный набор орнаментальных мотивов, повторявшие линейные рисунки XIV и XIII вв., аттическая керамика уже в конце XI в. впечатляет умением гончаров сделать самую простую посуду удобной для употребления². Внимание к потребителю не ослабевало и позже. Керамика всего X в. ясно показывает, что горшечники стремились учитывать запросы клиентов, обладавших не только разными материальными возможностями, но и, что заметно, предъявлявшими индивидуальные требования. Видимо, по особому заказу изготавливали посуду для детей. Малышу в могилу клали поильник с носиком³. Погребенная в X в. девочка получила набор посуды мелких размеров, точно повторяющей формы обиходных ваз⁴. Соблюдение обычая снабжать малолетних усопших посудой, отвечав-

¹ *Desborough V. Protogeometric Pottery. P. 294.*

² *Kraiker W. Kerameikos. Bd I. S. 100–103; Demargne P. Naissance. P. 206. Figs. 369–371.*

³ *Lang M. et al. The Athenian Agora Guide. P. 228.*

⁴ *Thompson H. A. Excavations in the Athenian Agora: 1953 // Hesperia. Vol. XXIII. 1954. P. 58. Pl. 16c.*

шей их умению обращаться с нею, позволяет предположить, что в некоторых экономически устойчивых семьях происходило укрепление внутрисемейных связей. Потеря ребенка, вызывавшая сильные психологические потрясения, заставляла более тщательно соблюдать положения древнего естественного права, предусматривавшие ряд обязательств старших родичей перед младшими.

С конца XI в. гончарам и другим ремесленникам Афин приходилось увеличивать количество производимых изделий: инвентарь заупокойных даров ясно показывает, что среди городского населения все более крепились представления о личной собственности отдельного человека. Возрастало количество личных вещей. Владельческое право не прекращалось со смертью владельца: наиболее нужные и любимые вещи должны были сопровождать своего хозяина в Аид. Несомненно, это правило отражает дальнейшее развитие системы представлений о собственности клана, семьи и отдельного человека. Наибольшее значение такие представления могли получать в зажиточных слоях населения: обладатели какого-либо вида добра были заинтересованы в разработке понятия «владелец» и в создании соответствующих правил.

Дошедшие материальные источники ясно свидетельствуют о росте имущественного неравенства и о возросших потребностях зажиточных семей. Они заботились об улучшении предметов своего домашнего обихода, и это сказалось на характере заупокойных даров, количество которых, как и качество, разнилось сообразно благополучию семей усопших.

Присутствие разнохарактерных и ценных керамических изделий в погребениях около 960–900 гг. неоспоримо свидетельствует, что мастера высокого уровня с глубоким пониманием относились к запросам особо состоятельных заказчиков. Скопидомство, развивавшееся среди жителей стольного града, столь выросло во второй половине X в., что его носители уверенно пользовались художественным творчеством керамевсов для своего возвеличения. Естественно, что рост взыскательности потребителей способствовал движению изобретательности и художественной мысли одаренных скудельников.

Приведем лишь немногие примеры, позволяющие судить о значительных успехах работников гончарного дела.

Среди погребений указанного времени на афинском Керамике к югу от Эридана особо выделяется могила № 22, в которой была по-

гребена женщина¹. В конструкции могилы были употреблены мраморные плиты толщиной до 0,10 м. Заупокойные дары включали 2 золотые проволочные спирали и железную булавку, несколько добротных глиняных сосудов и того же материала квадратный ларчик с крышкой, имевший четыре массивные ножки. Строение этого ларчика четко повторяет конструкцию массивных деревянных ларей, столь необходимых для хранения сельскохозяйственных продуктов². Очевидно, погребенная владелица шкатулки была рачительной хозяйкой, которой доверяли хранение припасов, возможно, не только одной семьи, но и группы родственных домохозяев.

Среди прочих женских погребений отметим еще лишь могилу № 39 к югу от Эридана (около 960–900 гг.). Могильные дары указывают на особое внимание семьи усопшей к ее художественным вкусам. Правда, в этом доме чтители и суровые обычаи предков: в могилу положили и скромную одноручную лепную кружку. Однако жизнь и захоронение покойницы относились ко времени, когда состоятельные обитатели Афин пользовались искусно расписанными фигурными сосудами и другими ценными керамическими изделиями³. Примечательно, что эстетические запросы всей семьи не ограничивались строго упорядоченными геометрическими узорами на керамике: среди обиходных вещей были и предметы, пластически воспроизводившие живые произведения природы. Для загробной жизни

¹ Kübler K. // *Kerameikos*. Bd IV. S. 2, 24, 32. Taf. 3.

² Шкатулка из могилы № 22 примечательна своей основательностью, хотя аналогичные изделия из погребений того же времени (целый ларчик) или их фрагменты) (Kübler K. // *Kerameikos*. Bd I. S. 187. Taf. 59; *Idem* // *Kerameikos*. Bd. IV. S. 46. Taf 36) расписаны с большей тщательностью.

³ Большинство таких известных предметов имели бытовое назначение. Вычурных расписных ваз встречено немного — например, в могиле № 48 из 32 сосудов лишь один имеет кольцевидную форму, тогда как остальная керамика обладала общеупотребительными очертаниями; среди этих изделий выделяются две массивные расписные подставки для сосудов (Kübler K. // *Kerameikos*. Bd IV. S. 44–46. Taf. 15, 16, 19–21, 23, 25, 32). Все большее распространение получали сосуды на трех ногах: пиксиды с крышками (Desborough V. *Protogeometric Pottery*. Pls. 8, 13, 14) и ситула (Kraiker W. *Kerameikos*. Bd I. S. 92. Taf. 61), а также открытые сосуды с ручками (Kraiker W. *Kerameikos*. Bd I. S. 95, 147. Taf. 63, 64). Как отметил Дж. Колдстрим, в 900–875 гг. вошли в употребление кратеры и кратериски на одной высокой конической ножке, форма которой идет еще от раннегеометрического (фаза I) канфара (Coldstream J. *Greek Geometric Pottery*. P. 11, 14, 23. Pl. 1c).

усопшей в могилу № 39 положили бронзовый сосудик с ручкой в виде птичьей головки. Аналогии этому изделию К. Кюблер указал в зооморфных предметах европейских вариантов Галльштаттской культуры (например, в Шаушитце). Но особенно выделяется терракотовая фигурка оленя, тщательно расписанная геометрическими узорами. Довольно крупная (высотой до 26,6 см) статуэтка животного, хотя и стилизованного, выразительно передает мощь и достоинство благородного зверя¹. Эта примечательная терракота свидетельствует о близости ряда моральных представлений создавшего ее мастера и той афинской семьи, которая приобрела или заказала фигурку.

Столь очевидно проявлявшаяся общность художественных вкусов позволяет заключить, что около 925 г. в Афинах уже установилось взаимопонимание интеллектуально развитых представителей различных слоев горожан, не только состоятельных аристократов, но и профессионалов-ремесленников высшего уровня мастерства. В среде керамевсов должны были особо выделяться одаренные вазописцы и коропласты, а также составители керамических красок. Личные способности таких специалистов весьма способствовали движению вперед всей глинообрабатывающей отрасли хозяйства, также как и техническая сноровка всех мастеров, даже кирпичников. Успешное развитие аттической керамургии, несомненно, сделало ее уже в X в. важной частью хозяйственной жизни всего общества, доставлявшей средства к жизни немалому числу керамургов разных специальностей².

Слаженный труд аттических керамевсов позволил им еще в конце XI в. достичь высокого совершенства в согласовании гармонии и пропорциональности изделий, что отметил еще В. Десборо³. Позднее, в

¹ Kübler K. // *Kerameikos*. Bd IV. S. 23, 39–41. Taf. 26; *Demargne P.* Naissance. P. 288. Fig. 373; *Hampe R., Simon E.* Un millenaire. P. 251. Tab. 378.

² Полагаю возможным и полезным ввести термины «керамургия» (для всей изучаемой отрасли ремесла) и «керамург» — *Κεραμοϋργία, κεραμοϋργός*. Правда, сами эллины в III в. керамургом именовали мастера, изготовлявшего только черепицы — *L-S-J*, s. v. *κεραμοϋργός*.

³ *Desborough V.* *Protogeometric Pottery*. P. 298. Добавлю, что известные около 1000–900 гг. размеры простых кирпичей — 0,23 × 0,23 × 0,09 м (см.: *Kübler K.* // *Kerameikos*. Bd V. 1. S. 10; *Smithson E.* *The Tomb*. P. 80 n. 17) указывают на то, что обжигавшие эти массовые изделия мастера также тщательно соблюдали пропорциональность своей продукции, как и керамевсы высокой квалификации.

X–IX вв., творчество аттических вазописцев достигло столь высокого уровня, что оно оказало глубокое влияние на формирование местных вариантов Геометрического стиля в других землях Эллады.

Качество и количество известных ныне изделий аттических керамевсов ясно показывает, что уже к 900 г. в стольном граде работали мастера, понимавшие неординарные запросы своих зажиточных заказчиков. Иногда, как можно судить по статуэтке оленя из могилы № 39, даже исключительно одаренные короoplastы творили по особым заказам. Вместе с тем, группа специалистов, обслуживавших состоятельные семьи, все более возрастала, так как обеспеченным горожанам требовалось все большее количество качественных керамических изделий. Часть обиходных вещей погребаемого члена такой семьи должна была сопровождать его и в могиле.

Экономическое благополучие оказывало заметное воздействие на представления о подобающем обряде погребения имущего родича. На некрополе Керамика уже в X в. стали сооружать более обширные и глубокие могилы: например, женская могила № 22 имела 2,10 м в длину¹. Тогда же постепенно усложнялись некоторые части погребального обряда, что нами уже было обстоятельно рассмотрено вслед за В. Крайкером и К. Кюблером и другими исследователями².

Керамические источники из афинских могильников показывают, что состоятельные горожане уверенно пользовались своими материальными возможностями, стремясь иметь особо добротные или более художественные обиходные вещи. Общество считало притязания имущих семей заслуживающими признания — видимо, вновь набирали силу правила об особых преимуществах зажиточных групп горожан. Возрастающие запросы материально обеспеченного слоя должны были оказать некоторое воздействие не только на творчество выдающихся керамевсов, но и на дальнейшее развитие всей керамургии.

Разработку технологии вели во всех звеньях гончарного ремесла, начиная от подбора качественных глин и их отмучивания и кончая сложными технологическими операциями. Особенно динамично шло усовершенствование конструкций обжигательных печей — новые виды изделий требовали особых термических условий. Возникали вопросы соотношения размеров и пропорций частей сооружаемых печей, определения степени необходимого нагрева верхних камер или отдельной открытой печной ямы. Поиски наилучшего ре-

¹ Kübler K. // Kerameikos. Bd V. 1. S. 9.

² Колобова К. М. Древний город Афины. С. 27–31.

шения задач направляли керамургов на активное использование накопленных практических и теоретических знаний и наводили их на новые открытия и дополнения своих познаний. Конечно, мастера в стольном граде, выполнявшие много разнообразных заказов, работали с большим напряжением. Следует полагать, что в сельских местностях гончарам прежде всего надлежало совершенствовать сосуды для хранения припасов; при изготовлении бытовой керамики они следовали новшествам, созданным городскими мастерами, что, естественно, несколько уменьшило их творческий вклад в керамургию.

Данные о состоянии аттической металлургии в XI–X вв. полнее свидетельствуют о хозяйственной деятельности жителей земли и освещают некоторые черты экономического и социального положения ее рядового населения. Ведь именно металлурги изготавливали самые необходимые орудия труда для массы работников во всех сферах производства этноса в мирное и военное время. И хотя в металлургии, как и в скудельном деле, постепенно выделялись особо искусные мастера, изготавливавшие высококачественные металлические вещи для состоятельных заказчиков, масса рядовых потребителей требовала от керамургов изделий самого лучшего качества. Для земледельца, воина, камнетеса, как и для любого работника, пользующегося металлическими инструментами, наибольшая пригодность и прочность профессиональных орудий были первостепенными критериями их качества. Соответственно оценивали и изготовителя, его мастерство и добросовестность работы.

Вероятно, конечными потребителями продукции керамургов были не столько отдельные заказчики, сколько кланы и общегосударственная администрация. Допустимо предполагать, что контроль за качеством боевого оружия и материальной части сухопутных и морских сил осуществляли не индивидуальные заказчики, а представители различных уровней власти, ведавшей вопросами обороны Аттики. Конечно, общегосударственное значение железодельного ремесла выделяло эту отрасль производства среди прочих видов деятельности мастеров. Возможно, что внимание должностных лиц не ограничивалось одним контролем, но было направлено и на то, чтобы вся организация керамургического дела работала возможно четче. Ведь особо сложный характер данной отрасли ремесла делал необходимыми устойчивые рабочие контакты отдельных производителей или их групп с местными или общегосударственными властями.

Следует заметить, что неуклонный рост потребления железа в XI–X вв. ясно показывает, что тогда аттические производители

железа довольно быстро сумели создать необходимый им фонд новых теоретических знаний и практических приемов.

Как известно, железо добывалось из руд различного качества. В самой Аттике около 1000 г. уже разрабатывали местные железные руды, разнившиеся по своему составу¹. Их добыча, подготовка рудной массы к дальнейшей обработке и получение конечного продукта — пригодного для плавки иковки сырого железа — проходили через ряд операций, значительно отличавшихся от давно изученных правил и приемов по изготовлению серебра и бронзовых сплавов. Бесспорно, новые технологии и теоретические правила создавали высокоодаренные металлурги, энергично передававшие свои знания остальным мастерам. На это указывают быстрота освоения нового материала и неуклонный рост числа железных изделий. Еще около 1025–980-х гг., в раннее время протогеометрического стиля, только состоятельные семьи могли снабжать усопших родичей бронзовыми и даже единичными железными предметами вооружения².

Но уже в последующие десятилетия, в 980–960 гг., материально ограниченное семейство могло положить в могилу ратнику не только один-два простоватых сосуда, но и качественный железный клинок³. Уже к 900 г. количество железного оружия в могилах афинских горожан значительно возросло, причем К. Кюблер отметил и одновременное увеличение числа железных вещей и украшений, особенно длинных булавок⁴. Исследователь указал, что тогда мастера повторяли в железе «микенские» формы оружия: например, в могиле № 17 таковы очертания наконечника копья и ножа⁵.

Расширение производства железных изделий потребовало привлечения в металлургическое ремесло значительного числа работ-

¹ *Healy J. F. Mining and Metallurgy in the Greek and Roman World. L., 1978. P. 35, 62.*

² Весьма выразителен инвентарь могил А и В (*Kraiker W. Kerameikos. Bd I. S. 100–104. Taf. 31–32*).

³ Так, меч из могилы № 6 имел длину почти 44 см, а клинок из могилы Е сохранился в длину на 46 см (*Kraiker W. Kerameikos. Bd I. S. 99. Taf. 57, 76; S. 106, Abb. 8, Taf. 36*).

⁴ *Kübler K. // Kerameikos. Bd IV. S. 2, 26–27.* Одной очень состоятельной горожанке в ее могилу № XXVI около 910–900 гг. положили даже железный нож (*Young S. An Early Geometric Grave near the Athenian Agora // Hesperia. Vol. XVIII. 1949. P. 284, 289, 297*).

⁵ *Kübler K. // Kerameikos. Bd I. S. 192, 220. Taf. 76.*

ников, не только профессионалов всех уровней, но и простого вспомогательного состава. Например, доставка руды или топлива была важным делом многих возчиков, знатоков условий провоза, но далеких от знаний металлургии. Тем самым в обществе формировался не только весомый слой производителей сырого железа и различных обработчиков этого сырья, но и связанных с данным ремеслом работников иных профессий. Естественно, что усиленное развитие столь важной сферы хозяйства должно было вызвать необходимые изменения в правовых установлениях, определявших порядки работы металлургов местного и общеполисного значения.

Допустимо утверждать, что власти каждого клана быстро учитывали настоятельные запросы своих рудокопов или кузнецов. Но не во всех землях Аттики имелись рудные месторождения или качественные кузнечные мастерские. Это обстоятельство, несомненно, содействовало укреплению деловых практических связей населения разных районов и членов различных кланов. Судя по значительному подъему металлургии, об этой отрасли производства заботились власти всех уровней, вплоть до самих триархов. Конечно, железное оружие Аттики опекали, прежде всего, полемархи, но пополнению арсенала содействовали в силу своих возможностей базили, архонты и их подчиненные.

Материальные первоисточники о состоянии двух столь важных отраслей ремесла указывают на то, что в металлургии и в керамургии трудились мастера высокого интеллектуального потенциала, обладавшие обширными знаниями. Они энергично развивали теоретические основы и производственную технологию своего дела. Несомненно, что успешному развитию названных отраслей ремесла весьма способствовало постепенное накопление полезных знаний и новых практических приемов в агрикультуре и прочих разделах аттической экономики в XI–IX вв. Сравнительно устойчивое положение большей части домохозяйств можно заметить по увеличению количества заупокойных даров.

Естественно, в те же столетия нарастало дальнейшее развитие всей умственной жизни этноса. Созидание материальных и духовных новшеств сопровождалось усилением внимания аттического населения к своему прошлому. Каждое поколение после середины XI в. должно было готовиться к отражению нападений. Эти реальные условия деляли особенно значимыми предания о славных деяниях предков, успешно оберегавших отеческую землю, — ведь сказания укрепляли ду-

ховные устои всего этноса. Исторические повествования развивали не только знание событий прошедших времен, но и способность оценивать характер этих известий.

Примечательно глубокомысленное восприятие накопленного Аттикой политического опыта. Этнос отрицательно оценил принцип единовластного правления басилеев. Сохраняя имена достойных монархов, население вряд ли могло забыть весомость своей народоправности при ранних царях. Народ четче берег упоминания о некоторых событиях около 1050–1010 гг., когда оформлялась и окрепла система пожизненной триархии.

Следует полагать, что в те времена во всех кланах и местных племенах уже сохранилось немало частных преданий, нередко связанных с генеалогическими сказаниями знати. Но общую значимость имели именно афинские исторические легенды, передававшие сведения об особенно важных, касавшихся всего этноса, событиях, а иногда указания на время, когда они происходили.

Естественно, что трехчленность высшего правительствующего органа делала вопрос точного летосчисления особо значимым для властей всех уровней. Практика показывала, что счет времени по правлениям пожизненных басилеев-архонтов был самым точным и логично примыкал к привычному летосчислению по годам правления древних царей. Священные обязанности басилеев-архонтов из клана Кодридов, ведавших важнейшей сакральной деятельностью государства, придавали перечню этих сановников повсеместный характер. Точный каталог архонтов-басилеев был необходим всем звеньям полисного управления, что определило его тщательное сохранение в аттической традиции.

Несомненно, что сами триархи Кодриды, пожизненно правившие от Медонта (около 1066–1048 гг.) до Алкмеона (около 754–753 г.) усерднее остальных должностных лиц заботились о точном перечислении имен своих предшественников-родичей. Ведь этот каталог утверждал исключительный авторитет высокородного клана, царственное происхождение которого возвышало Кодридов над всей аттической знатью. И само государство неукоснительно требовало точного соблюдения перечня басилеев-архонтов. любая попытка исказить традиционное перечисление общеполисных сакральных сановников означала бы нечестивый проступок, направленный против религиозных воззрений и установлений всего этноса.

Подчеркивая общегосударственную значимость точного счета басилеев-архонтов в XI–VIII вв., решусь утверждать, что именно этот

устойчивый каталог высших сакральных сановников послужил основой последующего официального афинского летосчисления. Оно особенно усложнилось с 754–753 гг., когда была введена смена триархов через каждые десять лет. Но еще до 714 г. имело силу наследственное право Кодридов на сан базилея-архонта и, вероятно, они продолжали вести перечень своих высокопоставленных родичей сами.

Однако после 714–713 гг. списком ведали архонты-базилеи из разных кланов, сменявшиеся каждое десятилетие. Это резко увеличило число лиц, сведущих в хронологии и обязанных продолжать точное аттическое летосчисление. Несомненно, высокий уровень хронологического знания в ряде земель Эллады, начиная с летописи Олимпийских праздников в Элиде, а также усложнившаяся внутренняя и внешняя политика Аттики все более расширяли круг обязанностей афинских хронографов. Росло их знание текущей деятельности полиса и понимание ее генетической обусловленности предшествующей историей Аттики. Естественно, что вокруг этих общепризнанных знатоков хронологической традиции собирались не только искусные и сведущие сказители, но и некоторые деятельные любители аттической старины. В этих кругах росло и крепло представление об истории этноса как о единой непрерывной временной цепи. Конечно, в период устной передачи хронологии и счета времени по поколениям, указанного Геродотом (II, 142 — на одно столетие приходится три поколения) несогласованность в датировке некоторых событий была неизбежной¹. Однако установление десятилетнего триархата в 754/3 гг. несомненно укрепляло порядок афинского летосчисления.

Отмеченное выше последовательное развитие двух особо важных отраслей ремесла, керамургии и металлургии, а также необходимые усовершенствования системы государственного правления (вплоть до изменения срока правления триархов) позволяют заключить, что в X–VIII вв. состояние хозяйства Аттики и ее внутривластическое положение достигли достаточной прочности. Этнос, уверенный в

¹ Привожу приблизительные даты правления «пожизненных» и «десятилетних» базилеев-архонтов по исчислениям А. Сэмюэла (*Samuel A. Chronology*. P. 195–198). Список годичных архонтов рассматривал Т. Каду (*Cadoux T. Athenian Archonts*. P. 70–123). Однако его утверждение, будто перечень афинских архонтов восходит лишь к V в. (P. 77–79), вызывает очень большие сомнения.

безопасности своих земель, успешно развивал энергичную деятельность во всех сферах своей жизни. Очевидно, верховное правление триархов отвечало главным запросам постепенного развития государственной системы. Основу политеии продолжала составлять кланово-племенная организация общества, которая, по-видимому, обеспечивала удовлетворительные условия плодотворного труда каждого работника. Вероятно, деятельность выдающихся профессионалов использовали не только их кланы, но и общеполисные власти.

Естественно, что значительные продвижения общества в сфере материальной деятельности способствовали ряду изменений в духовном мире аттического населения. Скудость прямых источников заставляет ограничиться лишь некоторыми суждениями или предположениями.

В государственно-правовой практике создание троевластия и его дальнейшее упрочение неизбежно вели к выработке новых общеполисных установлений, регулировавших существовавшие правопорядки. Тем самым раннетриархическая политеия должна была преобразовывать сохранявшиеся монархические правовые нормы — им надлежало служить системе трехчленной высшей власти олигархов.

Следует полагать, что ряд новых правовых обычаев выработывался на практике делового взаимодействия коллегии триархов с клановыми властями. Разнообразие и многочисленность традиционных кланово-племенных установлений требовали от каждого триарха осторожного подхода к вопросу введения общеполисных порядков в местные правовые уставы.

Источники почти не освещают порядок замещения пожизненных должностей полемарха и архонта. Этих триархов избирали из различных кланов, в отличие от Кодридов, сохранявших до 714 г. свое наследственное право на сан базилея. Вероятно, в выборах участвовали несколько соискателей, причем учитывались их личные качества и значимость их кланов. Конечно, при избрании полемарха решающим доводом являлось его мастерство военачальника.

Оба избираемых пожизненно триарха открыто принимали на себя ответственность за добросовестное исполнение своего долга. На это указывает сообщение Аристотеля о том, что еще при Акасте архонт приносил клятву, которую позднее приносили все девять архонтов (Ath., Pol., 3, 3). Длительная устойчивость архаического обязательства архонта позволяет заключить, что уже между 1048–1012 гг. в аттической государственности имели силу тщательно разработанные

формулы обязательств светских триархов. Данное предположение подтверждает не только факт замены монархии системой триархии. Ему отвечают идейные устремления, ясно заметные в самосознании всего общества. Видимо, Верховный Булевтерий не возражал тогдашним аттическим мыслителям, требовавшим личной клятвы триарха. В ней правитель призывал богов наказать его за нарушение долга.

Сложную идеологическую направленность аттической мысли XI–VIII вв. достаточно полно освещают памятники художественного творчества тогдашней Аттики. Как указал уже Б. В. Фармаковский¹, произведения изобразительного искусства особенно выразительно передают все умозрение древнего народа, его идеалы и его отношение к реальной действительности. Действительно, художественные памятники изучаемых столетий бесспорно свидетельствуют о единстве идейных позиций, главенствовавших в обществе.

Судя по семантике орнаментации различных бытовых древностей, во всех уголках аттической земли тогда неукоснительно почитались такие морально-эстетические ценности, как строгий порядок и точное соблюдение общепринятых установлений. Эти черты мировоззрения особенно четко выступают в творчестве мастеров самой массовой профессии — керамевсов.

Примечательна мощная динамика развития созданного вазописцами Аттики геометрического стиля росписи сосудов. За три с небольшим столетия — по датировке Снодграсса² около 1050–700 гг. — это художественное направление прошло четыре последовательных ступени развития³. Каждая из них красноречиво отражает заметные сдвиги в духовном мире всего аттического общества. Интенсивное усложнение вазописи шло в русле неуклонного соблюдения принципа строгой упорядоченности расположения однотипных элементов росписи. Последовательная систематизация художественных канонов, начавшаяся еще около 1050 г., уже между 900–866 гг. побу-

¹ Фармаковский Б. В. Художественный идеал демократических Афин. Петроград, 1918. С. 9–10.

² Snodgrass A. Dark Age. P. 125, 135; *Coldstream J. Geometric Greece*. P. 385.

³ Изучению общего характера и частных особенностей геометрического стиля посвящено много работ искусствоведов. Но вопрос о значении указанного художественного явления в духовном развитии Аттики поставлен в немногих трудах. Особо отметим убедительные суждения К. М. Колобовой, использовавшей геометрическую вазопись для анализа социальной истории Аттики в XI–VIII вв. См.: Колобова К. М. Древний город Афины. С. 31–38.

дила вазописцев раннего геометрического стиля выработать четкую схему расположения орнамента, особую для каждой формы сосудов. Эти художественные правила аттические вазописцы неуклонно выполняли вплоть до конца VIII в.

Однако, строго придерживаясь установленных канонов вазописи, мастера вводили различные мелкие элементы или сочетания их, которые придавали индивидуальность почти каждому сосуду. Тем самым даже рядовой вазописец, следуя общепринятым порядкам орнаментации и соответствующим запросам своих потребителей, все же стремился выразить свою творческую особенность. Такое умение гармонично совмещать обязательное соблюдение основных художественных принципов с выражением личных вкусов вазописца указывает не только на активное восприятие идеологических направлений творческими кругами Аттики. Оно свидетельствует о том, что непререкаемое главенство общеполитической идеологии оставляло реальные возможности для выражения личных мыслей отдельных членов общества. В этой особенности духовной жизни Аттики следует видеть проявление достигнутого тогда действительного сочетания общих интересов триархической политеии с некоторыми индивидуальными устремлениями рядовых тружеников.

Безоговорочное главенство принципа общеполитической упорядоченности четко выступает и в сакрально-обрядовой сфере жизни народа. Весьма показателен переход от традиционного обычая погребения тела усопшего в могиле к однотипному обряду кремации останков. Смена столь важного обычая происходила более или менее одновременно в разных землях Аттики, иногда не только удаленных от стольного града, но и временами труднодоступных¹. Активное введение сходных правил свершения столь существенного сакрального действия свидетельствует о силе духовного единства всего населения

¹ Обряд трупосожжения допускал два способа захоронения останков и заупокойных даров. К. Кюблер отметил, что еще около 1050–900 гг. афиняне погребали кремированные останки прямо в грунтовой могиле, иногда, как могила № 23, обложенной каменными плитами (*Kubler K. // Kerameikos. Bd IV. S. 32*). Малоимущие семьи так погребали родичей и около 850–800 гг. (*Smithson E. A Geometric Cemetery // Hesperia. Vol. XLIII. 1974. P. 325–32*). Но уже в 1050–1000 гг. выработался обычай собирать остатки кремации в урну, которую ставили на дне могилы. Став преобладающим, этот вид захоронения позднее значительно усложнился (*Колобова К. М. Древний город Афины. С. 27–34*).

тогдашней Аттики. Его проявление в столь традиционно-устойчивой сфере, как похоронные обряды и представления о загробном существовании, позволяет полагать, что в повседневной деятельности народ не менее строго соблюдал или изменял издавна принятые установления, изменения их лишь при особых обстоятельствах.

Очевидно, устойчивость мировоззренческого единства в столь важных разделах духовной деятельности тогдашней Аттики могла быть достигнута при непереносимом условии дальнейшего развития самосознания всех обитателей земли. Все более расширялась правовая практика общеполитических органов власти, каждого клана и даже отдельных профессиональных групп или их членов. Об усложнении правовой жизни свидетельствуют прямые источники, относящиеся к сфере понятий о владельческих правах отдельных кланов и даже индивидуальных владельцев.

Строгая упорядоченность погребений на клановых некрополях, особенно на афинском Керамике, позволяет полагать, что и другие виды владений кровных сообществ также определялись четкими установлениями, возможно, восходившими к отеческим традициям еще XII–XI вв. Несомненно, более подвижным было развитие понятия личного владения вещами. Количественное и качественное изменение наборов заупокойных даров в одиночных, изредка в парных, погребениях ясно свидетельствует об укреплении владельческих прав отдельных лиц. Владелец вещи пользовался ею не только при жизни — необходимые предметы следовали за ним и в могилу. Очевидно, постепенно выработывались правила не только личного пользования вещью, но и отдельных соглашений мастеров и заказчиков об изготовлении особо качественных предметов. Такие устные частные соглашения касались, прежде всего, лучшего оружия, бытовых предметов и личных украшений. Несколько позднее возникали взаимные договоренности о передаче вещи и владельческих прав на нее другому лицу. Тем самым выработывались правовые обычаи относительно сделок о движимом имуществе отдельного человека или даже клана. Ведь два клана или группы разноклановых семей в приморских землях могли сообща владеть небольшими судами.

Естественно, что расширение правовой деятельности происходило не только в сфере имущественных отношений, хотя прямые источники скудно освещают данный вопрос. Однако развитие всего общества требовало внимания к общим формулировкам уже действовавших или заново вводимых правовых установлений. Возможно, что некоторые соглашения совершались при стоявших рядом сви-

детелях. Особо важные договоренности, вероятно, требовали одобрения клановых властей или более высоких начальников, знатоков правопорядков.

Можно полагать, что от середины XI до конца X столетия в Аттике особенно целенаправленно упорядочивали правовую устную традицию всей политейи. В этот начальный период троевластия каждый носитель высших полномочий — базилей, полемарх и архонт — должен был усиленно заботиться об уточнении и необходимом расширении круга своих прав. Естественно, деловое упорядочение столь сложных вопросов требовало сведущего и умелого сотрудничества всех трех верховников, особенно в процессе согласования отеческих правовых установлений и жизненно необходимых дополнительных обычаев. Видимо, проблема разумного соответствия полномочий каждого из трех высших правителей решалась постепенно. Иногда Верховный Булевтерий мог оказывать содействие триархам.

Здесь следует особо отметить: клан ранних Кодридов проявил несомненную политическую мудрость, приняв систему верховного троевластия. Эти династы хорошо знали принципы единовластного правления своих предков, монархов Мессении в XIV–XIII вв. Но будучи потомками изгнанного дорянами Нелеида Меланфа, который воцарился в Афинах около 1000 г. благодаря военному успеху, они понимали необходимость считаться с местными условиями и не пытались воссоздать правопорядки Пилосской монархии в принявшей их аттической земле. Они знали, сколь прочным было правовое положение аттического дамоса, и, видимо, не решались существенно изменять тогдашнюю его государственность. Они избрали политику осторожного приспособления своего царственного сана к реальным установлениям аттической политейи. Ее изменение сохранило за ними высшую сакральную власть, обладание которой было наиболее прочным и обеспечивало Кодридам-басилям устойчивую поддержку всего аттического населения.

Несомненно, сакрально-правовая деятельность басилеев была весьма необходима народу в эпоху его длительного состояния боевой готовности. Видимо, умелая политика верховных священнослужителей была направлена на укрепление внутренних связей всего населения, что способствовало упрочению правопорядков, общих и частных. Освящая правовые сдвиги и в верхах, триархи Кодриды тем самым утверждали свое наследственное право на сан базилея.

Необходимо предположить, что в правовой жизни Аттики тогда происходило не только укрепление общеполисных принципиальных

установлений. Ведь развитие всей политеи и усложнение хозяйственной деятельности рядового населения настоятельно требовали расширения правовой практики кланов, некоторых групп людей и даже отдельных лиц, например сельских кузнецов. Это вело к созданию новых уставов или к дополнениям в уже принятые правовые обычаи. Рост числа мелких правовых действий, необходимых для повседневного труда работников, должен был расширять правосознание самых широких кругов населения.

Весьма вероятно, что в условиях роста правовой активности народа все больше возрастал авторитет выдающихся знатоков общегосударственного и кланового права, ведавших применением на практике устных уложений.

Несомненно, истолкованием внутриклановых установлений ведал довольно широкий круг сведущих сородичей — реальная жизнь часто заставляла уточнять права и обязанности возрастных групп в клане. Но еще большее внимание уделяли определению правомочий членов отдельных (малых) семей и весьма подвижных групп различных степеней родства. Ведь с каждым новым поколением возникала еще одна родственная группировка, причем кровные связи во многих случаях становились более слабыми. Судя по тому, что к середине VII в. древний закон, записанный Драконтом в 621 г. (текст возобновлен в 409/8 г. — IG. I². № 115 = Syll³. № 111), определял участие в судебном иске к непредумышленному убийце лишь прямых и двоюродных родичей и прямых свойственников, вопрос о правах и обязанностях членов одного кровного сообщества решали не только внутриклановые правоведаы. Постепенное усложнение государственности вводило указанную проблему в сферу деятельности верховных властей, триархов.

Естественно, что рассмотрение правовых конфликтов между различными кланами или важных споров между жителями соседних местностей временами могло быть обязанностью общеполитических правоведаов. Изменявшаяся реальная жизнь создавала местные варианты новых правовых уставов, которые могли качественно упорядочить и превратить в общепринятые правовые обычаи только верховные правители. Видимо, созданная должность архонта была предназначена именно для высшего управления сферой новых, неотеческих, правовых обычаев и их практического применения.

Нет сомнений в том, что переход от единовластия монарха к триархии потребовал выработки четко разветвленной системы высшего

органа власти, а также усовершенствования взаимосвязей всех звеньев управления, от высших до самых низовых. Тем самым каждые триархи и их помощники получали возможность более тщательно заниматься устройством своих ведомств. Вероятно, численно и качественно разрастался личный состав главных общеполитических управлений, сосредоточивавшихся в Афинах.

Отмечу, что само создание триархии свидетельствует об энергичной деятельности знатоков обычного права, понимавших необходимость постепенного изменения традиционной монархической государственности. Конечно, первичное расчленение единовластного органа управления на три пожизненные должности оставляло главное верховенство в полисе представителям узкого круга высшей аристократии, включая и членов царственного клана Кодридов. Но деятельность олигархической триархии и ее длительная жизнеспособность, видимо, отвечали интересам не только одних евпатридов, но и довольно многочисленного рядового населения Аттики.

Устойчивость системы триархии является не только бесспорным кардинальным фактом аттической истории в XI–VIII вв. Она раскрывает значение традиций в общественном устройстве генетически непрерывного коренного населения всей Аттики. Его этноконфессиональное единство способствовало усилению издревле развивавшихся клановых сообществ, которые служили твердой опорой ранней триархической политейи. Рост благосостояния средних слоев населения в изучаемые столетия, о котором свидетельствуют материальные источники того времени, позволяет заключить, что действовавшие тогда внутриклановые правопорядки обеспечивали вполне приемлемые жизненные условия и малоимущим членам родственных сообществ.

По-видимому, еще в X в. в некоторых кланах принцип равенства всех кровных сородичей главенствовал над различиями их обеспеченности. Так, в Афинах на клановом некрополе Керамика группа тесно расположенных погребений № 22–30 заключала могилы довольно зажиточных афинян (№ 22, 25, 28) и погребения более скромные, как, например, могила № 27 — в ее инвентаре всего три просто расписанных сосуда¹. Вероятно, в сельских местностях сила равенства родичей должна была быть много большей. Соответственно, значение внутрикланового равенства поддерживало действенность давних правовых обычаев кровных сообществ. Несомненно, в этих

¹ Kübler K. Neufunde // *Kerameikos*. Bd IV. S. 23, 32–36.

условиях сохранялась психологическая устойчивость не только членов клановых объединений, но и всего аттического населения. Это общество, как показывает его мощная художественная мысль XI–X вв., успешно поддерживало свою внутреннюю согласованность.

Именно достаточно прочное единение различных слоев и групп населения полиса позволило его правящим кругам начать и развить постепенное преобразование монархии в государственность, основным принципом которой была трехчленность верховного органа исполнительной власти.

Указанный факт внутривластной истории аттической земли позволяет заключить, что ее общество было достаточно сплоченным на основе давних, еще домонархических, общих правовых уставов. В новых исторических условиях возросло значение многих разумных обычаев развитого племенного быта. Начатое ущемление монархии имело успех благодаря обращению к правовому опыту, накопленному народом с давних времен и освященному его религией. «Отеческие порядки», τὰ πατρία, поддерживали деятельность властей и народа, отменявших введенные в XV–XIII вв. монархические установления, наносившие ущерб интересам народа.

Памятники духовной культуры XI–VIII вв. ясно свидетельствуют, как активно происходило возрождение ряда идей и представлений, сложившихся в III – начале II тысячелетия. Создание и успешное развитие триархии¹ показывают, как энергично этнос обращался к принципам своего древнего миропонимания в противовес промонархической идеологии². Бесспорно, на практике трехчленная форма высшего органа управления в тогдашней Аттике во многом отличалась от сис-

¹ Даже устав пожизненной службы триархов восходил, видимо, к обычаям пожизненной власти вождей родоплеменных обществ.

² Ведь триархическая Аттика отошла и от внешнеполитической ориентации ахейских монархий, которые в XV–XIII вв. поддерживали оживленные политико-экономические связи с Хатти, Египтом, Кипром и рядом ближневосточных царств. Возможно, что контакты с Кипром в XII–X вв. продолжались при посредстве островных эллинов, издавна пользовавшихся кипрской медью. Новые источники показывают значение импорта для Родоса: около 1300 г. восточнее этого острова затонул корабль, нагруженный медными болванками, видимо, кипрского производства (*Pulak S. The Uruburun shipwreck: an overview // IJNA. 1998. Vol. 27. № 3. P. 188–224*). Должно полагать, что и позднее родосцы и другие островные эллины пользовались кипрским сырьем и могли переправлять его в земли материковой Эллады.

темы верховных властей внутри эллинского массива во времена позднего племенного быта. Но само установление триархии отражало усиление значения правовых традиций в самосознании народа, что, видимо, было связано с ростом его правовой деятельности.

Допустимо предполагать, что определенное воздействие на движения в аттической политейе изучаемых столетий могла оказывать прочность политического устройства родственных эллинских союзов Северной Эллады. Там еще сохранялись некоторые уставы до-монархического строя, в том числе ряд обычаев древней народоправности.

Несомненно, среди аттической знати не было полного единомыслия относительно введения триархии. Клан Кодридов-Медонтидов и его сторонники, вероятно, надеялись, сохранив сан бацилея, когда-нибудь восстановить всесильную царскую власть. Но, видимо, социальная база промонархических кругов была сравнительно узкой и Кодриды не могли сопротивляться коренному преобразованию высшего органа власти. Это следует из сообщения Аристотеля: в Афинской политике он указывает, что преемники Кодра уступили, *παρὰχωρησάντων*, ряд своих полномочий архонту (3, 3), причем еще раньше военное верховное командование, полемархию, поступало от бацилеев в ведение полемархов сановников, стоявших рядом с царями. Заметим, что подобные сдвиги происходили и в других частях Эллады: о них бегло упоминает Аристотель в Политике (Pol. III. 9. 8 1285b14). Очевидно, в общеэллинских правовых установлениях в конце II — начале I тысячелетия сохранялись обычаи, позволявшие бацилеям в определенных случаях добровольно слагать с себя те или иные полномочия. Следует полагать, что уступка Кодридов означала не столько непрочность их царственного положения¹, сколько отчетливое понимание ими политико-психологического состояния жителей тогдашней Аттики. Народ утратил доверие к принципу полного единовластия и считал необходимым преобразовать монархию в трехчленный высший орган, который мог лучше соответствовать запросам усложнявшегося общества.

¹ Клан Нелеидов проявил себя энергичной деятельностью еще в XIII в. в мессенском Пилосе. См.: *Blegen C. W., Rawson M. The Palace. Vol. I. P. 32–33, 420.* И в Аттике младшие Медонтиды активно и успешно участвовали в заселении побережья Малой Азии (см. с. 67 и сл.), что было полезно их афинским родичам-бацилеям. Видимо, клан сохранял в своем генофонде способность умело вести свою политику.

Действительно, развитие раннеполиархической государственности определял теперь не один базилей: основные направления политики также обозначали и практически претворяли полемарх и архонт. Судя по данным аттической традиции, преобразование монархической политеи в пожизненный строй триархии происходило за время жизни двух-трех поколений. Видимо, общество переживало период какой-то необычной напряженности в его государственно-правовой деятельности около 1050–1012 гг., и основная масса населения поддержала столь важный сдвиг, который осуществили общеполисные и, вероятно, клановые власти.

На единомыслие рядового населения, его властей и знати указывает существенное явление в духовной жизни всего этноса: именно после середины XI в. мощно развивается местный, сугубо аттический, художественный стиль. Созданный афинскими вазописцами, этот стиль характеризуется преобладанием линейных узоров и тем, что изображения людей, живых существ и растений настолько стилизованы, что представляют скорее условную схему избранного мотива, весьма далекую от воспроизведения предмета живой природы. Главенство геометрической орнаментации определило наименование этого вида аттической вазописи геометрическим стилем.

Строгое соблюдение канонов геометрических росписей и единообразие форм массовой посуды бесспорно указывают на то, что керамевсы стольного града и их сотоварищи по профессии во всех уголках Аттики хорошо знали общепринятые идеологические установления и тщательно следовали им. Эти принципы были обязательными для всех слоев населения. Все общество высоко ставило такие моральные ценности, как твердые порядки, умеренность запросов и некоторое равенство благосостояния членов кровных сообществ. На это указывают скудность и однотипность бытовых древностей, которыми снабжали умерших сородичей в деревнях и в Афинах. В главном городе могильник на Керамике свидетельствует, что в XI–X вв. владевшее этим кладбищем родственное сообщество неуклонно соблюдало общие нравственные правила.

Примечательно, что в моральных установлениях тогдашней Аттики заметную роль играл принцип упрощения бытовых древностей. Все слои общества решительно проводили примитивизацию некоторых сторон своей повседневной жизни, причем даже заупокойные дары стали скромными и малочисленными. Эта суровая направленность мировоззрения всего общества позволяет предположить,

что все население хорошо понимало необходимость ограничить самодержавие монархов и перестроить структуру высшего органа власти. Одновременно народ безоговорочно осуждал былую роскошь придворных кругов, о которой сохранялась память не только в среде потомков аттических аристократов: в семьях рядовых тружеников могли храниться предания о трудностях жизни предков в XIV–XIII вв. И составители клановых былин также, вероятно, описывали роскошь знати и горемычную жизнь бедных в те далекие времена.

В условиях угрозы дорийского натиска этнос Аттики в XI–X вв. предпринял особые усилия для укрепления духовной и материальной общности всех слоев населения. В частности, за сравнительно короткий срок были выработаны основные правила художественного воспроизведения окружающего мира и общепринятых декоративных мотивов. Последние, в основном, повторяли и развивали тот простой линейный орнамент, который украшал недорогие вещи, принадлежавшие малообеспеченным слоям эллинства еще в середине II тысячелетия. Однотипность бытовых древностей и их орнаментации во всех землях Аттики ясно указывает на целеустремленное укрепление единства духовного мира всего населения, особенно его моральных и правовых воззрений.

Здесь уместно поставить вопрос: какие органы власти были заняты распространением и мощным утверждением отмеченных принципов сурового уравниательства.

Бесспорно, сакральное ведомство должно было быть особо активным в этой сфере деятельности. Однако можно предположить, что приложение идей строгого порядка и ограниченности запросов к реалиям повседневной жизни было делом местных советов старейшин и верховного Совета старейшин, собиравшегося на холме Арея в Афинах. Этот древний совещательный орган и в конце VII в. следил за исполнением законов, за соблюдением порядков и рассматривал многие внутриволиские важные дела, как сообщил Аристотель (Ath., Pol., 3, 6). Несомненно, в XI–X вв. именно Совет старейшин должен был усиленно заботиться о прочности существующих форм организации аттического общества, о внедрении в духовный мир обитателей полуострова обязательных представлений, наиболее полезных народу в тех реальных условиях. Конечно, идеологическая деятельность Булевтерия была направлена, прежде всего, на укрепление положений обычного права, упорядочивавших нравственную и материальную деятельность населения.

Очевидно, в идеологии большинства обитателей аттической земли отмеченные выше моральные ценности были весьма весомыми и это обеспечивало прочность внутреннего состояния всего общества. Издавна сложившийся в Аттике устойчивый этносоциальный организм ее коренного населения мог последовательно развивать свою постоянно действовавшую внутреннюю эволюционную направленность. Успешное продвижение от единовластия к троевластию указывает на силу последовательного движения политической жизни полуострова.

Прочно утвердившаяся со второй половины XI в. раннетриархическая политея, несомненно, должна была дополнять общепринятые установления обычного права и расширять их практическое применение. Хорошо заметное оживление хозяйственной деятельности во всех частях аттической земли позволяет заключить, что усовершенствованные правопорядки положительно содействовали материальному быту общества. Имеющиеся источники, бесспорно, указывают на значительный подъем ремесленного производства.

Детально изучавший развитие керамического дела между 1050–900 гг. В. Десборо отметил резкое повышение качества замеса глины (по сравнению с тестом керамики в 1125–900 гг.) и выработку нового способа окраски посуды: всю поверхность более ценных ваз покрывали тонкой глиняной обмазкой¹. Этот ровный ангоб позволял вазописцу точнее наносить детали орнаментации. В X–IX вв. мастерство аттических керамевсов достигло высокого уровня и они успешно отвечали запросам состоятельных заказчиков, желавших иметь особо качественные керамические вещи.

Усиливался прогресс в металлургии: количество железных изделий и их добротность все больше возрастали. Вполне естественен значительный сдвиг в оружейном деле — ведь все ополченцы городов и сел нуждались в качественном оружии. Уже около 1025–980-х гг. афинские горожане имели, судя по заупокойным дарам, тщательно изготовленные предметы личного вооружения. Не во всех могилах встречен полный набор оружия, включавший меч, наконец-

¹ *Desborough V. Protoegeometric Pottery. P. 119–121.* Исследователь отметил, что новые источники подтвердили вывод В. Крайкера (*Kerameikos. Bd, I. S. 174*) о том, что мастера протогеометрической керамики сохраняли формы массовой субмикенской посуды. Этот факт отражает устойчивую непрерывность технологических и бытовых традиций в аттическом обществе XII–X вв.

ник копья, нож и щит. Но все сохранившиеся доспехи свидетельствуют о высоком мастерстве оружейников¹. Примечательно, что до конца X в. эти умельцы повторяли формы копья и ножа, выработанные еще в эпоху поздней бронзы, хотя они теперь работали обычно уже только с железом². Указанный факт ясно свидетельствует, сколь последовательно и непрерывно мастера передавали своим ученикам выработанные устно технологические знания. Ведь за прошедшие от 1200 до 900 г. почти три столетия в Аттике сменился не менее 15 поколений оружейников. Расширяя свое ремесло, эти специалисты бережно развивали теоретическое и практическое наследие своих предшественников. Росло число аттических знатоков технологии.

Четкие свидетельства материальных источников о развитии важнейших отраслей аттического ремесла после середины XI в. бесспорно указывают на достаточно устойчивое внутреннее состояние общества в эпоху перехода от монархического правления к триархической политической системе. Очевидно, правление триархов способствовало укреплению внутреннего положения во всей земле. Следует полагать, что постепенно расширялись рабочие связи между высшими властями и местными клановыми управителями, особенно при упорядочении общегосударственных вопросов. Также вероятно, что временами усиливалось значение некоторых кланов, из которых часто избирали полемархов и архонтов.

Конечно, особо значимым был клан Кодридов, сохранявший до 714 г. наследственное право на сан архонта-басилея. Сакральный авторитет этого царственного сообщества оставался традиционно непререкаемым. Однако следует обратить внимание на некоторую гибкость политики высших духовных иерархов, заметную уже во второй половине XI в. На это указывает важное изменение погребального обряда: традиционный способ захоронения путем трупоположения был постепенно заменен обычаем кремирования останков. Обряд кремации, согласно заключениям В. Крайкера и К. Кюблера, допол-

¹ Отметим рост длины клинков: железный меч из погребения № 6 к югу от р. Эридана достигал 43,8 см (*Kraiker W.* // *Kerameikos. Bd I. S. 99. Taf. 76*). В близкой по времени могиле № 2 на северном берегу Эридана находился меч длиной 48 см (*Kraiker W.* // *Kerameikos. Bd IV. S. 47. Taf. 38*). Наконец копья в могиле № 17 (около 960–900 гг.) достигал 23,5 см (*Kübler K.* // *Kerameikos. Bd I. S. 191, 220. Taf. 76*). Дополнительные данные см.: *Desborough V. Ibid. P. 294–297, 301, 308–312*.

² *Desborough V. Ibid. P. 301*.

ненным В. Десборо¹, полностью утвердился в Аттике уже около 1025 г. Спустя пять-шесть поколений этот раздел кладбищенского права претерпел обратные изменения: между 850–800 гг. обряд захоронения взрослых покойников прямо в могилу вновь установился не только в Афинах, но и во всей Аттике². Столь динамичные важные изменения одной из основных черт погребального обряда позволяют предполагать весьма устойчивое взаимодействие сакральных и политических властей Аттики в изучаемые столетия.

Несомненно, сложные вопросы военно-политической жизни Аттики обусловили напряженную деятельность архонта-полемарха. Необходимость защищать свою землю и свою независимость требовала постоянного внимания к обороноспособности всего этноса. Это, естественно, определяло плодотворное деловое сотрудничество главы военного ведомства с клановыми властями и общей массой аттических ополченцев. Ведь мощь земского ополчения служила важным фактором, препятствовавшим обострению отношений с ближайшими соседями Аттики.

В изучаемые XI–IX вв. боеспособность аттической рати основывалась, главным образом, на количестве пеших ополченцев, имевших качественное личное оружие. Материальные источники из некрополей свидетельствуют, что состоятельные воины имели полный комплект личного оружия, часть которого сопровождала владельцев и в загробный мир. В Афинах появился обычай разламывать меч погребенного³ или огибать клинок вокруг горла его погребальной амфоры: тем самым подчеркивалась нерасторжимая о связь умершего ратника с его личным мечом. Уже В. Крайкер убедительно заключил, что оружие в заупокойном инвентаре указывает на особую значимость его владельца в обществе⁴. Владение мечом свидетельствовало, что его хозяин был искусным ратником, высоко ценимым в своем клане и во всем раннегосударственном аттическом обществе. Однако не каждый такой полит был зажиточным — семьи некоторых рядовых ополченцев могли положить в могилу воина лишь один-два скромных сосуда.

Но и позднее, когда бытовые древности ясно отражали выделение весьма зажиточного среднего слоя населения, меч оставался неоспоримым свидетельством того, что владевший им ополченец обладал, как

¹ Desborough V. Ibid. P. 298.

² Smithson E. L. A Geometric Cemetery. P. 331.

³ Kraiker W. // Kerameikos. Bd. I. S. 106. Abb. 8.

⁴ Kraiker W. // Kerameikos. Bd. I. S. 172–173.

и раньше, весомым положением субъекта семейно-кланового и государственного права.

Таким был житель Афин, погребение которого было открыто в 1949 г. — оно содержало кремированные останки зажиточного горожанина-воина¹. Захоронение № XXVII было совершено в конце X в., это позволяет полагать, что активная деятельность усопшего приходилась на 930–900 гг. Среди двадцати одного предмета, положенных в его могилу № XXVII, особо выделяются высококачественные железные изделия оружейников. Весьма примечателен тонкий меч длиной в 88,3 см, который был обвит вокруг горла амфоры-урны. Естественно, что искусно владевший первоклассным оружием воин мог легко достичь большего значения в обществе по сравнению с хуже вооруженными ратниками.

Возможно, что устойчивость аттической политеии — ведь пожизненная триархия действовала почти триста лет, с 1040-х гг. по 754/3 г. — во многом опиралась на постоянство системы построения пешего войска. По давним традициям его составляли клановые отряды, являвшиеся основными мельчайшими военными подразделениями. Прочные внутриклановые порядки должны были обеспечивать общепринятые обычаи, определявшие правовое положение каждого ратника в местных условиях и, вероятно, в общеполисном ополчении. Надо полагать, что архонты-полемархи стремились поддерживать традиционные военные обычаи, которые упорядочивали взаимосвязи различных групп воинов внутри общеаттического ополчения. Ведь единство армии не только повышало ее боеспособность, оно делало ее внушительной военно-политической силой, укреплявшей внутреннее и внешнее положение Аттики среди остальных частей эллинского массива. Можно думать, что архонты-полемархи лично старались не изменять основное строение аттической рати, ограничиваясь лишь настоятельными частными улучшениями. Однако временами энергичные полемархи могли более активно воздействовать на внутриклановые порядки формирования местных отрядов, которыми ведали верхи каждого кровного сообщества.

Некоторые данные об экономическом благополучии средних слоев аттического воинства в X–IX вв. предоставляют заупокойные дары в могилах упомянутых столетий. В Афинах погребальный

¹ *Blegen C. W. Two Athenian Grave Groups of about 900 B. C. // Hesperia. Vol. XXI. 1952. P. 279–293. Pl. 73–75. Figs. 2–3.*

инвентарь столичных ополченцев — вооружение и бытовые предметы — красноречиво свидетельствует об устойчивом благосостоянии их хозяев. Могильники в остальных местностях исследованы еще недостаточно. Некоторые редкие данные указывают на сходные материальные условия воинов из средних слоев.

Например, где-то между 960–900 гг. в Марафоне в плитовой могиле с галечным дном был погребен молодой воин по обряду трупоположения¹. В загробную жизнь его сопровождали железный меч и бронзовый нож, два сосуда (ойнохоя и лекиф), бронзовые фибула и два кольца. Эти предметы, хотя и немногочисленные, бесспорно свидетельствуют: родичи усопшего имели некоторый достаток и неукоснительно соблюли права покойника на его личные вещи, в том числе и на достаточно ценный железный меч. Очевидно, марафонский ратник был вооружен лишь немного хуже, чем его столичные современники-воины.

Попутно заметим: марафонский ратник (его могила в современном урочище Пласи) при жизни заботился не только о своем вооружении. Юноша думал и об украшениях — на каждой руке он носил по одному бронзовому кольцу. Конечно, его кольца много проще и дешевле золотых спиралей, украшавших некоторых его современниц-афинянок. Например, в протогеометрическом могильнике к югу от Эридана в могиле № 5 покойнице положили разнообразные дары, в том числе две массивные золотые спирали и несколько железных булавок². Материальные возможности марафонских и афинских родичей упомянутых усопших весьма различны. Однако отметим психологическую общность молодых марафонца и афинянки: они жизнерадостно стремились украшать себя. Видимо, тогда такие желания афинянки и марафонского пехотинца уже совмещались с несколько изменявшимися идеологическими ценностями аттического общества. Действительно, деятельность афинских керамевсов в период развитого протогеометрического стиля (около 980–900 гг.) позволяет заключить, что художественные вкусы общества стали более разнообразными. Очевидно, нараставшее экономическое неравенство ослабляло силу традиционных представлений о суровом внутриклановом равенстве боеспособных сородичей и даже членов их семей.

Это постепенно сказалось и на составе аттического ополчения в X–IX вв.: косвенные источники содержат данные о том, что в войске

¹ Catling H. W. *Archaeology in Greece* // A. R. for 1987–88. P. 13.

² Kraiker W. // *Kerameikos*. Bd I. S. 97–98. Taf. 76; Kübler K. *Ibid.* S. 183.

появились конные ратники. Вероятно, сначала они прибывали из равнинных земель, располагавших достаточным пастбищным фондом. Управление двухчастной сухопутной армией должно было усложнить задачи полемархов. Вместе с тем могли возникать особо тесные связи высших военачальников с хорошо вооруженными конными подразделениями — ополченцы этого рода войска могли быть активными сторонниками проолигархических устремлений некоторых триархов.

Следует заметить, что еще в X в. изображения лошади весьма редки в вазовых рисунках¹. Однако уже тогда вазописец изображал сухопарого длинноногого коня, пригодного именно для кавалерийской службы. Уже после 900 г. вазописцы более часто и свободнее рисовали лошадей², причем вскоре фигуры коней появились и в мелкой пластике³. Эти источники позволяют заключить, что значение коня в повседневной жизни Аттики возвышалось все более и что конные ратники становились обязательными частицами аттического войска.

Прямое свидетельство доставляет уже упомянутое погребение афинских супругов в могиле № XXVII. Захороненному в ней воину было около 34 лет, согласно определению Дж. Л. Ангела⁴. В Аид его сопровождало высококачественное оружие и двое железных удил⁵. Их число указывает на то, что усопший ратник владел двумя лошадьми. Возможно, он служил в ополчении в отряде конников или в колесничной группе.

Весьма важно суждение К. Блегена: удила из могилы № XXVII отличаются от типов удил, известных в Элладе около конца X в., а также от удил, применявшихся эллинами еще в XVI—XIII вв. Удила из могилы № XXVII изучала М. Ленг, отметившая, что ближайшими аналогами этих частей уздечки являются конские древности Центральной Европы⁶. Выше (с. 230 и сл.) мы касались источников о давних связях эллинства с племенами Подунавья и более северных земель. Упомянем еще и свидетельство о длительном пребывании выходцев из северо-западных балканских земель в южной Элладе

¹ Kübler K. // *Kerameikos*. Bd I. S. 192–193. Taf. 56, 58. Grab. 18.

² Kübler K. // *Kerameikos*. Bd IV. S. 5. Taf. 8, 27. Grab. 28; *Coldstream J. N. Greek Geometric Pottery*. P. 13. Pl. 1k.

³ *Coldstream J. N. Ibid.* P. 23. Pl. 4b.

⁴ *Blegen C. W. Ibid.* P. 282.

⁵ *Blegen C. W. Ibid.* P. 287, 290. Pl. 75 c. Fig. 3, n. 8–9.

⁶ *Lang M. et al. The Athenian Agora*. P. 224.

в конце XIII в.: в нижнем городе Тиринфа в одном доме возле очага обнаружена большая лепная амфора, выделка которой сопоставима с технологическими приемами скудельников адриатического поморья¹. В самой Аттике около 1025–900 гг. в могилах протогеометрического времени (№ 31, 33, 37, 45, 48, 58) обнаружена лепная керамика северных типов, причем в могилах № 33, 37 и 48 находились и лепные терракоты также северного происхождения². Вполне естественно, что давние связи облегчали использование афинянами некоторых приспособлений центральноевропейских коневодов.

В IX–VIII столетиях изображения коней стали более частыми в аттическом художественном творчестве. После 900 г. в вазопиcи и мелкой пластике чаще представлены не одна, как раньше³, а несколько фигур коней. Очевидно, происходил заметный рост численности лошадей в действительности, и это явление было незамедлительно отражено художниками. Напомню, что мастера того времени строго следовали признанным канонам, они не давали волю своей фантазии или домыслам кичливых заказчиков. Но развитие коневодства было важным фактором в военно-хозяйственной жизни всего общества и оказывало заметное влияние на психологию различных групп населения.

В частности, состоятельные знатные семьи, располагавшие качественными пастбищными землями, довольно скоро не только увеличили свое конское поголовье, но и состав упряжек в колесницах. Уже к 760-м гг. четверкой лошадей владел не один человек⁴, что свидетельствует о значительном достатке семей и даже кланов. Ведь содержание квадриги требовало не только личного мастерства ее владельца и качественной работы его конюших. Постоянно были необходимы существенные материальные и трудовые затраты. По-видимому, их могли выдержать лишь наиболее состоятельные семьи, которые, вероятно, особенно охотно пользовались посудой с изображением квадриг. Такие богачи обладали не только лучшими керамическими изделиями: во второй половине IX в. очень богатый коневладелец заказал афинскому ювелиру две пары золотых фибул, на четырех щитках которых были по одной представлены четыре лошади — целая квадрига⁵. Очевидно, в Аттике уже после 850 г.

¹ Kilian K. Tiryns 1980 // AA. 1982. S. 394–399. Abb. 7:5.

² Kübler K. // Kerameikos. Bd IV. S. 36, 38, 43, 44.

³ Kübler K. // Kerameikos. Bd IV. Taf. 27.

⁴ Coldstream J. N. Greek Geometric Pottery. P. 48. Pl. 9. f. i.

⁵ Coldstream J. N. Geometric Greece. P. 78. Fig. 25 a.

золотые украшения и четверка лошадей стали наглядным свидетельством экономического процветания и общественной значимости обладателя таких ценностей. Можно полагать, что в средних слоях населения хозяин даже одной лошади пользовался особым весом среди своих сородичей.

Железные удила в могиле № XXVII отражают реальность: около 900 г. в аттическом ополчении было некоторое количество конных воинов. Конечно, разница ценности снаряжения пехотинцев и конников ясно подчеркивала неравенство их материальных возможностей. Но вряд ли это сказалось на системе организации всего аттического войска, призванного постоянно обеспечивать безопасность сухопутных и морских рубежей. Конники были необходимы для весомого положения земли во всем обширном эллинском сообществе и для защиты целостности ее владений. Издавна войско включало конное и пешее ополчение, и, должно полагать, такая разноставность аттической рати со временем не ослабевала.

Более вероятно, что распространение железного оружия, доступного всему населению со средним достатком, расширило не только число хорошо вооруженных пехотинцев, но и значение пешего воинства во всем аттическом ополчении. Успешное прохождение военной повинности, несомненно, содействовало укреплению общественного положения каждого искусного воина — в условиях развивавшейся государственности все яснее становилось значение правовых позиций такого ратника. Численный рост массы воинов среднего достатка, являвшихся правоспособными субъектами в триархической Аттике, вероятно, мог способствовать устойчивости социального положения всего простого населения. Следует ожидать, что внутриклановые установления, упорядочивавшие отношения простых и наделенных властью сородичей, изменялись очень медленно.

Возможно, что в пределах всей аттической политейи отношения между постепенно набравшими силу олигархическими кругами и массой рядового боеспособного населения довольно долго развивались без резких противостояний. Клановые сообщества должны были поддерживать традиционные установления, определявшие положение не только знати, но и своих рядовых сородичей. Правившие тогда в Аттике пожизненные триархи, вероятно, были заинтересованы в сохранении коренных правовых уставов, обеспечивавших им успешное правление при условии благополучного хозяйственного положения всего народа. Данное суждение пока остается предположением, но некоторые факты позволяют его высказать.

Вероятно, особенно значима была деятельность полемархов, направлявших значительное число ратников на оборону приморских земель Аттики. Мореходство и морские промыслы издавна пополняли средства жизнеобеспечения всего населения этого полуострова. Естественно, что полемархи и связанные с ними другие звенья разных уровней власти должны были усердно заботиться о защите весьма протяженного поморья, сопредельных морских угодий и о безопасности важных морских путей.

Заслуживает особого внимания тот факт, что уже с середины IX в. увеличивается заселенность приморских земель Аттики, причем ряд центров выделяются своим благополучием. Так, могильники Марафона, Пирея, Меренды, Палайя Коккины и Анависа четко свидетельствуют об обитании в тех местах достаточно состоятельных семей¹. Известный ныне уровень благосостояния таких групп местных жителей мог быть достигнут благодаря деятельности трех-четырёх предшествующих поколений, усиленно обживавших приморские земли и тщательно изучавших тамошние естественные средства к жизни. Упомянутое выше погребение воина, захороненного в Марафоне где-то между 960–900 гг., показывает, что некоторые местные ополченцы были хорошо вооружены² и что обитатели поморских земель энергично заботились о защите своих владений. Успешное решение этой сложной задачи во многом зависело от плодотворного сотрудничества полемарха и его ведомства с населением прибрежных кланов.

Организация действенной береговой обороны требовала применения труда не только отрядов пеших ратников, но и обособленных морских сил. Вероятно, еще издавна приморские посады в случае опасности сплывали свои суденышки в общую флотилию, защищавшую владения объединившихся соседей. Деятельностью поморских оборонительных сообществ ведали, естественно, полемархи и власти кланов.

Следует полагать, что по мере укрепления триархической государственности архонты-полемархи уделяли все большее внимание усилению военно-морской обороны. Даже хозяйственное развитие приморских земель могло побуждать пиратов к грабительским налетам. Нельзя исключать и военно-морские столкновения с воинственными островными эллинами. Предлагаемые предположения

¹ *Coldstream*, J. N. Ibid. P. 78 sq.; *Whitehead* D. Demes. P. 8–9.

² Однако набор оружия состоятельных афинян был много шире.

основаны на ярких источниках, отражающих развитие военно-морского дела в самой Аттике и на Евбее уже в конце X — начале IX вв. Достичь тогдашнего уровня военно-морского судостроения в обеих названных частях Эллады можно было лишь на основе длительно накопленного технологического и управленческого опыта нескольких поколений знатоков морского дела.

Рост знаний и мастерства в изучаемой сфере деятельности сосредоточивались, без сомнений, в приморских центрах. Естественно, что повседневную практическую работу вели местные клановые власти или, возможно, руководимые ими специалисты. Общность сложной организации береговой охраны предопределяла постепенное формирование межклановых военно-морских сообществ в отдельных округах. Деятельность этих местных управлений морских дел была связана с ведомствами всех триархов, не только полемархов. Ведь постройка и оснащение боевых кораблей и подготовка для них качественных команд требовали больших материальных затрат. Такие средства могли собрать со всех земель Аттики работники ведомств полемарха и архонта. Басилей и служители военно-морских божеств, вероятно, не только обеспечивали сакральное покровительство благим начинаниям; можно думать, что местные священнослужители поддерживали душевный настрой участников таких совместных предприятий в трудные периоды их деятельности — ведь море иногда могло причинить большой вред строящемуся кораблю.

Сплочение усилий нескольких кланов в пределах различных приморских районов постепенно упорядочивалось высшими органами власти. Общегосударственные интересы побуждали правителей способствовать превращению локальных военно-морских управлений в важные звенья всей аттической политейи. О начальных ступенях данного процесса можно только догадываться. Вероятно, возвышению значимости этих органов особенно активно содействовали олигархические круги приморских земель, заинтересованные в связях с высшими властями.

Надлежит заметить, что главы полиса содействовали и дальнейшему мореходству жителей стольного града: уже в конце X в. в Афинах появились бронзовые сосуды, повторяющие форму ваз, привезенных с Кипра¹. Столь протяженные связи могли быть реальными при условии наличия достаточно крупных и способных к отражению напа-

¹ *Coldstream J. N. Geometric Greece. P. 32–33. Fig. 4a.*

дений судов. Плавание в ближних водах было вполне, по-видимому, безопасным, как можно судить по оживленным аттическо-еврейским контактам¹. Естественно, что аттические корабли бывали и на других островах, например на Сиросе. Можно полагать, что начавшееся около 950 г. мощное воздействие аттического скудельного дела на работу гончаров Фессалии² стало возможным именно благодаря безопасности мореплавания в северо-западных водах Эгеиды.

Приведя лишь часть известных данных о ближних и дальних водных путях аттических моряков, считаю их достаточными для заключения: еще в X — начале IX вв. в Аттике успешно действовала система береговой обороны и тесно связанное с ней управление морским флотом. Для всего полуострова их деятельность издавна была жизненно необходимой, причем постоянной, без малейших перерывов. Эту систему постепенно развивали триархи и клановые власти, вероятно, лишь дополняя ее традиционное устройство. Источники V в. и Аристотель сообщают, что в VII в. в Аттике важное значение имела система навкрарий — административных подразделений, на которые делилась вся территория полиса. Каждую навкрарию возглавлял притан.

Вопрос о времени возникновения навкрарий остается неясным. Полагаю, что именно в X в., по мере укрепления триархической государственности, были разработаны основные принципы объединения разрозненных усилий групп самообороны, защищавших отдельные участки аттических побережий. Точных данных о формировании ранней системы навкрарий еще нет. Однако некоторые начальные черты этой организации можно найти в сообщениях авторов.

Заслуживает особого внимания указание Геродота (V, 71, 2) на важную роль пританов навкрарий около 640 г. во время мятежа Килона: они тогда ἔνεον τότε τὰς Ἀθήνας. Такие права на управление в Афинах свидетельствуют о давности высоких полномочий пританов навкрарий. Правда, Фукидид, более подробно излагавший те же события, о пританах навкрарий не упомянул вовсе, хотя подчеркнул неограниченный авторитет архонтов (I, 126). По-видимому, даже в VII в. должность притана была столь близка к рангу архонта, что вариант исторического предания, использованный Геродотом, сохранил сведения о решающей роли пританов навкрарий в переговорах с мятежниками.

¹ *Coldstream J. N. Geometric Greece. P. 41–43.*

² *Ibid. P. 40–41.*

Несомненно, столь высокое значение поста руководителя навкраirii могло сформироваться за три-четыре столетия деятельности этих важных военно-морских органов полисного управления. Они были непосредственно связаны с населением всех частей аттического полуострова. Традиционное важное значение навкраirii ясно показывает отношение к ним Солона, а также Аристотеля.

Действительно, в своей Афинской политике Стагирит сообщил, что Солон сохранил древнейшее деление на четыре филы *кавбалер протеров*, каждая из которых делилась на двенадцать навкраirii. Властью над навкраирями были облечены навкраиры, поставленные для сбора взносов и для отпуска средств на возникающие расходы (8, 3). Возможно, что упомянутое Аристотелем число — сорок восемь навкраirii — было установлено Солоном сообразно с увеличившимся населением земли. В ранние времена, в X–IX вв., в малообжитых частях полуострова навкраirii могло быть немного. Умолчание Геродота о числе всех пританов навкраirii в 640–630-х гг. можно истолковать как свидетельство об их малочисленности.

Но независимо от размеров и числа навкраirii их начальникам в ранние времена приходилось вести очень большую работу по подготовке и содержанию в боевой готовности аттических военно-морских сил. Ведь до начала афинского монетного чекана в VII в. члены навкраirii оплачивали свое участие взносами материальных средств, например лесом, металлическими изделиями, парусиной, канатами и прочими видами снаряжения. Особенно сложной задачей навкраиров было распоряжение трудом выделенных им кланами мастеров судостроительного дела. Вопрос упирался не только в целесообразную расстановку работников различного уровня мастерства на соответствовавшие их возможностям участки судостроения. Индивидуальные несогласия были не столь сильны. Но могли возникать противоречия по поводу неравного обложения некоторых кланов. Несомненно, упорядочивание таких вопросов требовало от пританов навкраirii и от властей экономически ущемленных ими кланов тщательного изучения соответствующих правовых обычаев и способов их применения. Не только отдельные разногласия, но и менявшиеся реальные условия усложняли практику применения межклановых и общегосударственных правовых установлений, регулировавших военно-морские повинности аттических обитателей и их сообществ.

Несомненно, круг обязанностей пританов навкраirii постепенно изменялся от X к VII столетию, особенно в периоды существенных

сдвигов в самой аттической политейе. Естественно, что после установления десятилетнего срока для переизбрания триархов в 754/3 г. и особенно после 683/2 г., когда всех архонтов стали выбирать ежегодно, полномочия навкратов испытали какие-то изменения. Следует полагать, что упрочение полисной государственности усилило роль навкратий, остававшихся значимыми низовыми единицами управления на местах и в системе всей политейи. Пританы навкратий традиционно занимали весомое положение в своих округах и в высших правительственных кругах, что неизбежно умножало их правовую деятельность.

Только Клисфен, вводя в 509/8 г. г. новое административное устройство Аттики, установил деление полуострова по демам взамен традиционного распределения по навкратиям, причем демархов он наделил теми полномочиями, которые раньше имели навкраты¹. Аристотель в Афинской политике исчерпывающе охарактеризовал направленность политики Клисфена καὶ γὰρ τοὺς δήμους ἀντὶ τῶν ναυκρατῶν ἐποίησεν (Ath., Pol. 21, 5). Такое принципиальное противопоставление нового и старого органов административного деления аттической территории позволяет заключить, что и в VI в. система навкратий служила олигархическим политикам, использовавшим древние обычаи, часть которых, возможно, сохранялась от времен формирования навкратий.

Вполне естественно, что строение самых ранних навкратий могло отличаться своеобразными местными чертами. Вероятно, полемархи постепенно сглаживали ненужные различия, сплачивая воедино все звенья береговой и морской службы защиты. Такое выравнивание должно было происходить уже в X–IX вв., когда аттическое общество развивалось весьма динамично: выше были отмечены важные сдвиги в хозяйственной деятельности жителей полуострова и в их духовных представлениях. Общие перемены затронули даже столь традиционную область, как погребальная обрядность этноса. Ведь около 1050 г. кремация вытеснила давний способ захоронения покойника непосредственно в могиле, однако уже около 850 г. обряд ингумации был опять распространен по всей Аттике.

Естественно, что в тот же период должны были происходить дальнейшие усовершенствования политейи, пусть и частичные. Прежде всего, именно военное ведомство было вынуждено быстро укреплять

¹ Вопрос о соотношении обязанностей навкратов и демархов обстоятельно рассмотрел Д. Уайтхэд (Whitehead D. Demes. P. 15, 33–34).

аттическую обороноспособность, улучшая военно-морскую технологию и некоторые звенья оборонного дела. Более чем вероятно, что именно в указанные столетия система навкрарий была в основном сформирована; что тогда полемархи и их ведомство энергично укрепляли земельные сообщества для военно-морской обороны.

Вероятно, характер навкрарных сообществ должен был отвечать не только требованиям общеполисных властей, но и местноклановым правопорядкам владения участками аттического поморья. Разнохарактерность берегов отчасти воздействовала на силу сплочения нескольких кланов для общего дела. Естественно, что при всех различиях реальных возможностей во всех навкрариях главенствовал объединяющий принцип земельно-водного соседства, который в напряженные времена мог ставиться даже выше отдельной клановой принадлежности. Допустимо предполагать, что в каждой навкрарии постепенно вырабатывались местные береговые установления, которые обеспечивали успешное решение общих задач этой округи.

Вместе с тем навкрарии становились все более важными звеньями аттической государственной системы. Они не только развивали межклановые связи и постепенно расширяли практическое сотрудничество местных и верховных властей. Упрочение всей системы навкрарий вело к все большей консолидации аттических земель, политико-правовое единство которых, соответственно, возрастало.

Допустимо предположить, что деятельность навкрарий способствовала повышению самосознания отдельных членов клановых сообществ, выходцев из рядового слоя клановой общины. Каждая навкрария особенно нуждалась в качественном труде местных мастеров, выдающихся знатоков материаловедения, судостроения, кораблевождения и других отраслей военно-морского дела. Профессиональная одаренность таких работников, полноправных членов своих кланов, нередко могла ставить их выше своих издревле знатных или состоятельных сородичей. К тому же совместный труд в навкрарии с мастерами из других кланов содействовал укреплению внеклановых профессиональных связей, причем значимость известных одаренных мастеров могла получить признание далеко за пределами своей или соседних навкрарий. Конечно, эти предположения не позволяют конкретно определить изменение социального веса того или иного крупного работника. Однако отмечу: в обществе рос слой дельных знатоков, управлявших местными земельными и водными делами. Эти политы не занимались крупными общеполисными вопросами.

Живя в отдалении от стольного града и ответственно участвуя в развитии хозяйства своей земли, эти элины деятельно умножали интеллектуальный опыт всей Аттики. Естественно, что у них самих развивалось сознание своей значимости для всего полиса. Соответственно, повышалось их внимание к устойчивости своего правового положения. Тем самым вновь укреплялись давние традиции аттической народоправности — ведь басилеи и знать в XII—XI вв. не смогли существенно их ослабить. Рядом креп полис недругов-мегарян!

Конечно, деятельность навкрарий оказала несомненное воздействие на некоторые стороны аттической правовой жизни. Помимо постоянных задач по укреплению обороны, должен был неизбежно стоять вопрос о тщательном соблюдении правовых обычаев, определявших права каждого клана на морские промыслы в его собственных владениях и в отдаленных водах. Практика применения этих традиционных установлений могла иногда сильно изменяться в сейсмически неустойчивые периоды. Природные сдвиги разрушали общепринятые земельные и морские рубежи разных владений. Возникавшие конфликты между потерпевшими кланами или навкраориями могли упорядочить лишь мудрые знатоки уставов. Естественно, что ведавшие сложными положениями морских промысловых обычаев местные правоблюстители обладали особым общественным весом.

Еще одна группа работников, напряженно трудившихся на морях, должна была пользоваться значительным авторитетом. Это были опытные мореходы, умело промышлявшие в открытом море и доставлявшие своим кланам внушительное количество средств к жизни. Конечно, их доля в добыче могла быть несколько большей, чем часть, приходившаяся рядовым сухопутным сородичам. Не только материальные, но и психологические соображения могли побуждать семьи, выделявшиеся способностями и знаниями своих членов, последовательно наращивать свое мореходное мастерство на протяжении нескольких поколений сородичей. Умелые корабельщики увеличивали благосостояние своей семьи и клана, повышали общественную значимость ближайших сородичей. Нараставшее в X—VIII вв. имущественное неравенство отдельных семей внутри кланов и возвышение социального авторитета качественных знатоков мореходства и морских промыслов должно было наносить какой-то ущерб самосознанию тружеников, разрабатывавших менее обильные естественные богатства. Указанные сдвиги лишь постепенно набирали силу, но они все же подрывали давние обычаи внутрикланового равенства.

Логично полагать, что при этом возрастала сплоченность олигархических элементов в кланах и их групп во всем аттическом обществе.

Деятельность навкрай в изучаемые столетия должна была способствовать упрочению авторитета Аттики в пределах всего эллинского массива. Происходившее политическое обособление отдельных земель, сопровождавшееся их внутренней консолидацией различных степеней, требовало обладания необходимым военным потенциалом, реально доступным и растущим полисам, и крупным позднеплеменным союзам северного эллинства. В каждой автономии военная мощь зависела от качества ополчения, поставляемого тогда широкими кругами населения. В землях, сохранивших свою независимость, участвовавшее в обороне своей родины коренное население, вероятно, пользовалось весомыми традиционными уставами, определявшими правоспособность политов.

Но в Аттике движение политической жизни уже со второй половины XI в. определялось точно установленной системой обязательной смены триархов, исполнявших свою должность до 753 г. пожизненно. Наследственная передача власти была оставлена только клану Кодридов, архонтов-басилеев, ведавших сакральными и некоторыми правовыми вопросами пожизненно до 753 г. Уже с 714 г. полномочия архонта-басилея могли получать члены различных кланов.

Следует предполагать, что неизбежно возникавшая необходимость обязательной замены отслуживших десятилетие полемархов и архонтов становилась причиной острых разногласий между особо состоятельными и авторитетными кланами. Ведь экономически слабые кланы были не в состоянии освободить от родственных повинностей своих членов; к тому же напряженный труд на малопродуктивных угодьях таких кровных сообществ препятствовал активному участию выходцев из этих кланов в общеаттической политической деятельности.

Более чем вероятно, что успешно хозяйствовавшие на плодородных землях и занимавшиеся важными промыслами кланы могли создавать самые благоприятные условия своим сочленам, добивавшимся избрания на пост триарха. Успех полита во внутривнутриполитической борьбе придавал особое достоинство всему его клану — в тогдашнем обществе представления о значимости и авторитетности каждого сообщества были весьма развиты. Общее признание сородича, избранного триархом, вероятно, побуждало его рядовых родственников более усердно стремиться к экономической и социальной устойчивости, причем не только всего клана, но и отдельной семьи.

Надлежит отметить, что внушительное количество точных свидетельств конца X–IX вв. четко указывает на рост значения экономического благосостояния в жизни всего аттического общества. Известные ныне конкретные материальные источники детально и красноречиво освещают ряд черт сложного развития тогдашней Аттики. Они гармонично и существенно дополняют общую характеристику высшего органа власти, которую Аристотель в Афинской политике привел вплоть до эпохи Драконта τὰς μὲν ἀρχὰς καθίστασαν ἀριστίαν καὶ πλουτίαν· ἤρχον δὲ τὸ μὲν πρῶτον διὰ [βίου], μετὰ δὲ ταῦτα δεκάετιον (3, 1). Прямое указание Стагирита на пожизненный и затем на десятилетний срок полномочий трех высших правителей¹ позволяет уверенно заключить, что в X–VIII вв. духовный и материальный факторы имели одинаковое значение во внутривластической борьбе. И они оба были обязательным условием для деятелей, состязавшихся за посты двух светских триархов. Ведь в изучаемые столетия не все знатные кланы обладали значительными средствами, необходимыми для борьбы за успех своего сородича.

Действительно, хозяйственный потенциал некоторых кланов тогда уже намного превосходил зажиточность других кровно-родственных общин. Вероятно, основой их крепкого благосостояния были не только лучшие земельные и морские угодья, но и успешная ремесленная деятельность искусных мастеров-сородичей. Развитие производственной жизни в изучаемые столетия позволяет предполагать рост числа мастеровых не только в самих Афинах, но и в городках и посадах. Естественно, что группы политов, содействовавшие благосостоянию своих кланов, могли активно поддерживать политические устремления наиболее энергичных сородичей. Ведь именно особо состоятельные семьи в преуспевавших кланах широко использовали творческие возможности и производственное мастерство сородичей-ремесленников.

В психологии зажиточных групп населения уже нарастало стремление к обладанию личными ценностями, что постепенно подрывало традиционные представления о материальном внутривластическом равенстве сородичей, ярко проявлявшиеся в суровых бытовых древностях еще в XII–XI вв. Но в X и последующих столетиях материальные источники ясно отражают рост накопления имущества от-

¹ Уже Дж. Е. Сэндис уверенно дополнил διὰ [βίου], опираясь на Ath. Pol., 3, 6 и на Aristot., Pol., 1270b 39; 1272a37; 1285a15. См. Sandys J. E. Aristotle's Constitution of Athens. P. 6, not.

дельными личностями. Сначала такие «крепкие хозяева» увеличивали материальный и политический авторитет своих кланов, причем не только в своей округе, но и во всем полисе. Однако возмужавшее экономическое превосходство во многих случаях вело к развитию политических столкновений между кланами и их властями.

Борьба за главенство неизбежно усложняла духовный мир жителей Аттики. Она вносила некоторые отрицательные черты в миропонимание отдельных социальных групп и их представителей. Энергичные обладатели значительным имуществом могли уверенно состязаться за политическое преобладание в обществе. Еще Фукидид, указывая общечеловеческие недостатки, отметил, что любостыжательство и честолюбие порождают стремление к власти¹. Аттическое общество X–IX вв. не было исключением — материальные источники, бесспорно, свидетельствуют о знаменательных сдвигах в психологии зажиточных кругов. Состоятельные семьи считали себя вправе не только иметь большое имущество, но и явно показывать свое богатство. Об этом можно судить по характеру заупокойных даров в могилах афинян и жителей некоторых других мест.

Весьма показателен рост числа и качества золотых украшений в погребениях афинянок. Если в тревожные 1125–1050-е годы в субмикенском некрополе Афин золотые украшения единичны и довольно просты², то уже около 1050–900 гг. драгоценные дары сопровождали покойниц гораздо чаще и в большем количестве. Так, по две весомых золотых спирали обнаружено в афинских протогеометрических могилах № 5 и 22, причем качество этих изделий стало более высоким³. Массивность украшений указывает на то, что тогда приток золота в Афины был достаточно велик.

¹ *Thuc.*, III, 82, 7–8; *Кессиди Ф. Х.* Философские и этические проблемы. С. 42–44.

² *Kraiker W.* // *Kerameikos*. Bd I. S. 24–25, 81. Taf. 2, 1. Погребенная в могиле № 46 афинянка имела лишь одну золотую спираль, но зато много бронзовых вещей. Среди последних приметны, тогда весьма модные, две булавки для одежды, каждая длиной по 0,38 м. Еще в одной могиле того же времени находилась одна золотая спираль, но место и номер погребения исследователем не указаны (*Kraiker W.* *Ibid.* S. 131).

³ *Kraiker W.* // *Kerameikos*. Bd I. S. 97. Taf. 76; *Kübler K.* // *Kerameikos*. Bd IV. S. 25–32. Taf. 39. Менее состоятельная афинянка, погребенная в могиле № 25, получила лишь одну скромную одновитковую золотую спираль (*Kübler K.* *Ibid.* S. 33. Taf. 39).

Наличие в Афинах весьма состоятельных семей, обладавших конями или золотыми украшениями¹, позволяет полагать, что во второй половине X в. в обычном праве уже применяли некие клановые и общеполисные установления, определявшие права личного владения разными видами ценностей. Эти положения исходили из действовавших семейно-клановых право порядков. Но постепенно должно было возрастать разграничение индивидуальных владельческих прав и семейно-клановых правил, которые упорядочивали практику владения недвижимым имуществом отдельной семьи и всего кланового сообщества. Видимо, именно личные вещи обычно сопровождали своих владельцев в Аид, особенно если они принадлежали к средним слоям. Но некоторые семьи и кланы в IX–VIII вв. снабжали своих знатных покойников исключительно ценными заупокойными дарами, видимо выделенными из общего семейного или кланового имущества.

Естественно, что имеющиеся ныне источники неполно освещают виды имущества, которым обладали богатые семьи. Остается неизвестной ценность изделий, служивших предметами натурального обмена. В тогдашней Аттики полный набор ратного вооружения пешего ополченца мог стоить гораздо больше, чем две-три золотые безделушки. Однако ясно, что слой столь тщательно вооруженных пехотинцев, составлявших важную часть всего населения, имел прочное политико-правовое положение в жизни полиса. И хотя наиболее богатые семьи в ряде кланов постепенно обособлялись в олигархические группировки, однако они не могли пренебрегать весомой поддержкой успешно хозяйничавших сородичей. Описанные выше обряды захоронения ратников с их оружием, бесспорно, указывают на значительный общественный вес таких субъектов кланово-полисного права.

Можно предположить, что нараставшее социально-экономическое неравенство, проявлявшееся в различных слоях аттического общества, обусловило в X–IX вв. разработку необходимых дополнений к действовавшим правовым уставам. Развитие правотворчества шло

¹ Весьма спорно предположение А. Снодграсса об отсутствии в могильнике Керамика в X в. золота и других ценных даров (*Snodgrass. Dark Age. P. 246–248*). Например, на рубеже X–IX вв. два золотых кольца украшали афинянку, погребенную около 900–880 гг. в могиле № 7 Керамика (*Coldstream J. N. Geometric Greece. P. 32–33 Fig. 5b*). Ведь золотом были богаты некоторые среднебалканские земли, куда аттические моряки могли попадать, преодолев лишь около 600 км пути каботажным плаванием.

в различных направлениях: в отдельных кланах и в масштабах всей политейи. Следует думать, что внутриклановые правоведы были озабочены не только проблемой укрепления значимости древних обычаев естественного права, определявших характер кровнородственных связей каждого сообщества. Несомненно, усложнялись контакты между кланами, причем иногда немалую роль могли иметь межличностные отношения верхов различных кланов: на местах такие вопросы много значили не только для олигархов, но и для населения прилегающей округи.

Более сложные процессы происходили в сфере тогдашнего общеполитического права, призванного защищать внутренние и внешние интересы всей Аттики. Оно подлежало охране и упорядочению самих триархов и их ведомств. Успешное развитие хозяйственной и духовной жизни всего полуострова позволяет полагать, что правовая деятельность триархов около 990–800 гг. была достаточно разносторонней. Реальная практика требовала не только рационального применения уже действовавших правовых обычаев, но и создания новых общеполитических установлений, которые могли лучше содействовать жизнестойкости всей государственности. Расширение круга общеаттических правовых обычаев, которое проводили триархи, неминуемо вело к увеличению круга обязанностей и полномочий высших властителей. Вероятно, каждому из триархов приходилось тратить много усилий, чтобы добиться разумного соотношения местных правовых традиций с общегосударственными установлениями. Успеху таких согласований должно было способствовать усиление идеи о единстве всего населения полуострова. Очевидно, триархи тщательно поддерживали тенденции к сплочению этноса — ведь консолидация аттического кланово-племенного сообщества существенно укрепляла всю политейю и личную власть каждого из пожизненных верховных правителей.

Допустимо предположить, что некоторые триархи могли находиться у власти длительное время. Так, аттическая традиция, сохранившая сведения о правивших басилеях-триархах, между приблизительно 990–890 гг. упоминает имена лишь трех последовательно сменявшихся глав сакрального ведомства. Правда, деятельность светских триархов могла временами быть столь сложной, что она значительно сокращала жизнь некоторых полемархов или архонтов. Назову лишь столь острый вопрос, как проблема главенства триархов над полномочиями клановых верхов. В нем могли переплетаться противоречия столичных и местно-клановых властей, усложненные

деловыми конкретными реальностями, а также личными интересами особо энергичных честолюбцев. Уже К. М. Колобова справедливо указала, что в VIII в. в Аттике наблюдается сильная централизация власти¹. Но начало этого политического процесса, несомненно, следует искать еще в предшествующих двух столетиях.

Изложенные выше мои суждения пока содержат много предположений. Однако ряд явлений в аттической жизни X–VIII вв. указывает на важные новшества и в мировоззрении, и в хозяйственной деятельности обитателей полуострова.

Отметим существенные данные, которые освещают такие разделы духовной жизни Аттики в X–VIII вв., как искусство и погребальные обряды. Дошедшие источники согласованно свидетельствуют о том, что представления о тесном единении всего аттического населения господствовали в миропонимании всех слоев общества.

Особенно красноречивы памятники художественной мысли, отчетливо выражающие единство принципов изобразительного творчества. Немалое число произведений прикладного искусства указывает на общность художественных взглядов гончаров, вазописцев, оружейников и других мастеров, творивших для потребителей, имевших весьма различный достаток.

Доходчиво эту общность выражала вазопись, по своей природе являвшаяся глубоко каноническим искусством. Между 1050–700 гг. в аттической керамике мощно развился геометрический стиль, отличавшийся строгим соблюдением традиционных норм. Правда, некоторые вазописцы в деталях вводили элементы своего личного творчества, но не нарушали главенства общей направленности эстетических представлений тогдашней Аттики. Характерной чертой этой направленности было решительное обращение к художественным элементам (например меандр, метопное расчленение рисунка), применявшимся в искусстве Элады еще в III тысячелетии, когда население страны достигло позднеплеменного общественного развития. Возрождение давних художественных представлений в период решительного ограничения власти басилеев отражало силу стремлений аттического населения использовать ряд отеческих обычаев домонархического общества, служивших благом простого народа.

Несомненно, известное значение могло иметь воздействие внутреннего устройства племенных массивов северобалканских земель. Жившие в условиях зрелого племенного быта, эти северные соседи

¹ Колобова К. М. Древний город Афины. С. 35–37.

эллинизма, издавна ему родственные, сохраняли многие древние установления, оберегавшие прочность основных жизненных условий для самых широких кругов населения своих земель. Внутренним порядкам этих сообществ в полной мере соответствовали их сакрально-эстетические представления: они развивались последовательно в III–I тысячелетиях, причем в прикладном искусстве непрерывно использовались геометрические художественные мотивы, полностью главенствовавшие.

Естественно, что аттические керамевсы в X–VIII вв., безоговорочно следуя общепринятому стилю, все же использовали некоторые традиции мастеров, в XIV–XIII вв. работавших в Аттике¹. Но эти воспроизведения гармонично вводились в ряды общепринятых орнаментальных мотивов. При этом тщательно соблюдалась последовательная стройность, являвшаяся одним из важнейших принципов всей системы геометрического стиля.

Мощное развитие единого направления художественного творчества, бесспорно, указывает на то, что данное явление аттической духовной жизни отражало основные идеи умственной деятельности всего населения полуострова. Эта общность художественных вкусов была одним из проявлений крепнувшего единства его обитателей. Сила консолидирующих тенденций столь же отчетливо просматривается в быстроте общего сдвига в погребальном обряде: между 850–760 гг. кремацию вытесняет обычай захоронения покойника в могильной яме, простой или укрепленной камнями. Этот переход, как отметил уже К. Кюблер², явился возрождением обряда, принятого в Элладе в III–II тысячелетиях. В XI–X вв. этим способом хоронили только детей. Возвращение к сакральному обычаю предков довольно плавное, причем первоначально оба вида захоронения применяли почти одновременно на одном и том же некрополе.

Попутно отметим, что мощное развитие идей единства в духовной и материальной деятельности Аттики постепенно оказывало все боль-

¹ Snodgrass. Dark Age. P. 382–386. Вопрос о древнейших прототипах, использованных мастерами геометрического стиля, уже вновь рассмотрен (Benson J. E. Horse, Bird and Man: the Origins of Greek Painting. Amherst. (Mass.), 1970). Коренному населению полуострова эти мотивы непрерывно говорили о важных этико-правовых ценностях, созданных предками еще во II тысячелетии. Правда, в X–VIII вв. эти отдельные представления на практике понимались иногда неоднозначно: в тогдашнем аттическом обществе нарастало обособление некоторых его частей (Roebuck C. Three Classes (?) in Early Attica // Hesperia. 1974. Vol. XLIII. P. 485–493).

² Kübler K. // Kerameikos. Bd V, 1. S. 8, 37.

шее влияние на некоторые стороны культуры соседних эллинов, особенно жителей островов и аттических апойкий. Так, в Лефканди на Евбее в конце X в. привозили аттическую керамику и даже в обряде погребения кремацию совершали по аттическому обычаю — например, на пепелище № 14 в нижнем захоронении¹. Естественно, что мителтяне столь же усердно следовали обычаям своей метрополии².

Сопоставляя данные материальных источников со сведениями легендарной традиции о непрерывном правлении триархов, следует предположить, что в X–VIII вв. жизнь Аттики направляли выдающиеся личности. Реально мыслившие люди трудились на разных уровнях хозяйственной и духовной сфер деятельности, причем не только внутри своего полуострова. Постепенно возрастал авторитет Аттики среди других частей эллинского массива, что, несомненно, указывает на успешные межэллинские отношения, которые устанавливали тогдашние аттические политики.

Можно полагать, что аттические власти старались укреплять добрососедские отношения с островными эллинами. Ведь в экономике всего полуострова морские промыслы и мореходство были весьма значимыми источниками для жизнеобеспечения растущего населения. Естественно, что мирные связи с ближними и отдаленными островиятиями, вплоть до Крита и Кипра, могли быть успешными при соблюдении ряда точных договоренностей между сторонами. Вероятно, постепенно вырабатывались устойчивые обычаи морского сообщения, в том числе и правила совместной борьбы с пиратскими нападениями на суда и поморья. Наиболее целесообразные положения правовой деятельности морских кругов, несомненно, переходили в общеполитические установления и Аттики и островных автономий.

Значимость мореходства не только возвышала культ Посейдона, она оказала воздействие на аттическую художественную мысль: в изделиях прикладного искусства появились изображения корабля³. Очевидно, уже к 850-м гг. афинские мореходы стремились подчерк-

¹ AR for 1984–85. P. 15–16.

² Boardman A. The Greeks overseas. P. 23–24.

³ Около 850 г. в Афинах на Керамике в могиле № 41 был погребен зажиточный афинянин. Среди его погребальных даров был найден шиток бронзовой фибулы с изображением корабля и рыбы под ним (Kübler K. // Kerameikos. Bd. V. 1. S. 236. Abb. 159–161). Этот вид фибул получил особое распространение в VIII в. причем не только в Аттике (De Vries K. A Grave with a figured Fibula at Lerna // Hesperia. Vol. XLIII. 1974. P. 80–93.

нуть свою профессиональную принадлежность, используя даже фибулы. Конечно, столь красноречивые источники отражают положение мореходства довольно позднего времени. Начало особо оживленного хождения по морю можно отнести еще к X в., когда, согласно заключению В. Десборо¹, распространение аттического протогеометрического стиля на островах и в малоазийском эллинстве происходило в условиях спокойного развития. Это авторитетное суждение об устойчивом положении около 1025–900 гг. в межэллинических контактах Аттики позволяет уверенно полагать, что и внутреннее состояние аттического общества было тогда довольно прочным. Не столь давно введенная триархия показала не только целесообразность многовластной формы государственности для всего населения. Ей удалось завоевать весомые позиции во всем обширном многочисленном эллинском массиве, включавшем политические образования, достигшие различных ступеней автономии и автаркии.

Но последовательное укрепление политейи не уменьшало количество сложных вопросов, появлявшихся внутри общества. В его реальной жизни, несомненно, возникали положения, упорядочение которых требовало активного сотрудничества властей всех уровней. Например, некоторые кланы могли иногда оспаривать необходимость мер, проводимых верховными правителями. Поэтому главы полиса должны были в таких случаях применять особые политико-правовые приемы для укрепления своей власти и всей триархической политейи. Ведь даже отдельные клановые деятели могли пытаться расширять свои полномочия в ущерб полемарху или архонту.

Высказывая изложенные предположения, я считаю необходимым подчеркнуть, что в Аттике тех столетий, несомненно, имела место борьба мнений отдельных кланов или их верхов по вопросам не только местного значения, но и относящихся к общей политической направленности деятельности триархов. Ведь все общество переживало сложный период укрепления и согласования всех звеньев системы троевластия. Эти задачи требовали напряженной интеллектуальной деятельности тружеников в различных сферах жизни полуострова. Несомненно, особенно необходимым было создание новых общеаттических ранне-триархических правовых установлений взамен ряда политических порядков уже отмененного единовластия.

Естественно, что положительную роль в это время сыграла прочность традиционной и незыблемой кланово-племенной организации

¹ *Desborough V. Protogeometric Pottery. P. 298–302.*

населения, издавна объединенного идеей своей племенной общности. Эта система связей отдельных сообществ сохраняла свое значение в жизни всего народа с давних времен. Даже в период царевластия, стремившегося вытеснить некоторые исконные правовые обычаи своими установлениями, монархам не удалось существенно ослабить кровные и племенные связи во всей аттической земле.

Здесь необходимо напомнить, что клановые, то есть биологические, связи были важным фактором в развитии человечества, особенно значительным в жизнедеятельности родоплеменных и раннегосударственных общественных устройств. Кровное родство играло весьма существенную роль в истории эллинства даже в периоды деятельности сложных государственных систем в разных автономных землях Элады в VI–III вв.

Естественно, что аттические клановые единства оказались самыми основными устойчивыми единицами во всей общественной системе в то столетие, когда происходило завершение переустройства высшего органа власти: в ущерб царевластию нарастал авторитет светских правителей, полемарха и архонта. Начало этого процесса восходило к раннемонархическим временам, когда существовал обычай: при слабом басилее военно-политическое высшее правление переходило к полемарху. Об этом порядке свидетельствует аттическая традиция, сохраненная Геродотом (VIII, 44) и Аристотелем в Афинской политике (3, 2). Следует полагать, что в решении вопросов о временных полемархах обычно участвовали и верхи кланов, поскольку именно они ведали отправкой сородичей-ополченцев под начало полемарха. Эта обязательная деятельность кланов весьма способствовала тому, что кровные сообщества накопили значительный правовой опыт упорядочения отношений не только во внутриклановых делах, но и в общегосударственных вопросах.

Более чем вероятно, что эволюционное изменение политейи, которое аттическая традиция относилась к временам правления царей Медонта-Кодрида (около 1068–1048 гг.) и его сына Акаста (около 1048–1012 гг.), стало возможным и весьма успешным благодаря тому, что все части населения поддерживали этот сдвиг. Особенно важны были позиции кланов, которые уже к середине XI в. умели активно участвовать в общей внутривнутриполитической жизни. Ведь завершившееся при Акасте тщательно продуманное разделение высшего органа власти на три обособленные ветви было весьма основательным

преобразованием. Обновленная система правительства оказалась прочной, бесспорно, в силу того, что именно массовые клановые сообщества согласованно поддерживали ее деятельность. Конечно, не все простые жители полуострова умели понимать тонкости государственной системы, но они могли следовать суждениям авторитетных сородичей, хорошо знавших правовые обычаи и ясно понимавших необходимость создания триархии.

Полагаю, что именно наличие в кровно-родственных сообществах правоведов, умевших мыслить кланово-племенными и общегосударственными категориями, позволило этим звеньям полисной системы вести весьма ответственную деятельность. Разнородные источники показывают, что в XI–X вв. кровные объединения, соблюдая общепринятые сакральные обряды, дополняли их строгими внутриклановыми установлениями. Например, примечательна суровая упорядоченность рядов могил на некрополях. Так, в Афинах уже с XII в. полностью принят обычай поодионого погребения каждого взрослого сородича независимо от его материального положения¹. Такой четкий порядок ясно отражал устойчивость принципа внутрикланового равенства бедных и богатых сородичей. Представление о решающем значении кланового, именно кровного, единства сородичей определенно противостояло обычаям монархического времени, когда состоятельные семьи сооружали семейные склепы², а простые могилы и плитовые ящики служили незнатным и бедным людям.

Столь ясный отказ от погребальных обычаев XVI–XII вв. неоспоримо свидетельствует о мощи антимонархической идеологии. Видимо, в XI–X вв. самосознание всей массы аттического народа было достаточно определенным: отрицание монархических установлений существенно изменило даже сакральную обрядность. Вероятно, потому что знати царских времен хорошо понимали неизбежность отказа от узких семейных традиций во имя возрождения силы кланов.

Факт равного захоронения сородичей на клановом некрополе, бесспорно, свидетельствует о тщательной разработке кладбищенского права, обеспечивавшего членам кланов заупокойное пользова-

¹ Snodgrass A. Dark Age. P. 147–148.

² В Перати зажиточные обитатели продолжали использовать семейные склепы даже между 1190–1075 гг. (*Iakovides S. Perati. II. P. 240, 243*).

ние участком на клановом погосте. Это сакрально-правовое установление позволяет утверждать, что в изучаемые столетия система аттического поземельного права уже содержала раздел положений, регулировавших межклановые и даже внутриклановые земельные отношения.

Несомненно, усилению общей правоспособности кланов весьма содействовало то обстоятельство, что формирование триархии около 1048–1012 гг. сопровождалось устранением царских управителей на местах. Однако реальная жизнь требовала быстрого решения ряда местных задач и умелого выполнения общегосударственных установлений и распоряжений триархов. Власти кланов обладали важными традиционными полномочиями и трудом сведущих родичей-правоведов. Поэтому сотрудничество с ними было особенно необходимо верховным светским правителям для согласованного укрепления обновленной политеи и сохранения автономии всей Аттики.

Имеющиеся источники неоспоримо свидетельствуют, что в XI–IX вв. развитие общества шло эволюционным путем и благосостояние обитателей полуострова постепенно, хотя и не единообразно, возрастало. Очевидно, всем органам власти удавалось тогда достаточно полно отвечать основным интересам народной массы и ее отдельных частей. Конечно, менявшиеся общие, местные и даже частные внутриклановые условия могли вызывать иногда некоторые противоречия. Вопрос об использовании водных ресурсов мог, например, порождать столкновения между соседними сообществами. Однако такие случаи не нарушали устойчивого внутреннего порядка. На это указывает мощное единство главных черт общей культуры различных частей всей Аттики.

Впечатляющее единообразие культуры позволяет заключить, что в духовном мире населения полуострова главенствовали идеи, утверждавшие силу этнотерриториального единения всех обитателей, сплоченных в клановые сообщества и управляемых общим верховным правительством. Следует полагать, что идеологические воззрения массы народа, его знати и его правителей развивались достаточно согласованно. Основным понятием для всех частей общества, судя по источникам, была идея необходимости поддержания усредненного равенства, особенно внутрикланового. Это представление восходило к идеологии предков времен зрелого племенного быта. Его возрождение логически вело к оживлению некоторых старинных идей и правопорядков еще домонархических времен.

Примечательно, что возвращение к некоторым важным воззрениям и установлениям проходило в условиях жесткой упорядоченности духовных и материальных сфер жизни всего общества. Источники XI–IX вв. свидетельствуют, что все слои населения неуклонно считались с главенствующими моральными ценностями, которыми были идеи порядка, умеренности, строгого исполнения обязанностей и соблюдения правил, ограничивавших образ жизни почти всех групп обитателей полуострова. На практике эти требования привели к некоторому упрощению форм жизни народа. Однако хозяйственное развитие Аттики продолжало идти по восходящей линии, как показывает количественный и качественный рост производившейся продукции. Ее создавали по усложнявшейся технологии.

Ясные свидетельства о неуклонном развитии деятельности всего народа показывают ошибочность довольно распространенного среди современных историков мнения, будто простота быта и усиление клановых сообществ означали глубокий упадок культуры и возвращение аттического населения в условия первобытно-общинного устройства¹.

Беспорный крупный политико-правовой поворот аттического общества в XI–IX вв. был последовательно проведен народом, сознательно продумывавшим свой накопленный веками опыт внутриполитического устройства, а также ясно понимавшим сложность задачи: сохранить независимость автономной Аттики и укрепить ее авторитет во всем эллинском массиве. Успешное установление тревластия показывает, что оно было создано обществом, развившим активную политическую жизнь. Конечно, инициатива принадлежала ведущим политико-правовым деятелям из мощных кланов. Однако их курс был понят и, видимо, поддержан большинством населения полуострова.

Очевидно, масса рядовых жителей одобряла идею укрепления внутрикланового равенства кровнородственных общинников и весь

¹ Упомяну лишь суждения Ю. В. Андреева, полагавшего, что вторжения дорян вернули эллинские земли, в том числе и Аттику, на стадию первобытно-общинных отношений; что эллиństwo, утерев опыт монархического строя, только в VIII в. стало заново создавать государственные системы (Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. С. 13–15; *Он же*. К проблеме послемикенского регресса // ВДИ. 1085. № 3. С. 9, 16, 29; *Он же*. В ожидании греческого чуда // ВДИ. 1993. № 3. С. 14–15).

ма положительно относилась к политике властей, целеустремленно поддерживавших преобладание мировоззрения средних слоев населения. Судя по погребальному инвентарю тогдашних афинян, даже состоятельные семьи ограничивались скромными дарами усопшим родичам.

Бесспорно, некоторые верхи кланов, родоначальники которых достигли богатства и почета еще при единовластных царях, могли быть недовольны главенством умеренности в сознании всего остального общества. Возможно, именно их чрезмерная гордыня побуждала народ и высшие власти проводить столь жесткую идеологическую политику. Категоричность аттического миропонимания изучаемого времени весьма выразительно отражают художественные каноны геометрического стиля в вазописи X — начала VIII вв. Его абстрактный линейный характер стал более суровым: почти исчез мотив круга, основными элементами декора стали зубцы, меандр и простые сочетания линий. Только около 850 г. круг вновь получил полное признание.

Искусствоведы, исследовавшие указанные изменения в вазописи, согласно полагают, что эти немногие художественные образы служили утверждению основных духовных ценностей аттического общества, стремившегося тогда к строгому порядку, простоте и дисциплинированности. Настоятельное и мастерское повторение этих идей вазописцами указывает на общеобязательность таких понятий. Тем самым большинство народа и, вероятно, власти всех уровней неукоснительно поддерживали установленные порядки и общепринятые умонастроения.

Попутно замечу, что столь суровое воздействие на творчество эллинских вазописцев не имело предшествующих примеров. Даже в III тысячелетии мастера, используя общепринятые геометрические мотивы, иногда позволяли себе обращаться к мотивам живой природы. Хорошо известны произведения кикладских керамевсов, например расписная фигурка медведя с миской, происходящая с острова Сирос. В соседней с островным миром Аттике даже мотив спирали мог воспроизводить морские волны.

Сопоставляя данные об однотипности погребального обычая со строго ограниченными рамками художественного творчества керамевсов, можно уверенно утверждать: в период ранней триархии внутреннее состояние Аттики было столь напряженным, что только жестко регулируемый властями порядок и сознательное самоогра-

ничество большинства населения обеспечивали дальнейшее успешное развитие земли¹.

Естественно, что в таких условиях происходило уточнение и дальнейшее умножение правовых обычаев, определявших правила междуклановых и внутрисударственных взаимосвязей. Одновременно могли быть отменены некоторые ставшие бесполезными нормы. Однако правотворческая мысль должна была разработать новые правила, которые согласовывали бы действовавшие установления аттического этноса с его измененной системой верховного управления.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что необратимое преобразование политеи в XI в. было важнейшим сдвигом в системе управления: оно впервые ввело отделение полномочий главных мирских магистратов от прав верховного сакрального правителя и утвердил принцип постоянной выборности двух светских пожизненных триархов.

Имеющиеся источники не содержат сведений о том, какие группы народа участвовали в выборах полемарха и архонта. Вероятно, право избрания принадлежало, прежде всего, властвовавшим триархам и совету старейшин, включавшему в себя клановые верхи и авторитетных местных деятелей. Однако это предположение исходит из более поздних сведений о роли высшего совещательного и, одновременно, правившего органа, собиравшегося на холме Арея.

Особенно важен бесспорный факт: пожизненный срок исполнения должностей двух светских триархов и необходимые выборы их преемников, пусть происходившие в различные нерегулярные сроки, открыли постоянные и строго узаконенные возможности для деятельности политических групп или их отдельных членов, например, кланов или даже энергичных честолюбцев. Началась и набирала силу целеустремленная политическая борьба за два из трех высших правительственных постов. Ведь власть полемарха и архонта, обязан-

¹ Следует отметить, что в идеологии эллинизма времен монархического строя много значили представления о порядке и уравновешенности. Они соблюдались не только в вазописи изысканных и простых массовых сосудов, но и в монументальной архитектуре: симметрично стоят две львицы, охраняя вход в царскую крепость-дворец в Микенах (*Wace A. Мусенае. Р. 52–53. Fig. 73*). Четкий порядок ахейского пешего ополчения запечатлел художник, расписавший около 1200 г. микенский Кратер Воинов. Очевидно, такое строгое построение ратников отвечало давним порядкам военного обычного права Арголиды, сохранявшегося всем народом этой земли.

ных заботиться о благополучии всей Аттики, самопроизвольно придавала особый вес их кланам и честолюбивым родичам. Возможно, что избираемость двух триархов способствовала усилению принципа выборности во внутривполитической жизни полуострова. Ведь в монархии воля басилея лишала народ возможности избирать своих правителей и, возможно, земские власти.

Но сколь частыми были перевыборы пожизненных глав полиитей? Историческая традиция сохранила лишь общее указание — διὰ βίου, которое Аристотель привел в Афинской политике (3, 1, 4, 6), говоря о длительности правления триархов, властвовавших в период от царствования Акаста (около 1048–1012 гг.) до 754–753 гг.

Следует полагать, что триархами становились знатные и богатые жители земли, добившиеся уважения и известности не только в своей клановой общине кровных сородичей, но и в большинстве аттических кланов. Естественно, что притязать на пост триарха могли авторитетные политические деятели, уже достигшие лет 30–35 или даже более зрелого возраста. Ведь в раннеаттической полиитее общество особо ценило политический опыт и мудрость представителей старших возрастных групп, которых было достаточно много среди клановых верхов. Вероятно, в большинстве случаев полемархами или архонтами избирали пожилых людей, которые до своего преклонного возраста¹ могли ответственно выполнять обязанности верховных правителей. Естественно, что при благоприятных условиях большинство триархов в X–IX вв. могли занимать свои посты лет 25–20. Иногда неожиданная кончина правителя обуславливала избрание новых высших сановников через более короткие периоды времени.

Изложенные предположения позволяют утверждать: сколь бы долго ни длилось пожизненное правление каждого из мирских триархов, аттическому народу приходилось проводить выборы новых соправителей два раза на протяжении каждых 15–20 лет. Повторение, пусть и нерегулярное, столь важной внутривполитической процедуры укрепляло практику выборности, неизменно возвышая принцип

¹ Должно помнить, что в Афинах между 1100–900 гг. лишь немногие горожане достигали 60 или более лет. Так, на некрополе Керамика лишь четыре из девяти погребенных к 1050 г. покойников (могила № 93 и черепа №№ В, С, D) прожили 50–60 и больше лет (*Breitinger E. Die Skelette. S. 220–238*). Более часты погребения лиц около 30–50 лет. Например, около 900 г. в могиле № XXVII был кремирован, по определению Дж. Ангела, афинянин, достигший лишь 34 лет (*Blegen C. Two Athenian Grave Groups. P. 282*).

обязательной смены двух верховников. Тем самым, каждому поколению правоспособных обитателей земли надлежало принимать активное участие в политической деятельности: вероятно, сначала в пределах своих кланов, выдвигавших претендентов на освободившийся высокий пост или поддерживавших известного деятеля из другого кланового сообщества.

Отсутствие прямых источников позволяет только предполагать, что выборы светских триархов проходили не прямо, но возможно. Однако, несомненно: соперничество нескольких активных деятелей неизбежно вело к образованию сильных политических групп, включавших клановые верхи с достаточно приближенной направленностью их политических интересов. Сам факт установления в 754/3 г. десятилетнего срока триархического правления бесспорно свидетельствует, что во внутренней жизни земли уже полностью главенствовала группа политиков, считавших необходимой отмену традиционного порядка пожизненного правления мирских триархов. Естественно, что проведению столь глубокого преобразования предшествовал длительный период борьбы мнений о целесообразности сохранения пожизненного правления двух верховников. Очевидно, уже к середине VIII в. социальный вес сторонников реформы намного превосходил силу ее противников.

Бесспорно, развитие аттической государственности и формирование общеполитических правовых норм требовали повышения ответственности светских триархов, а также более четкого разграничения полномочий властей всех уровней. Естественно, что в клановых общинах и в локальных племенных и территориальных сообществах вырабатывались частные правовые обычаи, отвечавшие местным особенностям жизни. Соответственно, становилась все более сложной задача обязательного согласования действий различных властей, применявших общеаттические и локальные правовые положения. Успешное развитие всей земли показывает, что внутреннее состояние общества в основном было устойчивым. Однако в практической работе местных и общеполитических должностных лиц неизбежно могли возникать разногласия относительно способов разрешения реальных дел.

Особенно часто должны были появляться противоречия при истолковании положений древних обычаев или при создании новых правовых формул-изречений. Ведь устная передача обязательных установлений обычного права издавна происходила при условии неременного сохранения их точной словесной формулировки.

Это требовало высоко развитого уровня правосознания и точных знаний своего дела от составителей новых юридических положений: их формулы служили долгое время. Устойчивость канонов геометрического стиля (около 1000–700 гг.) позволяет предполагать, что не меньшей была сила общепринятых положений и в важнейших сферах аттического мировоззрения тех столетий.

Естественно, что очевидная прочность общеэтнической правовой дисциплины обеспечивала сохранность основной массы правовых формул, применявшихся на практике. Однако истолкование правового изречения могло существенно изменяться в силу новых реальных условий или в зависимости от личного умозрения некоторых правоведов. Вполне возможно, что именно последнее обстоятельство порождало нередкие противоречия между блюстителями клановых прав и сановниками, ведавшими применением общеаттических установлений. Бесспорно, общеполисные правоведы стремились укреплять правопорядки, необходимые для всей политейи, что могло ограничивать частные права кровных общин. Предполагаемые неизбежные разногласия между двумя указанными группами аттических правоведов на практике должны были способствовать развитию правотворчества, усложняя его и совершенствуя формулы юридических положений, отвечавших интересам всего этноса и его отдельных частей. Тем самым возрастал профессионализм знатоков права различных уровней. Одновременно усиливалось внимание самых широких кругов народа к правовой практике властей: ведь они могли нанести ущерб правам клановой общины и даже интересам отдельных членов кровного сообщества.

Следует заметить, что после установления триархии в правовой жизни Аттики неизбежно должны были происходить сдвиги. Например, неминуемо увеличилось значение клановых властей в связи с тем, что был устранен штат царских управителей, а полемарху и архонту, вероятно, потребовалось какое-то время для организации своей сети местной службы. Несомненно, коллегия триархов должна была, прежде всего, систематизировать схему общеаттического управления. Конечно, каждый триарх и его ведомство вносили изменения и дополнения в свод правил, определявших их деятельность. Такие необходимые изменения приводили к последовательному развитию обособленности направлений их правовой практики, мысли и создаваемых заново юридических обобщений. Изначально предполагаемое разграничение могло проявляться довольно слабо.

Однако изменения в структуре всего общества к концу X в. должны были оказать влияние на правосознание жителей полуострова и на практическое применение некоторых общеправовых положений. Рост государственности создавал новую действительность. Последовательное развитие хозяйства Аттики сопровождалось поступательным движением во всех сферах экономической деятельности общества и одновременно дальнейшими сдвигами в его мировоззрении. По-видимому, указанные процессы протекали довольно динамично — ведь они происходили за время жизни лишь 5–6 последовательно сменявшихся поколений. За 140–150 лет от правления Акаста до конца 900-х гг. в кланах и семьях передавалась живая историческая традиция, насыщенная не только общеаттическими преданиями, но и рассказами о жизни и правах прадедов, бережно сохранявшимися потомками. Масса частных и общих сказаний о прошедших временах развивала умозрения каждого члена общества, конечно, в меру его индивидуальных способностей. Однако подавляющее большинство жителей полуострова должно было внимательно наблюдать успехи эволюционного перехода от монархии к властвованию трех архонтов и ясно понимать пользу этого изменения для политейи и их самих.

Естественно, что значительная часть дамаса высоко ценила политические действия триархов, укреплявших ряд традиционных установлений, сохраненных народом еще со времен позднеплеменного быта и уцелевших в эпоху монархического строя. Безусловно, жизненно важными для общества были правопорядки землепользования и несения военной повинности.

Скудость земельного фонда Аттики и точные данные о строгой планировке некрополей в конце XI–X вв. позволяют полагать достаточно уверенно, что правила землепользования были тщательно упорядочены. Возможно, что уточнялись не только межклановые земельные отношения, но и некоторые общегосударственные установления относительно всего земельного достояния народа. Вероятно, полемархи особенно заботились об использовании земельных и морских порубежных владений, басилеи же опекали святыни.

Несколько более многочисленны сведения об организации аттического ополчения. Следует заметить, что ведомство полемарха было весьма заинтересовано в поддержании уже сложившейся системы ратной службы. Однако оно постоянно должно было осуществлять необходимые изменения, повышавшие боеспособность всего войска и личное искусство каждого воина. Динамическое развитие военной

сферы труда народа неминуемо оказывало существенное воздействие на рост его общественно-политического самосознания. Несомненно, население Аттики, ведшее напряженную умственную деятельность при переходе к новому строению высшего органа власти, должно было, в силу некоторых изменявшихся реальных условий, не ослаблять политической активности. Не все кланы могли равнозначно участвовать в общей внутривоисполнительской деятельности, однако происходившие изменения сказывались на усложнении духовного мира всего населения.

Конечно, вопрос о безопасности постоянно тревожил обитателей земли, что существенно влияло на их мировоззрение. Естественно, что в психологической жизни общества проблема взаимоотношений военного труда его боеспособных членов и их социального положения в кланах и во всем государстве занимала весьма важное место. Можно полагать, что некоторые сохранявшиеся обычаи военно-племенного народовластия получили дальнейшее развитие в условиях триархической государственности. Однако в X–IX вв. племенного народовластия почти не было. Теперь в обществе стоял вопрос о *народоправности*, означавшей сохранение всей массой политиков своих основных прав.

Материальные источники красноречиво указывают на рост значимости пехотного ополченца, что неминуемо укрепляло его правовые позиции. Например, судя по инвентарю погребений воинов в Афинах, Марафоне и других местах, ополченцы среднего достатка были значимыми субъектами кланового и общеаттического права. Они выступали вооруженными добротным оружием, хотя не все имели его полный набор. Возможно, что не все семьи могли положить в могилу полный набор предметов вооружения умершего воина (может быть, часть их должна была перейти к наследникам). Но в реальной военной обстановке все ратники одного отряда должны были иметь сравнительно однотипное вооружение, чтобы не уступать в боеспособности остальным бойцам.

Несомненно, исключительная роль всего войска обеспечивала даже рядовым воинам-пехотинцам устойчивое и более-менее равное правовое положение. Прочность общественного веса столь внушительной массы населения укрепляла социальную значимость средних кругов населения городов и сел. Ведь именно оттуда приходили в войско новые ратники. Служба в ополчении логично укрепляла их внутривоисполнительские связи. Но в то же время именно участие в общеат-

тической рати должно было расширять самосознание каждого воина: росло понимание своих обязанностей перед всем государством. Сохранявшиеся в ополчении некоторые обычаи военно-племенного быта, например общеотрядные или общевойсковые сходы, принимавшие решения большинством воинов, в условиях роста внутривойсковой деятельности правоспособных жителей полуострова содействовали формированию и дальнейшему укреплению локальных (и общегреческих?) собраний полноправных членов общества.

Можно полагать, что участие в сходах разных уровней открывало более широкие возможности активно мыслящим деятелям. Ведь собрания в кровных сообществах издавна жестко контролировались клановыми властями, отдававшими предпочтение суждениям старших по возрасту и по положению сородичей. Однако подобные внутриклановые порядки нередко могли ограничивать полезные инициативы родственников средних возрастов.

К концу X в. стали очевидными важные результаты коллегиального правления триархов: троевластие благоприятствовало росту деятельности всего населения полуострова и укреплению боеспособности его ополчения. Вместе с тем, развитие государственности неминуемо требовало от всех частей населения все большего вклада в материальный и интеллектуальный потенциал Аттики. Несомненно, каждое клановое, локальное или профессиональное сообщество, отвечая своей работой на запросы всего государства или его отдельных должностных лиц, все яснее понимало значимость своего участия в общеполитической деятельности.

Естественно, что усложнявшиеся технологические процессы в земледелии и ремеслах повышали внимание к личному мастерству каждого труженика. Росла известность качественных работников, а также некоторых групп локальных производителей добротной продукции. Общество того времени тщательно оценивало работоспособность и усердие политов и постепенно вырабатывало понятие трудовой этики. Претворение в жизнь таких этических требований было по силам не всем работникам.

Например, в сложном и ограниченном аграрном фонде Аттики земледельцы часто встречали новые природные трудности. Успешно преодолеть их могли лишь особо сведущие сельчане, которые творчески использовали реальные возможности и сельскохозяйственные знания, выработанные в данной местности многими предшествующими поколениями. Особенно важной становилась задача

повышения урожайности: судя по увеличению афинских некрополей в X–IX вв., население Аттики постепенно возрастало, что делало необходимым получение дополнительной массы продукции из полей и садов. Этого требовало поддержание мощи всего этноса и его внутренней устойчивости.

Действовавшие неумолимо биосоциальные факторы, еще теоретически не осознаваемые, заставляли народ на практике выделять в селе и каждом клане наиболее авторитетных земледельцев. Такие знатоки и даже небольшие их группы самым ходом жизни как бы возвышались над остальными сородичами или соплеменниками. Конечно, их считали особо верными исполнителями заветов Деметры и следовавших за богиней других сакральных покровителей сельского населения. Сами искусные земледельцы, накапливая опыт и уверенность в своих силах (что способствовало росту их самоуважения), бесспорно, усердно хранили и всячески дополняли свои знания. Ведь помимо общепризнанных правил, сельчанам каждой местности необходимо было знать и тонко понимать реальные возможности своих земель. Поэтому наиболее успешными были труды хозяев, обладавших мудростью и глубокой интуицией. Их авторитетные суждения учитывали не только сородичи, но и жители окружающей местности.

Заметим попутно, что тогдашнее население Аттики умело строго оценивать качество труда своих специалистов, например гончаров и металлообработчиков. Такой обусловленный здравым смыслом подход определял и существенные изменения в высших органах управления, как показывает введение триархии взамен неограниченной монархии. В кругах сельчан заслужить уважение было не менее трудно.

Естественно, что сведущие земледельцы стремились передавать свои знания прежде всего своим потомкам и ближайшим родичам, обладавшим достаточными способностями. Такая практика привела к тому, что наилучшие правила локальной агрономии последовательно сохранялись и передавались преимущественно близким по крови сельчанам. Возможно, что лучше обработанные земли таких сведущих хозяев более часто приносили высокие урожаи, что способствовало укреплению благополучия некоторых членов клана. Допустимо предположить, что энергично развивая особо полезные агрикультурные знания, известные довольно узкому кругу, представители таких более зажиточных семей могли горделиво подчеркивать свое происхождение от «хороших предков».

Такие домохозяйства, опираясь на свой трудовой авторитет, могли постепенно сплываться в обособленный слой знатных сородичей

внутри сельских и ремесленно-городских кланов. Эти группы с течением времени все больше подчеркивали свою родовитость. Они сами и их окружение широко использовали старинный термин *εὐπατρός*, известный в эпическом творчестве еще додорийских времен¹. Постепенно термином «евпатриды» стали обозначать наиболее знатные семьи в кланах. Общность частных интересов сближала евпатридов из разных кланов, что вело к формированию все более выделявшегося слоя евпатридов в аттическом обществе. Однако обогащение столь знатного слоя шло медленно и неравномерно в разных частях полуострова.

В кланах и локальных племенах, обитавших в особо каменистых землях, евпатридами становились семьи, обладавшие высоким профессионализмом. Эти родовитые земледельцы или животноводы могли поддерживать свой авторитет значительными трудовыми усилиями и строгим соблюдением агрономической традиции, унаследованной от предков. Но материальное положение этих евпатридов было довольно умеренным в силу недостаточного земельного фонда. Вероятно, ограниченное благосостояние такой знати содействовало длительному сохранению внутриклановой общности всех сородичей. Все же допустимо предположить, что и эти небогатые евпатриды умели гордиться своей мудростью и своими известными предками.

В достаточно плодородных землях формирование слоя евпатридов происходило более интенсивно. Здесь искусное применение необходимых агрономических правил сравнительно быстро вело к весомым материальным результатам — к устойчивой урожайности полей и садов и к более качественному состоянию домашней живности. Крепкое хозяйство убедительно выделяло евпатридов; оно было весомым поводом для почтительного отношения к ним менее преуспевающих сородичей и даже отдаленных соседей. Умение вести хозяйство всегда поднимало самоуважение каждого земледельца, пусть даже имевшего мало земли. Для евпатридов их благосостояние подтверждало прочность их знатного наследственного положения. Вместе с тем, в домах евпатридов росли более крепкие потомки — будущие работники на полях и в усадьбах. Количественный и качественный рост до-

¹ Заметим, что герои ахейского эпоса почти обязательно носили свои отчества, в большей части вполне земные. Однако эпитет *εὐπατέρεια* прилагали к таким дочерям небожителей, как Елена и Тиро (Il., VI, 292; Od., XI, 235).

мочадцев знатного хозяина обеспечивал ему возможность увеличивать трудовые затраты для сохранения плодородия своего земельного владения.

Можно предполагать, что в изучаемые столетия среди аттической знати должно было вырасти значение ремесленно-промысловых групп. Удачная профессиональная деятельность выдающихся мастеров, работавших в городах, поселениях и в мореходстве, могла довольно быстро их обогатить и доставить им выдающееся положение.

Несомненно, место ремесленной знати в обществе значительно изменялось по мере развития триархической государственности. Благодаря эволюционному переходу от монархии к троевластию, слой мастерового населения всего полуострова сохранил достаточную численность авторитетных умельцев и, что важно, свой инструментарий и рабочие площади на суше и на море. Особенно упрочились позиции мастеров, работавших в клановых поселениях и прибрежных посадах¹.

Напомним, что древняя аттическая быль о деятельности царя Фесея, излагавшая его разделение народа на евпатридов, геоморов и демиургов, особо подчеркнула то, что демиурги выделялись своей многочисленностью². По-видимому, в трудные XII–XI в. этот разряд населения мог временно уменьшиться. В XI–X вв., несомненно, сократилось число изготовителей особо ценных вещей. Ведь суровые воззрения тогдашнего общества обусловили последовательное упрощение бытовых предметов, как показывает быстрое развитие геометрического стиля. Опустение таких городков, как Перати в 1100–1075 гг., должно было привести к ослаблению деятельности тамошних мастеров.

Однако уже концу X в. население полуострова стало расти и увеличился спрос на добротную массовую продукцию. Повсюду в кланах и окружных центрах работали различные ремесленники. Несомненно, наиболее опытные из них пользовались широким признанием не только рядового населения, но и верхов аграрной знати. Вероятно, особо состоятельные ремесленники постепенно занимали весомое положение в кругах местных жителей.

¹ Характерно, что документы из царских управ в XIV–XIII вв. упоминают многих ремесленников-профессионалов, однако не называют их демиургами. Очевидно, существовало какое-то разделение между придворными мастерами и местными ремесленниками, работавшими на клановые и местные сообщества. Видимо, именно вторых звали демиургами.

² *Plut. Thes.*, 25, 2.

Можно полагать, что в стольном граде также происходило аналогичное сближение высших кругов знати с группами выдающихся работников ремесленных и промысловых отраслей хозяйства. В Афинах эти взаимосвязи могли стать теснее, поскольку обеим группам горожан приходилось чаще сотрудничать не только между собой, но и с триархами при решении общеполитических задач.

Вероятно, именно афинские демиурги скорее получили возможность изготавливать высококачественные индивидуальные вещи. На это указывает расширение видов керамической продукции, потреблявшейся не только внутри полуострова, но и за его пределами.

Выше (стр. 302) мы отметили устойчивые связи Аттики и Евбеи, о которых свидетельствует поступление аттических изделий в Лефканди. В X–IX вв. туда привозили не только добротную посуду, но и уникальные произведения керамевсов. Назову лишь две найденные в Лефканди аттические вещи. Весьма примечательна фигурка тяжеловесной лошади, везущей на спине две амфоры, которую В. Десборо отнес ко времени между 960–900 гг. Общий вид терракоты позволяет полагать, что ею мог интересоваться достаточно состоятельный и практичный земледелец. Зато искусно украшенная тонкой миниатюрной росписью изящная ойнохоя, привезенная в Лефканди около 900 г., несомненно, попала в дом, где обитала семья более высокого положения. Один из ее членов, владевший этим сосудом, был человеком с изысканным художественным вкусом¹. Оба указанных предмета, как и другие аттические изделия в Лефканди, позволяют заключить, что состоятельные обитатели городка уже давно и довольно широко пользовались вещами, созданными в мастерских Афин и других мест соседнего полуострова².

Приведенные данные о вывозе ремесленной продукции из Аттики на ближайший остров вполне соответствуют материальным источникам из других земель Эллады. Например, на Крите аттическое

¹ Popham M. R., Calligas P. G. and Sackett L. H. Further Excavations of the Thumba Cemetery at Lefcandi, 1984 and 1986, a Preliminary Report // AR 1988–1989. P. 117, 119–120. Fig. 16, 6a.

² Связи Аттики с Евбеей и другими островами, бесспорно, доказывают ошибочность устаревшей гипотезы о том, что в XI–IX вв. развитие всех земель Эллады характеризовалось особой изолированностью. Все больше источников опровергают это заблуждение (Sheedy K. A. A Prothesis Scene from the Analathos Painter // MDAI(A). Bd 105. 1990. S. 148).

воздействие на местное гончарное дело ясно прослеживается: уже в X в. в Кноссе мастера развивали свой характерный протогеометрический стиль, в ряде мест на острове бытовали сосуды из Аттики¹.

Естественно, что спрос на аттическую продукцию в отдаленных краях эллинского мира весьма способствовал росту социального значения мастерового населения в самой Аттике. Здесь должно было увеличиваться число демиургов и одновременно появлялись новые черты в системе связей с окружением как городских, так и сельских мастеров.

Например, необходимость работать не только для своих сородичей внутри клана, но и по заказам неродственных соседей, а также выполнять важные аккордные работы в отдаленных селах, постепенно отрывала сельчан-демиургов от своего клана. Краткое или даже длительное отсутствие ремесленника могло препятствовать его участию в важных общеклановых сходах. Ведь клановая община должна была сообща распоряжаться общим имуществом и правом пользования им каждой отдельной семьей; она же требовала неукоснительного соблюдения сакральных установлений и общеклановых правовых обычаев.

Отрыв от повседневной жизни своего кровного сообщества демиург, вернувшись, мог уравновесить более активной внутриклановой деятельностью. Так, в кланах выделялись отдельные сильные личности из числа ремесленно-промысловых работников. Следует полагать, что такие вернувшиеся домой мастера должны были пользоваться особым авторитетом среди сородичей. Ведь они обладали не только славой мастеров своего дела, но и более широким политико-правовым сознанием.

Действительно, работая вне клана сородичей, демиург выступал, как индивидуальный субъект общеаттического и своекланового права. Такое положение неминуемо и действительно укрепляло личные права иннокланового ремесленника. Например, прибывший из другого кровного сообщества мастер нередко привозил с собой набор инструментов. Это снаряжение он уже отделил от общего имущества своей семьи и клана: ведь практические условия заставляли основательного демиурга тщательно подгонять каждое рабочее орудие к собственной сноровке сообразно доступным возможностям. Естественно, что в чужом клане мастер строго оберегал свой инструментарий, используя обычай личного владения. Четко выработанное по-

¹ *Coldstream J. N. Geometric Greece. P. 48–50.*

нимание необходимости защиты своих владельческих прав на личные орудия труда вернувшиеся издали мастера не утрачивали и в своем родственном сообществе. Такие демиурги, помимо расширенного правосознания, обладали еще и более весомым политическим опытом, накопленным в иных частях полуострова. Вероятно, в каждом клане таких особо умудренных мастеров было не столь много, но деятельность способствовала росту их общественного значения их, как отдельных личностей. Такие индивидуумы, вероятно, первоначально старались гармонично сочетать свои личные устремления с принятыми обычаями и интересами кровных сородичей. Однако со временем во внутриклановых отношениях у них могли появиться некоторые сложности.

Ведь повышение уровня мастерства выдающихся демиургов при наличии их яркой одаренности, генетически передаваемой способным потомкам, постепенно создавало особый авторитет ряду семей ремесленников и промысловиков. Нередко такие родственные группы проникались сознанием особого превосходства над остальными сородичами. К тому же, в таких ремесленных кругах ответственное отношение работника к своей созидательной деятельности логично вело к формированию устойчивых представлений об этике труда мастерового населения. Вероятно, образ мыслей демиургов в подобных вопросах в основном был близок аналогичным воззрениям опытных земледельцев¹.

Несомненно, особенности самосознания разных групп сородичей могли порождать внутриклановые несогласия или, наоборот, более сильное сближение суждений некоторых отдельных личностей. Конечно, традиционная общность сакральных и правовых установлений значительно смягчала остроту разногласий между сородичами. Однако даже необходимость как-то учитывать или полностью отвергать мнения инакомыслящих вносила беспокойство в духовную жизнь кланового сообщества.

Естественно, что не только профессиональные особенности занятий некоторых сородичей усложняли внутриклановую психологическую обстановку. Принципы кровного единства и общего равенства сородичей испытывали все больший натиск в условиях интенсивного

¹ На значение этики труда в процессе накопления народом своего общественно-исторического опыта обстоятельно указал Ф. Х. Кессиди (*Кессиди Ф. Х. Философские и этические проблемы. С. 96 и сл.*).

развития хозяйственной жизни, позволявшего отдельным семьям накапливать значительное по тем временам имущество. Разница зажиточности членов одного и того же клана проступала много быстрее и нагляднее, чем признаки интеллектуального превосходства одних сородичей над другими. Неизбежно возникавшие споры о правах владения материальными предметами внутри семей или о праве на какую-то часть общекланового имущества должны были всемерно расширять правовую практику во всех аттических землях. Допустимо утверждать, что одновременно нарастал повышенный интерес к юридическим установлениям, регулировавшим отношения внутри кланов и между разными кланами, а также соответствие клановых и общеполисных правопорядков.

Целостности кланового обычного права в X–VIII вв. наносило ущерб не только возроставшее материальное и моральное неравенство сородичей внутри кровных сообществ. Усложнялись отношения между различными клановыми объединениями.

Реальные условия постепенно усиливали общественно-экономическое неравенство самых состоятельных и захудалых кланов. Традиционно владевшие более плодородным земельным фондом некоторые состоятельные кровные единства лучше сохраняли свои генеалогические предания о знатных предках XV и последующих веков. Опираясь на общеизвестные клановые легенды, такие кровные общины могли энергично претендовать на особо знатное положение и, соответственно, на весомую роль во внутренней жизни политейи.

Можно с уверенностью полагать, что еще в ранние времена триархического строя аттическая знать особо целеустремленно расширяла свое полномочное участие в государственном управлении. Вероятно, аристократия опиралась на поддержку достаточно многочисленного слоя правоспособного состоятельного населения. Деловой контакт был необходим обеим группам не только во внутриклановой жизни, но и во всех вопросах общеаттической политики. Сами клановые верхи были заинтересованы в прочности хозяйственно-правового положения своих зажиточных родичей и соседних земляков. Все части народа были связаны первостепенными общими задачами, начиная с охраны независимости и безопасности всей Аттики. Среди важных вопросов стояли и заботы о сохранении и развитии действовавших правопорядков, претворявших в жизнь основные правовые принципы всего общества. Заметим, что наиболее консервативными могли быть сакральные установления, тогда как даже существенные право-

вые понятия, связанные с практической деятельностью клановых обществ и общенародных властей, должны были несколько изменяться под воздействием реальной действительности.

Естественно, что вопросы правовой защиты интересов всего государства и отдельных групп аттического населения в XI–X вв. находились в центре внимания всего общества, бесспорно обладавшего уже высокоразвитым правовым мышлением.

Следует подчеркнуть, что к 1200 г. правосознание всего эллинского массива уже достигло высокого уровня: за предшествующее тысячелетие народ накопил основательный политико-правовой опыт. Источники II тысячелетия из разных земель Эллады ясно свидетельствуют, что тогдашние эллины вели многообразную правовую практику, обладая разнонаправленной правотворческой мыслью. Назову лишь понимание должного и справедливого, которые главенствуют в эпосе, а также точную деловую документацию, которую вели царские эконоомы и часть микенских горожан.

Правовое сознание дорян, переходивших в XII–X вв. от позднеплеменного строя к раннемонархической государственности, отличалось особым архаизмом. Однако примечательно, что в завоеванных ими землях доряне не отменяли важных правопорядков подвластных им эллинов. Только царь Агис I, правивший около середины XI в., судя по Геродоту (VI, 52), жестко ограничил права подчиненного населения, особенно разряда илотов. Но даже илотам было оставлено право владения самым необходимым имуществом и его приобретения. Этот пример убедительно показывает, сколь велика была сила местного и общенародного права во всем эллинском массиве — даже завоеватели не решались отменять его полностью. Сами спартанцы долго удерживали в своей политее ряд правовых положений, созданных ими еще во времена позднего первобытного строя, причем соблюдали свои старые и новые обычаи одинаково строго. Жесткое подчинение правилам также шло от давних традиций — известно, что в племенных обществах правовые обычаи обладали мощной силой, а нарушение их строго наказывалось¹.

Население аттического полуострова, непрерывно сохранявшее свою независимость, сберегло не только глубину своего правового чувства, но и прямую преемственность в развитии уставов обычного права. Даже в период ранней монархии, около XV–XII вв., среди ду-

¹ Котляревский С. А. Власть и право. С. 28.

ховных ценностей всего массива рядовых обитателей Аттики бесспорно оставались весьма прочными некоторые принципы давних, «отеческих» правовых обычаев. Именно устойчивость ряда черт народного правосознания обусловила успешность сознательного обращения всего этноса к традиционным идеологическим убеждениям далеких предков в сложный период формирования раннетриархической политейи.

Действительно, на протяжении XI–IX вв. в мировоззрении аттического населения происходил исключительно важный принципиальный поворот. О нем свидетельствуют разнообразные источники, отражающие значимость вводимых новшеств. Мощный и необратимый эволюционный сдвиг в политико-правовой жизни общества позволил населению последовательно трансформировать устаревшую монархию в пожизненную триархию. Выше были приведены сведения древних авторов об этих событиях. Письменные известия существенно дополняют материальные источники, рисующие конкретные изменения части традиционных погребальных обрядов и новшества в гораздо более динамичном художественном творчестве. Именно искусство тогдашнего общества посредством избранных им изобразительных мотивов ясно выражало общепринятые идеологические представления о должном и необходимом принципах в системе внутриаттического мировоззрения.

Особенно четко отразилась направленность духовной жизни обитателей полуострова в произведениях тогдашних керамевсов. Гончарное дело отвечало формами и росписью своей продукции не только повседневным запросам своих потребителей. Оно постоянно утверждало и развивало эстетические вкусы всего населения. Одновременно оно энергично распространяло и укрепляло понимание общепринятых социальных убеждений, тщательное следование которым было долгом каждого обитателя Аттики. Творческая мысль керамевсов энергично выражала настоятельное требование неуклонной поддержки устанавливавшихся правопорядков.

О том, какова была направленность этих порядков и тогдашних правовых обычаев, можно судить по некоторым условиям работы самих скудельных мастеров и по тем представлениям общественно-го сознания, которые они должны были отражать в своих произведениях. Как известно, именно аттические керамевсы создали в XI–VIII вв. свой, совершенно своеобразный, геометрический стиль в вазописи и морфологии продукции.

Выше (с. 270 и сл.) отмечено неуклонное соблюдение геометрических канонов всеми вазописцами. Видимо, они были обязаны строго следовать жестко установленным стилистическим правилам. Изначально мастера широко использовали древние элементы аттического орнамента, равно как и принципы их композиции, еще домонархических времен. Столь безусловное подчинение возрожденным и общепринятым правилам старины не могло быть результатом воздействия принципов, выработанных в каком-либо, пусть и столичном, отдельном керамическом предприятии. Ясный отказ от живого воспроизведения окружающей среды и выработка всеми гончарами абстрактной геометрической орнаментики были общенародным делом. Уже Б. В. Фармаковский отметил его значимость: «Полная ясность и стройность, сухая логичность всех построений геометрического стиля удивительны. Строгость проведения системы и ее принципов, можно сказать, неумолима»¹.

Историк должен обратить особое внимание на понятие «неумолимость», введенное великим русским археологом, искусствоведом и историком более 80 лет назад.

Конечно, неумолимую строгость мог проводить лишь высший булевтерий — правовой орган, обладавший исключительными полномочиями в тогдашнем обществе. Он ведал духовным миром всей Аттики, регулируя ее правопорядки с особой тщательностью. Несомненно, это звено политейи в XI–X вв. стояло выше коллегии триархов, органа исполнительной власти по преимуществу. Как высший хранитель важных обычаев, оно могло проводить политику возрождения и дальнейшего развития правовых принципов позднеплеменного, еще домонархического, строя. Очевидно, таким деятельным звеном политейи мог быть тогда орган, непрерывно существовавший издревле и ставший особенно мощной силой в период замены монархии правлением триархов.

Дж. Сэндис уверенно указал на совет, действовавший в Аттике при басилеях и ведший свое происхождение от совета старейшин времен первобытно-племенных отношений². Суждение Дж. Сэндиса получило развитие в трудах Г. Бузольта, В. Бузескула и ряда других ученых, рассматривавших характер и состав древнейшего аттического совета, в который издавна входили представители клановой знати.

¹ Фармаковский Б. В. Художественный идеал. С. 20.

² Sandys J. E. Aristotle's Constitution. P. 11–12. Comm. ad Ath. Pol., 3, 6.

Новые источники позволяют несколько уточнить одно общее заключение Г. Бузольта, который писал, что совет, составленный из знатных, «приобретал все большее влияние, пока, наконец, не устранил наследственную царскую власть»¹.

Полагаю, что значение общеаттического Совета в ранние времена, особенно в XII–XI вв., было много большим, чем в VIII в. Думаю, что именно Совет, собиравшийся на холме Арея, провел при Медонте и его сыне-преемнике Акасте, правивших согласно традиции между 1066–1012 гг., исключительно важное и принципиальное преобразование политеи: отмену единовластия монарха и установление трехчленной структуры высшего органа исполнительной власти. Эта реформа управления, ограничившая полномочия басилея и упорядочившая обязанности каждого из триархов, не могла быть задумана и осуществлена только самими Кодридами. Ведь такое изменение государственной системы наносило ущерб царским полномочиям, оно заставляло басилея отказаться от неограниченной власти и встать на одну ступень с двумя соправителями-триархами, людьми знатного, но не царственного происхождения.

Конечно, этот крупный внутривполитический сдвиг, постепенно проведенный не более чем за 50 лет, мог быть делом издавна существовавшего и обладавшего верховным правотворческим авторитетом общеаттического высшего органа. Таким тогда в Аттике был только Совет на холме Арея, превосходивший могуществом и царский дом, и командовавший ополчением полемархов. Должно полагать, что оба последовательно правивших Кодрида бесспорно были постоянными членами Верховного Совета, однако им пришлось уступить настоятельным, хотя и умаляющим их достоинство, требованиям большинства советников.

Очевидно, входившие в тогдашний состав Совета знатные члены кланов, возможно, приводившие на совещания не столь родовитых, но хорошо знающих правопорядки и их применение, сородичей, тщательно выработали согласованное решение о необходимой реформе высшего органа исполнительной власти. Судя по тому, что Аристотель в Афинской политике (3, 3) приводит два варианта традиции о времени создания должности архонта — при Медонте и при Акасте — формирование этой высшей магистратуры происходило на протяжении 10–15 лет или немного больше. Несомненно, сотворение сана

¹ Бузольт Г. Очерк. С. 141.

архонта происходило в условиях весьма напряженных дискуссий в Верховном Совете на холме Арея.

Бесспорно, на этих обсуждениях остро сталкивались мнения аристократических реформаторов и Кодридов, поддерживаемых не столь многочисленными и авторитетными сторонниками. Однако решающая победа новаторов означала не только разветвление верховного правящего органа на триархию. Подготовка и введение этого принципиального изменения политейи, безусловно заново подтвердили и значительно расширили законоблустительные права общеаттического Совета. По-видимому тогда же Совет укрепил свое древнее право сурово карать нарушающих общие порядки. Оно особо отмечено Аристотелем (Ath., Pol. 3, 6) и в политейе VII в. В новых условиях этот орган должен был значительно повысить уровень знаний своих законоведов и требовать от них более ответственной правотворческой деятельности.

Вполне возможно, что число знатоков обычных правил увеличилось не только в столичных кругах, но и в каждом клановом сообществе. Следует полагать, что такие низовые правоведы умело направляли политические настроения широких кругов народа в русло течения, полностью одобрявшего деятельность Совета на холме Арея. Правда, большинство населения и само хорошо понимало, что после отражения дорян около 1066 г. следует особо укреплять политейю для успешной защиты земли и ее автономии.

Реальную сплоченность интересов всего народа и его аристократических верхов в XI–X вв. довольно ясно показывают некоторые существенные свидетельства об умонастроениях всего тогдашнего общества. Произошедшие между 1050 и 900 гг. основательные изменения в мировоззрениях и практических действиях жителей Аттики могли быть проведены уверенно работавшим Верховным Булевтерием, традиционно собиравшимся на холме Арея, видимо, древнем месте военных сходов.

Полагаю, что именно Буле, этот высший Совет, добившись преобразования монархии в триархию, последовательно занялся упорядочением и обновлением ряда общественных отношений внутри всего общества и даже некоторых внутриклановых установлений. Ведь принципиальный сдвиг в верхах политейи настоятельно требовал соответствующих идеологических изменений взглядов: аттическому этносу надлежало освободиться от важных представлений периода единовластия басилеев и воспринять идеи, служащие укреплению созданной заново триархической политейи.

Видимо, совещавшиеся на холме Арея аристократы хорошо знали и внимательно учитывали духовный настрой всего народа, вплоть до его низов. Сакральные обычаи и бытовые древности позволяют уверенно заключить, что все население полуострова, почитавшее ряд отеческих установлений — τὰ πάτρια, энергично поддержало идеи верхов о возврате к суровым правопорядкам и всеобщему скромному быту своих предков. Этим народ отвергал не только принцип единоличного царевластия, но и необузданную роскошь жизни басилеев и их окружения.

Материальные источники ясно показывают силу единомыслия знати и всего народа. Очевидно, всем была понятна необходимость возврата к строгим установлениям домонархических времен во имя сохранения жизни и безопасности обитателей полуострова. Бесспорно, успеху столь согласованного обращения всех частей общества к важным идеологическим ценностям позднеплеменного строя весьма способствовала прочность внутриклановых родственных связей. Именно устойчивость кровных сообществ — тесно сплоченных клановых общин — обеспечила реальность важных сдвигов в некоторых сферах деятельности всего общества. Конечно, сохранять и возрождать ряд древних традиций мог позволить себе этнос, хозяйственная жизнь которого развивалась достаточно последовательно по восходящему направлению. Разнохарактерные источники освещают значимость происходивших изменений.

Выше приведены данные о создании афинскими керамевсами протогеометрического художественного стиля, отразившего резкий идеологический поворот всего населения. Он начался после 1025 г., следовательно, в последние 10–12 лет правления Акаста, когда триархическая система управления в основном уже сформировалась.

Приблизительно в то же время, в последней четверти XI века, в Аттике стали применять кремирование покойников, хотя остальные правила обряда не изменились. Следует отметить меньшую динамичность новшеств в погребальном обряде по сравнению с подчеркнутой общеобязательностью поворота в творчестве гончаров. Почти 200 лет, приблизительно вплоть до 820-х гг., наряду с кремацией взрослых детей постоянно хоронили путем ингумации. Очевидно, в сакральных представлениях обитателей земли сохранение древнего обычая погребения малолетних обеспечивало им в царстве Аида особо благожелательный прием их предков. Генетические связи поколений признавались действительными и в потустороннем мире.

Следует отметить, что в последней четверти XI столетия в Афинах пожилые люди должны были хорошо помнить детали похоронного

обряда, основательно измененные лишь незадолго до 1050 г. Несомненно, некоторые семьи и позднее тщательно сохраняли свою обрядовую устойчивость. Например, где-то между 1020–1000 гг. одна афинская семья, имевшая весьма ограниченные средства, неукоснительно соблюдала древний обычай¹. И хотя, насколько мне известно, этот факт ингумации взрослого усопшего остается для того времени пока единственным², значение даже одного этого события не совсем простое. Ведь оно указывает на возможность частного отступления от уже общепринятого изменения кладбищенского обычая. Некое кровное единство предпочло сохранить приверженность своей давней семейно-этнической традиции, вероятно получив согласие верхов клана или старших сородичей.

Данный факт важен тем, что даже малоимущая семья могла решить продолжить традиционную практику погребения, хотя и устаревшую; что местные правоблюстители не препятствовали этому, видимо, в силу традиционной направленности распоряжений Верховного Совета.

¹ Речь идет о захоронении по обряду труположения, раскопанном в восточном секторе площади Агоры. Здесь в конце XI в. была погребена женщина около 44 лет, снабженная весьма скромными заупокойными дарами: ей положили только четыре небольших сосуда (один из них — лепной, бывший в долгом употреблении) и одно пряслице. Такой инвентарь ясно свидетельствует об ограниченных средствах родичей усопшей (*Shear T. L. The Athenian Agora: Excavations of 1972 // Hesperia. Vol. XLII. 1973. P. 398–400. Pl. 73 c.*). Возможно, что именно материальные затруднения заставили семью избрать старинный обряд захоронения — на их части кланового некрополя скала позволяла вырубить могилу даже без обкладки ее стенок. Но главным фактором были надежды на то, что божествам мог быть особенно угоден древний способ погребения. Допустимо предположить, что такая погребальная традиция строго сохранялась в упомянутой семье. Необходимо отметить, что менее чем в одном метре от вышеописанной могилы было открыто более раннее, датированное 1100–1050 гг. захоронение. Оно примечательно тем, что и конструкция могилы, и физические особенности погребенной в ней 33-летней афинянки весьма сходны с чертами соседнего захоронения, совершенного около 1020–1000 гг. Заупокойные дары в ранней могиле весьма скудны: эти два небольших сосуда Т. Шierer отнес к периоду перехода от субмикенской керамики к протогеометрической (*Shear T. α. Op. cit. P. 398. Pl. 73b*). Сходство черт обоих женских костяков позволяет предположить, что здесь были близко погребены прабабушка и ее правнучка.

² Т. Шierer даже определил, что в конце XI в. такой вид погребения был «ненормальным анахронизмом» (*Shear T. α. Op. cit. P. 400*).

Бесспорно, в период столь существенного преобразования политейи Булевтерий мог усиленно поддерживать устойчивость древних сакральных положений, крепко сплотивавших Аттику.

Во времена ранней триархии прочность общенационального единства была особенно необходима Верховному Буле. Ведь измененное положение сана архонта-басилея и истолкование решений, принятых относительно полномочий этого триарха, могли, естественно вызвать разногласия между большинством советников и явно ущемляемыми Медонтидами. Какие-то трения были неизбежны и внутри самой коллегии триархов.

Заметим, что проблема взаимоотношений родовитой автохтонной знати и клана Кодридов могла усложняться. Можно предполагать отдельные личные столкновения, по-видимому, возникавшие еще при Кодре¹. Позднее это были острые вопросы хозяйственной жизни, прежде всего условия владения земельными ресурсами. Лучшие угодья издавна принадлежали старейшим кланам, евпатриды которых строго оберегали права своей общины. Конечно, ставший царем Меланф получил земельные наделы в аттической хоре и в самих Афинах². Со временем рост царской семьи превысил экономические воз-

¹ Кажется, уже тогда не все в Аттике считали бесспорными права Кодридов на престол. Видимо, об этом знал Платон, писавший, что Кодр добился победы, дабы сохранить царский сан своим потомкам (Symr., 208 D).

² Вероятно, со времен Меланфа царственный род владел участком у самого Акрополя, на котором потомки Кодра когда-то создали героон Кодра, Нелея и Басилы. Позднее это святилище стало общеполисным: в 418–417 г. Буле и Демос постановили вымежевать его теменос и выделили на это казенные средства (IG. I². № 94). В. Диттенбергер убедительно заметил, что в этом одном храме каждому из трех божеств богослужения совершали отдельно (SIG. № 93. п. 4). Этот героон И. Т. Хилл помещает к юго-востоку от театра Диониса (*Hill I. Th. The ancient City*. P. 215). По-видимому, полис оставил Кодридам кусок их давней земли: там они продолжали чтить предков в святилище Медонтидов. Это храмовое подворье было огорожено камнями с надписями, как показывает межа с текстом «Святилище Медонтидов» — IG. I². № 871. Почитатели героев Медонтидов имели и другое святилище. Оно находилось в весьма плодородной местности (современная Кератей, в 46 км от Афин) и в V в. его отмечала надпись «Храм Медонтидов» (IG. I². № 872). Другие ветви клана Кодридов усердно заботились о хозяйственных землях. Например, Алкмеониды в VII–VI вв. уже обладали наделами в демах Алопеке, Агриле и Ксипете (*Lewis D. M. Cleisthenes and Attica // Historia*. Bd XII. 1963. P. 23).

возможности хозяйства базилея. Не только честолюбие заставило младших Кодридов, Нелея и Андрокла, уехать из Аттики и возглавить переселения в Милет и Эфес. Ограниченный земельный фонд Аттики был уже давно поделен, и младшим царевичам иного выхода не оставалось.

Однако решение о выводе апойкий Кодриды могли осуществить получив одобрение древнего Высшего Совета, созданного еще Фесеем в Афинах. Ведь подготовка и высылка апойкий требовали больших материальных и трудовых затрат из средств почти всех земель Аттики. Также должны были быть решены важные сакрально-правовые проблемы жизни почти всего населения.

Бесспорно, большинство советников поддержало почин Кодридов: несогласия в царском доме и выезд Нелея, Андрокла и их младших родичей в Эфес несколько ослабили могущество правящего клана. Стремление евпатридов уменьшить всеилие монарха, вероятно, находило поддержку среди широких слоев населения, учитывавшего и экономические выгоды от основания апойкий в плодородных землях малоазийского побережья.

Напомним, что Медонту власть царя досталась не только по праву старшего сына, но и благодаря поддержке Дельф, судя по рассказу Павсания, упомянувшему о хромоте первого Кодрида (VII, 2, 1). Конечно, увечность царя вредила его боеспособности, и во всех кругах аттического ополчения об этом много говорили. Возможно, что клан Кодридов намеренно сохранял предание о суждении Дельф в пользу Медонта — оно возвышало их значение в Аттике. Для историков дельфийского оракула такое раннее свидетельство о связях святилища и аттического базилея также было важным доказательством высокого авторитета их храма.

Однако в вопросе о выводе апойкий Медонту было необходимо одобрение Булевтерия на холме Арея — ведь именно Совет и базилей должны были согласовать выработку внутреннего устройства апойкий, которое должно было соответствовать правопорядкам Аттики.

Естественно, что после введения триархии деятельность Совета на холме Арея получила новое направление. Высший булевтерий, продолжая традиционное наблюдение за нерушимостью основных установлений политеи, должен был теперь энергично развивать и укреплять правоспособность трехчленного правительства. Происходившие в обществе изменения ясно показывают согласованность умозрений и практической деятельности верховного Совета и триархического правительства.

Бесспорно, важный сдвиг идеологических воззрений всего аттического населения около 1025–850-х гг. был осуществлен совместными усилиями основных ветвей верховной власти. Именно их единомыслие обеспечило быстрое и неуклонное применение строгих принципов геометрического стиля всеми мастерами, изготовлявшими различные виды массовой и редкой продукции. Столь же показателен переход всего населения полуострова к единообразному обычаю кремации взрослых покойников. Такие существенные факты аттической истории, бесспорно, свидетельствуют, что суровые принципы и методы управления, принятые тогда верхами, получили общеаттическое признание. Видимо, все слои народа понимали необходимость строгой уравнительной политики властей для укрепления политеи и своей жизнедеятельности¹.

Именно достаточно высокий уровень общего правосознания позволил верхам использовать ряд моральных и политико-правовых ценностей, унаследованных от патриархальной эпохи позднеплеменного быта и не забытых народом в раннемонархические времена.

Особенно примечательно успешное утверждение принципа усредненного равенства в повседневном обиходе большинства населения. Вероятно, малосостоятельные жители Аттики и даже знать бедных кланов охотно следовали строгим установлениям высших властей. Все же можно предположить, что во многих кланах особо родовитые семьи сохраняли прочные знания своих родословных и предания о высоком положении некоторых выдающихся предков. Но эти сведения о былом значении праотцов, видимо, старались не подчеркивать и не кичиться своим происхождением. Судя по материальным источникам, особенно по данным некрополей, в XI–X вв.

¹ Важен характер афинского некрополя на северном берегу Эридана. Там около 1200 г. возник пригород и его кладбище уже около 1125–1025 гг. имело регулярную планировку. Однотипные глубокие могилы были тщательно облицованы хорошо подогнанными пластинами известняка. Лишь в половине захоронений обнаружены скромные дары — обычно один-два сосуда, украшения очень редки. Скудость инвентаря и добротность сооруженных могил свидетельствуют, что семьи усопших обладали некоторым достатком, однако не гордились им и строго придерживались общепринятой уравнительной идеи. Однако около 1025–950-х гг. материальное неравенство стало, судя по заупокойным дарам, выступать более свободно: возросло число сосудов и их орнаментация. На одной амфоре даже изображен корабль (*Karo G. An Attic Cemetery. P. 6–12*).

сельская и столичная знать придерживалась скромного образа жизни, очевидно следуя идеологическому воздействию властей. Их единомыслие показывает, что авторитет Верховного Булевтерия и коллегии триархов был достаточно силен и им удалось установить суровую направленность мировоззрения всего общества, опираясь на некоторые традиционные обычаи, созданные еще во времена зрелого родоплеменного строя.

Следует подчеркнуть, что живучесть ряда давних установлений в толще народа помогала этносу не только энергично содействовать идеологической политике своих верхов. Одновременно крепили еще сохранявшиеся идеи народоправности и некоторые практические порядки, обеспечивавшие силу ряда полномочий правоспособного населения.

Ведь правовой опыт аттического общества был достаточно развит еще в XIII в. Недаром Фесей, основательно упорядочивая около 1258/7–1217/6 гг. внутренний строй своего царства¹, счел необходимым несколько отклониться от обычной царской политеи². Полагаю, что некоторое указание можно найти в сообщении Фукидида (II, 15, 1–2) о давнем местном самоуправлении в городках и о том, что Фесей перевел эти земельные власти и булевтерии в столичный город, где он создал единый совет и общий пританейон. Очевидно, энергичный базилей стремился поставить хотя бы некоторые органы местного народовластия под свой контроль. Однако эта мера не могла полностью ослабить идею аттической народоправности и, возможно, какую-то часть политико-правового опыта всего населения. Длительная военная угроза независимости полуострова должна была возродить в XII–XI вв. не только необходимые полномочия местного самоуправления. Соответственно, снова стали укореняться давние понятия о народоправности, развивались более точные представления о правоспособности различных групп населения.

Изложенные выше суждения о согласованности правовых взглядов высших властей и всей массы населения и об упрочении право-

¹ *Thuc.*, II, 15, 2; *Marm. Par. Ep.* XX–XXII, Lin. 34–38.

² *Aristot.*, *Ath. Pol.*, 41, 2. Другое сообщение Аристотеля о деятельности Фесея по-своему, в лексике своего времени, передал Плутарх: *ὅτι δὲ πρῶτος ἀπέκλινε πρὸς τὸν δῆλον, ὡς Ἀριστοτέλης φησί...* (*Thes.*, 25, 3). Следует полагать, что Фесей склонялся к интересам не всякого люда, но к устремлениям клановых верхов и массива правоспособных земляков-ополченцев.

способности народа, особенно заметные после 1050-х гг., остаются пока что предположениями, недостаточно обоснованными прямыми источниками. Однако важен неоспоримый факт: выработанная к концу XI в. аттическая государственность оказалась весьма жизнестойкой. В последующие времена устойчивая политейя, несомненно, способствовала созданию уверенности народа в целесообразности и разумности давних правопорядков.

Но всеобщая принципиальная поддержка триархической политейи не исключала роста понимания того, что отдельные правовые обычаи нужно дополнять и изменять. Эту необходимость ясно показывал динамичный подъем практической деятельности населения Аттики, происходивший в X — начале IX вв. Уже тогда твердо сложившаяся государственность могла лишь ограниченно и медленно поддерживать ясно видное мощное продвижение производственной жизни народа. Однако материальные источники показывают, что аттические власти, очевидно, считали необходимым не вмешиваться в частные обычаи разных трудовых групп. Ведь успешное развитие хозяйства укрепляло все общество, что вело к упрочению его основных политико-правовых порядков. Материальное благополучие основного массива обитателей позволяло им стойко держаться принципиальных положений своей государственности.

К тому же, усложнявшиеся хозяйственные взаимоотношения пока что требовали лишь частных дополнений к действовавшим правовым обычаям. Например, общество в своей повседневной деятельности постепенно вырабатывало местные обычаи или узкопрофессиональные правила, упорядочивавшие частные отношения между субъектами внутрикланового и междукланового права; могли складываться новые отношения между такими значимыми субъектами права, как весь клан или группа кланов и должностные лица из ведомств полемарха или архонта. Все же даже мелкие изменения, постепенно накапливаясь, должны были способствовать появлению некоторых различий в положении тех или иных групп населения.

Вероятно, прежде всего наметились различия в правосознании и практической деятельности отдельных преуспевавших кланов. Напомним, что в ряде местностей обитали кланы, имевшие возможность непрерывно сохранять и даже увеличивать свои человеческие и материальные ресурсы. Из поколения в поколение в них передавались способности умело применять знания при использовании унаследованных земельных владений предков. Мысль о том, что

некоторые значительные семьи еще «микенских» корней смогли выжить в XI–X вв. благодаря обладанию землями пращуров, убедительно развита К. Рэбаком¹. Замечу лишь, что исследователь изучал происхождение лишь немногих именитых афинян и не принял во внимание хозяйственную преемственность широких кругов населения, труд которых обеспечивал и клановой знати сохранение земли и производственного инвентаря.

Следует полагать, что значение некоторых кланов было связано не только с материальными возможностями, но и с их ролью в сакральной жизни: исполнение наследственных обязанностей в почитании локальных или общегосударственных культов придавало особый авторитет таким кровным сообществам. Их возвышение должно было когда-то начать подтачивать основы общепринятой идеологии усредненного равенства, господствовавшей безоговорочно между 1025–900 гг. Вероятно, на первых порах представления об уровнях благородства кланов не оказывали глубокого воздействия на правосознание всего этноса. Продолжало сохраняться равновесие значимости кровных сообществ внутри каждого района и всей Аттики в целом. Ведь осознанная всем населением задача укрепления политеи и постепенного ущемления монархических правопорядков, несомненно, укрепляла общность интересов всех клановых верхов; различия в именитости предков, по-видимому, еще занимали второстепенное место.

Но к концу X в. развитие хозяйственной жизни могло внести некоторые изменения в представления о значимости некоторых кланов. Широкое распространение железных орудий уже к 900 г. позволило кланам, обитавшим в менее плодородных землях, несколько расширить свой аграрный фонд и повысить производительность труда земледельцев. Увеличившийся достаток таких сообществ побуждал их добиваться более весомого общественного положения. Сдвиги в межклановых отношениях должны были найти отражение в традиционных установлениях этих сообществ. Бесспорно, реальная жизнь требовала большего упорядочения части внутриклановых правовых уставов и, возможно, более тесной их связи с общегосударственными правопорядками.

Изменение социальной значимости некоторых кланов и развитие понятий о неравном личном имуществе должно было воздействовать

¹ *Roebuck C. Three Classes (?) in Early Attica // Hesperia. Vol. XLIII. 1974. P. 488–490.*

на цельность мироощущения почти каждого обитателя полуострова. Конечно, сила старинных принципов внутрикланового единства на первых порах смягчала жесткую необратимость происходивших движений общественной мысли. Духовные ценности каждого кровного объединения, его сакральные, правовые и бытовые традиции поддерживали сравнительно спокойную психологическое равновесие внутри кланов, так что их члены продолжали чувствовать себя полноценными элементами сообщества. Уравновешенность личного мироощущения весьма способствовала эволюционному упорядочению действовавших клановых обычаев, несомненно, допуская частные дополнения. Можно полагать, что накопление таких изменений способствовало развитию правосознания всей массы народа. Изложенные суждения остаются пока гипотетичными, но на них указывают новые особенные черты, появившиеся в облике всего общества в XI–X вв.

Заметное изменение состояния общества было порождено разными причинами, в том числе и большими правовыми послаблениями. О них приходится судить по характеру некоторых новшеств в материальной культуре обитателей аттических городов и весей. Конечно, многое остается неизвестным, но отдельные яркие факты позволяют предположить правдоподобные заключения о новых направлениях в правовой жизни полуострова.

Несомненно, сложившееся к концу X в. неравенство экономического уровня различных групп населения и благосостояния отдельных лиц в клановых сообществах явилось следствием практического отхода общества от установленного принципа жесткой умеренности. Особенно красноречивы источники, рисующие степень зажиточности членов афинских кланов. Бытовые древности этих кругов весьма разнообразны; они позволяют выделить некоторые черты политико-правовой и культурной истории тогдашней Аттики. Приведу лишь часть известных данных, бесспорных и впечатляющих.

Важные свидетельства доставили погребения № XXVI и XXVII, открытые у дороги, ведущей от будущей Агоры на юго-запад в сторону холма Ареопага.

Могила № XXVI исследована Р. Янгом¹, описание которого я привожу в сокращенном виде. Погребение было совершено по всем пра-

¹ *Young R. S. An Early Geometric Grave near the Athenian Agora // Hesperia. Vol. XVIII. 1949. P. 275–297. Номер погребения указан в 1952 г. К. Блегемом.*

вилам обряда кремации: на дне почти прямоугольной могилы (1,50 × 0,65 м), в юго-западном углу ее, была выкопана узкая яма глубиной до 0,80 м. В ней стояла амфора-урна с кремированными остатками костей и украшений. Урна была плотно закрыта опрокинутой пиксидой. Амфору окружили каменной обкладкой, накрытой плоской плитой. Замечу, что крупные размеры могилы и ее архитектура указывают на тщательность работы строителей. На дне могильной ямы обнаружены остатки 23 сосудов — ойнохой, скифосов и др. Керамика была поставлена в погребальный костер необожженной, многие сосуды обожжены лишь частично. Формы и декор сосудов относятся ко времени плавного перехода от протогеометрического стиля к раннегеометрическому, что позволило Р. Янгу уверенно датировать могилу 900-м годом. Другими дарами были украшения, глиняное пряслице и железный нож. Последний, по мнению Р. Янга, свидетельствует о том, что в могиле были захоронены останки женщины и мужчины¹. Однако нож не может служить бесспорным доказательством мужского погребения.

Отмеченный археологом небольшой размер и изящные очертания ножа, равно как и дорогой материал орудия, говорят в пользу того, что оно принадлежало именно покойнице. Она происходила из очень зажиточной семьи: кроме упомянутых даров, в могиле обнаружены две бронзовые фибулы, две бронзовые булавки, две электровые спирали и изящное пряслице. Особенно примечательны две пары терракотовых башмаков, повторявших формы кожаной обуви². Одна пара несколько больше другой — вероятно, родичи предполагали, что за время пути в Аид ноги покойницы несколько увеличатся.

Р. Янг подробно рассмотрел вопрос о значении образцов обуви в погребальном обряде эллинов. Добавлю только, что уже в 1300–1200-х гг. аттическая знать иногда включала в заупокойные дары терракотовый башмак: в склепе возле современного села Вула был найден его расписной образец³. И в IX в. аналогичный дар был положен одному из усопших жителей Элевсина⁴. Очевидно, древний устав не забывали.

¹ Young R. *Ibid.* P. 289.

² Young R. *Ibid.* P. 282, 287, 296. Pls 60 and 70.

³ AR. 1955. P. 7; Marinatos S., Hirmer M. *Kreta und das mykenische Hellas*. S. 126. Fig. 236.

⁴ Young R. *Ibid.* Pl. 71.

Даже краткий перечень вещей из могилы № XXVI свидетельствует, что зажиточная семья усопшей афинянки строго следовала основным сакральным и бытовым установлениям. Но это сообщество весьма считалось с личными вкусами и запросами своей молодой родственницы. Однако ее индивидуальное захоронение подтверждает соблюдение общего принципа одинаковой значимости каждого члена клана, не допускавшего резкого обособления захоронений усопших из богатых семей на давнем клановом кладбище. Очевидно, выработанные еще в XI в. сакрально-правовые порядки оставались обязательными для всех¹.

Прочность внутриклановой правовой дисциплины подтверждает характер погребения в могиле № XXVII открытой лишь в трех метрах от могилы № XXVI. Исследовавший памятник К. В. Блеген определил его как захоронение ремесленника-воина, датируя его 900 г. Родичи покойника совершили обряд кремации несколько проще, но позаботились о его военно-трудовой деятельности и в загробном мире. В полу небольшой могильной ямы устроили ямку для амфоры-урны, в которой хранились обожженные кости покойника. Вокруг плотно накрытой урны были заложены заупокойные дары, в том числе и согнутый железный меч (см выше, с. 283). Яма с урной была засыпана грунтом до пола могилы, выше которого шел слой мелкого камня, накрытый закладом из простых камней. Эти подробности показывают, что могилу № XXVII сооружали весьма тщательно, применяя подручные материалы без особой обработки.

Зато заупокойные дары содержали весьма необходимые вещи. Это 10 железных предметов вооружения: меч, по два наконечника копья и ножа, топор, долото, проволочные удила и петля, а также точило. Остальные вещи — два костяных кольца и семь скромно расписанных сосудов — указывают на среднюю зажиточность семьи погребенного. Но его родичи проявили особое внимание к военной обязанности усопшего². Судя по удилам, этот ратник мог быть и конником, что требовало бы значительных средств на содержание ло-

¹ Все же воспоминания о семейных склепах монархического времени угадали в Афинах не полностью: некоторые семьи старались погребать родичей в близком соседстве. Такова группа из трех могил, датируемая концом XI — началом X вв. Вещи из плитовой могилы девочки лет 10–12 (пять бронзовых украшений и пять качественных глиняных сосудов) указывают на значительный достаток этой семьи (*Thompson H. Excavations in the Athenian Agora: 1953 // Hesperia. Vol. XXIII. 1954. P. 58*).

² *Blegen C. Two Athenian Grave Groups. P. 279 sq.*

шадей. Одно несомненно: обладание конем указывает на возможность несения конной службы и на беспорное крепкое хозяйство самого афинянина и его семьи. Добавим, что на вазах из могильника на Керамике изображения лошади появились уже в конце XI–X вв., причем эти рисунки воспроизводили облик боевых коней¹.

Указанные источники ясно показывают, что создание конных частей в аттической рати вело к нарушению единообразия военной повинности, традиционно общей для всех мужчин клана. Это изменение должно было вызвать некоторые сдвиги во внутриклановых правовых обычаях. К давним традиционным установлениям относительно различия положений родичей по степеням родства и по возрастным классам постепенно добавлялись новые существенные уставы, упорядочивавшие различие общественного веса пешего и конного ратника. Несомненно, в X–IX вв. происходило усиление внутрикланового правотворчества, что должно было содействовать развитию правосознания всех слоев аттического общества.

Динамичное усложнение отношений различных групп населения, бесспорно требовало более тщательного упорядочения не только внутри- и межклановых связей, но и дальнейшего согласования правовой деятельности всех уровней власти. Очевидно, Верховный Булевтерий на холме Арея продолжал свое попечение о сохранности государственного устройства и его правовой устойчивости. Прямых данных о действиях Буле в те столетия пока нет.

Более уверенно можно говорить о развитии полномочий триархов и о росте их авторитета внутри общества, что укрепляло позиции Аттики во всем эллинском мире.

Несомненно, главы исполнительных органов могли успешно разрешать стоявшие перед ними сложные задачи лишь при условии все большего главенства полномочий триархов над правами мелкоплеменных и клановых властей. Этот неизбежный естественный процесс должен был влиять на некоторые внутренние правопорядки упомянутых сообществ. Особенно могли быть затронуты традиционные обычаи, определявшие связи низовых образований между собой и их отношения с верховными органами власти. Однако заметный рост сплоченности этноса в X–IX вв. позволяет заключить, что деятельность аттических правителей достаточно успешно отвечала интересам всего населения земли. На это указывает ряд источников из сфер духовной и материальной жизни общества. Традиционно

¹ Kübler K. Neufunde // *Kerameikos*. Bd IV. S. 5, 9. Taf. 8, 27.

делившееся на локальные племенные и клановые группы население энергично шло по пути усиления своего спонтанного единения.

Рассматривая внутреннее состояние аттического этноса, К. М. Колобова полагала, что в изучаемые столетия происходила некоторая централизация власти¹. Может быть, тенденции к централизации еще только намечались, зато набирал силу рост значимости общегосударственных властей и их ведомств, призванных укреплять мощь и правопорядки аттического государственного устройства. Примечательно, что ряд явлений в истории тогдашней Аттики указывает на усиление монолитности массы ее населения именно в этот период, когда раннетриархическая политея уже достигла полного развития.

В X–VIII вв. в мировоззрении аттического населения еще яснее проступают черты идеологического единства его различных групп. Памятники искусства и погребальные обычаи отчетливо отражают усиление идей общности всего аттического этноса. Его художественная мысль продолжала сохранять единство принципов изобразительного творчества. Возраставшее количество произведений прикладного искусства, бесспорно, указывает на общность основных принципов создававших их мастеров.

Эту общность весьма четко выражала вазопись, по своей природе являвшаяся глубоко каноническим видом искусства. Мощный расцвет геометрического стиля между 1025–700 гг. показывает, что аттические мастера строго соблюдали традиционные идеи своего дела. Правда, они все свободнее вводили в узоры элементы личного творчества, а также шире использовали мотивы росписей XVI–XIII вв. Последний факт отразил оживление ряда традиций эпохи Бронзы не только в Аттике, но и во всей тогдашней Элладе². Эти тенденции

¹ Колобова К. М. Древний город Афины. С. 36.

² Snodgrass A. The Dark Age. P. 382–383. Обращение к «микенским» прототипам мастеров геометрического стиля уже рассмотрел Бенсон (*Benson J. E. Horse, Bird and Man: the Origins of Greek Paintings. Amherst (Massch). 1970*). Сохранение коренного аттического населения в конце II — начале I тысячелетий обусловило живучесть ряда традиций. Например, в XI–X вв. детей погребали по обряду труположения — следовательно, древний обычай действовал непрерывно для определенного возраста. категории. Около 900 г. зажиточные афиняне ставили урны своих родичей в ямы под полом могил — эта практика прямо восходила к устройству могил в полу склепов аттической знати, распространившемуся, как отметила И. Хилл, в 1400–1300 гг. (*Hill I. Ancient City. P. 16*).

в аттическом обществе укрепляли стремления к единству этноса, заметные в мировоззрении разных групп населения.

Силу консолидирующих тенденций ясно показывает плавный характер отмеченного выше перехода от кремации к ингумации, который, как определил уже К. Кюблер¹, возрождал обряд, принятый в Элладе еще в III–II тысячелетиях. Процесс, происходивший в 850–760-е гг., допускал применение обоих способов захоронения одновременно на одном участке некрополя.

Указанные факты неоспоримо свидетельствуют о сложившемся в те времена прочном равновесии внутривластных сил на полуострове: установившийся государственный строй обеспечивал достаточные возможности существования большинству населения. Очевидно, властвовавшие Верховный Булевтерий и триархическая Коллегия искусно поддерживали силу принципов усредненного равенства в общественном миропонимании. Конечно, это требовало умелого согласования общеполитических интересов и запросов союзов кланов или отдельных кланов, а также постепенно складывавшихся некровных профессиональных групп. Но представлениями, главенствовавшими в идеологии всей массы народа, оставались понятия о разумности народоправности, несколько ущемленной в монархический период.

Естественно, что в сознании народа патриархальные клановые порядки продолжали оставаться самыми общедоступными правовыми средствами для сохранения и развития правоспособности населения своей земли. Ведь именно правовая устойчивость клановых сообществ обеспечивала, как и прежде, возможности успешного развития хозяйства всего клана и отдельных групп сородичей внутри и вне кровного единства. Данные аттических некрополей свидетельствуют, что в изучаемые столетия социальная значимость даже бедных сородичей была устойчивой. Здравый смысл клановых деятелей диктовал им необходимость всемерного укрепления системы кровных объединений в условиях развития общезнатнического единения. Оно проявлялось не только в усилении всей политеи, но и отразилось даже в повседневной жизни народа. Например, однотипность бытовых древностей в разнохарактерных землях полуострова свидетельствует о тесных связях их обитателей.

Следует еще раз напомнить, что мощная культура тогдашней Аттики оказывала сильное воздействие на развитие некоторых частей эллинского мира. Естественно, что чтившие свою метрополию

¹ Kübler K. Die Nekropole // Kerameikos. Bd V, 1. S. 8, 37.

афинские выселенцы и их потомки, особенно милетяне, как рассказал Геродот (V, 97), воспринимали ряд новшеств из аттической культуры¹. Устойчивые связи Аттики с островными эллинами особенно расширились по мере роста ее собственного мореходства, вероятно, превышавшего деятельность флотилий соседних островов.

Заслуживают внимания данные об отношениях Аттики и Евбеи. Уже в X в. в некрополе Левканди появились аттические изделия массовых типов и ярко-индивидуального характера². Различие качества аттического импорта показывает, что им пользовались левкандяне разных уровней благосостояния. Такие широкие контакты могли установиться еще в XI в., после отражения дорян около 1050-х гг. Сила воздействия аттических художественных идей на вкусы соседних евбеян указывает, что самостоятельное творчество мастеров Аттики успешно отвечало ряду духовных традиций всего эллинства.

Первенство Афин в развитии художественных принципов всех эллинов стало особенно ясным около 950–900 гг., когда керамевсы во всех землях Эллады творчески восприняли идеи аттического протогеометрического стиля. Проследивший этот процесс по обширному массиву источников Дж. Колдстрим подчеркнул, что достигнутая однородность творческих воззрений керамевсов установилась без политического давления Аттики на остальных эллинов; что после 850-х гг. многие местные художественные школы вазописи стали энергично создавать свои варианты геометрического стиля³. Замечу попутно, что приведенные факты указывают на беспочвенность рассуждений о том, что в XI–VIII вв. развитие отдельных областей Эллады характеризовалось особой изолированностью. Правда, новые источники уже обусловили иные, весьма основательные выводы исследователей⁴. Полагаю важным то, что местные виды геометри-

¹ Убедительным свидетельством непрерывных связей Аттики и Милета в XII–VI вв. является употребление милетянами аттической керамики от субмикенского стиля вплоть до создания черно- и краснофигурного стилей (*Boardman J. The Greeks. P. 23 sq.*).

² Отметим лишь терракоту — лошадь с двумя амфорами на спине — аттического протогеометрического периода (около 960–900 гг.) и крупную расписную ойнохою (около 900 г.) (*Popham M. R., Calligas P. G. and Sackett L. Y. Further Excavations of the Thumba Cemetery at Lefkandi, 1984 and 1986, a Preliminary Report // AR. for. 1988–1989. P. 118, 119–120. Figs. 16, 6a.*)

³ *Coldstream J. Greek Geometric Pottery P. 335–341.*

⁴ *Sheedy K. A. A Prothesis Scene from the Analathos Painter // MDAI. Ath. Abt., Bd 105. 1990. S. 148.*

ческой вазописи развивались неуклонно. Это ясно отражает силу этнокультурной самостоятельности всего эллинского массива.

В самой Аттике общеэллинское значение ее идеологических принципов имело результатом не только подъем ее духовного самосознания. Успешный вывоз керамической продукции способствовал упрочению социального веса мастерового населения и, безусловно, улучшению материального положения аттического ремесленного люда. Количество умельцев в IX–VIII вв., судя по росту продукции, возрастало, что должно было поднимать и общественное положение каждой профессиональной группы. Вероятно, весьма выделялись работники гончарного дела: сами скудельники, вазописцы и творцы врезного декора вложили много ума и искусства, чтобы доходчиво передать художественными приемами нужные обществу идеи общего единства и прочных порядков. Деятельность этих массовых распространителей важных государственных мыслей была особенно полезна обществу, в котором начали происходить некоторые изменения, неоднозначно влиявшие на общепринятые взгляды.

Однако первоначально эти влияния проявлялись умеренно; они не затрагивали высших звеньев политейи. Аристократия в Верховном Булевтерии расширяла свои правотворческие полномочия. Правительство триархов упорядочивало основные принципы управления и практику их применения властями разных уровней. Со временем рост количества и качества новшеств неуклонно отражался на идеологии и деятельности всего общества. Значимость этих сдвигов раньше всего и подробно показывают материальные источники.

Именно данные об экономической жизни Аттики позволяют судить о росте имущественного неравенства членов клановых групп. Ясные свидетельства предоставляют афинские некрополи. Уже в конце X в. малоимущие семьи упрощенно погребали усопших родичей: кремацию совершали на месте будущей могилы или в уже готовой яме, на дне которой складывали остатки кострища и дары; могильную засыпь отмечали лишь кучей простых камней. Бедные семьи снабжали умерших родичей только оружием и немногими сосудами; женщины, кроме посуды, получали простые пряслица, скромные украшения были редки¹. Но ограниченность средств, видимо, не ума-

¹ *Smithson E. L.* A Geometric Cemetery. P. 332, 334, 340. Pl. 68–74; *Lang et al.* The Athenian Agora: a Guide. P. 57.

ляла общественного значения таких членов родственной общины, поскольку кровное родство прочно связывало все семьи одного клана. Давние клановые установления оберегали их права и строго требовали от них исполнения важных общеклановых обязанностей.

Таким образом, не только родственные связи, но именно деятельное посильное сотрудничество всех членов кровной общины в ее хозяйственной и духовной жизни еще долгое время смягчало остроту быстро нараставшего экономического неравенства. Выше уже были отмечены имущественные различия, обособлявшие в кланах некоторые группы общинников. Однако около 900–850-х гг. личное имущество отдельных индивидуумов имело уже такие внушительные размеры, что должно было придавать самим владельцам и их семьям особую значимость не только в клане, но и во всем обществе.

Можно полагать, что столь преуспевавшая знать постепенно отказывалась от полного подчинения всем принципам официальной уравнилельной идеологии. Однако этот слой аристократии тщательно соблюдал традиционные клановые установления, прежде всего сакральные уставы. Именно клановая знать умела выполнять особо сложные обряды богослужения внутри кровного единства и в пределах всего общества. Такие особые знания возвышали их над остальными сородичами и даже над общей массой аттического населения. Естественно, что активная богослужбная деятельность постепенно вырабатывала более свободное отношение к выполнению общепринятых обычаев. В частности, можно отметить некоторые отклонения от строгой схемы обряда кремации.

На развитие особых черт в миропонимании знатных групп населения указывают данные афинских некрополей. Следует привести весьма примечательное погребение выдающейся афинянки, открытое в 1967 г. на северном склоне Ареопага¹. Сановная семья покойницы тщательно позаботилась о ее загробной жизни. Ныне ее захоронение стало важным археологическим источником. Его краткое описание позволит понять ряд черт развития общества в IX в.

Совершенное около 850 г. по обряду кремации с урной, данное погребение выделяется некоторыми деталями процедуры и богатством заупокойных даров.

¹ *Smithson E. L. The Tomb. P. 77–116. Pls. 18–33; Lang et al. The Athenian Agora: a Guide. P. 228–230.*

Так, костер был разложен вокруг могильной ямы (1,50 × 1,06 м) и на самом дне ее; в огонь были положены останки покойницы и самые простые ее вещи. После конца кремации в дне могилы была выкопана яма, куда поставили урну с кремированными останками, драгоценностями покойной (ей было лет 30–35) и мясными дарами. Урну плотно закрыли сырцовыми кирпичами. Вершина могилы не сохранилась, но ее могли завершать обычные для того времени надмогильный сосуд и небольшой каменный знак¹.

Исследовавшая памятник Э. Л. Смитсон справедливо отметила его как одно из богатейших афинских захоронений того времени. Действительно, одних только глиняных сосудов было положено более 50, из которых целыми дошли 36 вещей; они изготовлены на круге или лепные с врезным орнаментом. Из глины были два пряслица и четыре крупные бусины. Примечательны качество и количество металлических украшений. Из бронзы были четыре длинных булавки, две фибулы и один простой перстень. В золоте выполнены шесть перстней и две одинаковых массивных серьги, украшенные филигранью и зернью. Обе подвески изукрашены обычными геометрическими узорами. Изготовленные высокоискусными афинскими ювелирами, эти серьги находят ближайšie аналогии в металлических украшениях того времени. Особенно ясна близость декора этих украшений, как считает Э. Смитсон (Ibid. P. 110–112), аттическим золотым фибулам, хранящимся в Берлинском музее.

Тщательно изучавшая технологические приемы тогдашних афинских ювелиров исследовательница отметила, что форма некоторых деталей фибул восходит к обычной форме, известной в аттическом субмикенском периоде. Это наблюдение ученой позволяет подчеркнуть: в XII–IX вв. аттические ювелиры, как и современные им афинские керамевсы, непрерывно сохраняли точные знания и навыки высшего мастерства, хотя официальная идеология в XII–XI вв. не допускала практического применения их искусства. Однако уже в X столетии жесткое соблюдение всеобщего умеренного равенства, одного из главных идеологических принципов, несколько ослабело: появился спрос на личные художественные изделия в самой Аттике,

¹ Колобова К. М. Древний город Афины. С. 27–28. Убедительно указав на возобновление древнего обряда возлияния, исследовательница проследила последовательное усложнение форм погребений в XI–VIII вв. Ее суждения расширили мое понимание правового развития Аттики тех времен.

и вскоре их стали потреблять на ближайших островах¹. Эти возможности развития ювелирного дела и других видов прикладного искусства были использованы не только их творцами. Велико было их влияние на психологию имущей знати.

Разнообразие и художественное качество ценных даров в изучаемом погребении показывают, что семья этой покойницы к 850-м годам уже накопила значительное богатство. Оно состояло не только из простых материальных ценностей², большое значение имели гармония материала и художественного исполнения каждой вещи. Можно предположить, что женщины этого дома уже много десятилетий формировали свои вкусы и умение пользоваться дорогими украшениями³.

Конечно, мужская часть знати ценила, прежде всего, качественное вооружение. Однако имущие аристократы хорошо понимали, что художественно исполненные украшения их родственниц доходчиво объясняют значимость состоятельности и благородства всего семейства. Поэтому даже в Аид зажиточных покойниц сопровождали драгоценности.

Другие дары в изучаемой могиле свидетельствуют, что при жизни афинянка ведала сохранностью важных материальных ценностей. Это три слоновокостных изделия: две печати с геометрическими узорами и амулет с изображением человеческого глаза. Видимо, не только печати, но и неземные силы должны были оберегать сохранность имущества.

О виде и размерах имущества следует судить по двум искусно расписанным керамическим моделям зернохранилищ⁴. Меньшая

¹ Изделия аттических керамевсов нередки в могилах Лефканди (Евбея), в которых встречены творения одаренных мастеров. Приведу лишь трехручную амфору, исполненную около 920 гг. в Аттике. Ваза выделяется совершенством своей формы и сложностью тонкого узора (AR for 1984–85. P. 15. Fig. 18).

² Около 1125–1050 гг. в Афинах особо значимым был материал украшения. Формы и орнаментация вещей были строго простыми, хотя их изготавливали из дорогого тогда железа — таковы единичные кольца, открытые в четырех (погребения № 20, 83, 84 и 100) из 112 могил на кладбище к югу от Эридана (Kraiker W. // Kerameikos. Bd I. S. 16, 39, 47. 100).

³ В Аттике были особые условия для прямой передачи ценностей внутри кланов и семей и для сохранения технологических знаний опытными мастерами. Уже К. Кюблер отметил, что уцелевшие «микенские» драгоценности служили образцами ювелирам и питали воспоминания знати о былых богатствах (Kübler K. // Kerameikos. Bd V, 1. S. 183–192).

⁴ *Smithson E.* Ibid. P. 93–95. Pl. 24–27. Привожу только часть описания этих терракот.

терракота представляет собой круглое сооружение с конической крышей, стоящее на кольцевом поддоне. Большая фигурка имеет сложную композицию: на узком продолговатом ларе в тесном ряду стоят пять круглых житниц; каждая имеет входное отверстие в верхней части. Очевидно, в таких сооружениях сохраняли большое количество зерна; опустошенные емкости такого вида можно было легко проветрить и хорошо очистить. Примечательно, что строители использовали традиционную в Элладе форму пифосов, но поставили их в обратном положении.

Сложная конструкция хранилища для значительной массы злаков указывает не только на высокую продуктивность земледелия в тогдашней Аттике¹. Общество уже выработало практику хранения зерновых запасов, которыми, видимо, распоряжались клановые, племенные и общегосударственные власти. Наличие таких фондов обеспечивало достаточно благоприятные условия для жизни, результатом чего был заметный рост населения в XI–IX вв. На это указывают некрополи Афин, Элевсина, Форики и, слабее, Менды.

Искусно исполненные модели житниц ясно указывают на то, что их владелица энергично участвовала в накоплении зерновых запасов своих семейства и клана; что родичи отводили ей ту же роль и в загробной жизни. Уникальный характер обеих терракот побудил нынешних ученых именовать их собственницу Госпожой зерна. Это имя удачно выделяет знатную афинянку, которой около 870–850 гг. довели распоряжаться столь весомыми материальными ценностями².

¹ Весьма сомнительно суждение А. М. Снодграсса будто в XII–X вв. в Аттике земледелие было незначительным, скотоводство же было главным занятием (*Snodgrass A. Dark Age. P. 378–380*). Автор не учел того, что в гористой земле достаточную урожайность в середине IX в. можно было получить в результате непрерывной работы нескольких поколений предков сельчан на их участках. Помимо физического труда, крестьянин должен был умело применять сложные агрономические правила для улучшения почвы своего надела.

² Примечательна близость размеров всех пяти пифосов. Видимо, каждая житня вмещала почти одинаковое количество зерна, которое составляло некую общепринятую единицу сыпучих тел. В эллинском мире давно обращались разные виды товароденег — уже в XIII в. на Кипре были известны золотые слиточки, служившие домонетными деньгами (*Зограф А. Н. Античные монеты. С. 23*). В земледельческих кругах Эллады в XI–IX вв. общепринятая мера зерна могла нередко служить таким видом крупной товароденежной единицы.

Надлежит отметить глубокое внимание коропласта к точной передаче форм и орнамента зернохранилищ. Роспись фигурок отражала основные идеи тогдашнего аттического общества. Важнейшим элементом орнамента обоих изделий был меандр. Его сильный, немного грубоватый, рисунок¹ четко передавал строгие принципы духовной жизни общества: упорядоченность, ритмичность, последовательность и тесное его единство в условиях главенства идеологии усредненного равенства.

Искусное исполнение форм каждой из житниц отражает хорошее знание коропластом важного земледельческого оборудования. Сама Госпожа зерна должна была знать всю технологию качественного сохранения собранного урожая. Назначение этих запасов остается неясным.

Э. Смитсон, рассматривая роль житниц в деятельности Госпожи зерна, предположила, что она участвовала в экономических делах², вероятно, в пределах своего домохозяйства. При этом исследовательница подчеркнула богатство семьи усопшей, полагая, что она могла быть женой или дочерью басилея, полемарха или архонта³. Эти интересные суждения я попытаюсь несколько дополнить.

Действительно, знатная афинянка умела носить великолепные драгоценности и ведать сохранностью внушительных запасов зерна. Однако простой хозяйственной работой она почти не занималась, два пряслица, видимо, имели символическое значение. Зато и в Аиде ей были необходимы восемь калафов, заметных искусной выделкой (*Smithson E. Ibid. P. 98–103. Pl. 28*): сквозная работа мастера и роспись обоих ажурных поясов каждого сосуда особо выделяют эту группу керамических даров. Калафы, сосуды типа корзинки, применялись в обрядах служения богине Деметре, и уже К. Кюблер отметил их значение в Элевсинской утвари⁴. Необходимые для деятельности Госпо-

¹ Меандр был художественным символом земледельцев, обитавших со времен неолита на просторах от Эллады, остальных балканских стран, Италии и приальпийских областей вплоть до Швеции (*Caraşanin M. V. Zur Entstehung der Maanderdekoration // VAND. Bd 56–59. S. 58*). Судя по лепной посуде с врезным орнаментом из погребения Госпожи зерна, она весьма чтит древнейшую сакральную символику.

² Е. Смитсон отметила, что публикуемые ею модели житниц являются самыми ранними из известных ныне терракот, и привела список происходящих из Аттики подобных изделий, относящихся ко времени между 850–700 гг. (*Smithson E. L. Ibid. P. 92*).

³ *Smithson E. L. Ibid. P. 83, 95–96*.

⁴ *Kübler K. // Kerameikos. Bd V. 1. S. 29*.

жи зерна калафы и житницы ясно указывают на то, что усопшая весьма активно участвовала в почитании Деметры, которую все эллины чтили как богиню, установившую основные правопорядки в обществе. Деметре-законодательнице, именовавшейся ΘΕΣΜΟΦΟΡΟΣ, во многих полисах были посвящены внушительные храмы — Фесмофорионы. Это были крупные центры религиозно-правовой деятельности, нередко обладавшие правом убежища. Нарушение этого права богини было ужасным святотатством — о таком преступлении на Эгине сообщил Геродот (VI, 91).

В Аттике, политейя которой издревле непрерывно развивалась, почитание Деметры Фесмофоры должно было усложняться по мере изменений в политико-правовой жизни общества и его богословской мысли. Вместе с тем ряд древнейших теоретических положений и исконных обрядов увеличивали свою силу в новых условиях¹. Это тщательно учел Клисфен, который около 508 г. позволил всем иметь кланы, фратрии и священнослужения, согласно отеческим установлениям: τὰ δὲ γένη καὶ τὰς φρατρίας καὶ τὰς ἱερουργίας εἶασιν ἔχειν κατὰ τὰ πάτρια (Aristot., Ath. Pol., 21, 6). Сообщение Стагирита о том, что законодатель слил частные святилища и превратил такие укрупненные храмы в общегосударственные (Aristot. Pol., VI, 2, 11, 1319 b20), показывает, что Клисфен не допускал частных отклонений от общеполисной сакральной системы. Видимо, он строго охранял неприкосновенность традиционных религиозных идей и обрядов, принятых издавна.

Естественно, что укрепление демократической государственности в V в. придавало все большее значение почитанию Деметры Законодательницы. В Афинах общеполисный Фесмофорион и справлявшиеся там государственные празднества Фесмофорией оказывали огромное влияние на все сферы жизни народа. Об этом свидетельствуют многие авторы, назову лишь Аристофана (Thesmophog., 78–83). Простому народу были особенно близки обряды, которые совершались в местных святилищах Деметры. Обстоятельные официальные документы из демов указывают обязанности священнослужительниц богини Законодательницы в местных Фесмофорионах, которым демархи существенно помогали. Всюду жестко соблюдалось общее

¹ Надлежит помнить, что ряд преданий о деятельности богини Законодательницы сохранялся в некоторых ее местных храмах. Особенно своеобразными были мистические учения, которые таили богословы святилища в Элевсине. См.: Новосадский Н. И. Елевсинские мистерии. СПб., 1887; Deubner L. Attische Feste. S. 40–92.

установление: исполнять основные обряды празднества Фесмофорий имели право только замужние гражданки под руководством жриц Деметры; мужчины и девушки к священнослужению не допускались. Правда, ратники всюду были готовы защищать безопасность своих молящихся согражданок от возможных нападений извне — о такой активности граждан Эфеса сообщил Геродот (V, 16).

Обязанности аттических служительниц Деметры требовали от них не только хорошего знания исполняемого священнослужения, но и качественной хозяйственной деятельности при подготовке празднества. Источники V–IV вв. свидетельствуют, что в Фесмофорионах тщательно готовили пищу и дрова, потребные для свершения обрядов. Яркие сведения доставили ораторы, особенно Исэй (III, 80; VI, 49–50; VIII, 19–20). Документы из демов перечисляют официальные поручения и денежные затраты, которыми ведали полиитиды, входившие в персонал Фесмофорионов местного значения. Среди этих текстов особенно примечателен пирейский документ (IG, II², № 1177), упоминающий священнослужение «согласно отеческим заветам».

Разнообразные данные авторов и эпиграфических текстов недавно основательно исследовали Дж. Гоулд и Д. Уайтхэд¹, труды которых позволяют мне высказать догадки о роли служительницы Деметры Фесмофоры в аттическом клане около 900–850 гг.

Весьма убедительно суждение Дж. Гоулда о том, что в V–IV вв. участие гражданок в сакральных и обрядовых действиях не только допускалось, но и обязательно требовалось; что это было необходимо для упорядоченного существования всего общества и нерушимости его духовно-сакрального единства (Ibid. P. 50–51). Несомненно, столь важный правовой аспект положения полутид выработывался не одно столетие, вероятно, его корни следует искать еще в обычаях развитого племенного строя всего эллинства.

Значение труда родственниц в жизни кровных общин должно было повыситься в X–VIII вв., когда постепенно нарастали различия экономического и политического характера в положении отдельных кланов. Конечно, любое кровное сообщество ценило хозяйственные знания и навыки своих умелых родственниц, обязанных выполнять доступные им работы. Но аристократические кланы, претендовавшие на особое положение в обществе, требовали от своих общинниц

¹ Gould J. P. Law, custom and myth: aspects of social position of women in classical Athens // JHS. Vol. C. 1980. P. 38–59; Whitehead D. The Demes. P. 79–81, 123, 129, 189 sq., 197, 228, 251, 376, 396.

более тщательного исполнения религиозных установлений, обеспечивавших таким кланам особое положение. Естественно, что почитание Деметры Фесмофоры доверялось не только самым благочестивым, но и самым имущим родственницам, умевшим разумно распоряжаться материальными средствами, выделяемыми на праздника богини.

Возможно, что данное кровное сообщество, почитавшее Деметру как законодательницу, поручало ее авторитетной служительнице наблюдать за сохранностью общеклановых зерновых запасов. Многогосоставность терракотовой житни указывает на практику длительного хранения значительных количеств злаков; вероятно, именно общие зернохранилища Госпожа зерна опечатывала своими слоновокостными печатями.

Несомненно, усопшая афинянка обладала яркой индивидуальностью. Она хорошо знала древние предания о богине и ее дочери и умела применять необходимую в их священных обрядах лепную утварь, покрытую сложными резными узорами — Э. Смитсон отметила разнообразие рисунков и необычность их сочетаний (Ibid. P. 103, Pl. 29). Вместе с тем распорядительница зернохранилищ придавала значение отвращающей зло силе взгляда, судя по тому, что ее проводили в могилу со слоновокостным апотропеем. Несомненно, знатная семья покойницы принадлежала к древнему афинскому клану, имевшему кладбище на склоне Ареопага, где были открыты еще несколько захоронений состоятельных горожан, как отметила Э. Смитсон. Очевидно, имущие семьи этого кровного сообщества уже широко признавали право личной собственности своих родичей на ценные вещи. Это право сохранялось после смерти владельца на часть его имущества и на некоторые личные орудия труда.

Известные ныне погребения с вещами такого рода ясно показывают, что в обществе шел интенсивный процесс развития индивидуального права собственности, уже четко отделявшегося от общекланового и даже от общесемейного права владения¹. Формирование

¹ Следует полагать, что неукоснительное соблюдение давнего военно-кланового обычая, утверждавшего владение ополченца своим оружием (устав выполняли и около 900 г., как показывает согнутый меч в афинской могиле № XXVII — см. выше с. 283, 338), содействовало быстрому распространению аналогичного права собственности земледельцев и мастеровых на их орудия труда.

частного права на личные вещи и инструменты отчасти ограничивало правоспособность семьи и клана в отношении движимого имущества их сочленов, но такой обычай полного владения вещами еще не наносил ущерба семейно-клановым правовым порядкам: он не затрагивал всю систему семейно-клановых правовых отношений, поскольку новые обычаи владения складывались в сфере личных связей человека с его движимым имуществом.

Действительно, в X–IX вв. основные установления кланового быта сохраняли свою традиционную силу. Правда, общая суровость государственной идеологии несколько смягчалась, судя по тому, что уже около 850-х гг. начался быстрый отход этноса от обычая кремации к древнему обряду ингумации. Но это было возвращение к отеческим сакральным установлениям, непосредственно связанным с исконным принципом деления общества на кровные общины.

Общеаттический сдвиг в погребальном обряде не отразился на традиционных правилах кладбищенского землепользования, как показывает сохранность планировки клановых могильников в Афинах. Этот факт позволяет полагать, что внутриклановые уставы относительно прав общинников на традиционное обладание полагающейся каждому сородичу долей в земельных угодьях (пашенных наделах, пастбищах, ископаемых ресурсах) или в морских промыслах его клана оставались в силе. Естественно, что развитие правовых отношений, определявших собственность человека на его движимое имущество, должно было усилить заботы кланового сообщества о его традиционном пользовании земельным фондом и прочими природными богатствами. Несомненно, что для каждого члена клана право давностного соучастия в клановых владениях оставалось одним из важнейших юридических оснований его прочного общественного положения.

Но постепенный рост личного имущества и развитие защищавших этот вид владения правовых обычаев неизбежно влияли на правовую жизнь внутри кланов и во всем обществе. Особенно усилились движения правотворческой мысли к началу X в., когда аттическое хозяйство стало быстро крепнуть.

Ярким показателем является мощное развитие ремесленной деятельности, в частности керамического производства. Не только жители самой Аттики обильно пользовались изделиями своих мастеров, их продукция поступала во многие земли материковой и островной Элады. В. Десборо отметил, что в 950–900 гг. аттическая керамика ввозилась в десяток эллинских центров; что она не просто

достигала этих областей, но способствовала выработке локальных вариантов в землях, начиная от северной Фессалии и Киклад вплоть до Крита¹. Этот процесс, свидетельствующий о силе авторитета Аттики в эллинском мире и об устойчивых связях ее даже с отдаленным эллинством, указывает на увеличение массы продукции гончарных мастерских. Отмеченный выше подъем металлургического производства позволяет уверенно утверждать, что во всех отраслях аттического хозяйства с X в. происходило улучшение технологических процессов и орудий труда. Естественным результатом явилось повышение качества и увеличение количества производимых материальных ценностей.

Конечно, развитие отдельных сторон экономики происходило неравномерно, но это не препятствовало крупному положительному движению численности аттического населения. Например, в самих Афинах демографический сдвиг выразился в том, что в X–IX вв. некрополи на берегах Эридана увеличились почти вдвое. Бытовые древности тогдашних афинян свидетельствуют о разнородной деятельности горожан. Вероятно, постепенно увеличивалось число людей, занятых не столько прямой производительной деятельностью, сколько управленческой работой в государственных и клановых подразделениях. Даже в особо имущих семьях могли использовать труд вспомогательного обслуживающего персонала, работавшего внутри домохозяйства знатного родича. Несомненно, рост числа жителей стольного города мог происходить в условиях высокой продуктивности сельского хозяйства всей земли.

Вероятно, увеличение афинского населения шло за счет более высокой выживаемости малолетков в имущих семьях, а также благодаря притоку в столицу высокопрофессиональных работников, выходцев различных местностей Аттики. Не имевшие кровных связей с коренными афинскими кланами, вновь прибывшие мастера сохраняли обычаи своих родных сообществ, что должно было вести к согласованию ряда местных и столичных клановых правопорядков. Тем самым укреплялись принципы общеаттического права и сплоченности всего населения полуострова.

Следует предполагать, что аналогичное правотворчество, более скромных размеров, происходило и в местных ремесленно-промысловых центрах. Например, в прибрежные земли естественно прибы-

¹ *Desborough V. Protogeometric Pottery. P. 294, 394.*

вали выходцы из внутренних кланов, привлекаемые работой в судостроении, мореплавании и рыболовных промыслах. Совместная деятельность поморян и пришельцев настоятельно требовала создания новых общих обычаев и правопорядков, стоявших выше локальных клановых и племенных установлений.

Особенно сложными могли быть надклановые местные уставы, которые вырабатывали обитатели посадов и городков, мест развития сложных промыслов и производств¹. В таких центрах пришлые работники, вынужденные надолго отрываться от родных кланов, должны были подчиняться локальным обычаям и общеаттическим правопорядкам. Естественно, весьма разработанными должны были быть правовые положения в давних местах сложных ремесленных производств.

Таким был Форик, городок в юго-восточной Аттике, в котором уже в середине II тысячелетия искусные металлурги вели добычу серебра². Это был сложный процесс, осуществление которого показывает, что жители Форики энергично использовали рудные богатства своей округи. Могильники XI–VIII вв. свидетельствуют о непрерывном составе населения, несомненно сохранявшем и развивавшем давние знания и навыки своих металлургов. Действительно, в X в. тамошние

¹ Дж. Колдстрим справедливо подчеркнул значение пригородных посадов в хозяйстве Афин в X–VIII вв. Однако сомнительно его предположение, что в VIII в. стольный град состоял из группы обособленных неукрепленных сел и что тогда еще сколько-нибудь заметный центр политической жизни в Аттике отсутствовал (*Coldstream J. Geometric Greece. P. 303*). Ведь на Акрополе издавна стояли святыни и царский дворец. Вероятно, Медонтиды, став архонтами-басилеями, не отказались от наследственных палат предков. Дворцовый комплекс не только подтверждал их царственное происхождение — он оставался хранилищем священной утвари и различного инвентаря, необходимого при исполнении общеполитических богослужений на Акрополе. К тому же, дворцовое здание, как показали раскопки, находилось на южном краю вышгорода (*Lang M. et al. The Athenian Agora. P. 26. Fig. 5*). Очевидно, оно не примыкало к священному подворью и его обособленность могла облегчать Медонтидам использование их традиционного дома.

² Уже в 1965 г. Н. Верделис и Г. Мусше раскопали в Форики на холме Велатури остатки мастерской, в которой около 1550-х гг. добывали серебро из окиси свинца, местного среброносного минерала (*Daux G. Chronique des fouilles 1966. P. 628; Megaw A. Archaeology in Greece. 1967–1968 // AR for 1967–1968. P. 6*). Подробная публикация см.: *Moussche H. et al. Thorikos 1965: rapport préliminaire sur la troisième campagne de fouilles. Brussels, 1967 (non vidi)*.

мастера широко применяли сложную металлургическую технологию, как показали раскопки части мастерской, которая была засыпана горным обвалом¹.

Это было отдельно сооруженное плавильное отделение площадью в 48 кв. м, работы в котором велись около 900 г., по определению Н. Верделиса и Г. Мусше. В пол помещения были вделаны несколько чанов, в двух из них были обнаружены свинцовые осадки. Очевидно, как и прежде, форикские металлурги добывали серебро путем окислительного плавления в печи, стоявшей в этой же горнице. Применение метода купеляции указывает на обширные технологические знания трудившихся здесь металлургов. Судя по количеству чанов, они использовали немало сырья.

Характер памятника позволяет полагать, что в этом заведении работали профессионалы разных уровней. Конечно, их возглавляли опытные технологи, досконально изучившие местную металлургическую традицию. Их знания и практический опыт повышали материальный потенциал родственных им общин. Естественно, что внутриклановые установления тщательно поддерживали обычаи, определявшие обязанности и права таких выдающихся металлургов. Вероятно, подсобные работники (сородичи и пришельцы из других кланов) не имели особых привилегий. Однако инообщинники приносили обычаи своих кланов и энергично использовали общеаттические покровительственные им правовые нормы. Рост населения городка в IX–VIII вв. свидетельствует о благоприятных правопорядках для всех².

Интенсивная ремесленная деятельность в стольном граде и в небольших городках и посадах уже в X–IX вв. бесспорно порождала важные сдвиги в состоянии всего этноса. Несомненно, увеличивался массив неземледельческого населения в прибрежных районах и в землях, обладавших естественными богатствами. Временный или длительный отрыв части общинников от их кланов мог усиливать местное и общеаттическое правотворчество — умножалось число различных категорий субъектов права. Уточнением их прав и обязанностей должны были ведавать клановые и общеаттические правоведы.

¹ Megaw A. *Archaeology in Greece. 1966–1967* // AR for 1966–1967. P. 5; *Coldstream J. N. Geometric Greece*. P. 70–71; *Daux G. Ibid.* P. 628.

² Особенный рост населения и зажиточности горожан около 770–700 гг. отметил Г. Мусше, исследовавший некрополь того времени (AR 1971–1972. P. 6). Логично полагать, что начало этого процесса восходит еще к XI–X вв.

Вероятно, усложнялись вопросы совместного использования береговых и рудоносных земель с соседствующими кланами, причем разногласия могли приводить к враждебным столкновениям. Правда, ясных данных пока нет.

Более уверенно следует предполагать развитие правовых обычаев, регулировавших внутриаттический обмен. Конечно, традиционные правила обмена продукцией земледельческих и скотоводческих общин изменялись сравнительно медленно при отсутствии природных бедствий. Гораздо динамичнее развивались правопорядки в сфере обмена ремесленными изделиями. Потребителями продукции производственных заведений могли выступать весь полис, отдельные кланы и множество разрозненных индивидуальных потребителей. Накопление общегосударственных ценностей, например имущества главных святилищ, способствовало образованию постоянного фонда материальных средств всего этноса. Сохранение и использование казенного имущества регулировали правила, вводимые заново или дополняющие уже действующие обычаи. Но как высшие власти, Верховный Булевтерий и триархи, оплачивали государственные приобретения, пока остается полностью неясным.

Некоторые данные позволяют судить о платежных средствах клановых общин и их верхов, причем отдельные знатные люди уже давно могли пользоваться немногими видами товароденег: мерами зерна, ценной утварью и животными. Но в Аттике расширение ремесленных производств, выполнявших индивидуальные заказы или продававших свою массовую продукцию, должно было способствовать появлению мелких единиц металлических товароденег. Вероятно, в обращении ходили кусочки бронзы или серебра.

Напомню, что на Кипре уже в XIII в. употребляли золотые слиточки в качестве средства домонетного обмена, а в Аргосе до 740 г. длительное время были в обращении железные прутья, оболочки¹. Поскольку некоторые аттические кланы в VII в. имели право чеканить свою частную серебряную монету², постольку можно предполагать, что эти родственные сообщества уже давно имели обычай употреблять кусочки серебра в качестве одного из видов товароденег.

Но в X–VII вв. большинство земледельцев Аттики вряд ли могло широко пользоваться серебром, добывавшимся в Лаврионе.

¹ Зограф А. Н. Античные монеты. С. 23. Рис. 1; С. 38–39. Рис. 15.

² Seltman C. T. Athens. Its History and Coinage before the Persian Invasion. Cambridge, 1924. P. 6, 14.

В повседневном обиходе имело хождение доступное всем платежное средство — зерно. Его основная мера — медимн — вмещала чуть меньше 52 литров зерна и четко делилась на мелкие подразделения: на 6 гект, по 8,6 литров сухого зерна каждая; или на 48 хойников (около 1,1 литра); или на 192 котилы, почти 0,3 литра каждая. Такая система натуральных средств обмена обеспечивала участие в торговле лиц и сообществ, обладавших весьма различным достатком. Несомненно, использование медимна и его мелких частей в обменных операциях было выработано многовековой практикой обитателей Аттики, располагавшей ограниченным фондом пашенных земель¹. Именно традиционная устойчивость медимна побудила Солона установить этот вид товаро-денег единицей оценки доходов четырех категорий граждан, хотя в его время в Аттике уже имели хождение серебряные монеты².

Попутно замечу, что в историографии иногда встречается необоснованное сомнение в точности сведения Аристотеля, сообщившего, что Солон повторил уже существовавшее прежде деление на разряды жителей согласно оценке имущества — *τιμήματα διεῖλεν εἰς τέτταρα τέλη, καθάπερ διήρητο καὶ πρότερον* (Ath. Pol., 7, 3). Противники Стагирита почему-то забывали о той жесткой упорядоченности аттического быта, которую власти проводили с конца XI в., как свидетельствует введение протогеометрического стиля в 1025–900 гг. Естественно, что сдвиги в духовной жизни народа могли быть тесно связаны с возникшей системой учета доходов различных кланов и отдельных групп населения. Само развитие государственной системы в XI–VIII вв. требовало большего числа материальных повинностей от кланов и различных слоев обитателей земли. Свидетельства аттических авторов ясно показывают, что в основу податной системы был положен принцип учета доходности каждого хозяйства. По обычаю этот учет вели в общепринятой товароденежной весовой единице — в медимне зерна. Такой счет был точен и ясно показывал разницу благосостояния богатых и бедных земледельцев.

¹ Обстоятельный анализ природных особенностей главных аттических областей см.: *Зельин К. К.* Борьба. С. 164–168.

² Полагаю, что давняя прочность медимна как основной единицы аттических товароденег убедила Солона не нарушать общепринятого устного обычая экономической жизни, хотя монетную систему он решительно изменил. Силу устных обычаев в духовном мире Аттики в V–IV вв., иногда превышавшую авторитет писанных законов, убедительно проследил *Hirzel R.*: АΓΡΑΦΟΣ ΝΟΜΟΣ. S 50–56.

Естественно, что рост имущественного неравенства мог породить в клановых общинах и во всем населении серьезные разногласия относительно размеров податных обязательств каждого слоя жителей. Эти противоречия, вероятно, побудили власти начать выработку строго упорядоченной системы налогообложения. Она была основана на принципе учета реальной платежеспособности земледельцев различных уровней благосостояния. Такой подход позволил создать последовательную многоступенчатую систему деления общества на имущественные разряды. Конечно, формирование такого податного устройства во всей земле происходило не сразу, его отдельные звенья могли возникать постепенно. Прямых свидетельств о времени, когда началось и как происходило деление жителей по имущественным категориям пока почти нет. Поэтому решусь высказать лишь некоторые предположения — ведь ко времени Солона некая система учета доходов уже была известна каждому полити и реформатор это учитывал.

Полагаю, что началом длительного процесса могло стать выделение слоя коневладельцев, составлявших особую часть аттического ополчения. Зажиточный ратник мог выполнить свою обязанность содержать боевого коня лишь при получении ежегодного урожая в 300 медимнов зерна со своего хозяйства. Вероятно, власти подсчитывали расходы всадников при установлении подати, гиппады, для этого слоя жителей. Уплата гиппады, о которой пишет Аристотель (*Ath. Pol.*, 7, 3–4), была официальным свидетельством прочного благосостояния каждого конного ратника. Естественно, что слой домохозяев, имевших одинаковые доходы и плативших равную гиппаду, постепенно приобретал особую значимость в обществе. Это можно заметить по вниманию к изображению коня, которое заметно в аттическом искусстве уже в X в¹.

Допустимо предположить, что вслед за выделением всадничества был установлен имущественный разряд зевгитов, обладателей парной упряжки лошадей или быков. Зевгиты, получавшие по 200 медимнов зерна со своего хозяйства, были обязаны платить подать зевгисий (*Ath. Pol.*, 7, 4). Отметим архаичность наименований этих двух податных групп по видам ценнейшего скота в их хозяйствах. Логично пола-

¹ Вазописцы рисовали на дорогих сосудах (см. с. 338 и сл.) именно боевых коней, непригодных к пахотной работе. В мелкой пластике около 930–900 гг. появилась фигурка лошади. (см.: *Young R. An Early Geometric Grave*. P. 290. Fig. 3).

гать, что самосознание столь зажиточных слоев населения могло повышать их политическую активность, что иногда вносило сложности в психологический настрой кланов и других групп общества.

Возможно, что устойчивость положения всадников и зевгитов подтолкнула самые богатые круги добиться установления высшей оценки их доходов: их имущественный критерий равнялся 500 медимнам. Тем самым состоятельнейшая знать подчеркивала материальное превосходство своего разряда над экономическими рубежами всадников и зевгитов.

Новые археологические источники позволяют приблизительно наметить начало практического выделения разряда «пятисотмедимников». Само наименование — пентакосиомедимны — тесно связано с определением их доходов в сотнях медимнов. Оно не содержит никаких указаний на вид деятельности богачей этого разряда. Очевидно, доход, равный 500 медимнов, могли иметь лица различных профессий — аграрии, ремесленники, моряки, торговцы. Доходы жителей, не связанных прямо с землепользованием, все же, пересчитывали по общепринятой единице товароденег — по медимну. Судя по терракотам из могилы Госпожи зерна¹, учет зерна по медимнам уже прочно вошел в хозяйственную жизнь Аттики.

Следует полностью принять мысль Э. Смитсон о том, что владелица этих даров могла быть дочерью или женой аристократа, относившегося к разряду «пятисотмедимников». Исследовательница являлась глубоким знатоком материала и могла проницательно анализировать свидетельства источников. Взвешенно и непредвзято рассматривая принципиально важные факты истории эллинства в XI–VIII вв., она считала, что утверждения о глубокой отсталости страны в указанные столетия весьма ошибочны. Никогда не принимая такие схематичные определения, она писала Дж. Колдстриму: «в действительности эти века были периодом кипучей деятельности» населения Эллады².

¹ *Smithson E. L.* The Tomb of a Rich Athenian Lady. P. 83, 93–95. Pl. 23–27; *Lang M. et al.* The Athenian Agora. P. 228. Fig. 118.

² *Coldstream J. N.* The Rich Lady of Areopagus. P. 391–392, 403. Указанная статья содержит принципиальный отказ Дж. Колдстрима от своих неверных суждений 1970-х гг., когда он писал об изоляции и отсталости Эллады в «темные» XI–VIII вв. (*Coldstream J.* Geometric Greece. P. 109sq). Новые весомые источники подтвердили бесспорность выводов Э. Смитсон. Уже и в 1995 г. Дж. Колдстрим безоговорочно признал неоспоримое значение взглядов покойной коллеги.

В полуостровной Аттике хозяйственное развитие шло достаточно успешно, как показывает значительный подъем в X–VIII вв. жизненного уровня не только части знати, но и среднезажиточного населения.

Следует отметить, что к началу IX в. среди афинских аристократов четко выступило материальное неравенство некоторых семей¹. Но оно, видимо, еще не подрывало устои внутрикланового единства. Возможно, что самосознание небогатых членов кровной общины даже укреплялось гордостью их близости к особо могущественным сородичам.

Убедительный вывод Э. Смитсон о появлении евпатридов с доходами в 500 медимнов ежегодно уже к середине IX в. позволяет поставить вопрос: когда этот слой стал столь многочисленным, что его экономический вес обусловил установление специального податного разряда в хозяйственных обычаях политейи?

Полагаю, что процесс развивался постепенно. Вероятно, не только в стольном граде, но и в плодородных землях полуострова должны были появиться такие же состоятельные семьи. Численный рост слоя богатой клановой знати неминуемо вел к возвышению его политического авторитета. Естественно, что честолюбивые и расчетливые представители богатейшей аристократии могли реально претендовать на ведущее положение в обществе. Вероятно, некоторые евпатриды успешно использовали свои позиции в сакральной сфере, а также благочестие своих родственниц, достойно священнослужительствовавших.

Можно с уверенностью полагать, что еще в IX — начале VIII вв. среди знати нарастала целеустремленная борьба за высшие государственные должности. Она разворачивалась прежде всего в Верховном Булевтерии, побуждая советников к упорной работе в области государственного правоправления. Одновременно рядовое преуспевающее население в какой-то мере усерднее осмысляло реальности политической жизни и своего правового положения. Ведь активным политическим деятелям была необходима поддержка своих клановых общин; большинство их сородичей это хорошо понимало. Даже

¹ Например, умеренно обеспеченная семья, имевшая участок на аристократическом кладбище северного склона Ареопага, могла между 900–850 гг. снабжать усопших родичей добротным оружием (*Smithson E. L. Geometric Cemetery*. P. 330, 333–334, 341–343, 349). Однако покойницам этой семьи выделяли лишь обиходную посуду, пряслица и немногие мелочи.

косвенное участие в деятельности своих аристократов-политиков развивало правовое сознание массы жителей.

Бесспорно, к концу 760-х гг. напряженность внутривагитической жизни в Аттике достигла высокого уровня. Результатом ее явился крупный сдвиг в системе высшей исполнительной власти: в 754/3 гг. пожизненный срок исполнения обязанностей триархов был заменен десятилетним периодом. Тем самым посты полемарха и архонта замещались путем открытых выборов, тогда как сан архонта-басилея до 714 г. оставался доступен по выбору лишь членам клана Медонтидов¹. Они избирали басилеем очередного старшего наследника.

Логично полагать, что проведение столь кардинального преобразования выборов глав высших исполнительных властей было осуществлено лишь после длительных предварительных обсуждений в Верховном Булевтерии, возможно, с участием опытных клановых правоведов. Ведь вопрос о кандидатах на два высших правительственных места мог решаться лишь на основе точного определения политической правоспособности весомых слоев населения. Видимо, тогда же наряду со знатным происхождением для соискателей архонтских должностей был введен и имущественный критерий. Его исчисление в медимнах зерна ясно показывает, сколь сильно было значение богатейших хозяев-аристократов, оставивших права на более скромные посты всадникам и зевгитам. Но и эти две группы составляли весьма зажиточные общинники.

Создание таких правовых категорий, несомненно, отвечало общей направленности аттической идеологии конца 900-х — начала 700-х гг. О ее характере можно судить по значительному количеству памятников культуры. Они показывают, что в обществе все еще главенствовали мысли о необходимости порядка и укрепления связей внутри всего населения. Но жесткая соподчиненность отдельных элементов этого массива постепенно видоизменялась. На это указывают некоторые изменения принципов художественной мысли тех

¹ Хронологические сведения Евсевия и Синкелла сопоставлены А. Сэмюэлом, считающим 754/3 гг. наиболее точной датой установления смены триархов каждые 10 лет (*Samuel A. Chronology*. P. 195sq.). Однако, Г. Бузольт, исходя из точного указания Паросской хроники о ежегодном переизбрании архонтов-эпонимов с 683/2 гг. (*Marin. Par. Ep. XXXII*), полагал, что первым из семи последовательно служивших по 10 лет архонтов был Харопс, избранный в 753/2 гг. (*Busolt G. Griechische Geschichte*. Bd II². S. 132–135).

столетий: они допускали более свободную расстановку акцентов в облике памятников искусства. Особенно заметно это в творчестве выдающихся вазописцев.

Как известно, около 900–700 гг. в Аттике наблюдался расцвет геометрического стиля. Исследователи, детально изучавшие характер этого художественного направления, отметили ряд черт реальной жизни в вазовых росписях. Наблюдения искусствоведов расширяют представления историков об особенностях политико-правовой жизни тогдашнего населения Аттики.

Так, весьма важны суждения В. Д. Блаватского, указавшего на то, что работы выдающихся вазописцев IX–VIII вв. сохраняли черты примитивного творчества, что отражало силу древних традиций в искусстве. Однако в те же столетия аттические художники стали особо подчеркивать главные части сосудов, покрывая их самым сложным декором; на второстепенные места ваз мастера наносили простые узоры¹. Решусь предположить, что неравное исполнение росписей на дорогих вазах вполне гармонировало со вкусами заказчиков или потребителей, не склонных придерживаться уравнительной идеологии предшествующих столетий.

Более значительно суждение упомянутого исследователя: «в фигурных композициях геометрического стиля вазописец большое место уделяет изображению рядовых персонажей», причем такое внимание к фигурам обычных людей было вызвано тем, что «в жизни общества значительная роль еще принадлежала массе» простых жителей, хотя знать уже имела большие богатства². Логично полагать, что художники, внимательно выписывавшие десятки фигур второстепенных участников боевых или погребальных сцен³, тем самым сознательно подчеркивали значимость широких кругов населения. Очевидно, одаренные профессионалы, обладавшие глубоким пониманием и тонким видением событий, происходивших в обществе, стремились творчески выразить то, что они наблюдали в действительности. Поэтому внимание мастеров, работавших около 770–700 гг.,

¹ Блаватский В. Д. ИАРК. С. 61–63.

² Там же. С. 66.

³ Дж. Колдстрим полагает, что на частично дошедшем кратере из дипилонской мастерской (около 770–760 гг.) был представлен бой, в котором участвовало более 100 ратников (*Coldstream J. Geometric Greece. P. 110*). Добавлю, что на сосудах, расписанных ок. 760–725 гг., было нередко тщательно выписано по 60–70 действующих лиц.

к изображению массы рядовых персонажей даже в ущерб показу важнейших участников тех же сцен следует полагать отвечающим именно реальной политической обстановке на полуострове. Очевидно, там самый многочисленный слой населения играл немаловажную роль и клановая знать это хорошо понимала.

Ведь после 754/3 гг. политическая жизнь общества стала развиваться более динамично. Многим евпатридам открылась возможность добиться поста архонта. Аттическая знать, видимо коренная, начала борьбу и за отмену наследственного права Медонтидов на должность архонта-басилия. Уже в 714 г. привилегия царственного клана была уничтожена — очевидно, 40 лет было достаточно для решения столь сложного вопроса. Естественно полагать, что выдающиеся политики в Верховном Булевтерии и энергичные светские триархи считали два указанных изменения системы выбора высших органов власти полезными для укрепления всей политеи, решительно порывающей с монархическими принципами. Несомненно, сдвиги в системе управления развивали организационно-правовую практику полисных верхов. Уже складывалась группа весьма могущественных евпатридов, политика которых к 714 г. была непререкаемой даже для Медонтидов, как показывает их отказ (думаю, вынужденный) от своего давнего наследственного права на базилиейю.

Очевидно, мощь этих олигархов, коренных аттических аристократов, основывалась на хозяйственном весе их кланов. Также много значило умелое использование олигархами прочной поддержки их многочисленных сородичей. Некоторые сведения о характере и силе кровных связей дют нам произведения аттических вазописцев.

Особенно красноречивы изображения на сосудах из могильника за воротами Афин, позднее названными Дипилонскими. Эти очень дорогие вазы, датируемые 760–700 гг., были, видимо, созданы по специальным заказам аристократов, желавших особо подчеркнуть прочное единство клановых сообществ, точно и упорядоченно исполнявших общинные дела и священные обряды. Следует полагать, что такие картины отвечали запросам политиков олигархического образа мыслей, использовавших мощь кланов для укрепления своего авторитета во всем обществе. Действительно, тщательно исполненные сцены военных сюжетов и похоронных обрядов ясно показывают многие десятки энергичных участников этих действий¹.

¹ Общий анализ некоторых ярких сцен см.: *Demargne P. Naissance*. P. 288–293; *Coldstream J. Geometric Greece*. P. 110–122.

Бесспорно, умело руководить движениями массы взрослых сородичей, даже детей¹, могли те представители клановой знати, которые обладали обширными сакральными полномочиями, знанием дела и высоким почетом в своей кровной общине. Конечно, они прилагали много усилий, но эти ответственные работы возвышали их не только над остальными сородичами, но и среди иноклановых соотечественников. Тем самым увеличивалась значимость управленческого опыта наиболее честолюбивых политиков, что ускоряло формирование олигархических группировок среди знати. Допустимо предполагать, что активные политики усиливали борьбу за ведущее положение в Верховном Булевтерии и за главные правительственные посты. Прекращение исключительного права Медонтидов на базилейю в 714 г. было важным событием. Оно ясно показывает силу антимонархического направления среди знати и прочность системы триархии.

Следует отметить, что участие массы общинников в общеклановых действиях неизбежно укрепляло их самосознание. Все они являлись полноправными субъектами кланового права, установления которого четко определяли общественное положение каждой группы сородичей. Тогда в массе народа еще были сильны многие понятия времен военно-племенного народовластия, причем реальное значение пережитков отеческих порядков проявлялось больше всего во внутриклановых обычаях. Но и эти обычаи претерпевали изменения. Особенно важны перемены в заупокойном инвентаре среднезажиточных ратников: после 850 г. мужчин в Аид обычно сопровождал только нож². Видимо, более ценное вооружение оставлялось наследникам.

Однако возможно иное предположение: это было время, когда внутри кланов формировалось разделение общинников по доходности их владений. Поэтому преуспевающий всадник или владелец рабочего скота мог придавать меньшее значение своей паноплии — ведь умение хорошо вести хозяйство становилось особенно важным. Сама строгая упорядоченность общественной жизни направляла все

¹ Весьма важны суждения Дж. Бордмена, отметившего ряд характерных черт массовых сцен на сосудах, датируемых 800–700 гг. См.: *Boardman J. Attic Geometric Vase Scenes, Old and New / JHS. Vol. LXXXVI. 1966. P. 1–5.*

² *Bouzek J. Homerisches Griechenland. S. 130.* Правда, в Форики еще около 825 г. состоятельная семья снабдила своего покойника не только ножом, но и мечом. См.: *McDonald W. A. A Geometric Grave Group from Thorikos in Attica // Hesperia. Vol. XXX. 1961. P. 299–304. Pls 63–64.*

большее внимание на степень благосостояния каждого общинника. Можно только догадываться, сколь острые и сложные противоречия возникали внутри родственных сообществ и в междуклановых отношениях из-за земли и других источников зажиточности. Вероятно, такие разногласия побуждали весь массив сородичей во многих кланах особо ревностно соблюдать общие сакральные обычаи, о чем свидетельствуют росписи на дипилонских сосудах. Политики времени ранней олигархии, видимо, энергично старались использовать весомые традиционные обычаи своих кланов. Однако уже в VIII столетии в правовой жизни общества стали набирать особую силу новые важные явления.

Несомненно, произошли изменения в деятельности Верховного Булевтерия, так как после 754–753 г. в его состав, помимо клановых старейшин, стали входить отставные триархи, уже завершившие свою десятилетнюю службу. Эти опытные в делах государственного управления советники, бесспорно, возвысили значимость Верховного Булевтерия как общеземельного надкланового охранителя полисной политеи и ее уставов. Значение деятельности таких советников четко подчеркнул Аристотель: сначала он изложил обязанности древнего Совета в системе еще до-Драконтовой политеи: ἡ δὲ τῶν Ἀρεοπαγιτῶν βουλὴ τὴν μὲν τάξιν εἶχε τοῦ διατηρεῖν τοὺς νόμους, διώκει δὲ τὰ πλεῖστα καὶ τὰ μέγιστα τῶν ἐν τῇ πόλει, καὶ κολάζουσα καὶ ζημιούσα πάντας τοὺς ἀκοσμοῦντας κυρίως.

Тщательно отметив обязанности Верховного Совета – постоянно оберегать законы, распоряжаться большей частью дел полиса, особенно важнейшими, а также препятствовать нарушению общих порядков и наказывать всех, поступающих вопреки принятым уставам, — философ сразу же указал принципы избрания архонтов и то, что отслужив, они становились пожизненными членами Совета на Ареопаге (Ath. Pol., 3, 6). Конечно, такие советники, знавшие реальное состояние общества, более умело применяли полномочия Верховного Булевтерия¹. Видимо, именно они усиливали влияние олигархов на

¹ По всей видимости формула полномочий древнего Совета, сложившаяся между 1030–754 гг., была весьма устойчивой, так что позднее в нее делали лишь необходимые вставки — например, в Афинскую политику 4, 4; 8, 4. Будучи лишена возможности изложить начатую Дж. Сэндисом дискуссии о «Драконтовой конституции» в данном труде Аристотеля, укажу лишь суждения *Бузескула В.* Афинская политика. С. 309–325; *Доватура А.* Политика и политики Аристотеля. С. 193–195, 299.

отношение Совета к народу Введь в 679–624 гг. в Буле последовательно выступали десятки опытных знатоков права и экономики, энергично обиравших население и развивавших всесильную олигархию.

Расширение состава Буле и сферы его деятельности было особенно необходимо в последующие десятилетия, когда население полуострова выросло почти в три раза¹. В тот же период около 750–700 гг. должна была развиваться практика дифференциации жителей по уровню доходности их хозяйств. Такое разделение неминуемо углубляло различия между достаточно состоятельными и самыми бедными общинниками², что, естественно, усложняло внутриклановые отношения и подрывало традиционную прочность связей кровных сородичей. Неизбежным следствием хозяйственного неравенства было ухудшение психологического состояния менее обеспеченных слоев общества, тогда как преуспевавшие круги энергично накапливали свои состояния. Указанные процессы происходили не только в стольном граде: некрополи в пригородах Афин и во внутренних землях полуострова доставляют сведения о неуклонном росте числа погребений богатых лиц³. Конечно, инвентарь погребений отражает накопление движимого и личного имущества отдельными семьями, особенно в зажиточных кровных сообществах. Без сомнения, стяжательство и произвол богатых общинников ущемляли права бедных сородичей, причем весьма острыми должны были быть земельные споры. Введь аттические сельчане испытывали трудности, вероятно достаточно близкие бедам их современников, живших в беотийской Аскре⁴.

Но на скудных землях Аттики имущественное неравенство выступало еще сильнее, как показывает бедный могильник конца VIII в., в Фалероне, о котором упоминал Дж. Колдстрим (Ук. соч., 134–135). Положение слабейших хозяев нередко ухудшалось тем, что местная аристократия все меньше считалась с клановыми правовыми установлениями или, наоборот, энергично истолковывала их только в свою пользу. Верховный Совет, очевидно занимавший про-олигархические позиции, нередко предавал интересы бедняков, уступая притязаниям сильных политов.

¹ *Coldstream J. Greek Geometric Pottery. P. 360; Idem. Geometric Greece. P. 109 sq; Whitehead D. Demes. P. 6–8.*

² Глубину социальных противоречий в тогдашней Аттике внимательно исследовала К. М. Колобова. *Колобова К. М. Древний город Афины. С. 36–40.*

³ *Coldstream J. Geometric Greece. P. 77–79, 132–135, 137.*

⁴ *Hes., Op., 300–617; Яйленко В. П. АГБВ. С. 40–53.*

По-видимому, внутреннее положение в тогдашнем обществе было весьма напряженным; возникали столкновения не только богатых и бедных. Различные группы олигархов вели между собой борьбу за главные посты в правительстве, причем для успеха им была нужна поддержка средних слоев населения. В этих условиях все более важной становилась задача приведения в порядок общеполитических правовых уставов и практики их применения.

Именно так следует объяснить крупный принципиальный сдвиг в системе государственного управления: в 683/2 гг. взамен десятилетнего срока правления архонтов было введено их ежегодное избрание. Тогда же стали выбирать уже не трех, но девятерых архонтов — так была установлена эннеархия. Ясно, что правившие тогда в Афинах олигархи считали такое переустройство архонтата весьма настоятельным и как-то им полезным.

Важно то, что шесть дополнительных архонтов¹ были наделены сугубо правовыми полномочиями. Эти «хранители установлений» именовались фесмофетами, термином, восходящим к понятию *φῆσις*, фесм, созданному на ранних ступенях правосознания эллинов, когда народ особо чтит богиню Деметру-Фесмофору, покровительницу упорядоченного земледелия². Позднее фесмами стали обозначать не только божественные уставы, но и правила, созданные человеческим разумом.

Ежегодное переизбрание правительства, в том числе шести фесмофетов, знаменовало огромное продвижение на пути развития правовой практики и общеаттического правосознания. Видимо, к 680 гг. количество и сложность правовых конфликтов достигли таких размеров, что разрешить их могла лишь группа архонтов-правоведов. Возможно, что в сдвиге был заинтересован даже сам Верховный Булевтерий, все более занятый контролем за соблюдением основных государственных правоустановлений властями или политами.

Естественно, что деятельность фесмофетов была нужна и массе народа, страдавшего от всемогущества местной знати в кланах и профессионально-территориальных объединениях. Создание группы архонтов-фесмофетов в 683/2 гг. означало, что аттическое государство осознало свой долг организовать правовую защиту всему населению полуострова. Может быть, в этом действии следует видеть влияние

¹ *Aristot. Ath. Pol.*, 3, 4; *Lipsius H. Attische Recht*. S. 11.

² *Hirzel R. Themis, Dike und Verwandtes*. S. 320–337.

давних «отеческих установлений», восходивших к домонархическим временам военно-племенного народоправия. Ведь в памяти автохтонного населения Аттики такая устойчивость правовых понятий народа должна была иметь большую силу.

Однако, непосредственным стимулом реорганизации правительства могло быть сильное сопротивление массы политов злоупотреблениям олигархов. Недаром Верховный Совет и архонты осознали необходимость сбора записанных образцов устных правовых обычаев: обязанностью фесмофетов было, выписав установления, охранять судебное решение относительно рассматриваемого спора (Aristot., Ath. Pol., 3, 4). Очевидно, повседневная правовая практика была весьма напряженной, она изобиловала множеством противоречий, часто возникавших из-за различных толкований устных правовых обычаев.

Сообщение Аристотеля показывает, что уже в 680-е гг. в правящих кругах Аттики сложилось понимание необходимости создать более работоспособное правительство, имеющее достаточно силы для проведения общеполитической правовой политики. Ведь выделение дополнительных шести архонтов, ведавших исключительно вопросами правовой жизни общества, утверждало главенство общегосударственного права над клановыми правовыми обычаями. Конечно, верховные правоохранители, фесмофеты, принадлежали к знатным кругам населения. Однако соперничество между различными группами аристократии могло побуждать знать иногда уступать некоторым требованиям средних слоев населения, что, видимо, учитывали и фесмофеты.

Очевидно, уровень правосознания не только епатридов, но и массы рядового населения в период создания эннеархии был уже достаточно высок и большинство общества стремилось к знанию и упорядочению применяемых правовых обычаев. Именно этим ожиданиям отвечала обязанность фесмофетов выписывать фесмы, относившиеся к различным спорам¹.

Точно очерченная задача фесмофетов, бесспорно, свидетельствует о том, что тогда в Аттике уже существовала практика записи особо важных устных правовых обычаев. Вероятно, эти тексты, записанные на бронзовых или свинцовых листках, были немногочисленны или труднодоступны (хранились в святилищах?). Но увеличивавшееся

¹ Термин «фесмофет» толкуют иногда как «законодатель», однако в эпоху до-Драконта годично сменявшиеся архонты-фесмофеты могли быть лишь истолкователями и блюстителями уже существовавших норм обычного права.

количество правовых конфликтов, поступавших на рассмотрение самих фесмофетов, неизбежно требовало выработки ими общепринятого толкования каждого значительного устного обычая и последующей точной записи их конкретного решения. Таким образом, в аттической правовой практике наряду с устным обычным правом постепенно появлялись записанные архонтами уставы¹.

Совершенно очевидно, что работавшие в стольном граде фесмофеты были заняты, прежде всего, упорядочением общеполисных правил, долженствовавших укреплять строй тогдашней государственной системы. Эту политейю Аристотель назвал в Афинской политике «первой» и «древней, еще до-Драконтовой» (4, 1; 3, 1). Развивая общеполисное право, архонты-правоведы, несомненно, должны были несколько совершенствовать сферу юридических отношений клановых сообществ и полисных сановников. Но внутриклановые устные уставы фесмофеты вряд ли изменяли: ведь это было бы невыгодно не только клановым властям, но и общинникам, опиравшимся на свои древние права.

Полагая, что внутриклановые обычаи оставались в руках местной знати, следует учитывать процесс расслоения аттической аристократии, о котором обоснованно писала К. М. Колобова. В трудные времена хозяйственная прочность аристократии мощных и слабых кланов различалась весьма значительно, что неизбежно могло влиять на отношение богатых олигархов к среднестатистическим политам.

Здесь необходимо особо подчеркнуть, что VII в. принес многим обитателям полуострова многочисленные беды. Углублялось неравенство общественного положения разнокоходных групп населения, что могло ослаблять внутриклановые связи. Но особенно вредили народу жадные богачи. Их наглость росла: уже около 620-х гг. они воровали даже священное и общенародное имущество (Solo. Eleg. 3, 14–16).

¹ Аттические философы признавали пользу применения неписаных законов наряду с записанными. Платон, определяя «отеческие законы» как собрание неписаных установлений, считает их важнейшим, связующим полисный порядок средством; они составляют прочную основу писаных законов (Leg., VII, 7, 4, 793a-d). Аристотель отметил большой авторитет законов, основанных на обычае, причем они относятся к делам более важным, чем казусы писаных законов (Pol., III, 6, 1287b6). Судебные ораторы IV в. в Афинах неоднократно обращались к неписаным обычаям, ставя их рядом с записанными законами. Укажу лишь: *Lys.*, VI, 10; *Demosth.*, XXIII, 70; *Idem.* XVIII, 275.

Конечно, такие сородичи беззастенчиво грабили весь свой клан и каждого общинника. Погоне за богатством содействовало усиленное движение ценных товароденег, которое привело к тому, что уже в конце VII в. в Аттике появилась своя чеканная монета. Это удобное средство обращения быстро использовали олигархи — около 610 г. некоторые кланы чеканили собственные монеты¹.

Естественно, что после 683/2 гг. в результате многолетней работы архонтов-фесмофетов в Аттике расширилось правосознание всех слоев населения. Можно предполагать, что росла правовая активность не только власть имущих, но и неолигархических группировок. Примечательно, что заново введенные должности архонтов-фесмофетов предназначались для образованных знатоков правоправления: они должны были хорошо знать массу общих и местных обычаев. Все же вероятно, что фесмофеты изначально занимались, главным образом, общеполисными и межклановыми правовыми обычаями, формулами, а также практикой их применения.

Создание девятичленного правительства, эннеархии, ясно показывает напряженное состояние политико-правовой жизни общества. Бесспорно, теперь большему числу олигархов был открыт доступ в высшие органы власти, что могло усилить обособление этого слоя не только от рядовых политов, но и от родовитых небогатых евпатридов. Уже К. М. Колобова убедительно проследила появление обедневших групп внутри знати в VIII–VII вв., что привело к расслоению аристократии и социальным потрясениям². Рост могущества олигархов наносил ущерб интересам остальных слоев населения, традиционно использовавших многие правовые обычаи аттического военно-племенного народоправия, которое развилось еще во времена зрелого племенного быта. Все же и в трудном VII в. силу народного самосознания поддерживали архаичные клановые правопорядки и, что весьма важно, местные и общеполисные сакральные установления. Именно опираясь на них масса рядового населения могла тогда как-то отстаивать свое положение свободных политов в клановых общинах даже при нажиме корыстолюбивых олигархов³. Очевидно, даже локальная борьба за правоспособность простолюдинов неминуемо укрепляла народоправность во всем олигархическом полесе.

Организация группы архонтов-фесмофетов являлась принципиальным сдвигом в развитии аттического права: усилилось более чет-

¹ *Seltman C. T. Athens, Its History and Coinage.* P. 6–15.

² *Колобова К. М. Древний город Афины и его памятники.* С. 36–37.

кое отделение государственного и гражданского права от общеполитических религиозных уставов. Практическая деятельность фесмофетов, видимо уже изначально работавших в отдельной палате (*Aristot., Ath. Pol., 3, 5*), логично обусловила создание ими государственного собрания записанных юридических правил. Этот полисный архив использовали работники всех сфер государственного управления: здесь они могли находить точные записи общепринятых правопорядков. Данные из этого хранилища облегчали дальнейшую разработку общеаттической правовой технологии.

Естественно, что проолигархические правоведаы уверенно использовали свои знания в интересах правивших кругов. Однако хозяйственное развитие общества в VII в. все больше умножало правовые отношения не только олигархов, но и среднезажиточных кругов. Росла их правовая осведомленность, вероятно позволявшая им хоть как-то противостоять произволу олигархов при истолковании неписаных уставов. Такая правовая активность некоторых групп рядового населения должна была развивать его понимание необходимости создания общеполитических писаных правовых норм.

Вполне возможно, что во второй половине VII в. в Аттике уже возросло число судебных органов, разбиравших внутриклановые или сугубо частные тяжбы. Этим местным судам наличие писаных фесм было особенно необходимо. И народ яснее понимал пользу точно установленных правовых формул, применявшихся при разборе повседневных гражданских конфликтов. Можно полагать, что и три высших общеполитических судилища — Верховный Совет, коллегия эфетов и пританей, которые в конце VII в. работали в Афинах, как указано в восьмом законе Солона (*Plut., Sol., 19*), — также опирались именно на писаные установления. Здесь же следует заметить, что деятельность фесмофетов могла быть особенно весомой в массе народа. Ведь термин *θεσμος*, означающий правило или установление, восходит к очень ранним ступеням развития эллинского правового сознания. В Аттике понятие об установлении порядка было тесно связано с образом богини Деметры, покровительницы упорядоченного земледелия и других видов деятельности этноса. Как охранительница порядка, Деметра получила эпитет *Θεσμοφόρος*. С течением времени термином *θεσμος* стали обозначать не только божественные установления, но и правила, созданные человеческим разумом, в частности установления предков.

Формирование в 683/2 гг. группы архонтов-фесмофетов, обязанных работать в обособленной палате, показывает, что власти учиты-

вали недовольство народа всесилием олигархов, часто попиравших традиционные правовые обычаи. Увеличив число архонтов-правоведов, власти тем самым признали свой долг оказывать некую правовую защиту широким слоям полноправных политов. Ведь Верховный Булевтерий, издревле состоявший из клановых старейшин¹ и отставных триархов (еще немногих в 754–684 гг.), в VII в. был занят контролем за сохранностью политеи и наказанием нарушителей государственного порядка (*Aristot., Ath. Pol., 3, 6*). Столь высокие полномочия Древнего Совета не оставляли ему возможности для разбора все возрастающего количества обыденных судебных дел.

Деятельность архонтов-фесмофетов в сфере гражданских конфликтов естественно вела к тому, что в аттическом обществе постепенно росло значение каждого его свободного члена и даже понимание того, что незаконный ущерб одной личности ведет к умалению прав сообщества политов в целом, следовательно и всего полиса.

Вместе с тем, примечателен принцип коллегиального обсуждения фесмофетами вопроса о применения нужных норм при рассмотрении конкретного спора. Этим уже признавалось несовершенство единоличного понимания установленных обычаем положений.

Деятельность архонтов-фесмофетов, постоянная и, видимо, успешная, оказалась плодотворной в процессе выработки устойчивых форм правовой жизни Аттики. Апелляция к записанной формуле обычного права стала повседневным явлением в судебной практике. Все чаще записывались установления, касавшиеся обязанностей отдельного лица и групп политов, а также нормы поведения всего массива граждан по отношению к богам, формам почитания божеств и исполнению общегосударственных сакральных обязательств. Ведь сакральные предписания эллинов имели целью обеспечить правильное течение жизни всего общества и практической деятельности каждого полита.

Но все более острым становился вопрос применения устных правовых установлений к практическим ситуациям, динамически изменявшимся с течением времени. Здесь письменная формулировка древних предписаний играла значительную роль, тем более что к юридической регламентации прибегало все большее количество конфликтующих лиц. Однако изменявшиеся условия жизни общества иногда делали весьма затруднительным прямое применение еще действовавших старинных норм. Во многих конкретных случаях остро

³ Замечу, что Д. М. Мак Довел слишком ограничил значение и состав Высшего Совета в ахейских монархиях (*MacDovell. Law. P. 27–28*).

стояла проблема правильной, отвечавшей новому уровню правосознания, интерпретации древних правовых положений.

Можно полагать, что именно в это время в Аттике зародилось так называемое казуальное право, нормы которого формулировались в виде конкретных решений по отдельным делам или спорным ситуациям. Естественно, что весомый творческий вклад в развитие казуальной юридической мысли внесли многие десятки земских правоведов, приходивших на помощь своему клану в трудных случаях. Бесспорно, что в гуще народа издавна появлялись одаренные знатоки сакральных и светских устных установлений. Их анализ возникавших правовых проблем и удачное решение сложных дел сохранялись не только в памяти заинтересованных сторон, но и вероятно, записывались теми местными судьями, кто активно искал разумного согласования нравственных требований с юридическими обычаями.

Следует думать, что индивидуальное творчество в правовой сфере имело место не только в клановых общинах, но и в стольном граде. Там комиссии фесмофетов не один раз приходилось сталкиваться с аргументированными возражениями некоторых лиц, более обстоятельно понимавших устные и записанные уставы. Ведь фесмофет, особенно горожанин, мог не знать некоторых тонкостей местных обычных норм, имевших силу в отдельных областях Аттики. Даже будучи осведомленными о содержании локальных установлений, фесмофеты могли уступать местным правоведам в глубине истолкования юридического обычая применительно к данному казусу. Положение усложнялось и тем, что фесмофеты, во многих случаях субъективно толкуя правовые нормы, защищали интересы своей социальной группы, олигархов, в ущерб принципу истины. Естественно, что вопрос правовой охраны рядового гражданина от произвола властей или особо богатых земляков органически вливался в поток социально-экономических противоречий, усиливая противостояние дамаса и олигархов в политико-правовой жизни Аттики.

Вероятно, уже с 650-х гг. вопрос о правовой осведомленности всего аттического этноса стал особо значимым. Этому способствовало то, что в фесмофетии накапливался подготовленный архонтами-правоведами обширный перечень записанных и признанных имеющими законную силу уточнений, дополнений, исключений и толкований общеаттических и клановых правовых обычаев. Консолидация этноса и укрепление государственной системы делали все более необходимым широкое ознакомление всех слоев населения с этими

важными нормативными материалами. Ведь каждый субъект права (клан или полит) мог качественно исполнять свои обязанности, лишь хорошо зная общепринятые в полисе правовые установления. Об этом должно было заботиться само государство — только поощряя правовую осведомленность населения, власти могли требовать добросовестного правового поведения от каждого члена общества или группы жителей. Можно полагать, что рост значения каждого субъекта права постепенно набирал силу именно в условиях практических уточнений взаимных прав и обязанностей полисных верхов и подвластных им политов. Но в VII в. эти процессы были сильно усложнены и замедлены олигархическим строем аттической государственности.

Естественно, что рост самоуправления олигархов и их правонарушения вызывали все большее недовольство народа¹. Противоречия между особо активными олигархами и основной массой населения ярко проявились в 630-е годы, когда среди знати выделился олимпиец Килон, прославившийся своей победой в двойном беге в 640 г.

Сообщения о нем Геродота (V, 71), Фукидида (I, 126, 2–12) и Плутарха (Sol., 12) позволяют заключить, что Килон умело сплотил группу сообщников в Афинах и использовал помощь инополисного противника своей родины: мегарский тиран Феаген, тесть Килона, прислал ему отряд воинов. Попытка Килона стать афинским тираном не удалась, он позорно бежал, бросив своих приверженцев на осажденном Акрополе. Их всех, нарушив обещание сохранить сдавшимся жизнь, перебили афиняне из клана Алкмеонидов.

Опуская ряд важных деталей в сообщениях авторов о мятеже Килона, происходившем в 636 или 632 г., отмечу, что деятельность умного и беспринципного политика весьма ярко отражает внутренние противоречия аттического общества. Вражда различных олигархических кланов могла даже принять форму кровавого междуусобия, особенно если в конфликте был заинтересован тиран дорийских Мегар². Естественно, что в мирных условиях противники шли на

¹ Несомненно, корыстолюбивые верхи кланов не только увеличивали материальные поборы с отдельных сородичей, но и своевольно использовали общеклановое имущество.

² Уже Г. Бузольт справедливо подчеркнул значение мегарского отряда в мятеже и то, что Килон обеспечил себе поддержку Дельф (Busolt G. Griechische Geschichte Bd II². S. 203–211; Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 185. Неприязнь соседей могла быть опасна и раньше.

серьезные правонарушения. В то же время в массе трудового населения крепились постоянные земельные и профессиональные связи; правоспособность преуспевающих средних слоев была еще достаточной, и военнообязанные политы с оружием в руках могли выступать в защиту принципов прадедовской политейи.

Подавление мятежа Килона особенно обострило вопросы правовой жизни общества. Корыстолюбивые олигархи старались обогатиться, самовольно нарушая интересы остальных слоев населения. Сами политы, особенно ратники, выступавшие, согласно Фукидиду (I, 126, 7), *καθῆκεῖ ἐκ τῶν ἀγῶν* против Килона, настоятельно требовали соблюдения их давних прав и, возможно, желали записи юридических обычаев. Несомненно, власть имущие не решались открыто противоречить дамосу. К тому же некоторые олигархи могли рассчитывать, что краткая запись нужных им уставов или субъективное истолкование писаных формул позволит им своевольнее пользоваться общими правами и средствами.

Следует отметить, что запись общеполитских правовых положений тогда имела особое значение. Преступная попытка Килона и кровавая расправа с килоновцами Алкмеонидов, святотатственно нарушивших право убежища храма Афины, показали здравомыслящим кругам населения слабость всей политейи и высших властей, которые не смогли остановить агрессию соседей-мегарцев. К тому же весь народ страшился гнева его верховной небесной владычицы Афины, оскорбленной нечестивым поступком Алкмеонидов.

Суровое наказание этих святотатцев (изгнание всего клана из Аттики и даже выброс костей их покойников из могил за пределы родины (*Thuc.*, I, 126; *Aristot.*, *Ath. Pol.*, 1) показывает, сколь жестко народ наказал знатных земляков, преступивших общие сакральные и государственные уставы. Естественно, что пережившие из-за борьбы с Килоном острый психологический кризис жители всего полуострова возлагали большие надежды на точную и упорядоченную официальную запись действовавших правовых уставов.

Возможно, что длительные несогласия олигархов из различных кланов становились уже слишком обременительными для рядовых общинников, обязанных поддерживать свою знать. Народ мог полагать, что писаное право сможет как-то ограничить произвол главенствующих сородичей. Сами же олигархи рассчитывали выработать

такие формулировки правовых предписаний, которые укрепили бы их хозяйственные и политические преимущества.

Вероятно, подготовка текстов общеполисных юридических положений заняла немалое время. Но уже в 624/3 гг. архонт-фесмофет Драконт завершил запись строгих правовых установлений полиса и провел их опубликование¹. Конечно, под руководством столь авторитетного знатока права работали несколько правоведов, хорошо знавших устные уставы и уже записанные статьи. Очевидно, Драконт, выполнивший свою задачу деловито и систематично, имел не менее ответственных помощников, даже каллиграфы должны были хорошо знать правовую терминологию.

Следует отметить, что полная запись действовавших тогда в полисе основных правовых установлений не была чисто технической их фиксацией. Драконт и его сотрудники должны были решать вопросы о включении в создаваемый свод государственных уложений ряда клановых правовых обычаев, ставших на практике уже общеполисными правопорядками. Конечно, это были уставы, которые уже давно регулировали основные обязанности всех политов.

Еще Аристотель отметил, что Драконт не вводил в правовые предписания ничего им самим придуманного, кроме особой жестокости наказаний для нарушителей государственных фесм (Pol., II, 12, 9, 1274 b15). Однако следует помнить, что еще в XI–IX вв. аттические власти неукоснительно требовали от народа сурового образа жизни, что тогда ясно отразилось в художественном творчестве всех мастеров. Конечно, правосознание народа оставалось достаточно жестким и много позднее².

Естественно, что имущественное неравенство, развившееся к 620-м гг., могло увеличить число правонарушений рядовых сородичей. Ведь многие из них еще сохраняли представления о давних правах на общеклановое достояние, уже частично расхищенное корысто-

¹ Busolt G. *Ibidem*, II². S. 173. Anm. 2. S. 223–232; Яйленко В. П. относит постановку фесм к 624–622 гг. См.: Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 185.

² Суровость неизбежно пронизывала тогда и внутриклановые правовые отношения. Ярким свидетельством является одиночное погребение очень бедного хромого афинянина, возможно страдавшего эпилепсией: где-то между 875–850 гг. его похоронили вне кланового могильника в заброшенном колодце (Little L. M. *Papadopoulos J. K. A Social Outcast in Early Iron Athens // Hesperia*. Vol. 67. № 4. 1998. P. 375–404. Pls 65–69.

любивыми олигархами. Видимо, участились кражи натуральных продуктов — проступков, которые Драконт карал смертной казнью (Plut., Sol., 17). В таких случаях фесмодагель, ограждая интересы состоятельных земледельцев, официально укреплял развивавшееся право индивидуальной собственности.

Правовые уставы, записанные Драконтом, в аттической правовой терминологии именовались фесмами¹. Правда, Аристотель в Политике (II, 12, 9. 1274b15) и более поздние авторы называли их законами. Но судя по лексике Солона, именно термин «фесмы» точнее отвечает архаическому характеру правовой терминологии самого Драконта и его помощников.

Создание общеполисного свода фесм было крупным достижением аттических правоведов. Значение записи важнейших правовых порядков уже определено в трудах многих ученых XIX—XX вв. Суждения ряда исследователей, несомненно, убедительны. Все же некоторые стороны деятельности Драконта заслуживают дополнительного изучения.

Например, следует особо подчеркнуть, что запись фесм отвечала достигнутому тогда уровню правовой культуры всего общества, в частности его полисных правоведов и многих отдельных политов. Вместе с тем, четкое и умелое применение фесм зависело от степени устойчивости правового сознания разных слоев народа и от состояния их правовой психологии. Ведь локальные обычаи иногда оказывали сильнейшее влияние на юридическое самосознание обитателей некоторых областей.

Фесмодагельство Драконта не только знаменовало рост главенства писаного права над устными юридическими обычаями. Это был также крупный принципиальный сдвиг в правосознания всего общества: от аттического сакрального права четко отделилось государственное право, ограждавшее интересы всего полиса и его политов. Такое разграничение усилило разработку гражданского права, особенно его разделов, регулировавших хозяйственные и семейно-клановые отношения. Бесспорно, созданный Драконтом свод общеполисных фесм значительно развил всю систему государственных правовых порядков, немного дополненных или лишь четко записанных. Наличие широко опубликованных фесм облегчало технологические процедуры решения правовых вопросов. Также оно благоприятствовало более интенсивной деятельности полисных властей. Теперь

¹ Aristot., Ath. Pol., 4, 1; 76 1; *Andocid.*, I, 81, 83 sq., 87; *Demosth.*, XLIII, 57.

быстрее уточнялись обязанности и полномочия ряда должностных лиц, энергичнее выработывались необходимые рабочие связи между общеполисными и локальными властями. Несомненно, росло число государственных и клановых правоведов. Это было особенно необходимо потому, что в фесмах Драконт повторил уложения из древних правовых обычаев, архаический язык которых мог быть не всегда ясен его современникам

Правда, текст фесмы об убийствах, имевший силу закона и в IV в. до н. э., ясно показывает, что Драконт записал уже тщательно разработанный общеаттический семейно-клановый обычай, включая и статью об умышленном убийстве¹. Очевидно, и остальные фесмы, имевшие силу лишь между 623–594 гг., были изложены столь же обстоятельно.

Естественно, что в общеполисные установления Драконт должен был включить новые, но уже действовавшие, положения о полномочиях клановых властей в выработке общеполисных правовых норм. Следует полагать, что олигархи постарались добиться записи в общеполисные фесмы некоторых местных устных уставов, практически полезных для них самих. Произвольно толкуя такие предписания, корыстолюбивые верхи безнаказанно нарушали права клановых сообществ и их отдельных членов.

Все усложнявшаяся хозяйственная жизнь общества и юридические последствия совершавшихся тогда разнообразных правовых сделок создавали условия, при которых не всякий субъект права мог защитить себя от произвола богачей или своекорыстных олигархов. Рядовых общинников беспощадно грабили кровные или иноклановые земляки. По-видимому, между 621–600 гг. простые сельчане, обычно занятые хозяйственными трудами, редко могли выбраться в Афины для детального изучения тех фесм, которые могли быть им особенно полезны. Их правовая неосведомленность делала многих земледельцев легкой добычей займодавцев, обусловливавших займы закладом земельных наделов должников. Такое нарушение традиционного аттического земельного права вело не только к обнищанию части беднейших сельчан, но к потере ими своего полноценного правового положения — закабаленных политов займодатели могли продать в рабство даже за пределы Аттики (*Solo*. 3, 23–25). Корысто-

¹ *Aristot.*, *Ath. Pol.*, 7, 1; *IG. I². № 115*; *Stroud R. Drakon's Law of Homicide*. P. 42–47, 110–115.

любивые богачи сумели овладеть высшими органами власти и беспощадно проводить выгодную им политику, не считаясь с благом остального народа. Видимо, они целеустремленно использовали какую-то часть фесм Драконта.

Очевидно, Древний совет на холме Арея, пополнявшийся уже отслужившими архонтами-олигархами, в большинстве случаев занимал проолигархические позиции. Поэтому к концу VII в Аттике развилась безудержная олигархократия, которую Аристотель определил как *ὀλιγαρχία λίαν ἄκρατος* (*Aristot., Pol., II, 12, 2, 1273b36*).

Тяжелое состояние общества точно описал политик Солон, сын Эксекестида (635 – ок. 560 г.). Его элегии показывают, что несмотря на фесмы, олигархи беспрепятственно и незаконно могли укреплять свои экономические права и политическое владычество. Быстрое развитие денежного обращения помогло олигархам своевольно толковать экономические уставы, указанные в фесмах. Возможно, Драконт, хорошо зная давние правовые обычаи, сам не очень ясно представлял сколь губительными будут последствия записанных им древних хозяйственных. правопорядков. Однако часть его фесм была широко использована олигархами для собственного обогащения в ущерб интересам остального населения. Бесспорные свидетельства Солона, Аристотеля и более поздних авторов позволяют заключить, что Драконт заботился, прежде всего, о правоспособности и преимуществах своего социального круга¹. Даже то, что Солон и его единомышленники отменили большинство фесм Драконта (*Aristot., Ath. Pol., 7*) ясно показывает проолигархический характер предписаний фесмодателя. Такая направленность ума авторитетного правового эрудита говорит о некоторой ограниченности его политического кругозора. Не думая об интересах и правах народа и попирая ряд «отеческих» моральных ценностей, Драконт не понимал реального состояния общества и сложного правосознания своих современников. Его отвлеченное миропонимание даже содействовало крушению неукротимой олигархии.

Однако должно отметить, что практическая деятельность архонта-фесмофета, систематизировавшего правовые уставы полиса, положительно сказалась на дальнейшем развитии аттического права и,

¹ Демосфен восхвалял Драконта за полезные афинянам законы (XXIV 211). Но эта оценка была преувеличением, необходимым оратору в пылу спора.

в частности, всего судопроизводства. Следует согласиться с Г. Бузольтом, еще в 1920 г. писавшим, что законоположения Драконта были большим шагом вперед в политико-правовом развитии аттического общества¹.

Конечно, уголовные фесмы Драконта исправно служили полисным и внутриклановым правоведам, особенно при разборе обычных бытовых казусов. Часть таких предписаний перечислил Демосфен (XXIII, 53). Эти фесмы четко определяли некоторые основные права каждого свободного обитателя земли, полита, который являлся ответственным субъектом общегосударственного права. Именно полисное право теперь главенствовало над клановыми уставами.

Следует отметить направленность этих фесм, безоговорочно устанавливавших неподсудность ряда действий отдельного полита, защищающего свою личность и права. Надлежит подчеркнуть значимость положений о правах главы семьи (например, хозяин дома имел право убить захваченного у себя прелюбодея — закон, действовавший и в V в.: *Lys.*, I, 30), которые отвечали росту правоспособности отдельной семьи, постепенно обособлявшейся внутри и вне своего клана.

Несомненно, такие фесмы укрепляли самосознание среднесостоятельных евпатридов и сельчан. Здравомыслящие политики из этих кругов, видевшие, что злоупотребления властей ведут к политической катастрофе общества, выступили на борьбу с безудержно правившими олигархами. Именно состоятельные полноправные политы, обладавшие прочным общественным положением, смогли поднять народ против властвовавших знатных хищников, которых Аристотель назвал οὐνοῦργοι. Развернулись внутренние распри. Стагирит отметил силу и длительность противоборства обеих враждовавших сторон (*Aristot.*, *Ath. Pol.*, 5, 1–2). Философ дал сжатую и емкую характеристику противоречий внутри общества, которые настоятельно подсазывали преобразование политей. Добавить и почти нечего.

Однако решусь подчеркнуть некоторые отдельные черты тогдашней политико-правовой жизни Атики. Например, сплоченные своими узкими интересами олигархические власти грабили своих земляков не только простыми силовыми средствами. Сведения об их злоупотреблениях в конце VII в. показывают, что власть имущие превосходили массу рядовых политов значительной политико-правовой образованностью. Используя свои знания, власти установили чрез-

¹ *Buzolt G Griechische Staatskunde. S. 530.*

вычайно жесткий режим правления, не останавливаясь даже перед угрозой казни полита, порицавшего их указы (*Plut., Sol., 8*).

Особенно губительна была их экономическая деятельность, подрывавшая основные устои аттической политейи. Солон и Аристотель ясно засвидетельствовали, сколь умело вовлекали богачи своих земляков в недобросовестные сделки с землей и другими материальными ценностями. Используя обширные знания существовавших уже долгового, залогового и иных видов обязательственного права, корыстолюбивая знать ставила нуждавшихся политов в зависимость от себя: несостоятельного должника беспощадно использовали. Займодавец мог даже лишить закабаленного человека его положения свободного полита¹. Тем самым полис лишался части своих военно-трудовых резервов.

Произвол олигархов неизбежно ослаблял общее состояние населения. Правовая незащитность обедневших политов порождала депрессию широких кругов населения. Не только рядовые политы, но и достаточно состоятельная знать понимали губительность управления.

Положение усугублялось и тем, что враждебные соседи-доряне учли глубину психологического кризиса в обществе: Мегары захватили аттический остров Саламин. Военный потенциал тогдашней Аттики был очень слаб и в многолетней борьбе с мегарянами аттическое ополчение терпело поражения. Олигархи пытались вернуть Саламин, но не достигли своей цели. Видимо, эннеархи не смогли сохранить боеспособность военных сил полиса. В конце VII в. власти даже ввели закон, запрещающий политам под страхом смертной казни призывать к возобновлению войны за Саламин, которая, согласно Страбону (IX, 10), велась еще издавна. Этот указ, бесспорно, свидетельствует о глубине противоречий между правящими верхами и остальным дамосом. Решусь утверждать, что в последние годы VII столетия военное поражение и последующая постыдная политика верхов, не желавших и неспособных качественно исполнять свои обязанности, предельно усилили противостояние народа и властвовавших олигархов. Естественно, что угроза мегарских вторжений побуждала общество к срочному укреплению обороноспособности всех аттических земель. Но власти бездействовали.

¹ Тогдашнее бедственное состояние аттического общества почти исчерпывающе обрисовал Г. Бузольт: см. *Бузольт Г. Очерк*. С. 146–147.

Конечно, дальновидные политики из противоолигархических кругов ясно понимали, что народу необходимо коренное изменение действовавшей государственной системы и существенное упорядочение всех правопорядков. Несомненно, после 624 г. многие среднезажиточные евпатриды, сохранявшие живые связи с трудовым населением полуострова, реально учитывали трудности борьбы с образованными и многоопытными олигархическими властями. Очевидно, некоторые деятели пронародного образа мыслей использовали свои материальные возможности для особо углубленного изучения важных политико-правовых и экономических знаний. Данные авторов о Солоне и его окружении позволяют утверждать, что такие евпатриды целеустремленно готовились к предстоящей борьбе и становились высокообразованными знатоками государствоведения, военного искусства, экономики и правосознания своего полиса.

Видимо, мыслители антиолигархического направления внимательно анализировали губительные последствия правления верховных правонарушителей, пользовавшихся фесмодательством Драконта. Вместе с тем, стремившиеся к преобразованиям политейи деятели не отвергали ряд фесм, излагавших традиционные правовые обычаи. Основное внимание в дискуссиях и окончательных выводах политиков, энергично разрабатывавших программы нововведений, занимали изменения политейи и системы исполнительных властей. Надо полагать, что взгляды некоторых мыслителей могли различаться, однако все противники олигархии исходили из принципа ответственности государства за жизнь и свободу своих политов и обязанностях каждого правоспособного лица по отношению ко всему полису.

Настроенные антиолигархически, энергичные евпатриды пользовались растущей поддержкой народной массы. В конце VII в. угроза нападения мегарян естественно укрепляла давние представления о значимости аттического ополчения. Это должно было оживить ряд принципов народоправности во внутриклановых уставах и в сознании большинства обитателей полуострова.

Естественно, что готовившиеся к ниспровержению олигархии энергичные политики всемерно поощряли народ при практическом обращении к отеческим обычаям, издавна успешно оберегавшим всю землю. И сами антиолигархические мыслители обдумывая будущие правопорядки принимали за основу некоторые положения народного правосознания. Свидетельством этого является то, что Солон прово-

дил свои преобразования политейи опираясь именно на традиционные принципы аттической народоправности, причем законодатель уверенно отстаивал коренные интересы дамоса. Недаром Аристотель выделил три группы законоположений, изданных в 594/3 гг., как наиболее пронародные, τὰ δημοτικώτατα (Ath., Pol., 9, 1). В «Политике» Стагирит безоговорочно писал, что Солон... καὶ δημοκρατίαν καταστήσῃ τὴν πάτριον (Pol., II, 12, 1273b37). Несомненно, в сознании народа, эволюционно развивавшего свое общественное устройство (непрерывно шедшее от зрелого родоплеменного строя с его весьма значимым военно-племенным народоправием) вплоть до эннеархической олигархократии, должны были сохранять силу важные принципы «отеческих» установлений. Среди последних особо значимыми были идеи, обеспечивавшие прочное положение каждому полити-ратнику, а всей массе ополченцев — весомое участие в решении государственных вопросов.

Конечно, готовившиеся к ниспровержению олигархократии деятели должны были предвидеть трудности согласования отеческих уставов с изменившимся социально-экономическим состоянием общества. Однако успех преобразования политейи и создания ряда важных соответствовавших ей законов, проведенных Солоном, позволяет заключить, что к 594 г. учитывавшие интересы народа мыслители уже выработали основные положения, долженствовавшие изменить государственную систему.

Хронологические рамки избранной темы не позволяют мне углубиться в изучение реформаторской деятельности Солона и его сподвижников¹. Однако широта правового мышления ведущей группы олигархоборцев и качественно выполненное ими переустройство сложной политейи ясно указывают на высокий политико-правовой культуры, достигнутый этими деятелями еще в последней четверти VII столетия. Очевидно, тогда выделилась довольно значительная группа евпатридов-демософилов, развившая напряженную интеллектуальную деятельность. Решусь утверждать, что эти политики своими знаниями, политической дальнорзоркостью и умением оберегать аттический полис намного превзошли умственный потенциал противников-олигархократов.

¹ Из массы суждений о законодательстве Солона укажу немногие. См.: *Bengtson G. Griechische Geschichte. S. 108, 118–123. Яйленко В. П. Архаическая Греция. С. 184–193.*

Качественно выполненное переустройство политейи в 594/3 гг. позволяет полагать, что в предшествующие два десятилетия группа евпатридов-демософилов выделилась пониманием своей ответственности перед народом. Эти политики ясно видели, что незаконные действия олигархократов разоряли массу рядовых политов, что военное бессилие властей грозило порабощением всему аттическому населению. Рост внутреннего напряжения в обществе подталкивал противников олигархии к решительным действиям.

Известно, что из ведущих деятелей-реформаторов наибольшим авторитетом в то время пользовался Солон, сын Эксекестида (около 635–559 гг.). Происходивший из средnedостаточной давней афинской знати, этот политик умело определил время и программу действий антиолигархических сил. Судя по его хорошо засвидетельствованной последующей общеполитической деятельности, этот аристократ отличался высотой государственного ума и глубокими знаниями экономики, права, полисного устройства, военного искусства и культурных традиций своего народа и всего эллинства.

Следует полагать, что свои знания Солон накопил за многие годы напряженной работы. Энергичный политик был и одаренным поэтом-гуманистом, с болью наблюдавшим злостные правонарушения олигархократов. В своих политических элегиях он глубокомысленно анализировал важнейшие беды народа (*Solo.*, 24, 1–25). Вместе с тем, сын Эксекестида учитывал трудности борьбы с олигархократией. Несомненно, он долго готовился к решительному столкновению.

Свидетельство Аристотеля (*Pol.*, II, 12, 2 1273b37) показывает, что мудрый политик предварительно тщательно анализировал действовавшую политейю. Он отбирал из нее устойчивые властные учреждения для будущей государственной системы, в которую он заново вводил демократические органы — экклесию и гелиэю (*Aristot.*, *Ath.*, *Pol.*, 7, 3). Политико-правовые изыскания Солон соединял с интенсивной политической деятельностью, сплачивая в Аттике группу единомышленников. Видимо, именно сам он руководил разработкой стратегии и тактики антиолигархического движения.

Бесспорно, начало открытого выступления было определено им же: Солон лично обратился к афинянам с призывом возобновить войну с Мегарами, прочтя свою элегию «Саламин» на агоре с камня вестников. Сила его стихотворного воззвания (*Solo.* 2) была такова, что народ вышел из глубокой психологической депрессии — масса политов рвалась в бой, бездействие олигархов усиливало напряжение в

обществе. Власти были вынуждены отменить свой позорный запрет, вновь начать войну с Мегарами и поставить главой ополчения именно Солон (*Plut., Sol.*, 8–9). К сожалению, биограф ограничился словами *προσθησάμενοι τὸν Σόλωνα* (*Ibid.*, 8, 3), не указывая объем полномочий и должность военачальника. Одаренный командующий использовал свое назначение вполне успешно: около 600 г. Солон отвоевал Саламин для Аттики.

Несомненно, победа особо упрочила связи главы войска с большинством подчиненных ему ратников-политов. Источники умалчивают сведения о военной истории Аттики в последующие годы. Однако следует полагать, что проблемы укрепления обороноспособности полиса и упразднения олигархии будоражили умы воинов всех уровней состоятельности. Естественно, что основная масса ополченцев верила Солону и была готова оказать ему необходимую поддержку. Военно-политический авторитет сына Эксекестиды рос и в условиях обостренной борьбы между различными группами политов. Росло и количество его приверженцев. Аристотель отметил, что противостояние боровшихся было длительным (*Ath., Pol.*, 5, 2).

Допустимо предположить, что Солон уже давно открыто поддерживал главные требования народа об отмене долгов, закладе земли и запрете правонарушений олигархов. Но он, видимо, не раскрывал все положения своей программы, пока не получил твердых официальных полномочий. Только в 594 г. по общему соглашению (вероятно, выработанному в Верховном Совете) Солон избрали архонтом и примирителем, причем тогда же ему поручили переустройство политей: *...καὶ τὴν πολιτείαν ἐπέτρεψαν αὐτῷ...* (*Aristot., Op. cit.*, 5, 2; *Plut., Sol.*, 14, 3).

Аристотель ясно указал, что только став главой государственных дел — *κύριος δὲ γενόμενος τῶν πραγμάτων* (*Aristot., Ath. Pol.*, 6, 1), — Солон освободил народ и провел дальнейшие изменения политей. Очевидно, высокопринципиальный политик считал необходимым получить законным путем высшие полномочия для коренного переустройства политей в интересах всего народа. Недаром он безоговорочно отвергал предложения некоторых политиков захватить власть и стать тираном (*Solo.* 23, 8–11; *Aristot., Ath. Pol.*, 6, 3; *Plut., Sol.*, 14, 4–9).

Осторожность Солон была разумной: ожидая сопротивления олигархов, видимо не предвидевших размах его замыслов, реформатор за один только год провел коренное изменение сложной политей. Как ответственный политик и опытный военный стратег,

Солон понимал, что такое изменение государственности необходимо завершить быстро. Начиная переустройство политейи, архонт-примиритель осуществил основные требования народа: долги были уничтожены, отменены полностью все закладные сделки на землю. Так Солон сразу восстановил правоспособность и экономические позиции самых бедных политов¹.

Рядом последующих законов Солон добился устойчивого соглашения еще сохранявшихся правовых традиций военно-племенного народоправия с изменявшимися материальными условиями и возникавшими новыми отношениями в жизни общества. Уже в 594 г. народ, обладавший развитым правосознанием, ясно увидел, что его вождь твердо борется с преступлениями олигархов, что он принципиально отстаивает интересы малоимущих политов. Естественно, что доверие к Солону быстро возрастало во всех слоях антиолигархического населения.

Энергично вводя новые правовые порядки, архонт заботился об укреплении реальной политической значимости всей массы свободных политов. Сразу выделяя податные разряды зевгитов и фетов и четко определяя их гражданские права и обязанности (*Aristot., Ath. Pol., 7, 3*), Солон полностью осуществил свои замыслы о восстановлении правоспособности, пусть и не равной, всех слоев свободного населения.

Очевидно, выполнить столь важные изменения политейи архонту удалось благодаря мощной поддержке рядовых ополченцев. Проницательный политик заранее точно рассчитал, что только опора на сплоченную массу политов-ратников позволит ему бескровно сокрушить власть олигархократов. Подготовка заняла несколько лет и лишь в 594 г. он законно установил демократическое устройство в Аттике (*Aristot., Ath. Pol., 9, 1; 41, 2; Pol., 2, 12 1273b37*).

Еще в предвыборные годы защитник народа добился доверия многих сторонников: Аристотель отметил, что Солон по роду и по общему мнению был из числа первых лиц в полисе (*Ath. Pol., 5, 3*).

¹ Надлежит обратить внимание на то, как обстоятельно законодатель решил задачу организовать общедоступную публикацию текста переработанной политейи. Он собрал лучших афинских механиков и столяров, которые создали сложный деревянный механизм с 24 вращавшимися таблицами (аксонами). На аксоны каллиграфы нанесли строго систематизированные тексты законов, легко читаемые каждым грамотным политом. Это искусное сооружение служило исправно и в IV в. Подробно об аксонах: см. *Ruschenbusch E. ΕΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ*. S. 1–140.

Важно то, что внимание Солона к бедствиям несостоятельных земляков становилось общеизвестным. Это должно было содействовать развитию народного самосознания и сплочению противников олигархии. В памяти народа все более оживлялись некоторые давние обычаи, возникшие еще во времена военноплеменного народоправия и частично сохранявшиеся позднее в клановых установлениях. Усиление борьбы с правонарушениями олигархов в конце VII в. могло придать некоторым правовым традициям пращуров весомое общеполитическое значение. Ведь рядовые полииты издавна следили за их соблюдением в повседневной жизни кланов, и теперь любой, житель умело разбирался в некоторых вопросах внутреннего управления. Видимо, Солон учитывал правовую осведомленность небогатых земляков и полагал ее вполне достаточной для прямого участия зевгитов и фетов в важных звеньях демократической политейи.

Устойчивость преобразованной архонтом-примирителем государственности показывает, что он предварительно глубоко и целенаправленно изучал сложное состояние всего аттического общества. Эти знания помогли ему установить практически осуществимые правопорядки и добиться того, что сплоченный народ стал мощным защитником своих прав и земли.

Действительно, непосредственное участие после 594 г. многих народных представителей в важных звеньях политического управления обеспечило укрепление политейи, несмотря на враждебную деятельность олигархофилов. Ведь реформатор, точно определив широту правового мышления, запас знаний и уровень правовой психологии малосостоятельных политов, уверенно наделил их как реальной ролью в государственном управлении, так и весомой ответственностью за прочность всей политейи.

Следует заметить, что успех политики Солона определило не только использование давно накопленного правового опыта аттического населения. Высокообразованный демософил тщательно продумал особенности экономического и правового положения бедных и богатых земляков. Он учел возможности реального участия каждого слоя в системе государственного управления. Солоновы законы ясно показывают, что их создатель твердо обеспечил малоимущим полиитам доступ в народное собрание и судебные заседания, что не требовало от них личных материальных затрат. Вместе с тем эти полномочия фетов и зевгитов указывают на значимость их правового

мышления в общеполитической правовой культуре¹. Видимо, законодатель считал приблизительно равнозначимым вклад каждого слоя политиков в развитие интеллектуального потенциала своего полиса. Ведь ограниченность естественных ресурсов издавна требовала от народа тщательно продуманной целесообразной материальной и духовной деятельности.

Аристократ Солон, сын Эксекестида, учитывал трудности жизни своих земляков. Уважая разумность своего народа и высоту моральных ценностей далеких поколений предков, он создал аттическому обществу раннедемократическую государственность. Твердо проводя переустройство политей, Солон не мог полностью упорядочить внутреннее состояние полиса. Однако он достиг своей главной цели, открыв народу доступ к государственной деятельности. Величие политики законодателя ясно показал Аристотель: Солон поставил благосостояние и безопасность полиса выше собственного обогащения — *καὶ περὶ πλείονος ποιήσασθαι τὸ καλὸν καὶ τὴν τῆς πόλεως σωτηρίαν ἢ τὴν αὐτοῦ πλεονεξίαν* (Ath. Pol., 6, 3).

¹ Несомненно, развитость правосознания и правовой психологии рядовых политиков весьма способствовала скорому и умелому применению новых аттических законов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследуемый период раннеполисной государственности Эллады примечателен тем, что тогда изменялись не только органы власти и системы разных видов политей. Существенно менялась важнейшая часть государственности — сам народ, развивавший в XI–VII вв. интенсивную хозяйственную и духовную деятельность. Тогда на протяжении почти 450 лет (1050–600 гг.) в жизни страны происходили многие яркие политико-правовые явления, отвечавшие усложнявшемуся внутреннему состоянию эллинства. Для ряда его частей остро стоял вопрос о поисках новых земель путем передвижения в соседние области или выселения апойкий. Во многих областях их аристократические власти могли осуществлять такие мероприятия лишь силами рядовых членов кланов или соплеменников. Естественно, что при этом росло значение массы простых политов и их самосознание. Крепла их правоспособность, которую определяли не только традиционные кланово-племенные уставы, но и новые раннеполисные правовые обычаи.

Рост числа автономных образований вел к выработке разных типов полисного устройства. Однако политико-правовое обособление многих земель страны не подрывало рост самосознания всего эллинского массива. Народ считал главной ценностью свое этноконфессиональное единство и отводил второстепенное значение разности областных политических систем. Автономизм был не безграничен.

Длительно развивавшееся правосознание эллинства, его глубокое правовое чувство, внимание к правовым принципам и мощное правотворчество позволили народу создать общеэтнические правовые уставы. Велика роль Олимпии, усилившей важные законы межполисных отношений и практически укреплявшей сплоченность издревле единого эллинского массива. Уже в VIII в. святилище Зевса оберегало признанное общеэллинское профессиональное право.

Характерна правовая история Аттики, развитие государственности которой в XII–VII вв. отличалось важными особенностями. Зажиточная знать нескольких локальных племен и многих кланов

добилась постепенного ограничения полномочий басилеев: рядом с царем были поставлены полемарх и архонт. Монархия была заменена триархией. В последующей борьбе разных групп афинской аристократии за высшие должности в полисе аристократия, по-видимому, опиралась на поддержку своих кланов. Внутриклановая ограниченная политическая деятельность развивала правосознание массы рядовых политов. Они лучше понимали необходимость сохранения старинных правовых обычаев, определявших их жизнь и свободу.

Переход высших полисных постов в руки олигархов и усилившиеся беззаконие олигархов, неограниченно попиравших основные права обедневших сограждан, вызывали упорное сопротивление народа. Именно защищая правоспособность народа и опираясь на силу аттических ратников, Солон установил народоправность всего свободного населения полуострова, а также право малообеспеченных политов на участие в народном собрании и суде. Великий реформатор создал 594/3 г. раннюю форму народоправности, демократии, в аттическом полисе.

ZUSAMMENFASSUNG

In der Einleitung (S. 8–20) wird die Notwendigkeit einer Revision der Auffassungen über die Geschichte von Hellas in 3000–2000 v. Chr. (im weiteren – ohne v. Chr.) hervorgehoben. Die Kontinuität der ethnischen Einheit von Demos, die mit neuen schriftlichen und materiellen Quellen belegt wurde, ermöglicht die konsequente Entwicklung des Hellenentums im Detail zu betrachten. Besonders wichtig ist die Zeit von 12 bis 7 Jh., als das Ethnos seine ethnosakrale Einheit in den Bedingungen der Entwicklung des rechtspolitischen Polymorphismus konsolidierte. Die erfolgreiche Bildung der politischen Autonomien war möglich dank der großen Reichtums von den früher geschaffenen geistlichen und materiellen Werten des ganzen Volks.

Die Zahl und die Vielfältigkeit der im Leben des Hellenentums erfolgten Prozesse im Laufe der erwähnten Jahrhunderte ist so groß, daß die Autorin im weiteren nur einige Entwicklungsrichtungen des ganzen Ethnos zu betrachten vermochte und ihre Aufmerksamkeit der Besonderheiten des wirtschaftlichen und rechtspolitischen Lebens nur in Elis und Attika schenkte. Da der Umfang des Buches eingeschränkt ist, hat die Autorin auch nur ein kurzes Literaturverzeichnis angeführt.

Das Kapitel I (S. 21–94) ist der Geschichte des Landes in den 12.–10. Jh. Gewidmet, als die Wanderungen innerhalb des Hellenentums neue geopolitische Bedingungen in einigen hellenischen Ländern schufen. Die militärischen Invasionen der Dorier, Äolier und deren nördlichen Verbündeten in die Länder des südlichen Hellenentums führten zu den Zusammenstößen und im weiteren zur Koexistenz verschiedener gesellschaftlicher Ordnungen – einer entwickelten späteren Stammesordnung der Nordländer und frühmonarchischer Regime in Mittel- und Südhellas. Die militärische Überlegenheit der Eroberer, die einen Teil der achäischen Monarchien zerschlugen, half ihnen in den eroberten Ländern die größten monarchischen Systeme zielstrebig zu vernichten. Aber stellenweise blieb der einfachen Bevölkerung eine beschränkte Rechtsfähigkeit. So waren in einigen Gebieten des Landes die Klan- und Stammesverordnungen der Nordländer selbst und die noch erhaltenen

vormonarchischen Rechtspraktiken der einfachen Achäer gültig. In den noch unabhängig gebliebenen Ländern war das Landwehrvolk wegen der anhaltenden Gefahr von Invasionen und Besiedlung seitens der Nachbarn fast immer kampfbereit. Das erhöhte die soziale Rolle und Rechtsfähigkeit der Landwehrmänner innerhalb ihrer Klangemeinden. Dementsprechend wuchs die Bedeutung von erhaltenen Rechtspraktiken der patriarchalen Rechtsfähigkeit, die die verwandten Klangemeinden konsolidierte.

Die Unterschiede in der Innenorganisation einiger Teile des Hellenentums hielten das Wachstum seiner Geschlossenheit nicht auf. Das Prinzip der Einheit von Ethnos, das eine gemeinsame Sprache und eine gemeinsame Religion hatte, ermöglichte die sachliche Zusammenarbeit verschiedener Teile des Ethnos, bei der Lösung wichtiger gemeinsamer Aufgaben. In den 12–10 Jh. ist die Ausarbeitung einer einheitlichen Außenpolitik durch die Länder des kontinentalen Hellas deutlich zu sehen. Dieses Hellenentum verminderte in dieser Zeit seine Kontakte mit den Überseemonarchien und verstärkte gleichzeitig die Beziehungen mit den nordbalkanischen und zentraleuropäischen Stammeswelten. Solche außenpolitische Orientierung wurde nicht nur von ökonomischen Bedürfnissen bestimmt. Sie widerspiegelte direct eine antimonarchische Weltanschauung des größten Teils des Hellenentums, das bestrebt war, sich vor den ideologischen Auswirkungen der Nachbarmonarchien zu bewahren.

Aber das kontinentale Hellenentum nahm erfolgreich die militärischen Wanderungen an die nahe kleinasiatische Küste wiederauf. Die Gründung der mächtigen Apoikien gewährleistete dem ganzen Hellenentum eine Vorherrschaft im Ägäischen Meer. Die koordinierte Tätigkeit der drei hellenischen Hauptbünde an der kleinasiatischen Küste dauerte fast zwei Jahrhunderte. Aber die klare Abgrenzung ihrer Besitze — Äolis, Ioniens und Doriens — widerspiegelt sehr deutlich die Beständigkeit der Autonomie von jedem dieser Bünde.

Offenbar waren in Hellas schon damals die gesamtethnischen Rechtspraktiken gültig, die vernünftig die Beziehungen zwischen den Bünden und zwischen den einzelnen Poleis in den Bedingungen des stark werdenden rechtpolitischen Polymorphismus regelten. Gleichzeitig wuchsen und festigten sich die genetischen Wechselbeziehungen von Religion, Recht und Kultur des ganzen Hellenentums. Die mächtige Einheit der hellenischen Geisteswelt in den 11–10 Jh. zeigt deutlich eine strikte Einhaltung der sacral-ethischen Prinzipien durch das ganze Hellenentum,

das in dieser Zeit einer gesamten Politik der harten Ordnung und der egalisierenden Mäßigkeit im alltäglichen Leben folgte.

Die Stärkung der autonomen Staatlichkeiten forderte natürlich die Rechtspraktiken und die Rechtschöpfung – dabei nicht nur in den Grenzen der Gebiete – dynamisch zu entwickeln. In den Bedingungen der mächtigen Entwicklung der ethnosakralen Einheit der Hellenentums hatte die politische Organisation seiner einzelnen Teile eine sekundäre Bedeutung. In Hellas wurde unter diesen Umständen zwei Abschnitte seines Gewohnheitsrechts – Zwischenpolisrecht und Innenpolisrecht – intensiv ausgearbeitet.

Im Kapitel 2 (S. 95–187) sind die Besonderheiten der Geschichte von Elis, das in etwa 1104 von den Äoliern erobert wurde. Ihr Basileus Oxylos vereinbarte sich zu dieser Zeit mit den Herakliden über die Weihe des ganzen Elis dem Zeus, über das Verbot dieses heilige Land anzugreifen sowie über die Verpflichtung der Äolier und Dorier gemeinsam den Besitz von Zeus zu schützen. Nach dieser Vereinbarung entzogen die Eroberer den einheimischen Achäern die Sorge um ihr altes Zeusheiligtum. Oxylos verstand wohl gut die Notwendigkeit einer sakralen Unterstützung seiner Herrschaft über die eroberten Autochthonen. Seine Bemühungen um das Wachsen der Autorität des Heiligtums in Olympia verstärkten zweifellos die Positionen der Dorier und Äolier im ganzen Hellas, denn sie waren Günstlinge des Haupts vom gesamthellenischen Pantheon. Die Ablösung der Pfleger in Olympia selbst rief natürlich die Revision der seit langem festgesetzten sakralen Rechtspraktiken und deren Bringen in Übereinstimmung mit dem sakralen Status des ganzen Elis hervor. Das Wachstum der panhellenischen Autorität des Heiligtums in Olympia machte es notwendig, die Maßnahmen zur weiteren Entwicklung des Zeusheiligtums zu ergreifen.

Das erfolgreiche Reform der olympischen sakralpolitischen Verordnungen verwirklichte in etwa 884 Iphitos, einer der Nachkommen von Oxylos. Er war ein hervorragender Staatsmann, dessen Bedeutung die gegenwärtigen Historiker nicht ganz völlig verstanden haben. Iphitos zog real in Betracht die Wichtigkeit des olympischen Tempels im gesamthellenischen rechtspolitischen Leben sowie die besondere Rolle dessen Feiern. Noch vor Iphitos wurde in Olympia die Tätigkeit des alten Orakels aufgehört, denn das Orakel entsprach offenbar dem panhellenischen Aspekt des Zeuskultus in Olympia nicht. Die diplomatische Tätigkeit von Iphitos verstärkte besonders die panhellenische Bedeutung Olympias und des ganzen Elis: er schloß ein dreiseitiges Abkommen mit dem spartaner

Gesetzgeber Lykurgos und mit dem Basileus des achäischen Pisa Kleosthenes darüber, daß während der Olympischen Feste in Elis eine für das ganze Hellas obligatorische heilige Waffenruhe (Ekecheirie) herrschen soll. Die gleichberechtigte Teilnahme von Elis und Pisa an der Sorge um Olympia entsprach den Bestrebungen von Iphitos, friedliche Beziehungen mit dem nachbarn Pisa zu unterstützen und den militärischen Ordnungen der Dorier in Lakonien nicht zu folgen. Das Wachstum der Autorität Olympias war ein großer Schritt auf dem Wege zur Entwicklung des Zwischenpolisrechts von Hellas. Seitdem began die Tätigkeit des Tempels von Zeus einen größeren Einfluß auf die Vervollkommnung der Rechtsverordnungen sowie auf die Entwicklung des gesamtethnischen Rechtsbewußtseins im ganzen Lande auszuüben. Es ist anzunehmen, daß die neue olympische Lex von Iphitos und seinen Verbündeten eine besondere Anerkennung im grossen Massiv der Hellenen fand, die in ihren religiösen Anschauungen eine Reihe von patriarchalen Zügen erhalten hatten.

In den folgenden Zeiten haben die olympischen rechtskundige Priester die Ideen von Iphitos unentwegt entwickelt. In Olympia wurde ein verzweigtes administratives System gebildet, dessen Beamte sakrale Statute des Tempels ergänzten und deren strikte Einhaltung in Elis selbst und in anderen Poleis verfolgten. Die sakralen Rechtshüter zogen vor Gericht und bestraften streng die Verletzer des Olympischen Gesetzes. Allmählich wurde der Tempel des Zeus zu einem allgemein anerkannten Bewahrer der Idee von Einheit des ganzen Hellenentums. Das jahrhundertalte Erfolg der olympischen Politik war ein Resultat der Tätigkeit von hochgebildeten Priestern und eigenen Diplomaten des Zeusheiligtums. Ihre große sakral-organisatorische Tätigkeit verhalf zur Entwicklung des hellenischen Selbstbewußtseins und bereicherte Hellas mit vielen geistlichen Schätzen. So dominierte später im gesamthellenischen chronologischen System die olympische Zeitrechnung, die die Zersplitterung der Kalendersysteme vieler autonomer Poleis überwunden hatte. Zweifellos war die konsolidierende Rolle Olympias besonders bedeutsam in den 9.–7. Jh., als sich die Praxis der Zwischenbund- und Zwischenpolisbeziehungen dynamisch veränderte.

Im Kapitel 3 (S. 188–388) wird nur ein Teil der Ereignisse aus der Entwicklungsgeschichte Attikas nach der Abwehr des dorischen Einfalls betrachtet. Ich halte es jetzt für notwendig, die schon seit langem bekannten Angaben der attischen Tradition mit den neuen Belegen der schriftlichen und materiellen Quellen zu vergleichen. In diesem Fall ist z.B.

deutlicher der Einfluß des zunehmenden ökonomischen Aufschwungs des Landes auf den sozialen Bestand seiner Bevölkerung zu sehen. Die Entwicklung der komplizierten Technologien in der handwerklichen Produktion und der konsequente Aufschwung der Agrikultur hoben die Bedeutung erfahrener Spezialisten in der Klan- und Stammesgesellschaft hervor. Ihre professionelle Tätigkeit und genaue Kenntnisse erhöhten die intellektuelle Macht Attikas. Gleichzeitig wuchsen das Selbstbewußtsein und die rechtspolitische Tätigkeit seiner Bevölkerung.

Die bedeutende Vereinfachung des alltäglichen Lebens des ganzen Volks widerspiegelte eine bewußte ideologische Wende zu den antimonarchischen Rechtsvorschriften sowie zur Wiedergeburt eines Teils der patriarchalen Verordnungen, die noch von der reifen hellenischen Stammesgesellschaft ausgearbeitet worden waren. Der kompliziert werdende Bestand der attischen Bevölkerung und die Interessenverschiedenheit ihrer Einzelteile bedingten prinzipielle Änderungen im System ihrer Staatlichkeit. Unerschütterlich blieb nur die Vollmacht des Alten Buleuterions auf dem Hügel von Areus. Dieser Rat der Verteter vom Adel war seit den alten Zeiten ein Hüter der allgemein gültigen ethischen und rechtspolitischen Prinzipien.

Aber das System der vollziehenden Organe erfuhr in den 11–7 Jh. im Laufe des verstärkten innenpolitischen Kampfes einen bedeutenden Wandel. Schon in der zweiten Hälfte des 11 Jh. wurde die Vollmacht des Monarchen mit einer sakralen Oberherrschaft begrenzt. Neben dem Basileus wurden der Archont-Polemarchos und der Zivilarchont mit der gleichen Regierungsbefugnissen ausgestattet, die ihre Ämter auch lebenslänglich bekleideten. Ich halte es für möglich, solches Regierungssystem als Triarchie zu bezeichnen. In diesem System blieb das Erbrecht von Medontides erhalten, aber das Prinzip der Wählbarkeit – wenn auch nicht ein regelmäßiges – bestimmte die Ablösung der Zivilarchonten. Die kompliziert werdenden Beziehungen zwieschen verschiedenen Gruppen der Aristokratie und den sie unterstützten einfachen Verwandten forderten eine weitere Entwicklung der Politeia.

Die Angaben der athenischen Nekropolen über das Wachsen der Vermögensungleichheit innerhalb der Klangemeinden lassen die Schärfe der Gegensätze besser zu verstehen. Schon in 754–753 wurde offenbar nach dem Beschluß des Alten Buleuterions eine obligatorische Wiederwahl von Triarchen jede zehn Jahre eingeführt. In 714–713 wurde das Erbrecht von Medontides aufgehoben, den Rang des Basileus zu bekleiden. Die dynamische Reorganisation der vollziehenden Organe

zeigt deutlich die Schichtung des attischen Adels sowie das Wachstum der Gegensätze zwischen dessen Gruppierungen auf. Die wichtige Erscheinung dieser Zeit war eine rasche Bereicherung des einheimischen Adels: im 8. Jh. unterschieden die Beerdigungen der Reichen in Eleusinion, Spata, Menidi und anderen Zentren von den prachtvollen Beerdigungen der athenischen Nekropolen fast nicht. Der Wohlstand der Klanaristokratie verstärkte offenbar ihre ökonomischen Forderungen an die einfachen Verwandten. Auf solche Weise erfolgte nicht nur die Vermögensschichtung, sondern wurde auch die psychologische Einheit innerhalb der Klangemeinschaft geschwächt. Dieser Prozeß verhalf zur schnellen Bildung der oligarchischen Gruppierungen, die sich nach der Macht strebten und alte Prinzipien der Gerechtigkeit und Rechtsfähigkeit jeden Einwohners verletzten.

Die harte Politik der reich werdenden Oligarchen führte zur Vergrößerung von rechtlichen Kollisionen in der Gesellschaft. Das Rechtsbewußtsein der einfachen Bevölkerung des frühpolyarchischer Attika wuchs je nach der Verstärkung der Positionen von Oligarchen und die letzten sollten zeitweilig dem Volk Zugeständnisse machen: in 683–682 wurde ein neues Reform der Politeia durchgeführt. Zu den drei Hauptarchonten kamen noch sechs Archonten Thesmotheten hinzu, die für die meisten rechtlichen Festsetzungen zuständig waren. Die Amtszeit des Archonten wurde bis zu einem Jahr verkürzt. Die vom Amt entbundenen Archonten wurden zu den lebenslänglichen Mitgliedern des Alten Buleuterions. Die Regel, höhere Behörden jährlich wiederzuwählen, verstärkte das Prinzip der Wählbarkeit im staatlichen Leben. Das System der Neunherrschaft – Ennearchie – stellte die Willkür der Oligarchen nicht ein. Aber das Volk entwickelte sein Selbstbewußtsein und kämpfte für seine Rechte. Es gelang ihm, in 624/3 die Fixierung der Rechtsvorschriften durch Drakon durchzusetzen. Das war ein wichtiger Schritt in der rechtlichen Tätigkeit der Gesellschaft.

In der Tat Drakons Thesmoi brachte keine Hilfe für Demos. Nur der hochberühmte Heeresführer und Gesetzgeber Solon, Sohn des Exekestides, die Unverträgliche Oligarchie bändigte, die Versklavung der Politen hemmte und eine väterliche Demokratie stellte wie Aristoteles postuliert hat (Pol. II. 9. 2. 1273 b36).

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

- Апойкия** — автономный полис переселенцев из Эллады в чужих землях.
- Верховный Булеветерий** — совет евпатридов, заседавший в Афинах на холме Арея в XI–VII вв.
- Военноплеменная народоправность** — степень правоспособности массы народа во времена позднего родоплеменного общества.
- Дипилонский стиль** — условное название росписи ваз, происходящих из некрополя VIII–VII вв. (позднее — участок у Дипилонских ворот)
- Инополит** — полноправный гражданин эллинского полиса, приехавший в другое государство Эллады.
- Коропласт** — ваятель терракот.
- Метопы** — квадратные панно в вазовых росписях.
- Ойкист** — основатель апойкии.
- Паноплия** — набор тяжелого оборонительного и наступательного вооружения пехотинца.
- Пиксида** — глиняный сосуд-коробочка с крышкой.
- Пифос** — глиняная бочка.
- Плитовая могила (ящичное погребение)** — гроб из каменных пластин, сложенный в грунтовой могиле.
- Протесис** — выставление покойника в его доме его семьи для прощания на один день.
- Протома** — погрудное изображение божества, человека или зверя.
- Триархия-троевластие** — правление трехчленного высшего органа исполнительной власти в Аттике от 1040–1030-х гг. до 683/2 г.
- Триглиф** — разделитель метоп в вазовых росписях.
- Фибула** — металлическая брошь-заколка для одежды, прототип «английской» булавки.
- Хора** — страна; область; земля села или города; деревня.
- Экехейрия (букв. «нерукопашье»)** — перемирие во время священных праздников на несколько дней или на месяц.
- Экфора** — вынос покойника из дома и доставка его к могиле.
- Эннеархия-девятивластие** — правление девятичленного правительства в Аттике с 683/2 г. и далее.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ниже приведены некоторые редкие или новые условные сокращения:

ДВАМ — Древний Восток и Античный мир. Труды Кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ. Москва, 1999. № 1 и сл.

ОДОКР — От деклассовых обществ к раннеклассовым. Москва, 1987.

Abhandl. Sächsischen Gesellschaft — Abhandlungen d. Phil. — Hist. Klasse d. Kgl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Leipzig.

AR — Archaeological Reports for 1955 et sq. London. (Suppl. to JHS).

IJNA — International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Explorations. London. Vol. 1. 1971 et sq.

MICRA — Miscellanea Graeca. Vol. 1. 1975. et sq.

Philip J. Handbuch — Philip J. unter Mitwirkung zahlreicher Wissenschaftler und Institute // Enzyklopadisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Bd I [a-k]. Prag, 1966. Bd II [l-z]. Prag, 1969.

Schwyzler E. DGEE — Schwyzler E. Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora. Leipzig. 1923.

VAHD — Vjesnik za archeologiju i historiju Dalmatinsku. Beograd.

Приводя лишь ограниченный перечень части использованных работ, автор надеется, что читатели ознакомятся и с теми исследованиями, которые названы только в тексте книги.

Условные сокращения повторяют общепринятые формулы русской историографии — см.: К. М. Колобова. Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 345–347. Новые сокращения приводят в своих списках журналы Российская археология, ВДИ и другие.

Зарубежные сокращения и издания цитированы по системе ежегодной библиографической серии *L'Année Philologique* (fondée par J. Marouzeau). Paris, 1924 et années suivantes.

1. РУССКИЕ И ПЕРЕВОДНЫЕ ИЗДАНИЯ

Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976.

Андреев Ю. В. К проблеме послемикенского регресса // ВДИ. 1985. № 3. С. 9–29.

Андреев Ю. В. Минойский Делал // ВДИ. 1989. № 3. С. 37–46.

Андреев Ю. В. В ожидании «греческого чуда» // ВДИ. 1993. № 3. С. 14–32.

Бенвенист. Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966.

Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953. (Сокр. ИАРК).

Богаевский Б. Л. Очерк земледелия Афин. Петроград. 1915г

Боузек Я. К. К истории Аттики в XI–VIII вв. до н. э. // ВДИ. 1962. № 1. С. 104–113.

- Бузескул В. П.* Афинская полития Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895.
- Бузольт Г.* Очерк государственных и правовых греческих древностей. Харьков, 1894.
- Валеев И. Ж.* Обычное право и начальные этапы его генезиса // Правоведение. 1974. № 6. С. 71–78.
- Виноградов П. Г.* Очерки по теории права. М., 1915.
- Граков Б. Н.* Ранний железный век (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977.
- Доватур А. И.* Политика и политии Аристотеля. М.; Л., 1953.
- Кессиди Ф. Х.* От мифа к логосу. М., 1972.
- Кессиди Ф. Х.* Философские и этические проблемы генетики человека. М., 1994.
- Колобова К. М.* Из истории раннегреческого общества (О. Родос IX–VII вв. до н. э.). Л., 1951.
- Колобова К. М.* Возникновение и развитие рабовладельческих полисов в Греции. Л., 1956. (Издательство ЛГУ).
- Колобова К. М.* Древний город Афины и его памятники. Лгр., 1961.
- Колобова К. М.* К вопросу о происхождении афинского государства // ВДИ. 1968. № 4. С. 41–55.
- Котляревский С. А.* Власть и право. М., 1915.
- Манцевич А. П.* Древнейшее ожерелье в Собрании Эрмитажа // Archaeologia Polona. Vol. XIV. Wrocław, 1973. С. 59–77.
- Нерсесянц В. С.* Политические учения Древней Греции. М., 1979.
- Нильссон М.* Греческая народная религия. СПб., 1999.
- Редкин П. Г.* Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. Т. I. СПб., 1889.
- Рожанский И. Д.* Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979.
- Рожанский И. Д.* Античная наука. М., 1980.
- Фармаковский Б. В.* Искусство героической Греции. СПб., 1907. (Литограф. издание лекций в СПб Университете).
- Фармаковский Б. В.* Греческое архаическое искусство в связи с искусством Востока. СПб., 1909 (СПб. У. Литограф. изд.).

- Фармаковский Б. В.** Художественный идеал демократических Афин. Петроград. 1918.
- Филип Я.** Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага. 1961.
- Фролов Э. Д.** Рождение греческого полиса. Л., 1988.
- Хвостов В. М.** История римского права. Изд. 7-е. М., 1919.
- Шишова И. А.** Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991.
- Яйленко В. П.** Архаическая Греция // Античная Греция. Т. I. М., 1983. С. 128–193.
- Яйленко В. П.** Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. (сокр. АГБВ)

ЗАПАДНОСЛАВЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Паровић-Пешикан М.** Неки нови аспекти ширења егејске и грчке културе на централни Балкан // Старинар, н. с. Кн. XXXVI / 1985. Београд, 1986. с. 19–49.
- Паровић-Пешикан М.** Запажања о микенском утицају на подручју централног Балкана // Старинар, н. с. Кн. XLV–XLVI. 1994–1995. Београд, 1995. С. 3–26.

ЛИТЕРАТУРА НА ЯЗЫКАХ ЗАПАДНЫХ СТРАН

- Älin P.** Das Ende des mykenischen Fundstätten auf dem griechischen Festland. Lund., 1962.
- Angel J. L.** Skeletal Material from Attica // Hesperia. Vol. XIV. 1945. P. 279–363.
- The Athenian Agora Guide – vide Lang M. et al.
- Beauchet L.** Histoire du droit privé de la République Athénienne. T. III. Le droit de propriété. Paris. 1897.
- Bengtson H.** Griechische Geschichte von die Anfängen bis in die Römische Keiserzeit². München, 1960.

- Baladié R.* Le Peloponnèse de Strabon. Étude de Géographie historique. Paris, 1980.
- Blegen C. W., Rawson M.* The Palace of Nestor in Western Messenia. Vol. I–II. Princeton, 1966.
- Blegen C. W.* Troy and the Trojans. London; New York, 1963.
- Blegen C. W.* Two Athenian Grave Groups of about 900 B. C. // *Hesperia*. Vol. XXI. 1952. P. 279–293. Pls. 73–78.
- Boardman J.* Attic Geometric Vase Scenes, Old and New // *JHS*. Vol. LXXXVII. 1966. P. 1–5. Pls. I–IV.
- Bonitz H.* Index Aristotelicus. Berlin. 1955 (reprint 1870).
- Bouzek J.* Homerisches Griechenland im Lichte der Archäologischen Quellen. Praha, 1969.
- Breitinger E.* Die Skelette aus den Submykenischen Gräbern // *Kerameikos*. Bd. I. Berlin, 1939. S. 223–255.
- Broneer O.* The Dorian Invasion: What happened at Athens // *AJA*. Vol. LII. 1948. P. 111–114.
- Busolt G.* Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia. Bd I. Gotha, 1893; Bd II. Gotha, 1895.
- Busolt G.* Griechische Staatskunde. München. 1920.
- Cadoux T. J.* The Athenian Archonts from Kreon to Hypsichides // *JHS*. Vol. LXVIII. 1948. P. 70–123.
- Chadwick J.* Linear B and related Scripts // *Reading the Past*. Vol. 1. Ed. University of California Press / British Museum. Berkeley, 1987.
- Childe G.* What happened in History. [London. 1942]. Baltimore; Maryland. 1964.
- Coldstream J. N.* Greek Geometric Pottery. London, 1968.
- Coldstream J. N.* Geometric Greece. London. 1977.
- Coldstream J. N.* The Rich Lady of Areopagus and Her Contemporaries: to the Memory of Evelin Lord Smithson // *Hesperia*. Vol. 64. 1995. P. 391–403.
- Cook J. M.* The Greeks in Ionia and the East. London, 1965.
- Courbin P.* Fragments d'amphores protogéométriques grecques à Bassit (Syrie) // *Hesperia*. Vol. 62. 1993. P. 95–115.
- Daux G.* Chronique des fouilles, 1961 // *BCH*. T. 86. 1962. P. 630 sq.

- Daux G.* Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1967 // BCH. T. 92. 1968. P. 729–732. Figs. 1–3.
- Demargne P.* Naissance de l'Art Grec. Paris. 1964.
- Desborough V. R. d'A.* Protogeometric Pottery. Oxford, 1952.
- Desborough V. R. d'A.* The Last Mycenaean and Their Successors. Oxford. 1964.
- Desborough V. R. d'A.* The Greek Dark Ages. London, 1972.
- Dittenberger W., Purgold K.* Die Inschriften von Olympia. Berlin. 1896.
- Dittenberger W. et al.* Sylloge Inscriptionum Graecarum³. Vol. I–IV. Lipsiae. 1915–1924.
- Finley M. I.* Studies in Land and Credit in Ancient Athens 500–200 B. C. The Horos-Inscriptions. New Brunswick; New Jersey, 1952.
- Furumark A.* The Chronology of Mycenaean Pottery. Stockholm, 1941.
- Garaschanin M. V.* Zur Entstehung der Mäanderdekoration // VAHD. Bd. 56–59. 1954–57. S. 58 sq.
- Gernet L.* Droit et société dans la Grèce ancienne. Paris, 1955.
- Glötz G.* La solidarité de la famille dans le droit criminele en Grèce ancienne. Paris. 1904.
- Greenhalgh P. A. L.* Early Greek Warfare. Horsemen and Chariots in the Homeric and Archaic Ages. Cambridge, 1973.
- Haley J. B., Blegen C. W.* The Coming of the Greeks // AJA. Vol. XXXII. 1928. P. 141–154.
- Hampe R.* Ein frühattischen Grabfund. Mainz, 1960.
- Hampe P.; Simon E.* Un Millinaire d'art grec 1600–600. Fribourg. 1980.
- Harrison A. R. W.* The Law of Athens. Vol. I–II. Oxford, 1968–1971.
- Hirzel R.* ΑΓΡΑΦΟΣ ΝΟΜΟΣ // Abhandlungen der Philolg.-histor. Classe der K. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. XX. 1. Leipzig, 1900. S. 1–99.
- Hirzel R.* *Themis, Dike und Verwandtes.* Ein Beitrag zur Geschichte der Rechtsidee bei den Griechen. Leipzig, 1907.
- Hill I. T.* The Ancient City of Athens. London, 1953.
- Hood M. F.* Archaeology in Greece // AR for 1956. P. 16–17 (Volos).
- Humphreys S. C.* Family Tombs and Tomb Cult in Ancient Athens // JHS. Vol. C. 1980. P. 73–126.

- Jeffery L. H.* Archaic Greece. The City-States 700–500 B. C. London, 1978.
- Karo G.* An Attic Cemetery. Philadelphia, 1943.
- Kraiker W., Kübler K.* Die Nekropolen des 12 bis 10 Jahrhunderts // Kerameikos. Bd I. Berlin, 1939.
- Kübler K.* Neufunde aus der Nekropole des 11 und 10 Jahrhunderts // Kerameikos. Bd IV. Berlin, 1943.
- Kübler K.* Die Nekropolen des 10 bis 8 Jahrhunderts // Kerameikos. Bd. V, 1. Berlin, 1954. (Text und Tafelband).
- Kunze E.* VIII Bericht über die Ausgrabungen in Olympia // Olympische Forschungen. Bd VIII. Berlin, 1967.
- Lang M. et al.* The Athenian Agora: Guide. Athens, 1976.
- Lewis D. M.* Cleisthenes and Attica // Historia. Bd. XII. 1963. S. 22–39.
- Lipsius J. H.* Das Attische Recht und Rechtsverfahren. Bd. I–III. Leipzig, 1905–1915.
- MacDowell D. M.* The Law in classical Athens. London, 1978.
- Marinatos Sp., Hirmer M.* Kreta und das mykenische Hellas. München, 1959.
- McDonald W. A.* A Geometric Grave Group from Thoricos in Attica // Hesperia. Vol. XXX. 1961. P. 299 sq. Pls. 63–64.
- Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1969.
- Milojčić Vl.* Die Dorische Wanderung im Lichte der Vorgeschichtlichen Funde // AA. 1948/49. Berlin, 1950. Sp. 12–36.
- Mylonas G. E.* Ancient Mycenae. London, 1957.
- Mylonas G. E.* Mycenae and the Mycenaean Age. Princeton; New Jersey, 1966.
- Nilsson M. P.* Griechische Feste von religiöser Bedeutung mit Ausschluss der Attischen. Leipzig, 1906.
- Nilsson M. P.* Vater Zeus // Archiv für Religionswissenschaft. Bd. XXXV. 1938. S. 156–171.
- Nilsson M. P.* Cults, Myths, Oracles and Politics in ancient Greece. Vol. I. Lund, 1951.
- Nilsson M. P.* Mycenaean Origin of Greek Mythology. Berkeley; Los Angeles; London, 1972.

- Oakeshott N. R.* Horned-Head Vase Handles // JHS. Vol. LXXXVI. 1966. P. 114–132. Pls V–IX.
- Oncken W.* Die Staatslehre des Aristoteles. Bd I–II. Leipzig. 1870–1875.
- Osborne R.* Demos: The Discovery of classical Attica. Cambridge, 1988.
- Page D.* History and the Homeric Iliad. Berkeley; Los Angeles, 1959.
- Partsch J.* Griechisches Bürgerschaftsrecht. Bd I. Leipzig, 1909.
- Peek W.* Griechische Grabgedichte. Berlin. 1960.
- Pendlebury J. W. and J. D. S.; Money-Couts M. B.* Excavations in the Plain of Lasiti. III. Karphi: a City of Refuge of the Early Iron Age of Crete // BSA. № XXXVIII. London, 1940. P. 57–145.
- Pleket H. W.* Epigraphica. Vol. I: Texts on the Economic History of the Greek World. Leiden, 1964.
- Popham M. R., Sackett L. H.* Excavations at Lefkandi. Euboea 1964–1966. London, 1968.
- Popham M. R. et al.* Further Excavations of the Thumba Cemetery at Lefkandi, 1984 and 1986 // AR for 1988–1989. London, 1989. P. 117–129. Figs. 1–28.
- Pouilloux J.* La Forteresse de Rhamnonte. Paris, 1954.
- Pulak C.* The Uluburun Shipwreck: an Overview // IJNA. 1998. Vol. 27. № 3. P. 188–224.
- Regling K.* Die antike Münze als Kunstwerk. Berlin, 1924.
- Roebuck C.* Three Classes (?) in Early Attica // Hesperia. Vol. XLIII. 1974. P. 488–493.
- Ruschenbusch E.* ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ. Die Fragmente des solonischen Gesetzeswerken mit einer Text-und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1983.
- Ruschenbusch E.* Untersuchungen zur Geschichte des Athenischen Strafrechts. Köln; Graz, 1968.
- Sakellariou M. B.* La migration grecque en Ionie. Athènes. 1958.
- Samuel A. E.* Greek and Roman Chronology, Calendars and Years in Classical Antiquity. München, 1972.
- Sandys J. E.* Aristotle's Constitution of Athens. London, 1912.
- Schear T. L.* The Athenian Agora: Excavations of 1972 // Hesperia. Vol. XLII. 1973. P. 398–400.

- Sheedy K. A.* A Prothesis Scene from the Analathus Painter // *MDAI* (A). Bd 105. 1990. S. 148 sq.
- Schöbel H.* Olympia und Seine Spiele. Leipzig, 1964.
- Schwyzler E.* Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora. Leipzig, 1923.
- Seltman C. T.* Athens, Its History and Coinage. Cambridge, 1924.
- Siewert P.* Die Trittyen Atticas und die Heeresreform des Kleisthenes. München, 1982.
- Smithson E. L.* The Protogeometric Cemetery at Nea Ionia, 1949 / *Hesperia*. Vol. XXX. 1961. P. 147–178. Pls. 24–31.
- Smithson E. L.* Dorians on the Acropolis // *AJA*. Vol. 69. 1965. P. 176.
- Smithson E. L.* The Tomb of a Rich Athenian Lady, ca. 850 B. C. // *Hesperia*. Vol. XXXVII. 1968. P. 77–116. Pls 18–33.
- Smithson E. L.* A Geometric Cemetery on the Areopagus: 1897, 1933, 1947 // *Hesperia*. Vol. XLIII. 1974. P. 325–332, 390.
- Smith G.* The Administration of Justice from Homer to Solon // *Bonner R. I., Smith G.* The Administration of Justice from Homer to Aristotle. Vol. I. Chicago, 1920.
- Snodgrass A. M.* The Dark Age of Greece: an archaeological Survey of the Eleventh to the Eight Centuries B. C. Edinburgh, 1971.
- Snodgrass A. M.* Early Greek Armour and Weapons. Edinburgh, 1964.
- Snodgrass A. M.* An historical Homeric Society? // *JHS*. Vol. XCIV. 1974. P. 114–125.
- Stroud R.* Dracon's Law on Homicide. Berkeley, 1968.
- Stroud R.* The Axones and Kyrbeis of Dracon and Solon. Berkeley, 1979.
- Thompson H. A.* Excavations in the Athenian Agora: 1953 // *Hesperia*. Vol. XXIII. 1954. P. 31–58.
- Ventris M., Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek². Cambridge, 1973.
- Verdelis N. M., Moussche H.* Thorikos, 1965 // *AR* for 1967–68. P. 6.
- Vinogradoff P.* Outlines of Historical Jurisprudence: Vol. 2. The Jurisprudence of Greek City. Oxford, 1922.
- Wace A. J. B.* Mycenae. An Archaeological History and Guide. Princeton, 1949.

Wade-Gery H. T. Essays in Greek History. Oxford, 1958.

Whitehead D. The Demes of Attica 508/7 – ca. 250 B. C. Princeton, 1986.

Wilamowitz-Moellendorff U. von. Aristoteles und Athen. Bd I–II. Berlin, 1893.

Young R. S. An Early Geometric Grave near the Athenian Agora // *Hesperia*. Vol. XVIII. 1949. P. 275–297. Pls. 66–72.

Предисловие	7
Введение: к изучению вопроса	8
Глава 1. Эллада в XII–VIII вв.: эпоха роста сплоченности этноса и его политико-правового полиморфизма	21
Глава 2. Значение Элиды и Олимпии в процессе укрепления общеэллинского правосознания	95
Глава 3. Развитие государственности и правопорядков в раннеполиархической Аттике (XI–VII вв.)	188
Заключение	389
Zusammenfassung	391
Словарь терминов	397
Условные сокращения	398
Литература	399

Vorwort	7
Einleitung: Zur Erforschung der Frage	8
1. Hellas in den 12–7 Jh. – das Wachstum der Einheit des Ethnos und seines rechtspolitischen Polymorphismus	21
2. Die Bedeutung von Elis und Olympia im Prozeß der Stärkung des panhellenischen Rechtsbewußtseins	95
3. Die Entwicklung der Staatlichkeit und der Rechtsordnungen im frühpolyarchischen Attika	188
Schlußfolgerung	389
Zusammenfassung	391
Terminologie	397
Abkürzungsliste	398
Literaturverzeichnis	399

Т. В. Блаватская
ЧЕРТЫ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ЭЛЛАДЫ

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Корректор *О. В. Михайлова*
Оригинал-макет *В. С. Кучукбаев*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
193019, СПб., пр. Обуховской Обороны, 13.
Тел.: (812) 567-22-39, факс: (812) 567-22-53
E-mail: aletheia@rol.ru
www.orthodoxia.org

Фирменные магазины «Историческая книга»
Москва, Старосадский пер., 9. Тел.: (095) 921-48-95
Санкт-Петербург, ул. Чайковского, 55. Тел.: (812) 327-26-37

Подписано в печать 20.08.2003. Формат 60×88¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 25,4. Тираж 1000 экз.
Заказ № 4466

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН,
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia

В СЕРИИ
«АНТИЧНОЕ ХРИСТИАНСТВО»
ВЫШЛИ В СВЕТ:

В разделе «Исследования»:

- Житие святого Северина: С приложением оригинального латинского текста
- *Скогорев А. П.* Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя: Исследования. Переводы. Комментарии.
- *Тюленев В. М.* Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. С приложением перевода трактата «Божественные установления»

В разделе «Источники»:

- Апокрифические апокалипсисы / Пер. с древнегреч. и англ.
- Изречения египетских отцов: Памятники литературы на коптском языке
- Иисус Христос в документах истории
- *Лактанций.* О смертях преследователей / *De mortibus persecutorum*
- Премудрость Иисуса Христа. Апокрифические беседы Иисуса Христа с учениками
- Сочинения древних христианских апологетов
- Сочинения гностиков в Берлинском коптском папирусе 8502. Первое русское комментированное издание на основе второго немецкого издания Х.-М. Шенке / Подготовка, перевод, комментарии А. С. Четверухина
- *Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс.* О плаще
- Учение об Антихристе в древности и средневековье

В СЕРИИ
«АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА»

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ:

- *Диодор Сицилийский.* Греческая мифология
- *Кареев Д. В.* Позднеримская историография перед вызовом времени: «Евтропий и его "Бревиарий от основания Города"»
- *Кессиди Ф. Х.* От мифа к логосу
- *Короленков А. В.* Квинт Серторий: Политическая биография
- *Мякин Т. Г.* Сапфо: язык, мировоззрение, жизнь